ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск
18

МОСКВА 2024

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.А. Горский, В.Н. Захаров, Е.Ю. Зубкова,
С.В. Журавлев (зам. ответственного редактора),
Д.Ю. Козлов,В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов,
Т.М. Смирнова (редактор-координатор),
В.В Шелохаев

Рецензенты:
д-р ист. наук В.П. Булдаков
д-р ист. наук С.М. Шамин

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М., 1997. — Вып. 18 / [отв. ред. Ю.А. Петров ; ред.-координатор Т.М. Смирнова] ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук . — 2024 . — 416 с.

ISBN 978-5-8055-0438-0

Восемнадцатый выпуск «Трудов» Института российской истории по традиции знакомит читателей с основными направлениями научной деятельности ИРИ РАН. Содержание выпуска определяется актуальными проблемами политической, социальной, экономической, военной и культурной истории, а также научными дискуссиями, которые нашли отражение в докладах сотрудников Института и приглашенных исследователей, выступавших на заседаниях Ученого совета и организованных Институтом научных мероприятиях – конференциях, круглых столах и др.

Содержание выпуска отличается широтой хронологического охвата: статьи посвящены сюжетам от XVI до XXI столетия. Основной акцент, тем не менее, сделан на истории России XX века. Тематика материалов отражает наиболее перспективные исследовательские направления, при этом многие статьи носят междисциплинарный характер и нацелены на введение в оборот новых источников. Особое внимание уделяется вопросам этнонациональной политики, социальной истории, истории Великой Отечественной войны и послевоенного строительства.

ISBN 978-5-8055-0438-0

© Институт российской истории РАН, 2024
© Российская академия наук, серия «Труды Института российской истории» (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ИСТОРИЯ РОССИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Клосс Б. М.
Антоний Куликов – новое имя в русской литературе XVI столетия 12

Приложение
Сказание о иноке Максиме Греке Святогорце Ватопедьския обители 44

Пушкарева И. М.
Вновь о рабочем движении и рабочем вопросе в России на рубеже XIX–XX вв. 49

Кострикова Е. Г.
Российский МИД в годы Первой мировой войны: дипломатическая цензура 86

ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Удовенко И. В.
Организация лагерного принудительного труда на территории РСФСР в 1918–1922 гг. 111

Смирнова Т. М.
«Контрасты чудовищны»: досуг эпохи НЭПа. Актуальные вопросы изучения 134

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аманжолова Д. А.
Советская этнонациональная политика в современной зарубежной историографии: подходы, проблемы и дискуссии 178

Красовицкая Т. Ю.
Авангардизм в нюансах и оттенках политических взглядов первых советских наркомов И. Сталина и А. Луначарского (этнокультурный аспект) 202

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Журавлев С. В.
Документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны о собирании материалов об обороне Севастополя, 1941–1942 гг. 224

Анисимова Н.Э.
«Не знаю, что делать с деньгами». Уровень жизни рабочих-подростков в условиях военного времени (1941–1945 гг.) 251

Будкова Е.Г.
Человек на войне: семиотика повседневности в творчестве Б.Н. Полевого (на примере «Повести о настоящем человеке») 270

Зубкова Е.Ю.
«Вместо насущного возвращать Красоту»: приоритеты и проблемы послевоенного восстановления памятников культуры (пригородные дворцы Ленинграда в 1944–1950-е годы) 281

Иванова Г.М.
Жилищная политика в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.) 321

СССР 1960–1980-х гг.

Батченко В.С.
Сотрудничество СССР и США по освоению космоса до программы «Союз – Аполлон» 353

Араловец Н.А.
Здоровье российского населения в 1980-е гг.: санитарно-гигиенический аспект 378

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Вербицкая О.М.
Экономическое развитие российского села в первое десятилетие XXI века 393

ВВЕДЕНИЕ

Восемнадцатый выпуск «Трудов» Института российской истории РАН продолжает знакомить читателей с основными направлениями научной деятельности сотрудников и аспирантов Института, а также с выступлениями приглашенных исследователей на заседаниях его Ученого совета, конференциях и других научных мероприятиях. Особое внимание в сборнике уделяется наиболее перспективным и актуальным исследовательским направлениям, а также малоизученным и дискуссионным вопросам отечественной исторической науки.

Содержание выпуска отличается широтой научной проблематики. В него вошли работы, посвященные различным аспектам политической, социальной и культурной истории, историографии, демографии и литературоведения. Многие статьи носят междисциплинарный характер, отличаются новаторскими подходами и основаны на источниках, вводимых в научный оборот. При общей широте хронологического охвата статей, – от XVI до XXI столетия, – основной акцент сделан на историю России XX века, что в значительной степени объясняется потребностью найти ответы на острые вопросы современности, имеющие корни или аналогии в событиях прошлого века. Этим, в частности, обусловлено особое внимание к вопросам этнонациональной политики, социальной истории, истории Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны.

Структура выпуска, состоящего из шести рубрик, сочетает в себе хронологический и тематический принципы. В первый раздел «Трудов» «История России в средние века и новое время» вошли три работы, посвященные различным вопросам российской истории этого периода. Открывает раздел статья одного из ветеранов Института, историка, археографа и палеографа, члена Международной ассоциации древнеславянских исследований Б.М. Клосса «Антоний Куликов – новое имя в русской литературе XVI столетия». На основе тщательного палеографического анализа текстов Б.М. Клоссу удалось установить, что считавшиеся ранее анонимными «Повесть о Борисоглебском монастыре» (около 1584 г., сохранилась в автографе) и «Сказание о Максиме Греке» (около 1597 г., сохранилось в автографе) принадлежат перу Антония Куликова – выходца из семьи священника, который в 1579–1584 гг. был игуменом Борисоглебского монастыря в Ростове, а в 1595–1596 гг. – архимандритом Спасо-Ярославского монастыря. Помимо реконструкции биографии

Антония Куликова, в статье Клосса содержится детальный анализ почерка Антония, обогащающий современные знания о характерных особенностях столичной школы письма XVI в. В качестве приложения к статье опубликован никогда не издававшийся ранее авторский список «Сказания о иноке Максиме Греке Святогорце Ватопедьския обители».

Статья И.М. Пушкаревой «Вновь о рабочем движении и рабочем вопросе в России на рубеже XIX–XX вв.» посвящена анализу забастовочного движения в России конца XIX – начала XX века. И.М. Пушкарева, проработавшая в Институте более 70 лет, начала изучать эту тему еще в 1950-е гг. За десятилетия исследовательской деятельности Ирина Михайловна внесла значительный вклад в изучение истории рабочего движения в России в конце XIX – начале XX вв. Автор справедливо отмечает, что после распада СССР эта весьма значимая тема ушла из историографических приоритетов, даже стала «замалчиваться». В то время как такие вопросы, как связь рабочих с российскими политическими партиями, их взаимоотношения с предпринимателями и отношение правительства к «рабочему вопросу» нуждаются сегодня в переосмыслении, в том числе с учетом отказа от идеологизации темы, наличия обновленной и сведенной воедино статистики рабочего движения[1]. Именно этим вопросам и посвящена новая статья И.М. Пушкаревой. Особое внимание автор уделяет уточнению понятийных категории (массовое рабочее движение, стихийная организованность, формы протеста и др.) и периодизации рабочего движения.

Завершает первую рубрику статья Е.Г. Костриковой «Российский МИД в годы Первой мировой войны: дипломатическая цензура», посвященная одной из наименее изученных сторон деятельности Министерства иностранных дел Российской империи и России периода Временного правительства в годы Первой мировой войны – дипломатической цензуре. На основе широкой источниковой базы, включающей документы, впервые вводимые в научный оборот, автор реконструирует место дипломатической цензуры в общей системе цензурных органов; ее организационную структуру, режим и специфику работы, взаимоотношения с другими ведомствами и органами печати, а также эффективность работы дипломатических военных цензоров. Особое внимание Кострикова уделяет изменениям, произошедшим в цензурной политике после падения самодержавия и прихода к власти Временного правительства.

---

[1] См.: Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917. Хроника / отв. сост., отв. ред. И.М. Пушкарева. Вып. 1–10. М.; СПб. 1992–2008.

Второй раздел сборника под названием «Первое десятилетие Советской власти» открывается статьей И.В. Удовенко «Организация лагерного принудительного труда на территории РСФСР в 1918–1922 гг.» На основе широкой источниковой базы, в которую вошли как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот источники, автор реконструирует процесс зарождения практики использования принудительного труда заключенных в первые годы правления большевиков. Особое внимание автор уделяет повседневно-бытовым условиям заключенных; «лагерной» статистике и географии; динамическому изменению состава заключенных, исходя из статей, по которым они были осуждены; различным аспектам организации труда заключенных, а также проблеме его эффективности.

Статья Т.М. Смирновой «“Контрасты чудовищны”: досуг эпохи НЭПа. Актуальные вопросы изучения» носит историографический характер, однако затрагивает и важные конкретно-исторические сюжеты. В центре внимания автора – история изучения особенностей досуга советского общества эпохи НЭПа, проблемы, основные итоги и актуальные задачи. Проанализировав основные историографические тенденции с акцентом на современные исследования, автор приходит к выводу, что, несмотря на весьма внушительную историографию проблемы и наличие ряда работ, подводящих итоги изучению тех или иных аспектов темы, комплексного осмысления основных результатов исследования повседневного досуга эпохи НЭПа как особого социально-культурного феномена со всеми присущими ему контрастами и противоречиями до сих пор нет. В значительной степени это связано с отсутствием четкой дефиниции понятия «досуг». Размытое исследовательское поле приводит к неизбежной сегментации знаний: обособленному изучению отдельных досуговых практик без выхода на проблему досуга в целом. Автор показывает, что приоритетным исследовательским направлением, начиная с 1990-х гг., является изучение социальных девиаций 1920-х гг. В статье анализируются причины и следствия данной историографической тенденции.

Третью рубрику, «Проблемы советской национальной политики», открывает статья Д.А. Аманжоловой «Советская этнонациональная политика в современной зарубежной историографии: подходы, проблемы и дискуссии». Данная работа выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). В центре внимания автора – проблема изучения советской этнонациональной политики

с акцентом на раннюю постсоветскую и современную историографию. Анализируя основные тенденции мировой историографии, автор приходит к выводу, что при всем многообразии существующих в литературе точек зрения постсоветская иностранная литература в значительной степени отличается приверженностью политически ангажированной трактовке советского прошлого как «колониального» в отношении национальных республик и регионов в составе СССР. Такой подход тормозит, если не исключает полностью, объективное и всестороннее изучение советской этнонациональной политики. Автор убедительно доказывает несостоятельность концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития, и приходит к выводу, что «историческая уникальность советского типа государственности содержит богатейший и вполне применимый не только для народов бывшего СССР багаж».

Статья Т.Ю. Красовицкой «Авангардизм в нюансах и оттенках политических взглядов первых советских наркомов И.В. Сталина и А.В. Луначарского (этнокультурный аспект)» посвящена изучению этнокультурного дискурса в политических практиках двух советских наркомов – по делам национальностей и просвещения, деятельность которых часто пересекалась в поле сложных политико-этнокультурных проблем. Основываясь на широком круге источников, особое место среди которых занимают источники личного происхождения, автор сопоставляет взгляды Сталина и Луначарского на решение сложнейших вопросов взаимоотношений центра и национальных регионов, анализирует существовавшие у этнических элит 1920-х гг. представления и проекты встраивания этнокультурных интересов в общий государственный механизм, а также отношение центральной власти к этим проектам.

Самый объемный раздел «Трудов» посвящен истории Великой Отечественной войны и первого послевоенного периода. Он открывается статьей С.В. Журавлева «Документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны о собирании материалов об обороне Севастополя, 1941–1942 гг.» В центре внимания статьи – впервые вводимые в научный оборот материалы т.н. Комиссии Минца, которая в условиях военных лет занималась собиранием материалов, в первую очередь, записью стенограмм бесед с участниками боевых действий по горячим следам событий. Ныне эти документы находятся в Научном архиве ИРИ РАН. Невидимая постороннему глазу «внутренняя кухня» этой работы реконструируется автором на примере организации собирания сотрудниками Комиссии источников о героической обороне Севастополя в 1941–1942 гг.

Статья Н.Э. Анисимовой «“Не знаю, что делать с деньгами”. Уровень жизни рабочих-подростков в условиях военного СССР (1941–1945 гг.)» посвящена проблемам снабжения и повседневно-бытовых условий жизни подростков, в тяжелые военные годы работавших на оборонных заводах. Статья основана на источниках, многие из которых ранее не были введены в научный оборот. Это материалы органов власти и профсоюзных организаций, источники личного происхождения, отражающие специфику оплаты труда и распределения нормируемых товаров среди рабочих-подростков на оборонных предприятиях в годы войны; динамику расходов в структуре заработанного (налоги, взносы в Фонд обороны и др.). Статья содержит много цитат из документов, передающих атмосферу военных лет, детали повседневной жизни рабочих подростков, характеризующих их психологическое и эмоциональное состояние.

Статья Е.Г. Будковой «Человек на войне: семиотика повседневности в творчестве Б.Н. Полевого (На примере “Повести о настоящем человеке”)» отличается междисциплинарностью, так как находится на стыке литературоведения, истории повседневности, социологии, семиотики и лингвистики. Автор использует текст одного из самых известных произведений писателя и военного корреспондента Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» как основной источник сведений о феноменах и фактах повседневной жизни периода Великой Отечественной войны. В рамках семиотического исследования данного произведения автор выявляет в нем детали, имеющие смысловой характер обыденного культурного кода советского общества военных лет. Достоверность полученных результатов обеспечивается сопоставлением их с историческими источниками, включая стенограмму беседы с А.П. Маресьевым в 1943 году, проведенной сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны, которая хранится в Научном архиве ИРИ РАН.

Статья Е.Ю. Зубковой «“Вместо насущного возвращать Красоту”: приоритеты и проблемы послевоенного восстановления памятников культуры (пригородные дворцы Ленинграда в 1944–1950-е годы)» напрямую относится не только к послевоенному периоду, но и к годам Великой Отечественной войны. Опираясь на опубликованные и впервые вводимые в научный оборот источники, автор реконструирует послевоенное восстановление памятников культуры на примере нескольких «музейных историй». Речь идет о судьбах сильно пострадавших в годы войны дворцово-парковых комплексов Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины. Е.И. Зубкова показывает, что вопрос о возрождении разрушенных памятников культуры впервые был поднят еще в декабре 1941 г. и что процесс послевоенного воз-

вращения к жизни этих уникальных памятников культуры был бы невозможен без той работы, которая была проведена в этом направлении (в первую очередь, с целью консервации пострадавших памятников, чтобы не допустить их дальнейшего разрушения) еще в военный период, когда, на первый взгляд, было «не до памятников».

Проблемам послевоенного восстановления социально-экономической сферы посвящена статья Г.М. Ивановой «Жилищная политика в СССР в послевоенный период (1945–1953 гг.)», завершающая данную рубрику. В центре внимания автора – проблема восстановления жилищного фонда, особенности жилищного строительства в разных регионах СССР и распределения жилого фонда между различными социальными слоями. Детально проанализировав жилищную политику советского государства в послевоенные годы, автор приходит к выводу, что в условиях дефицита материальных и трудовых ресурсов реализация жилищной политики сопровождалась злоупотреблениями. Изучив условия проживания различных слоев населения – от рабочих и колхозников до советской элиты, – автор приходит к выводу, что жилищная политика в СССР имела избирательный характер и была направлена в первую очередь на улучшение жилищных условий определенных групп населения.

В рубрику «СССР 1960–1980-х гг.» включены две статьи, посвященные таким актуальным аспектам советской истории, как сотрудничество СССР и США в освоении космоса и здоровье населения.

В 2022 г. исполнилось 50 лет со дня подписания 24 мая 1972 г. соглашения о советско-американском сотрудничестве в космических исследованиях. Данному соглашению предшествовала длительная работа по налаживанию сотрудничества между СССР и США по мирному освоению космического пространства. Этой теме посвящена статья В.С. Батченко «Сотрудничество СССР и США по освоению космоса до программы «Союз – Аполлон». 1962–1972 гг.» Автор показывает, что объединение усилий СССР и США по освоению космоса начались задолго до упомянутого соглашения 1972 г., высшей точкой которого явился совместный космический полет по программе «Союз – Аполлон». Как выяснила Батченко на основе архивных материалов, сотрудничество в освоении космоса берет отсчет с подписания в 1962 г. соглашения между Академией наук и НАСА. Опираясь на широкий круг источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, В.С. Батченко анализирует предпосылки советско-американского космического сотрудничества, возможные направления взаимодействия, их перспективы и полученные обеими сторонами результаты. Как показывает автор, период между соглашениями 1962 и 1972 гг., который до сих пор в должной мере недо-

оценен в историографии, заложил надежную основу для разработки и осуществления программы «Союз – Аполлон».

Эпидемии последних лет, появление новых и вспышки старых, казалось бы, уже ушедших в прошлое, болезней, а также влияние на организм экологической ситуации актуализировали исследования тем, связанных с состоянием здоровья населения. В этом отношении безусловной актуальностью обладает статья Н.А. Араловец «Здоровье российского населения в 1980-е гг.: санитарно-гигиенический фактор». Работа содержит обширный статистический материал, характеризующий не только состояние здоровья населения, но и влияющие на него факторы в динамике: качество водопроводной воды, степень загрязнения водоемов, а также хозяйственно-бытовых и производственных сточных вод; степень загрязнения промышленными отходами атмосферного воздуха и воздушной среды на предприятиях; и т.п. Автор дает качественные характеристики результатов работы служб санитарно-эпидемиологических и дезинфекционных станций. Практически все статистические данные, содержащиеся в статье, впервые вводятся в научный оборот, многие из них являются результатом подсчетов автора на основании архивных источников.

Завершает данный выпуск «Трудов» рубрика «Постсоветская Россия», представленная статьей О.М. Вербицкой «Экономическое развитие российского села в первое десятилетие XXI-го века». В центре внимания автора – проблемы сельского хозяйства и жителей российской деревни на рубеже XX–XX1 вв. Опираясь на обширный статистический материал, автор анализирует основные экономические последствия рыночных реформ 1990-х гг., преодоление которых составило главную задачу восстановительного периода 2000-х гг. Реконструкция общей ситуации в сельском хозяйстве позволила автору сделать вывод о неравномерности темпов экономического возрождения: если растениеводство удалось полностью восстановить уже к 2005 г., то ситуация в животноводстве была намного сложнее и на его восстановление понадобился более длительный период.

Таким образом, новый выпуск «Трудов» Института российской истории РАН отличается разнообразием проблематики и исследовательских подходов; включает обобщение знаний по самым разным хронологическим этапам и проблемам отечественной истории. В нем освещаются новые сюжеты и содержится переосмысление тем, на первый взгляд, хорошо изученных. Вошедшие в том «Трудов» статьи имеют научную значимость и могут быть использованы в преподавании и для популяризации исторического знания. Статьи публикуются в авторской редакции.

Клосс Б.М.

АНТОНИЙ КУЛИКОВ – НОВОЕ ИМЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI СТОЛЕТИЯ

Аннотация: *Статья посвящена русской литературе XVI в. В центре внимания автора находятся два произведения: «Повесть о Борисоглебском монастыре» и «Сказание о Максиме Греке». С помощью скрупулезного и высоко профессионального палеографического анализа Б.М. Клоссу удалось установить авторство этих произведений, считавшихся ранее анонимными. Как убедительно показано в статье, автором является Антоний Куликов, участвовавший в молодости в переписке главных списков Степенной книги и томов Лицевого летописного свода.*
Ключевые слова: *Повесть о Борисоглебском монастыре; Сказание о Максиме Греке; Степенная книга; Лицевой летописный свод*

Kloss B.M.
Anthony Kulikov is a new name in the russian literature of the XVI century

Annotation: *The article is devoted to the Russian literature of the XVI century. The author focuses on two works: "The Tale of the Borisoglebsky Monastery" and "The Legend of Maxim the Greek". With the help of scrupulous and highly professional paleographic analysis, B.M. Kloss managed to establish the authorship of these works, which were previously considered anonymous. As convincingly shown in the article, the author is Anthony Kulikov, who participated in the correspondence of the main lists of the Power Book and the volumes of the Facial Chronicle in his youth.*
Keywords: *The Tale of the Borisoglebsky Monastery; The Legend of Maxim the Greek; The Power Book; The Facial Chronicle*

Герой нашего повествования – Антоний Куликов, родившийся примерно в 1547–1548 гг. в семье дьякона местной церкви, детство провел в Ржеве на берегах Волги, принял пострижение в Кирилло-Белозерском монастыре (в конце 70-х годов), игумен Борисоглебского монастыря в Ростове (1579–1584 гг.), Ярославский архимандрит в 1595–1596 гг., прожил долгую, полную трудовых свершений насыщенную жизнь (он скончался около 1641 г., оставив после себя около 30 кодексов, в переписывании которых

принимал участие). Но в первую очередь нас интересует литературная деятельность Антония: его перу принадлежат считавшиеся ранее анонимными «Повесть о Борисоглебском монастыре» (около 1584 г., сохранилась в автографе) и «Сказание о Максиме Греке» (древнейший список, представляющий автограф писателя – около 1597 г.).

Подробности биографии Антония, как и само его имя, станут известны чуть позднее, первые же годы деятельности нашего героя (это были 60-е годы) опознаются по каллиграфическому почерку – красивому, выдержанному полууставу, который характеризуется следующими чертами.

Различные связные сочетания с буквой А: «аг, ак, ан, ап, ар, ау».

Заглавное Б с удлиненной спинкой, лигатура «бе».

Буква В употребляется чаще в двухпетельном виде, причем нижняя петля располагается ниже строки и несколько крупнее верхней, запоминается вариант с вписанной в верхнюю петлю буквой «ять», примечательны лигатуры «вд, ве, ви».

Буква Г чаще видится в высоком варианте с изгибающейся перекладиной, запоминается лигатура «гда».

Связные написания с Д весьма разнообразны: «да, дар, дв, де, ди, до, др, ду», сочетание Д с «ятью», нередко в качестве Д используется грецизированная «дельта».

Для Е характерны лигатуры «егда, еди, е-фита-е».

Используется связное написание «же», в беглом письме Ж видна в варианте с двумя петлями.

Варианты «земли» весьма разнообразны: в виде тройки – с уменьшенной нижней частью и вполне нормальные в виде «лебедя», в ранних памятниках не вполне уверенные, а затем (в высоком варианте) стали «фирменным» знаком писца.

Для нашего писца характерно заглавное І и сочетание «лк». Он употребляет также грецизированное М и лигатуру «му». Типичны связки «пр», а также «тв, ти, тр, ша, ше, ща, ще, ца, цр».

Но наиболее показательна для нашего писца следующая черта (ранее не попадавшая во внимание палеографов): если строка заканчивалась гласным звуком, то соответствующая буква поднималась над строкой. Представляется, что это признак скорее столичной школы письма XVI в. Отметим распределение частот выносных гласных для нашего писца: наиболее употребительна грецизированная «альфа» с характерным хвостиком, который иногда удлиняется вдоль строки, «е» с различными вариантами навершия, «ять» с прямой или слегка извилистой перекладиной, «юс» малый и другие.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СТЕПЕННАЯ КНИГА ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ

В 1560-х годах в митрополичьем скриптории создавалась Степенная книга царского родословия. Мы выделяем несколько редакций памятника.

1 редакция Степенной книги представлена Волковским списком (РГАДА. Ф. 181, оп. 1, № 185) – по А.В. Сиренову, это черновой список Степенной. Рукопись в формате 4°, на 430 л., содержит фрагменты текста XVI и XVII вв. Часть XVI в. доведена до конца 11 главы VI степени, но по Оглавлению на л. 95–100 об. видно, что текст предполагалось довести до конца XVI степени (последние главы: 24 о кончине великого князя Василия Ивановича, 25 «Сказание вкратце о старце Данииле Переяславском»). По филиграням часть XVI в. данного списка датируется 60-ми годами[1].

Почерком нашего писца в Волковском списке переписаны л. 233–233 об.[2] Этот лист, как показал А.В. Сиренов, является вставным[3] (текст основан на Чтении о Борисе и Глебе и в ряде случаев ближе к своему источнику). Отметим основные черты почерка писца: написание заглавных З, И, Н и С, грецизированное «а» с характерным хвостиком, буква «ж» с опущенной средней линией, лигатуры «амъ, емъ», буква «ю», заканчивающая строку, поднята над строкой.

2 редакция Степенной книги представлена Томским списком (Томский областной краеведческий музей, № 7903/2). В Томском списке степени I–XVI на л. 1–64 об., 67–481, 482–705 (по классификации О.Д. Журавель)[4]. На фото видны признаки почерка нашего писца: лигатура «еди», буква «в» с опущенной под строку нижней петлей, и другие.

Наконец, *3 редакция Степенной книги* представлена Чудовским списком (ГИМ, Чуд. 358 – предназначена для митрополита)[5].

---

1 *Сиренов А.В.* О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб., 2001. С. 249.

2 Фото л. 233 см.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. Ил. 20; Фото л. 233 об. см.: *Сиренов А.В.* О Волковском списке... Рис. 6.

3 *Сиренов А.В.* О Волковском списке... С. 274–276.

4 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. С. 16. Фото л. 2 см. там же. Ил. 1. Характеристика почерка у О.Д. Журавель см. там же. С. 11–12 и в статье 2011 г. на с. 47. Фрагменты л. 468 об., 470, 474 об., 670 об. опубликованы в статье А.В. Сиренова: *Сиренов А.В.* Пометы Томского списка Степенной книги и составление Лицевого летописного свода // Историография и источниковедение отечественной истории. Сборник научных статей. Вып. 7. М.; СПб., 2014. С. 202–218.

5 Далее в тексте – Чуд. 358.

По л. 3–8 идет запись: «Книга Чюдова монастыря собрана смиренным Афонасием митрополитом всеа Русии». Сравнение с автографами митрополита от 28 марта 1565 г. и начала 1566 г. (РГАДА. Ф. 135. Отд. III, рубр. II, № 30, 35)[6] убеждает в том, что данная запись – несомненный автограф митрополита Афанасия: слово «всеа» начинается с буквы «в», исполненной острым калачиком, в слове «митрополитом» буква «л» с опущенными вниз ножками, в слове «Афонасием» вторая буква «а» грецизированная. В то же время заметно, что надпись на Чудовском кодексе выполнена позже подписей 1565 г. и начала 1566 г.: ножки у «л» не такие строгие, высокая буква Т лишена изящества. Таким образом, митрополит Афанасий оставил свой автограф на рукописи Чуд. 358 явно в первой половине 1566 г. (до 19 мая, когда он покинул свой пост). Это дает новую датировку рукописи Чуд. 358[7].

Исследованием почерков Чуд. 358 занималась О.Д. Журавель, причем ее выводы со временем менялись. В фундаментальной публикации 2007 г. она выделила в кодексе 7 почерков, при этом наш знакомый писец получил второй номер[8]. В 2011 г. исследовательница опубликовала новую работу, где в Чудовском списке она обнаружила уже 11 почерков, а наш писец (это основной писец Томского списка) получил третий номер[9]. Уточненный анализ, проведенный нами, привел к следующему определению почерков Чуд. 358 (при этом выявлены два новых почерка, пропущенные О.Д. Журавель).

1 почерк: л. 1 об. – 2 об., 63–68, 198–201 (листки 201а, 482а).

2 почерк: л. 3–53 об. (Житие Ольги).

3 почерк (наш писец): л. 55–62 об., 70–103, 103 об. – 104 об., 105 об., 106 об. – 166 об., 169–173, 173 об. – 178, 178 об. – 197 об., 202–212, 213 об. – 266 об., 268–269, 274 об. – 278 об., 279–282, 283–337 об., 337 об. – 338, 338 об. – 357, 357 об. – 358 об., 360 об., 361 об. – 368 об., 372–443, 443 об. – 444 об., 446–453 об., 540 об. – 599, 599 об., 600 об., 601–605 об., 606–606 об., 608–629 об., 637 об. – 638 об., 639 об., 641 об., 642–643.

4 почерк: л. 103, 104 об. – 105, 106, 178, 212 об. – 213.

---

[6] *Шумилов В.Н.* Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документов фонда № 135. М., 1971. С. 109 (№ 228), 112 (№ 236).

[7] Ранее Чуд. 358 датировалась 60-ми годами XVI в.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. С. 31.

[8] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. С. 9–16. Фото почерка нашего писца см. ил. 4 (л. 56 об.), ил. 6 (л. 130), ил. 8 (л. 356)

[9] *Журавель О.Д.* О почерках древнейших списков Степенной книги и о некоторых вопросах ее ранней истории // The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciusness, 2011 (UCLA Slavic Studies, New Series). P. 33–49.

5 почерк: л. 167–168 об. (вставные – на них Похвала Владимиру).

6 почерк: л. 267–267 об., 269 об. – 274, 278 об., 282 об., 337 об. – 338, 338, 357, 360 об., 369–371, 443, 445–445 об.

7 почерк: л. 358 об. – 360, 361–361 об.

8 почерк: л. 453 об. – 540 об.

9 почерк: л. 599 об., 600 об., 605 об., 606 об. – 607 об., 630–637, 639–639 об., 640–641, 642, 643–645, 672–673.

10 почерк: л. 645 об. – 672, 673–690.

11 почерк: л. 690–736 об.

12 почерк: л. 738–766 (начало степени XVII).

13 почерк: л. 68–68 об. (оглавление XVII степени), 766 об. – 781 (окончание XVII степени).

Таким образом, мы предоставляем уточненные данные о распределении почерков Чуд. 358, но также сообщаем о выделении нами пропущенных О.Д. Журавель двух почерков (4-го и 9-го).

Вернемся к описанию кодекса Чуд. 358. Анализ показал, что рукопись закончена до 19 мая 1566 г. Существуют и другие признаки, подтверждающие, что все сохранившиеся ранние списки Степенной книги созданы во время правления митрополита Афанасия (1564–1566 гг.).

Так, в Оглавлении XVII степени (посвященной правлению Ивана IV) указаны бывшие митрополиты Иоасаф и Макарий, а далее в конце строки оставлено свободное место[10]. Это означает, что в Томском и Чудовском списках XVII степень написана при митрополите Афанасии. По палеографическим данным Томский список предшествует Чудовскому: он весь написан на бумаге со знаком Кабана двух видов, в то время как в XVII степени Чудовского списка использованы лишь остатки этой бумаги.

Далее для нашей темы интересен один эпизод из Жития Даниила Переяславского. Древнейшим списком Жития является рукопись ГИМ, Син. 926, но она пока не поддавалась точной датировке. Ее основная филигрань – Кувшин под розеткой с одной ручкой, на тулове литеры FD, ниже перевернутая буква L, ближайшая аналогия: Дианова (Кувшин), № 80 (1600 г.). Воспроизведенный Т.В. Дианова знак 1600 г. имеет более грубые формы, да и литер только две – FD, поэтому правильной можно считать датировку списка Син. 926 – конец XVI в. Данный список положил в основу публикации Жития Даниила С.И. Смирнов[11]. Исследователь правильно

[10] Степенная книга царского родословия. Т. 1. С. 215.

[11] *Смирнов С.И.* Житие преподобного Даниила Переяславского чудотворца. Повесть о обретении мощей и чудеса его. М., 1908.

трактовал повеление царя и первосвятителя написать Житие подвижника 16 лет после его кончины (что дает нижнюю границу составления памятника – 1556 г.). Но определение верхней границы (1562 г.) не совсем корректно. Содержащийся в Житии эпизод о чудесном предсказании о пострижении автора в монашество свидетельствует о написании Жития после 1562 г. (года пострижения Андрея-Афанасия). Учитывая, что Житие составлено еще при живом митрополите Макарии, мы приходим к выводу, что памятник написан в 1562–1563 гг. Вместе с тем С.И. Смирнов убедительно доказал, что «Сказание вкратце о преподобном старце Даниле Переяславском», помещенное в конце XVI степени Степенной книги, произведение того же автора, который написал Житие Даниила Переяславского (т.е. Андрея-Афанасия).

Выясним тенденции «Сказания вкратце». В Житии Даниила имя царя Ивана IV постоянно сопровождается пышными характеристиками и призывами о «помощи христолюбивому царю нашему Ивану» (Син. 926, л. 125–125 об.). Подробные рассказы о крещении Даниилом наследника Ивана и его брата Юрия, когда «великия ради веры его (т.е. Василия III) и паче надежа родися ему сын и наследник царствию его, от царя царь и истинный пастырь христолюбивому стаду Росийстей стране, благодатное имя Иван» (Син. 926, л. 88) – все эти подробные рассказы и славословия «христолюбивому» царю[12] убраны, сами повествования сокращены и сведены в «Сказании вкратце» к двум-трем строкам делового текста: «родися ... царь и великий князь Иван, ему же бысть приемник от святыа купели сий преподобный Данил. Потом же и другому сыну цареву князю Юрью Василиевичю приемник бысть» (Чуд. 358, л. 729). Весь пафос сообщения был сосредоточен теперь на прославлении «смиреномудрия» Даниила[13]. При общей лояльности «Сказания» к монаршей власти выявленные тенденции характерны для всего периода правления митрополита Афанасия (1564–1566 гг.).

Теперь рассмотрим эпизод о чудесном предсказании протопопу Андрею, случившемуся во время Казанского похода 1552 г. В сонном видении он распознал преподобного Даниила и самого себя, одетого в монашескую «манатию». О судьбе Благовещенского протопопа в Житии предсказание Даниила несколько неопределенно: «хощет Бог сему, да пощадися» (Син. 926, л. 126 об. – 127)[14]. Но в «Сказа-

---

[12] Занимающие в Житии более 6 страниц текста.

[13] Степенная книга царского родословия. Т. 1. С. 335.

[14] Эпизод с предсказанием Даниила фигурирует еще при описании Казанского похода в XVII степени (заимствован из Жития), но там речь святого старца изложена иначе: «Не у еще, но последи, ныне же да отпустится» (Чуд. 358,

нии вкратце» предсказание старца выглядит иначе: «Ныне убо в не же зван, в том да пребудет. *Последи же не лишен будет таковаго образа*» (Чуд. 358, л. 735 об.). Опасения о возможном «лишении» того или иного «образа» могли возникнуть у Афанасия только в первой половине 1566 г., когда он обдумывал свой уход с поста митрополита без разрешения царя[15]. Наконец, когда в конце апреля царь уехал на месяц к южной границе государства, 19 мая 1566 г. Афанасий покинул свой пост «по немощи».

Само расположение в Степенной книге «Сказания вкратце» подтверждает наши выводы о его позднем происхождении. В более раннем Томском списке текст главы 24 кончался на л. 689 треугольником, а затем на л. 689 об. помещено «Сказание вкратце» – без указания номера главы. В общем Оглавлении название главы отсутствовало, а после только в Томском списке было приписано почерком редакторской правки. Н.Н. Покровский по этому поводу высказался в том плане, что, когда писалось оглавление в Томском и Чудовском списках, еще не было принято решение о включении в XVI степень «Сказания вкратце»[16]. Хотя в предварительном плане рассказ о старце Данииле апробирован в главе 22 той же степени: «О нем же последи речется в степени сей» (Томский, л. 679 об.; Чуд. 358, л. 710 об.). Напомним, что в Оглавлении чернового и неполного Волковского списка XVI степень заканчивалась под номером 25 (!) «Сказанием вкратце».

Для нас большее значение имеет следующее наблюдение – в самом конце «Сказания вкратце», повествующем о взятии Казани, помещена фраза, отсутствующая в Житии Даниила: «и архиепископа устрои быти в нем, и мнози от неверных мужеска полу и женьска погании татарове, князи и вельможи и простии, еще же и сами два царя казаньские, Александр и Семион, в православную веру христианьскую обратишася и святым крещением крестишася»[17]. Все указанные сведения заимствованы из рассказа XVII степени о Казанском взятии. Все это свидетельствует о написании «Сказания вкратце» о Данииле Переяславском на заключительном этапе сложения Сте-

---

л. 755). При создании «Сказания вкратце» использован именно данный вариант Жития (сравните чтение «мантия» и другие).

[15] Вспомним, как в конце 1563 г. умирающий митрополит Макарий испрашивал разрешения покинуть свой пост и уйти в Пафнутьев монастырь, но царь не разрешил ему этого сделать.

[16] *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 23–24.

[17] Степенная книга царского родословия. Т. 2. С. 343.

пенной книги, а чтение о возможном «лишении» автора «таковаго образа» прямо датирует этот этап первой половиной 1566 года.

Приводим уточненное описание филиграней Чудовского списка.

Сфера под малой звездой (л. 69, 81, 82) – точные аналоги отсутствуют.

Сфера под большой звездой (л. 91, 94, 219, 258, 290) – точные аналоги отсутствуют.

Сфера под звездой и лилией, 1 вариант (л. 4, 10, 67, 201 и другие) – деформированный вариант, аналоги отсутствуют.

Сфера под звездой и лилией, 2 вариант (л. 6, 8, 679 и другие) – аналоги отсутствуют.

Сфера под звездой и лилией, 3 вариант (л. 690) – аналоги отсутствуют.

Сфера с литерой М, 1 вариант (л. 361, 427, 457 и другие) – идентична Лих. 1853 (1561 г.).

Сфера с литерой М, 2 вариант (л. 360, 429, 466) – идентична Лих. 1854 (1561 г.).

Кабан, 1 вариант – идентичен знаку Томского списка.

Кабан, 2 вариант – идентичен знаку Томского списка.

Сфера под лилией, 1 вариант (л. 778) – сходен с Лих. 3179 (1560 г.), 3439 (1564 г.).

Сфера под лилией, 2 вариант (л. 777) – аналогии отсутствуют.

Сфера под малой звездой, другие варианты (л. 738, 766, 768) – типа Лих. 1839 (1562 г.), Брике, 14007 14008 (1559–1562 гг.).

Распределение филиграней в Чудовской рукописи таково: Сфера под звездой и лилией л. 2–52, 66–68, 197–201; Сфера под малой звездой л. 70–90, 97–100; Сфера под большой звездой л. 91–96, 101–196, 202–356; Сфера с литерой М л. 357–545; далее идет снова Сфера под звездой и лилией л. 546–736, причем на л. 601 виден знак Кабана; в XVII степени использована бумага со знаком Сферы под малой звездой, другие варианты (л. 737–767), последняя тетрадь (л. 768–781) написана на бумаге со знаками Кабана и Сферы под лилией.

Таким образом, показания филиграней Чудовского списка не противоречат его датировке 1564–1566 гг. Хотя бумага Томского списка имела хождение в основном в 50-х годах XVI в., бывали и исключения[18]. Первые XVI степеней переписаны почерком писца, судьба которого нас интересует более всего, причем завершающее

[18] *Усачев А.С.* Древнейшие списки Степенной книги: филигранологическое исследование // The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciousness, 2011. P. 11–32.

«Сказание вкратце» о Данииле Переяславском создано лишь при митрополите Афанасии. Но и XVII степень написана после 1563 г. (вспомним замену «есть» на «бысть» при имени митрополита Макария), датировка 1564–1566 гг. применима и к Томскому списку. Из ранних списков XVI в. осталось рассмотреть Волковский список. Но в его описании имеются неточности. 1 знак неправильно определен у А.В. Сиренова и А.С. Усачева: на самом деле, это Рука под короной с 6 фестонами, на ладони литера I – Лих. 3354 (1560 г.), отдаленный аналог – Брике, 11033 (1566 г.). В рукописи знак располагается на л. 27–58 (в конце Сфера под лилией). Сфера с литерой М – идентична знаку Чудовского списка, в рукописи находится на л. 59–66. Сфера под лилией – близка к знаку Чудовского списка, занимает л. 67–71. Сфера под звездой – сходна со знаком Чудовского списка, располагается на л. 72–100, 192, 198, 201–202, 207–209, 211–212, 219–221, 223–229, 230–238, 239–254, 294–337. Рука под звездой и лилией на ладони – ближайшая аналогия Лих. 3111 (1562 г.), находится на л. 19–26, 103–196 (с добавлением знака Сферы), 255–293. Отсюда можно заключить, что начало переписывания Волковского списка может падать на начало 60 х годов XVI в., но закончен он был точно в 1564–1566 гг. (на л. 95–100 сохранилось Оглавление, доходящее до «Сказания вкратце» о Данииле Переяславском, составленного при митрополите Афанасии).

Можно считать, что все сохранившиеся ранние списки Степенной книги составлены при митрополите Афанасии в 1564–1566 гг. (еще раз укажем на чтение XVII степени, что сыновьям Ивана Грозного «приемник бысть» митрополит Макарий, в то время как в Житии Даниила сказано «приемник есть»). Однако, в исследованиях о Степенной книге распространено мнение (П.Г. Васенко), что о смерти митрополита Макария ясно нигде не заявлено, и последующие ученые исходят из положения о составлении Степенной книги в 1560–1563 гг.[19] В этом смысле важное значение имеет работа С.Н. Богатырева, в которой предполагается использование в Степенной книге Летописного свода 1560 г., отсюда следует датировка Сте-

[19] При всех упоминаниях имени митрополита Макария невозможно определить, писалось ли это при живом митрополите или нет. Единственное место, где имя Макария читается в настоящем времени, это окончание Жития митрополита Ионы, когда автор испрашивает у святого Ионы «господина нашего Макария, митрополита всея Русии, правящего престол твой, в мире житие исправити и учительство Божиа проповеди поспеши ему» (Т. 2, с. 216). Но несколькими строками выше он просит всех благ «царю нашему великому князю имярек», что не вяжется с общим хвалебным тоном Степенной книги. Вероятно, в данном случае можно говорить об использовании не вполне отредактированного раннего списка Жития митрополита Ионы.

пенной книги «серединой и второй половиной 60-х годов XVI в.»[20]. Однако, слабостью рассуждений автора является то, что внимание к Басмановым и Колычевым (на котором строится датировка Свода 1560 г.), никак не отражено в тексте самой Степенной книги. К тому же предположение о начале работы над Степенной книгой только в конце пребывания Афанасия на митрополичьей кафедре не согласуется с утверждением автора самой Степенной книги (высказанное в начале I степени) о написании книги «благословением и повелением господина пресвященнаго митрополита Макария» (Т. 1, с. 219).

Продолжая тему митрополичьего скриптория 60-х годов XVI в., нельзя пройти мимо сборника РГБ, Собр. Е.Е. Егорова, № 215. По содержанию это сборник церковных документов (митрополичий формулярник), рукопись в 1°, на 647 листах. Палеографически датируется 1564–1568 гг.[21] Сборник написан четырьмя писцами, причем наш писец принял участие в итоговом оформлении кодекса: им переписаны л. 1–4 об. (оглавление) и киноварный заголовок на л. 565 об. Фотография почерка (л. 1) опубликована[22]. Обращают на себя внимание типичные для данного почерка высокие варианты «земли» и «яти», лигатуры «ще, аг, тр». Только данный писец использует бумагу со знаком Сферы с лилией (л. 1=4), такой же, как в Чудовском списке.

Для дальнейшего нам обязательно понадобится выписка из сборника Егор. 215 о возрасте рукоположенных в дьяконы (25 лет), а в «попы свершати 30 лет» (л. 456).

ВТОРОЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЛИЦЕВОЙ СВОД ИВАНА ГРОЗНОГО

В конце 1560-х годов началась работа над грандиозной исторической компиляцией – широко известным Лицевым сводом. Возглавлял ее, по крайней мере, на первом этапе бывший митрополит Афанасий, который пригласил участвовать в этом проекте своего молодого помощника каллиграфа Андрея (его имя мы выясним позже). Царский скрипторий располагался теперь в Александровой слободе[23].

---

[20] *Богатырев С.Н.* Датировка Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012, № 4(50). С. 77–94.

[21] Сборник подробно описан*: Анисимова Т.В.* Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 3. М., 2021. С. 67–84.

[22] *Новикова О.Л.* Купец Филипп Осипович Плигин и его собрание рукописных книг. М.; СПб., 2021. Ил. 7.

[23] О почерках Лицевого свода см.*: Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 2018. С. 240–245. В нашей монографии он обозна-

Лицевой свод дошел до нас в 10 томах (один том, содержавший начальную Русскую историю, не сохранился). Первой книгой является Хронограф ГИМ (так называемый Музейский сборник): ГИМ, Муз. 358 – рукопись содержит 1031 лист большого формата (F°)[24, 23]. В сборнике представлены фрагменты Библейского текста и Троянская война Гвидо де Колумна. Рукой нашего писца написаны л. 232–344, 425–442 об., 572–711, 714–717 об., 719, 723–727, 734, 738–753 об., 757, 761–763 об., 772 об., 775 об. – 776, 785 об., 789 об. – 791 об., 796–798 об., 800–836 об., 837 об. – 875, 877 об. – 915, 916–999 об., 1003–1009 об., 1012–1013 об. Особенности его почерка: «земля» выполнена в форме лебедя, характерно «ять» в высоком варианте, а также лигатуры «аг, бе, ди, ег, ив, мъ», выносные гласные в конце строк – преобладает «а» (с харатерным хвостиком), «е» (со спускающейся вниз извилистой линией), «ю, ять». Особенно впечатляют варианты высокого В, когда в верхнюю петлю вписывается буква «ер» (л. 891, 967 об., 976, 991 об.). В следующем Хронографе БАН (17.17.9), содержащем 1469 листов, наш писец принимает минимальное участие: переписан всего один л. 510 об. (две строчки, разделяющие верхнюю и нижнюю миниатюры).

В Хронографе ГИМ и частично в Хронографе БАН представлена бумага так называемого I типа:

Кувшин с одной ручкой под короной с розеткой, на тулове литеры IB – Брике, 12742 (1550–1557 гг.);

Кувшин с одной ручкой под короной с полумесяцем, на тулове две поперечные полосы – Брике, 12720 (1559 г.);

Тиара, два варианта – типа Брике, 5012 (1530–1579 гг.);

Медведь, два варианта – Лауцявичюс, 2500–2501 (1567 г.);

Кабан – типа Лауцявичюс, 3686 (1565 г.);

Полумесяц с вписанной буквой Н – Лих. 3118 (1566 г.).

Бумага этого типа использована также в известном лицевом Егоровском сборнике (РГБ. Ф. 98, № 1844): Кувшин с литерами IB, Кувшин под короной с полумесяцем, Тиара. Заметим, что л. 95–99 об., 101–103 об. Егоровского сборника переписаны нашим писцом. Для датировки бумаги I типа большое значение имеют две Минеи-Четьи, переписанные в том же Царском скриптории в Александровской слободе, где создавался и сам Лицевой свод. Первая Минея (за октябрь) – РНБ, Сол. 50/520, писалась с 15 февраля по 18 сентября

чен как писец А, сейчас мы имеем возможность точнее определить границы работы интересующего нас писца для трех томов, хранящихся в ГИМ.

[24] Описание смотрите: Лицевой летописный свод XVI века. Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса. М., 2003. С. 15.

1568 г. Использована бумага I типа: Кувшин с литерами IB (три варианта, из них только один оказался в Хронографе ГИМ и Егоровском сборнике), Тиара (две разновидности, обе имеются в Хронографе ГИМ и Егоровском сборнике).

Минея за май Сол. 514/533 (в 1°, на 998 л.) писалась с 12 февраля 1568 г. по 15 августа 1569 г., работал один писец на бумаге с Тиарой.

Таким образом, мы можем датировать первые два тома Лицевого свода концом 60-х годов XVI в.

В 3–9 томах Свода использована бумага II типа, которая датируется 70-ми и, возможно, 80-ми годами XVI в[25].

Третья книга Свода – Хронограф РНБ (F. IV. 151), содержащий 1217 листов. Участие нашего писца минимально: только л. 139 об. (зато целая страница).

Начиная с 4-й книги Свода заметно полноценное участие нашего писца.

В Голицынском томе РНБ, F. IV. 225 (1035 л.) наш писец пишет л. 1–1 об., 3–13 об., 18–194, 198–202 об., 203 об. – 207 об., 209–243 об., 246–260, 260 об. – 267 об., 270–274 об., 276–277, 280–282 об., 285–286 об., 287 об. – 290, 294–295, 296–305, 309 об. – 322, 323 об. – 334, 334 об. – 336, 337–343 об., 348–355, 357 об. – 368, 371 об., 372 об. – 376 об.

В Лаптевском томе РНБ, F. IV. 233 (1005 л.) излагается отечественная история 1116–1252 гг., наш писец участвует в написании л. 1–21 об., 22 об. – 23, 23 об. – 26, 26 об. – 30 об., 32–36 об., 39–44 об., 45–53 об., 55–58 об., 61–73, 74–83 об., 85 об. – 100, 101–126, 126 об. – 171, 172–194 об., 202–202 об., 205–208 об., 210–215 об., 218–249 об., 250–259 об., 260 об. – 262, 264 об. – 270, 271–272 об., 279–280, 281, 283–291 об., 292 об. – 300, 301 об. – 310, 312–323 об., 325 об., 326 об., 329–330 об., 336–348 об., 349, 351–352, 355 об., 356 об. – 357 об., 360 об. – 380 об., 386 об. – 407, 420–463, 464–510 об., 513–536 об., 539–572, 573–574 об., 576–625 об., 627–684 об., 687 об. – 690, 692–693 об., 694 об. – 740, 742–749, 750 об. – 774 об., 776 об. – 798 об., 799 об. – 813 об., 814, 815–819, 822–838 об., 841–843, 843 об., 845–851 об., 852–871, 872–872 об., 877–877 об., 881 об. – 897 об.

В двух томах Древнего летописца (БАН, 31.7.30 – на 986 л.) наличие почерка нашего писца не замечено.

Но в написании Шумиловского тома (РНБ, F. IV. 232 – на 986 л.) наш писец активно участвует: л. 731–752, 754 об. – 775 об., 776–778 об., 779–786 об., 787 об. – 794, 794 об. – 804, 806–810, 812 об. – 816 об., 817 об. – 825 об.

---

[25] *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 226–230.

Синодальный том (ГИМ, Син. 962, содержит 626 л.) написан на бумаге основной части Свода (но л. 1–6, 623–626 посвящены эпизодам древней Римской и Византийской истории), отечественной истории отведены 1535–1542, 1553–1567 гг. На ряде листов видна правка, зачеркивания и приписки редактора. Почерком нашего писца переписаны л. 47–50 об., 132 об. – 133, 484–500 об., 549–561 об. Раскраска миниатюр отличается от предыдущих томов (преобладает красный цвет) и выполнена в XVII в.

Наконец, последняя Царственная книга (ГИМ, Син. 149, включает 683 л.) содержит написанные на бумаге основной части Свода л. 220–221 об., 236–450 об., 454–482 об., 489–663 об. (с изложением событий 1533–1553 гг.). Многие листы испещрены пометами, приписками и исправлениями упомянутого выше редактора. Перебеленные тексты представлены листами 1–219 об., 222–235 об., 451–453 об., 483–488 об., 664–683 об.

Почерк нашего писца имеется в основной части книги: л. 236–240 об., 271–272 об., 281 об. – 293, 296–302 об., 306–319 об., 322–333 об., 338–340 об., 344–347 об., 351–355 об., 359–370 об., 373–374 об., 383–385 об., 396–397, 403–420 об., 454–456 об., 457–468, 470–482 об., 490–492 об., 498–541 об., 543–550 об., 555–559 об., 562–575 об., 576 об. – 577 об., 579–592 об., 600–663 об. Но в перебеливании текстов наш писец не участвует.

Несмотря на напряженную работу по составлению огромного Лицевого свода, царские книгописцы одновременно участвовали в написании и других рукописей. Так, в лицевом Житии Николы (РГБ. Ф. 37, № 15), выполненном на основной бумаге Свода, видим почерк нашего писца на л. 2 об. – 86 об., 107–117 об. Кстати, 14 листов из Хронографа ГИМ оказались в одном переплете с рукописью Жития – факт, свидетельствующий о нахождении обоих кодексов в одном и том же помещении.

В царском скриптории на основной бумаге Свода создан сборник ГИМ, Епарх. 463 (Минея-Четья за май), причем почерк л. 398–444 принадлежит нашему писцу. Отметим типичные черты его письма: лигатуры «Б-ять, ди, до, же, ег, ив, му, тв, ше», гласные в конце строк выносятся над строкой – «а, е (с уходящим вертикально вниз навершием), и, ю, ять, омега», наконец, фирменная В с вписанной в верхнюю петлю буквы «ер».

В Царственной книге перебеливание листов производилось на новой бумаге (III типа)[26]:

[26] Полистное описание филиграней, выполненное Е.В. Ухановой, см.: Лицевой летописный свод. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи.

Гербовый щит с 3 лилиями и картушем SNivelle (Лих. 2811) – Пиккар, XIII, № 1399, 1401, 1402 (1568, 1571 гг.);

Гербовый щит с картушем Claude Denise – типа Брике, 1165 (1578–1598 гг.);

Лилия с картушем Nivelle (Лих. 2816–2818) – типа Хивуд, № 1446 (1570 г.), Лих. 2818, 3039 (1560–1580-е гг.);

Гроздь винограда с литерами DR (Лих. 2812, 2813) – типа Лих. 3950 (1567 г.);

Гроздь винограда с литерами DD (Лих. 2815) – типа Брике, 13183 (1576 г.);

Гроздь винограда с литерами BG (Лих. 2814) – типа Хивуд, 2177 (1579 г.);

Цветки (Лих. 2820, 2824); Кресты (Лих. 2819).

Для датировки бумаги III типа привлекаем печатную Псалтирь, изданную Андроником Невежей в Александровской слободе в период с 20 июня 1576 г. по 31 января 1577 г.[27] В печатном издании тетради 1–3, 26–35 содержат филиграни основной части Лицевого свода (бумага II типа): литеры AC под короной, литеры AF без короны, литеры APR под короной, литеры BF под короной, корона. В другой части Псалтири (тетради 4–25) филиграни имеют непосредственное отношение к повторным (перебеленным) листам Царственной книги: Гроздь винограда с литерами AF, Гроздь винограда с литерами AR, Гроздь винограда с литерами BG, Гроздь винограда с литерами DD, Гроздь винограда с литерами DR (три варианта, как в Царственной книге).

Отметим, что бумага со знаками Цветки и Крестики также имелась в распоряжении Андроника Невежи, поскольку в осуществленном затем издании Часовника использованы остатки бумаги Псалтири и листы со знаками Цветков и Крестиков.

Из вышеизложенного следует вывод: в 1576–1577 гг. работа над Лицевым сводом была внезапно остановлена, оставшаяся бумага (II типа) передана для Слободской типографии, а над текстом 1535–1567 гг. неизвестный редактор провел серьезную редакционную работу (зачеркивания, пометы, многочисленные приписки, существенно изменяющие текст произведения).

Датирующее значение имеет большая приписка под 7061 г., она начинается на л. 650 об. торжественной фразой: «Но поне же сему сице съвершившуся в славу Божию, и скверному жилищу в Казани разорену и кресту въдрузившуся, и православию процвитающу, и рог

М., 2008. С. 114–118.

[27] Характеристику этого издания см.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 253–255.

христианский възвышашеся, и повсюду крестоносней хорукви прославляеме суще, и Христово имя прославляшеся, и християнское Росийское царство възвеличашеся и бесерменская жилища изпражняхуся, Казань и Азстарахань, и безверныя языцы Крым и Литва и Немцы страховахуся, и не бе лукавому терпети, яко Христово имя прославляемо и величаемо, и скверная его жилища разаряемы». Можно только удивляться, как в одном абзаце оказались собраны символы православного вероучения, Российской государственности и оценки внешнеполитической деятельности, рассыпанные в многочисленных посланиях Ивана Грозного, написанных в течение двух месяцев 1577 г. Для сравнения выбираем тексты посланий царя Александру Полубенскому (9 июля 1577 г.) и Андрею Курбскому (начало сентября 1577 г.)[28].

В приписке называется «*Крест*» как символ православия, в послании Курбскому превозносится «сила Животворящаго *Креста*». В приписке «*рог* християнский възвышается», в послании Полубенскому «воздвиже нам *рог* спасения».

В летописи «*крестоносней хорукви* прославляеме», в письме Курбскому замечается сила «*крестоносной хоругви*».

В приписке говорится, что «*християнское Росийское царство* възвеличашеся», в послании Полубенскому царь гордится, что удержал «скифетро *Росийского царствия*», упоминает «*християнския* царствия». Летописный редактор утверждает, что «безверныя *языцы – Крым и Литва и Немцы* страховахуся», в послании Полубенскому несколько иначе сообщается о «беззаконных *язык*», замечается о «*языках* иноплеменных» и «безбожных агарянех», а в послании Курбскому отделяются от Руси «*Немцы и Литва и Татарове* и многие *языцы*».

В редакционной приписке приводится фраза, что «не бе *лукавому* терпети, яко Христово имя *прославляемо*», соответственно в послании Полубенскому упоминается «враг» (9 раз) и «диявол» (3 раза), а Бог «*славим* за премногую Его милость, бывшую на нас».

Проведенные рассуждения позволяют датировать приписку под 7061 г. осенью 1577 г., а значит, отнести к этому времени всю редакционную работу над Лицевым сводом. Деятельность же по перебеливанию листов, проводимая в конце 1577 – начале 1578 гг.,[29] не была закончена: миниатюры на л. 667, 667 об., 668 об., 671 об., 672 об.,

---

[28] Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 197–204, 205–211.

[29] Таким образом, мы сдвигаем на год полученный нами ранее результат (1576 г.) об окончании работы над Лицевым сводом, см.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 257.

677, 678 об. оказались лишь в форме карандашного эскиза, а л. 674, 674 об., 675 об., 676 об., 679 об. остались вообще без миниатюр. Еще осенью 1577 г. Иван IV находился в зените славы, что подтверждает заказанная царем Большая государственная печать, в одном из медальонов которой торжественно читалось «Печать города Кесы». Но в конце 1577 г. Кесь была отобрана у царя, и многочисленные попытки вернуть город оказались безуспешными. Неудачи Грозного в Ливонской политике сказались самым трагическим образом на результатах ведения Царственного летописца.

РАБОТЫ ИНОКА АНТОНИЯ

Памятником пребывания нашего писца в Кирилло-Белозерском монастыре является сборник нравственного содержания РНБ, Кир.-Бел., № 29/1106. Рукопись в 4°, на 392 л., современное описание выполнено С.А. Семячко[30], отнесшей кодекс к 70-м годам XVI в. Сборник переписан четырьмя писцами, работавшими совместно:

1 писец – л. 1 (более поздняя запись), 2–9, 10–200, 241–255 об., 283–287 об. (это почерк нашего знакомого писца);

2 писец – л. 200–241, 256–268, 287 об. – 293 об., 343–394 об.;

3 писец – л. 269–283; 4 писец – л. 294–342 об.

Здесь мы впервые узнаем имя нашего знакомого писца: на чистом л. 9 об. почерком 2 писца сделана помета – «Попа **Антониа**» (в той части, где пишет 1 писец), а на л. 268 об. он оставил окончательную запись – «Книга соборник попа **Антония**» (другой рукой приписано «Етькы»).

Антоний мог работать с рукописью Кир.-Бел. 29/1106 только в 1577–1579 гг.: в 1577 г. он оставил переписывание Лицевого свода, ушел в Кирилло-Белозерский монастырь, где принял монашество с именем Антония, а в 1579 г. (как узнаем ниже) он уже стал игуменом. Значит, в 1577–1579 гг. Антоний стал священником, а поскольку священство можно было принять только в 30-летнем возрасте, мы делаем заключение о его рождении примерно в 1547–1548 гг. Соответственно, сборник Кир.-Бел. 29/1106 представляет совокупность наставлений «новоначалным мнихом». Сам Антоний переписывает, например, Поучение Василия Великого «к новоначалным» (л. 10), поучение «О иноческом житии» (л. 63 об.), Слово святого Филимона «о молит-

[30] *Семячко С.А.* Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 288–289.

ве» (л. 67) или «како внимателне седити в келии с сущими своими послужники (л. 73), Святого Нила «словеса наказателна» (л. 93 об.), или Иоанна Дамаскина «како подобает безмлъвнику седети в келии» (л. 105), правила «како подобает мнихам жити» (л. 108 об.), Слово святого Макария «о съвершенней и истинней молитве» (л. 117), «душеполезная словеса» Иоанна Милостивого (л. 144 об.).

Обращает на себя внимание переписанный 2 писцом вариант «Старчества» под названием «Устав новоначалным мнихом» (л. 343). Представляют интерес статьи общественного характера: «Правило святых отец 165 на обидящаа святыя церкви» (л. 256 об.), а также «Слово о судиях и властелех, емлющих мзду и неправду судящих» (л. 261).

После работы в Царском скриптории, где ему приходилось писать в строгом стиле крупным полууставом, здесь Антоний переходит на беглый полуустав, но основные признаки стиля остаются: те же лигатуры «аг, ад, ан, ар, ау; бе, бо; вд, да, дв, де, ди, др, ду», причем «дельта» используется как «д»; «же, не, пр», характерны новые варианты «земли», интересны сочетания «ше» и «ще», заслуживает внимания заглавное С со слегка скошенной вправо нижней частью. По-прежнему используются выносные гласные в конце строк (в порядке убывания частот встречаемости) – «а, е, ять, ук, ю, я».

По П.М. Строеву, в Борисоглебском монастыре на р. Устье (под Ростовом) в 1579–1584 гг. пост игумена занимал некий Антоний[31]. Покажем, что это был именно наш **Антоний**.

В Тверском архиве хранится список Евангелия-тетр (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1, № 250 – рукопись в 1°, на 360 листах)[32]. По филиграням рукопись датируется концом 70-х годов XVI в. По л. 8–59 следует вкладная запись: «Лета седмь тысящь осмьдесят осмаго, месяца марта в 25 день сию книгу глаголемую Евангелие положил на престол в церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовещениа и святых чюдотворець и безсребреник Козмы и Домиана Борисоглебскаго монастыря с Оусии игумен Антоней за свое здравие при своем животе и по своих родителех в вечное поминание. А Бог пошлет по мою игуменскую Антониеву душу, а кто будут у тое церкви Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовещениа и святых чюдотворец и безсре[бре]них у Козмы и Домиана священницы, и им мою грешную душу поминати на понахидах и на обеднях за

[31] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стлб. 341.

[32] Рукопись описана Г.С. Гадаловой: Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли. Каталог. Тверь, 2012. С. 42–43. Фото двух листов с заставками имеются во вкладыше.

просфиромисанием с моими родители вместе *доколе и мир Вселеныя стоит* и святая церкви сиа».

Благодаря присланным Г.С. Гадаловой фотоматериалам, становится ясным, что вкладную запись на Евангелии от 25 марта 1580 г. писал не игумен Антоний, поскольку она выполнена со значительными ошибками: в слове «безсребреник» пропущен слог «бре», а в окончании вместо «к» поставлено «х», в слове «Вселенныя» значится только одно «н», слово «церковь» в именительном падеже пишется как «церкви». Таким образом, вкладная запись писалась каким-то писцом на основании записки, присланной игуменом Антонием (по-видимому, в г. Ржев, поскольку кодекс приобретен в конце XIX в. именно в этом городе).

На основании анализа стиля мы заключаем, что такую записку мог составить только наш Антоний (из последующего будет ясно, что оборот «доколе и мир Вселенныя стоит» был присущ именно нашему Антонию, к тому же именно он практиковал словесное описание вместо цифрового).

Итак, Антоний, будучи игуменом Ростовского Борисоглебского монастыря, вложил 25 марта 1580 г. в церковь Благовещения (во Ржеве) мемориальное Евангелие в память по своих родителях.

Другим памятником пребывания нашего Антония в Борисоглебском монастыре является сборник РГБ. Ф. 304/I, № 782. С монастырем его связывают две статьи – первая и последняя. Первая (л. 1–52) представляет Сказание о Борисе и Глебе в редакции Степенной книги, разночтения связывают его именно с Томским списком. Но Томский список являлся источником при написании Лицевого свода[33], поэтому, скорее всего, игумен Антоний посылал свой запрос в Александровскую слободу (Сказание написано на бумаге со знаком Сферы под лилией, вариант которой не отыскивается в опубликованных справочниках). Этот замечательный и ранний (1579–1584 гг.) фрагмент Степенной книги не учтен в научной литературе.

В конце сборника Троиц. 782 (л. 449–461 об.) размещена уникальная «Повесть о Борисоглебском монастыре, от коликых лет и како бысть ему начало». Что замечательно (!), л. 451–461 об. Повести переписаны рукой нашего писца **Антония**. В этом убеждают такие элементы написания «омеги» с заостренным слева выступом, выносное «ж», характерные лигатуры «ве, въ» (причем «ер» вписан в верхнюю петлю «в»), «де, ив, лу, му, не, та, ти, ту, ше, ще», выносные гласные в конце строк (в порядке убывания частот) – «а» (в виде альфы), «о, ук, юс» малый, «ять» и другие.

[33] *Сиренов А.В.* Пометы Томского списка Степенной книги ... С. 202–218.

Рассмотрим филиграни бумаги, на которой написана данная часть сборника. Явно в остатке использованы листы со знаком Кораблика – типа Брике, 11974 (1556–1566 гг.) Главная филигрань – Кувшин с одной ручкой и литерами НН – в опубликованных справочниках не обнаружена.

Авторство Повести о Борисоглебском монастыре несомненно принадлежит игумену Антонию. Во-первых, Повесть написана почерком самого игумена Антония, а ведь это единственный список памятника[34]. Если бы существовал оригинал, хранившийся в самом монастыре, наверняка до нас дошли бы списки с него. Во-вторых, в тексте Повести проявляются черты близости автора к Кирилло-Белозерскому монастырю: так, при упоминании местной дороги к Каргополю автор пишет, что она «проходила к Каргополю из Бела озера и иных градов к царствующему граду Москве»; специальный раздел Повести посвящен основанию игуменом Федором «на *оной стране* Бела озера» Никольского монастыря на «усть Ковжи реки», при этом «и до сего дне зовется на Беле озере Никольский монастырь Борисоглебскаго монастыря» (напротив Кирилло-Белозерского монастыря). При этом следует вспомнить, что Антоний являлся постриженником Кирилло-Белозерского монастыря. В-третьих, сочинитель пишет историю возникновения Борисоглебского монастыря и, по меткому выражению В.О. Ключевского, восполняет «отсутствие Жития основателей монастыря Феодора и Павла»[35]; по всему видно, что автор имеет широкий доступ к архиву монастыря и принадлежит к руководящему слою обители. В-четвертых, в стилистике Повести чувствуется знаток Степенной книги, каковым и являлся Антоний: сравните выражения «царствующий град Москва», «благоверный и христолюбивый государь», «слезы от очию испущати», «православныа веры крестиане», «всесилнаго Бога», «трудолюбне» и другие.

Новые данные об Антонии содержатся во Вкладной и кормовой книге Борисоглебского монастыря XVI в. (РНБ. Собр. А.А. Титова, № 4520). По наблюдениям С.В. Стрельникова[36], книга была написана одним почерком и содержала записи вкладов до 1586/87 г.

---

[34] Существующий второй список Повести РГБ. Ф. 299, № 259. Л. 2–10 (1779 г.) списан в старообрядческой среде с рукописи Троиц. 782 и не имеет с ней существенных разночтений.

[35] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 281.

[36] *Стрельников С.В.* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря: источниковедческие наблюдения // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1998. С. 53–58.

(л. 1–67, 83–86, 110–132). Исследователю не удалось идентифицировать филигрань, но по нашим данным знак представляет монограмму PR под розеткой: тождественная филигрань у Лих. 2954 (1554 г.). Поскольку разница в годах слишком большая, необходимо проверить данные Н.П. Лихачева. Во всяком случае вывод С.В. Стрельникова о продолжении записей вкладов до 7095 г. является правильным (вклад 7096 г. записан уже другим почерком). О игумене Антонии упомянуто на л. 13–13 об.: «Дал игумен Антоней **Куликов** 56 рублев вкладу за свое здравие и по своих родителех, и за ту его дачю за его здравие Бога молити, а Бог пошлет по его душю которого месяца и дни, ино его написати в сенаник въ вседневной и в вечной сь его родители вмести. Да на его преставление понахыды пети и обедни служити собором и братию корьмити корм болшой, да *на его память месяца октября въ 1 день* тако же понахиды пети и обедни служити собором и братию кормити корм болшой. Да игумен же Антоней далъ конь чюбаръ лысъ иноход да кобылу серу за трицать рублевъ, и за ту дачю тако же понахида пети доколе Богъ благоволитъ и монастырь стоитъ».

Из процитированной записи мы узнаем, что фамилией Антония было Куликов, а днем его «памяти» (т.е. днем святого, во имя которого он крещен) было 1 октября (праздник Покрова Богородицы, заметной фигурой которого являлся Андрей Юродивый). Следовательно, Антоний в миру носил имя **Андрея.**

Теперь о возможных причинах внезапной отставки Антония с поста игумена Борисоглебского монастыря. Думается, что все это связано с перемещениями на Ростовской архиепископской кафедре. Так, архиепископ Давид в 1583 г. «лишен сана» (по П. Строеву), а архиепископ Евфимий (1583–1585 гг.) в декабре 1585 г. «отставлен». Возможна и другая причина, которую объясняет Житие святого Иринарха. По Житию этого Ростовского святого, Иринарх скончался 13 января 1616 г., прожил 68 лет и 4 месяца, а в мире прожил 30 лет. Значит, родился он в 1547 г., примерно 17 сентября. Иринарх постригся в Борисоглебском монастыре еще при предшественнике Антония, но основные события стали разворачиваться как раз при игумене Антонии. Иринарх «нача носити ветхия ризы и бос хождаше». Антоний, сторонник строгих правил, возражал против юродства Иринарха и «посади его в тюрму на три дня и не даде ему ясти и пити» с целью, чтобы тот «носил цветное платье и во обувении ходил». Игумен же «непрестанно смиряя его», он же «хождаше в зиме и в лете бос». Иринарх в конце концов сбежал из монастыря «великаго ради гонения игуменова» и обосновался в Авраамиевом Богоявленском монастыре, где местный архимандрит с радостью

принял беглеца и назначил его келарем. Все это свидетельствует о серьезной оппозиции местной братии Борисоглебского монастыря, приведшей к перемещениям на архиепископской кафедре. И лишь при новом игумене Варлааме Иринарх был снова призван в родной монастырь.

В начале 90-х годов XVI в. Антоний оказывается в Москве в Чудовом монастыре, где его талант каллиграфического письма привлек внимание такого ценителя книжного искусства, как Вологодский архиепископ Иона Думин (1588–1603 гг., в 1603–1605 гг. занимал Ростовскую кафедру). Рассмотрим памятники, созданные при участии Антония Куликова.

Евангелие толковое Феофилакта Болгарского (от Иоанна и Матфея) РГБ. Ф. 292 (Собр. С.П. Строева), № 59, как значится во вкладной записи на л. 495 об., 26 сентября 1590 г. списано с прилуцкого перевода повелением архиепископа Ионы и вложено в Рождественский монастырь во Владимире. В конце сообщается: «А писал сию святую книгу многогрешный чернец Веньяминище». Почерком писца Веньямина написана не только вкладная запись на л. 495 об., но и основной текст на л. 9–277 об., 288–494 об. Но окончательное оформление рукописи было поручено опытному каллиграфу Антонию Куликову: его рукой на л. 1–1 об. написаны главы Евангелия от Иоанна, на л. 2–3 предисловие Иоанна Богослова, на л. 4–8 об. начало Евангелия от Иоанна, причем на л. 4 нарисована прекрасная заставка на золоте. Далее, на л. 278 написаны главы Евангелия от Матфея, на л. 279–280 об. предисловие к Евангелию, на л. 281–287 об. начало Евангелия от Матфея, причем на л. 281 нарисована цветная заставка на золоте. Надо сказать, что по нижнему полю л. 4–21 находилась другая вкладная запись, но она вырезана.

Другое Евангелие Феофилакта Болгарского (от Луки и Марка) РГБ. Ф. 292, № 34, судя по приписке на л. 334 об. руки писца Веньямина, закончено было 10 января 1591 г. «А писана сия святая книга повелением господина Ионы, архиепископа Вологодцкаго и Великопермскаго». Почерк Вениамина виден на л. 17–235 об., 248–334 об. Но окончательное оформление рукописи принадлежит опять-таки Антонию Куликову: его рукой написаны л. 1–2, 3–4, 7–11 об. (заставка на золоте), л. 239–240 (главы Евангелия от Марка), 241–242 (предисловие), 244–247 об. (с заставками на золоте). Обращает внимание вкладная запись по л. 3–32, написанная рукой Антония (и частично счищенная): «Лета 7090 девятаго, февраля в 25 день, положил сию святую книгу, глаголемую Евангелие толковое, Лука, Марко... монастыря в дом Рождества Богородицы... Александра Ярос... во иноцех Алексия ...».

Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (Ч. 2) по списку РГБ. Ф. 98 (Собр. Е.Е. Егорова), № 24[37], письма писца Вениамина (л. 2–202 об.), его же рукой написана вкладная (л. 1 об.) от имени Ионы Думина в Рождественский монастырь во Владимире, причем ошибочное название книги «Беседы евангельскиа Иоана Богослова» написано со знаком вставки на полях. Вкладная помечена 7100 годом. Для нас важно то, что окончание текста написано на вклеенном л. 203 почерком Антония Куликова. О происхождении рукописи свидетельствует приписка на л. 6: «Беседы евангельские Иоана Богослова, другая половина. Списана с Чюдовския письма Сергеева, писал на Москве, перевод Чюдовской, правлено с одное Чюдовския» (здесь под Сергеем понимается отец книгописцев Басовых – см. ниже).

Другая вкладная запись 1593 г. помещена на л. 7–32[38] – она скопирована с рукописи, описание которой мы сейчас предлагаем.

1 часть Бесед Иоанна Златоуста – это рукопись ГПНТБ СО РАН, Тихомировское собр., № 4[39]. На л. 478 в конце книги помещена вкладная запись (от имени Ионы Думина) почерком Антония Куликова с данными о времени написания рукописи: «Написажеся святая книга сия Беседы евангелскыя в лета 7101-го году, как яз был на Вологде во архиепископех, а писана на Москве з добрых переводов». Основной текст рукописи, судя по почерку, писан московским писцом Стефаном Басовым.

Запись о вкладе обеих частей Бесед в монастырь Рождества Богородицы, также почерком Антония Куликова, помещена на л. 12 об.: «Лета 7102-го году декабря в 18 день положил сию святую книгу... Иона архиепископ Вологодцкый и Великопермскый на свое обещание по своей души и по своих родителех за 30 рублев. А писана сия святая книга Беседы евангелскыя Иоанна Богослова и евангелиста обе половины з добрых переводов... И за тот вклад ... поминати мою душю грешную и моих родителех, как прочих христиан поминают, *докуды мир Вселенныя стоит*». При этом на нижнем поле л. 15 читается другая помета: «Лета 7102 декабря в 4 день».

Именно последняя запись отразилась (с оригинальными особенностями) во вкладной по нижнему полю л. 7–32 списка Егор., № 24: «Лета 7102-го году декабря в 15 день положил сию святую книгу Беседы евангелскыя Иванна Богослова, другая половина, в десть на бумазе, в дом Рожества... по своей души и по своих родителех за пять

---

[37] Рукопись описана: *Анисимова Т.В.* Каталог славяно русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 1. М., 2017. С. 67–70.

[38] Т.В. Анисимова ошибочно пометила ее л. 6 об.

[39] Описание рукописи: *Тихомиров М.Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 12–14.

рублев, А писана сия святая книга Беседы ечвангелскыя з добрых переводов честныя обители Чюдова монастыря, иже на Москве... а поминати мою душю грешную и моих родителей как прочих християн поминают, *докуды велит Бог миру Вселенныя стояти»*. Последняя фраза является показателем зависимости данной приписки от вкладной Тихомировской рукописи.

Недавно обнаруженная в запасниках рукопись Андриатиса (БАН, Собр. текущих поступлений, № 341) вложена Ионой Думиным в 1594 г. Судя по вкладной записи на л. 271, написанной почерком Антония Куликова, она содержала такой текст: «Написажеся святая книга сиа Андриатис в лета 7102-го года, как яз был на Вологде во архиепископех. А писана на Москве». Основной текст на л. 1–270 об. писал московский писец Стефан Басов[40].

Наконец, Степенная книга редакции Ионы Думина (РГАДА. Ф. 381, № 346)[41] запоминается тем, что вкладная (л. 1) писана рукой Антония Куликова (основной текст на л. 2–697 написал писец Стефан Басов)[42]. Во вкладной записи, в частности, говорится: «Лета 7103-го ноября в 9 день положил сию святую книгу, глаголемую Степенную царского родословия иже в Русской земли, в дом Пресвятыя владычица нашия Богродица и Приснодевы Мариа, честнаго и славнаго Ея Рожества... и поминати мою душю грешную и моих родителей, как и прочих православных христиан поминают, *докуды и мир Вселенныя стоит»*. При этом наличие в рукописи почерков Антония и Стефана Басова служат гарантией того, что кодекс писался на Москве.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В 1595–1596 гг. Антоний являлся архимандритом Спасо-Ярославского монастыря. У П.М. Строева датировка неточна: у него в 1586–1595 гг. архимандритом был Сергий, а в 1596–1597 гг. – Антоний[43]. Но дело в том, что к 28 сентября Антоний вернулся в Кирилло-Белозерский монастырь и дал вкладом упомянутый сборник РНБ, Кир.-Бел., 29/1106, где он собственноручно написал на л. 1 вкладную

[40] *Анисимова Т.В.* Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI – начала XVII века) // От Средневековья к Новому времени. М., 2006. С. 587–608. Однако, сведения о написании Стефаном Басовым рукописей Тих. 4, Тип. 346, Текущ. 341 не попали в указанную статью.

[41] Рукопись описана: Степенная книга царского родословия. Т. 1. С. 38–39.

[42] Фото л. 2 начального текста смотрите: там же. Ил. 24.

[43] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей. Стлб. 337.

запись: «Лета 7105-го месяца сентября 28 день, сиа книга, глаголемаа соборник, данья бывшаго Ярославскаго архимандрита Антониа».

Кстати, в монастырской Кормовой книге XVII в. наш Антоний упомянут: «Дал вкладу из Ярославля Спаського монастыря архимарит Антоней 50 рублев, что был в мире **Андрей**» (РНБ, Кир.-Бел., № 78/1317, л. 154 об.). Но ранее мы уже выяснили, что «памятью» Антония было 1 октября – день святого Андрея Юродивого.

Запомнила Антония и Кормовая книга Спасо-Ярославского монастыря, где под 5 сентября и 31 августа сообщается: «Того же дни по Спаских архимандритех по Сергии да по Антонии, *по Кириловских постриженикаx*, корм кормити: колачи, рыба, квас сычен» (ЯМЗ-15184, л. 61, 186 об.)[44]. Отсюда мы вновь получаем подтверждение, что архимандрит Антоний был «Кириловский постриженник».

Теперь наше внимание привлекает сборник ЯМЗ-14982 – рукопись в 4°, на 615 листах. Его описанию посвящена значительная литература. С.А. Белокуров[45] выделил в рукописи несколько почерков: слова Василия Великого (л. 1–268) написаны одной рукой (на л. 268 киноварная запись писца «Сия книга Василий Великий написана бысть в лето *от создания миру* 7105»), л. 269–402 (Слова Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и др.) писаны этим же почерком (или близким). Остальные л. 403–615 писаны другим почерком. Таким образом, С.А. Белокуров делил рукопись на две части: первая часть сборника (л. 1–268 и, быть может, л. 269–402), судя по записи на л. 268, написана в 7105 (1597) году; вторая же часть (с л. 403), несомненно, написана позднее (судя по почерку) и не ранее половины XVII века. На мнении о позднем характере последней части сборника сказалось убеждение Белокурова в позднем происхождении Сказания о Максиме Греке, читающегося именно в данной части рукописи. Кроме того, на л. 1–158 отмечена запись от 1 августа 1642 г. о вкладе рукописи в Спасо-Ярославский монастырь со стороны инока Авраамия, в мире бывшего Антония Диаконова ярославца, постриженника Борисоглебского монастыря с Устья.

В описании В.В. Лукьянова[46] кратко сказано о содержании сборника и приведена запись писца на л. 268 о написании книги в лето 7105. В соответствии с данной записью и весь сборник отнесен

---

[44] Рукопись ЯМЗ-15184 (в 4°, на 186 листах) писана одним основным почерком. Филигрань: Голова шута – Дианова, № 330 (1683 г.).

[45] *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложение. С. XXI–XXXIV.

[46] *Лукьянов В.В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея // Краеведческие записки. Вып. 3. Ярославль. 1958. С. 116.

к 1597 г. Так же датирована рукопись ЯМЗ-14982 и у Е.В. Синицыной[47], следовавшей описанию В.В. Лукьянова.

Более скрупулезно описал сборник ЯМЗ-14982 Д.М. Буланин[48]. Исследователь выделил в рукописи четыре полууставных почерка: 1 почерк – л. 1–268 (по определению А.А. Турилова это список с Острожского издания 1594 г.); 2 почерк – л. 269–402; 3 почерк – л. 403–509; 4 почерк – л. 515–615 (отмечено, что этот почерк, возможно, тождествен 1 почерку). Последняя часть особенно примечательна: она открывается Сказанием о Максиме Греке (л. 515–516 об.), а далее следует список Собрания сочинений Максима Грека, примыкающего к основному виду Хлудовского собрания. В целом Д.М. Буланин относит сборник ЯМЗ-14982 к концу XVI – началу XVII в. (причем часть, включающую л. 403–615, со ссылкой на Турилова, датирует временем около 1608 г.). С иных позиций подошел к описанию рукописи ЯМЗ-14982 А.А. Турилов[49]. Он выделил комплекс из четырех сборников (ЯМЗ-14982, ЯМЗ-15230, РГБ, Овч. 277, РНБ, Пог. 1319), созданных в одной книгописной мастерской («почти несомненно в Ярославле»). Кроме того, Турилов определил, что тетрадь с Житием Константина-Кирилла РГБ, Унд. 1094 была вынута из сборника ЯМЗ-15230. Помимо общих почерков указанные 4 рукописи, по А.А. Турилову, объединяют особенности оформления – ксилографические заставки, оттиснутые непосредственно в процессе написания рукописей (на самом деле указано использование общих досок только в ЯМЗ-15230 и Пог. 1319). Ученый обратил также внимание на значительный западно-русский печатный компонент в выделенных рукописях. Так, в ЯМЗ-14982 целиком скопирована Книга о постничестве Василия Великого (Острог, 1594), а в начале сборника вклеен листок с наборным оттиском «З друкарни дому Мамоничовъ». В Пог. 1319 переписан Маргарит Иоанна Златоуста (Острог, 1595). В сборник ЯМЗ-15230 включены предисловие Ивана Федорова к Острожской Библии, предисловие и послесловие Франциска Скорины к библейским книгам, Акафистник из Малой подорожной книжки (Вильна, 1522).

---

[47] *Синицына Е.В.* Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX в. Опыт реконструкции. СПб., 2018. С. 235.

[48] *Буланин Д.М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 249–250.

[49] *Турилов А.А.* Из истории книгописания и книжной гравюры в Ярославле на рубеже XVI–XVII веков (сборники старца Авраамия – Антония Дьяконова и рукописи их круга // 200 лет первого издания Слова о полку Игореве. Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России 27–29 августа 2000 г. Ярославль, 2001. С. 191–194.

Предположив, что все 4 указанные кодекса созданы в одном книгописном центре, А.А. Турилов выдвинул гипотезу, что таким центром мог быть только Ярославль (в Пог. 1319 сказано: «Написася и совершена книга сиа ... в богоспасаемом граде Ярославле в лето *от созданиа мира 7-мыя тысящи* 114»)[50]. Помимо этого, А.А. Турилов постарался извлечь информацию из вкладных записей, сохранившихся на двух ярославских рукописях. В самой ранней из них ЯМЗ-15230 вкладная датирована 5 июнем 1642 г. и предназначена для Ярославской Спасо-Афанасьевской обители от имени «старца инока скимника» Авраамия Дияконова, вкладную писал слуга Ростовского Борисоглебского монастыря Ратманко Севрюков. В рукописи ЯМЗ-14982 вкладная написана уже иным почерком (Турилов ошибочно полагает, что обе вкладные написаны одной рукой), датирована 1 августа 1642 г., предназначена для Ярославского Спасского монастыря и дана от имени «инока Аврамия, в мире бывшаго Антонея Дияконова ярославца», постриженника Борисоглебского монастыря с Устья. Если в первой вкладной (от 5 июня 1642 г.) Авраамий назван «схимником», но не указано его имя в иночестве, то во второй вкладной (от 1 августа 1642 г.) уже не говорится, что старец Авраамий находится в схиме, а имя Антоний связывается с его пребыванием в «мире». Несмотря на данные противоречия, А.А. Турилов почему-то признает верной позднюю вкладную и называет старца Авраамия, в миру ярославца Антония Дьяконова (что в итоге окажется неверным). Итоговый вывод исследователя выглядит пессимистическим: «Был ли Антоний-Авраамий, владевший двумя из четырех сборников, причастен к их созданию, установить в настоящее время невозможно». На самом деле, проблема решается вполне однозначно и окончательно.

Рассмотрим рукопись ЯМЗ-14982. Ее первая часть (л. 1–268), согласно с Белокуровым и Буланиным, написана 1 почерком в 7105 (1596–1597) г. Но исследователи не заметили вторжения другого почерка на л. 1–3 об., 4–7, 7 об. – 12 об., 13–16, 16–23: это мелкий беглый полуустав, более выработанный, более профессиональный, чем почерк писца данной части. Наш (основной) писец явно подражает писцу первых 23 листов (например, в написании «ж» с двумя округлыми петлями). Определение личности данного писца поможет ответить на вопрос, где создавался сборник ЯМЗ-14982. На наш взгляд, этим

[50] Представление об общем почерке рассматриваемых рукописей можно получить по фотографиям: *Климент Охридски*. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3. С. 243 (фото начального листа рукописи Унд. 1094); *Синицына Е.В.* Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен. Приложение IX, ил. 15 (фото л. 286 об. сборника Пог. 1319).

местом являлся Чудов монастырь (там хранилась книга Василия Великого – ГИМ, Менш. 1565 с вкладной записью 1600 г.).

Основным писцом 1 части ЯМЗ-14982 являлся уже известный нам Белозерский инок Антоний Куликов. Его манеру письма выдают: высокое А (с изогнутой спинкой), характерные высокие варианты Б и В, высокое И (десятеричное) в виде столбика с отчеркнутыми сверху и снизу черточками; характерны лигатуры «аг, ак, ау, бе» (когда перекладина Б переходит в язычок «Е»), «до, же, ще».Особенно любопытно использование выносных главных в конце строк: «а» (наиболее часто), «е» (типичен вариант с навершием, спускающимся вниз), «ю, ять». Писательский стиль Антония выдает выражение на л. 268: «Сия книга Василий Великий написана бысть в лето от *создания миру* 7105».

Вторая часть сборника ЯМЗ-14982 (л. 269–402) на самом деле написана тем же Антонием Куликовым (в этом мы согласны с Белокуровым). Первая и вторая части ЯМЗ-14982 написаны черными чернилами и являются одновременными. Филиграни: Кувшин с одной ручкой и литерами SB – типа Брике, 12811 (1580–1594 гг.), Кувшин с одной ручкой и литерами PG – типа Дианова (Кувшин), № 60 (1600 г.).

Другая половина сборника ЯМЗ-14982 (л. 403–615 об.) отличается своими особенностями – она написана другими (коричневыми) чернилами, имеет свой особенный счет тетрадей. Филиграни: Кувшин с одной ручкой и литерами IH – Лих. 1954 (1594 г.), 4115 (1596 г.), Гроздь винограда с литерами AM (только на л. 608=611) – в опубликованных справочниках не отыскивается. Данную часть рукописи мы датируем концом XVI в.

Наш анализ показывает, что части, расположенные на л. 403–509 и л. 515–615 об. сборника ЯМЗ-14982, также написаны Антонием Куликовым.

Особенное внимание привлекает Сказание о Максиме Греке (л. 515–516 об.). Его замечательная особенность состоит в том, что это – древнейший список памятника[51]. Более того, покажем, что

[51] В Нижегородской областной библиотеке Н.В. Синицына выявила список Сказания, который, по ее мнению, относится к концу XVI в. (Сказания о преподобном Максиме Греке. М., 2006. С. 26). По нашему мнению данный список датируется рубежом XVI–XVII вв. Кроме того, список содержит пропуски и искажения текста: после слов «Рожение же его не вем» пропущено «коего града», после слов «на руский язык» пропущено «сиречь», после слов «Тверскаго Акакиа» ошибочно написано «по благословению пресвященнаго Макария митрополита, благословением Иасафа митрополита, таже по сих», и другие.

автором Сказания о Максиме Греке является сам Антоний Куликов (!). Доказательство распадается на ряд положений. Во-первых, список Сказания ЯМЗ-14982 принадлежит руке Антония Куликова. Во-вторых, список ЯМЗ-14982 является древнейшим и содержит в себе две уникальных текстологических особенностей, отличающих его от всех других списков – в Заголовке к имени Максима добавлено «Грека», а сам текст заканчивается словами «До зде повесть сия». В-третьих, видим насыщение текста Сказания оборотами и выражениями, заимствованными из Степенной книги (знатоком которой являлся именно Антоний, переписчик главных ее списков Томского и Чудовского): «благочестивый государь», «православный государь», «православный самодръжец», «православная вера», «безчисленое множество», «трудолюбно», «благочестия вера», «любомудрие», «в сладость послушаше», «в иноческий образ одеяся» и другие. В-четвертых, отметим общий диалектизм: составитель Сказания два раза употребил слова «годищнаго», «годище» вместо «годового, год». Но это было свойственно именно Антонию; в переписанном им сочинении Максима Грека «Словцо к смеющим глаголати трижды аллилуиа» он заменил выражение «всегодное украшение»[52] на «всегодищное украшение» (ЯМЗ-14982, л. 519 об.).

В-пятых, видно стремление автора Сказания к замене числовых значений на словесные: «Осмей убо тысящи наставши, в четвертое на десять лето». Сравним в вкладной записи от имени игумена Антония (ГАТО. Ф. 1409, оп. 1, № 250): «Лета седмь тысящь осмьдесят осмаго»; или почерком Антония: «Написано 117 осмыя тысящи» (ЯМЗ-15230, л. 290 об.); опять же почерком Антония: «В лето... 7-мыя тысящи 114» (Пог. 1319, л. 286 об.) и там же «Дописано 115 осмыя тысящи» (л. 376 об.); снова почерком Антония: «в лето осмыя тысящи 144» (ГИМ, Барс. 1149, л. 3 об.). Заметим, что та же стилистическая черта проявляется и в Повести о Борисоглебском монастыре: там Антоний при перечислении игуменов пишет не 1, 2, ...6 игумен, а именно «прьвый, вторый, третий, четвертый, пятый, шестой игумен» (Троиц. 782, л. 457 об.). Наконец, в-шестых, выделим заимствования автора из текста Похвального слова Константину-Кириллу Константина Охридского. В Сказании утверждается, что «руский язык, сиречь словенский». Эта идея заимствована из Похвального слова, где говорится, что «се же есть буква словенска и болгарска, еже есть руская» (Унд. 1094, л. 3 об., это тетрадь, вынутая из ЯМЗ-15230 – написана рукой Антония). То же читается в самом начале Похвального слова:

[52] Сравните ГИМ, Син. 491. Л. 69 об.

«Кирила, учителя словенску языку и болгарску, ...новаго апостола и учителя всем странам русским» (Унд. 1094, л. 1).

Таким образом, у нас есть все основания признать автором Сказания о Макиме Греке монаха Антония Куликова. Антоний написал биографию Макима Грека на основании его собственных сочинений. Основной пафос Сказания – реабилитация ученого афонца, доказательство того, что он «муж истинно благочестив и ни единого в нем порока еретическа несть». Особенный интерес вызывает читающаяся в Сказании дата кончины Максима Грека (7064 г.). Очевидно, что известие о смерти Максима Грека списано не с надгробной плиты: запись чуда 1651 г., случившегося в Троице-Сергиевом монастыре, показывает, что на могильной плите Максима Грека вообще никакой надписи не было. Но в нашем распоряжении имеется Троицкий синодик 1575 г. (РГБ. Ф. 304/III, № 25), позволяющий кое-что сказать о хронологии помещенных в нем записей. При этом особенно важно привлечение Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря, открывающей возможность построения хронологической сети для оценки времени внесения того или иного имени в Синодик. Проведенное нами исследование показало, что Максим Грек скончался в декабре 1557 г. (т.е. в 7066 г.)[53]. Следовательно, Антоний Куликов аналогичным образом изучил Троицкий синодик и ошибся совсем не на много – у него получился 7064 г.

Итак, чтобы написать Сказание о Максиме Греке, автору необходимо было поехать в Троице-Сергиев монастырь и поработать там с местными архивами. Определение этого момента даст возможность точнее датировать создание Сказания о Максиме Греке (напомним, что по палеографическим данным Сказание по списку ЯМЗ-14982 датировано концом XVI в.).

Переписывая в сборнике ЯМЗ-15230 житие Антония Римлянина (л. 915–948 об.), Антоний сделал замечательную приписку: «Аз же сиа вся тогда написахом себе памяти ради в преименитой обители Живоначальные Троици и великаго в чудесех Сергиа чюдотворца» и окончательно – «Списана же быша сиа чюдеса преподобнаго Антониа во времяна тоа обители Живоначальные Троици Сергиа чюдотворца в лето 7106-го марта 22 день», далее «понужением честнейшего архимарита Кирила честные обители Сергиа чюдотворца» (л. 948 об.).

Если Антоний Куликов находился в Троице-Сергиевом монастыре 22 марта 1598 г., переписав перед этим Житие Антония Римлянина,

[53] *Клосс Б.М.* О дате смерти Максима Грека // Россия и христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2015. С. 136–139.

то он мог пребывать в Троицком монастыре в 1597–1598 гг. Палеографические особенности списка ЯМЗ-14982 склоняют к тому, что Сказание о Максиме Греке все же было составлено именно в 1597 г. Кстати, тогда же Антоний мог подарить тепло встретившему его архимандриту Кириллу Завидову сборник своих материалов по истории Борисоглебского монастыря (сейчас это рукопись Троиц. 782).

Переходим к описанию сборника ЯМЗ-15230 (в 4°, на 1104 листах). Состав его разновременный – л. 521–572 об. и 674–683 об. принадлежат XVI в. (листы со знаком Сферы – 60-х годов XVI в.). Другим почерком написаны л. 251–338 и л. 1090–1097 об. Листы 243–290 об. переписаны хотя и Антонием, но особыми чернилами и несут помету: «Написано 117 осмыя тысящи». Письмо остальной части сборника принадлежит руке Антония Куликова, содержит разнообразные материалы, в том числе Церковный устав архиепископа Геннадия (л. 123–143 об.), Обиход Троице-Сергиева монастыря (л. 147–147 об.) (т.е. продолжается традиция, соединяющая Новгородскую и Троицкую схемы архимандрита Кирилла Завидова). Основная часть сборника ЯМЗ-15230 датируется началом XVII в.: 1) Двурукий кувшин под розеткой, сбоку литеры A и соединенные D-B (подчеркнутые снизу) – Лих. 4099 (1600 г.); 2) Тот же кувшин с литерами A и D-B – Дианова (Кувшин), № 371 (1600–1615 гг.); 3) Двурукий кувшин под розеткой, на тулове число «600» – Дианова, № 541 (1602, 1604 гг.).

На л. 23, 28 об., 34, 42, 47, 54, 61, 79, 95, 447 сборника ЯМЗ-15230 оттиснуты ксилографические заставки, воспроизведенные в книге О.Р. Хромова[54]. А.А. Турилов предполагает Ярославское происхождение ксилографических заставок ЯМЗ-15230. Нам представляется более вероятным происхождение заставок из Кирилло-Белозерского монастыря: как раз в начале XVII в. в рукописных книгах Кирилло-Белозерского монастыря появляются гравюры на дереве, а количество листов с гравированными заставками выявлено в настоящее время более двух десятков[55]. Сборник РГБ. Ф. 209 (Собр. Овчинникова), № 277, в 4°, на 667 листах. Написан в начале XVII в., филиграни: 1) Кувшин с двумя ручками под розеткой, на тулове дата «1600» – Лих. 4103–4105 (1601 г.); 2) Кувшин с одной ручкой, на тулове литеры PG – Дианова (Кувшин), № 60 (1600 г.); а также остатки бумаги

[54] *Хромов О.Р.* Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX веков. Каталог коллекции Ярославского государственного историко-архитектурного художественного музея-заповедника. М., 2013. С. 275–280.

[55] *Врасская О.Б.* Об орнаментации рукописных книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник 3. М., 1983. С. 275–276.

предыдущей рукописи; 3) Кувшин с двумя ручками, сбоку литеры А и D-В – Дианова, № 372 (1600–1615 гг.); 4) Двурукий кувшин, на тулове число «600» – Дианова, № 541 (1602, 1604 гг.), и другие.

Весь текст (агиографического характера), за исключением л. 1–24 (XVIII в.) и л. 597–602 об., 604–613 (XVI в.), переписан Антонием Куликовым. На л. 86, 106, 227 ксилографическме заставки, подобные тем, что в рукописи ЯМЗ-15230.

Рукопись РНБ, Собр. М.П. Погодина, № 1319 (в 4°, на 843 листах) писана мелким полууставным почерком Антонием Куликовым. В 1606–1607 гг. он был уже в Ярославле и туда же привез доски, оттиски с которых появились в гравюрах данного сборника. На л. 1–286 об. сборника Пог. 1319 переписан Маргарит Иоанна Златоуста. Финальная запись находится на л. 286 об.: «Божиею помощию написася и совершися книга сиа блаженнаго Иоанна Златоустаго, глаголемаа Маргарит, с прочими душеполезными словы, к ней приложеными, в богоспасаемом граде Ярославли в *лето от создания мира 7-мыя тысящи* 114»[56].

На л. 287–375 об. выписки из Степенной книги, начиная со «Сказания о святем благочестии Росийских началодержец и семени их святаго» и кончая Сказанием о Борисе и Глебе и известием о крещении костей Олега и Ярополка., в заключение выписано Житие Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского чудотворца. По разночтениям выписка отличается от всех известных списков Степенной книги и важна для ее истории в начале XVII в. Листы 82, 108, 146, 166, 373 украшены заставками, оттиснутыми с деревянных досок, причем заставка на л. 82 совпадает с заставкой л. 47 рукописи ЯМЗ-15230. На л. 376–376 об. помещена известная летописная статья 6986 г. о брани между митрополитом Геронтием и архиепископом Вассианом о Кириллове монастыре. В конце значится: «Дописано 115 осмыя тысящи марта 10». Далее следуют выписки из Патерика Печерского и Русского хронографа (до Бориса Годунова).

Наконец, последняя работа Антония – это переписанный в 1635 г. Служебник ГИМ, Собр. Барсова, № 1149 (в 4°, на 354 листах). В записи на л. 3 об. говорится: «Начаты же быша писати сия три службы *в лето осмыя тысящи* 144-го декабря в 19 день... по благословению великаго святейшаго Иоасафа патриарха Московского и всея Русии и прочих преосвященных митрополитов и архиепископов Росийскаго патриаршества, писанна в богоспасаемом граде Ярославле, в ве-

[56] Фото л. 286 об. воспроизведено в книге: *Синицына Е.В.* Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX века. Приложение IX.

ликой лавре всемилостиваго Спаса и святых чюдотворцов великих князей Феодора и чад его Давида и Констянтина рукою многогрешнаго чернца Антония». Весь Служебник переписан рукой Антония Куликова. Здесь он вспоминал дни своего былого архимандритства. Но свои последние дни Антоний провел все-таки в Борисоглебском монастыре, где он когда-то игуменствовал, здесь он принял схиму с именем старца Авраамия и скончался примерно в 1641 г. (в 1642 г. его уже не было в живых). Все эти подробности мы узнаем из вкладной в Ярославский Спасо-Афанасьевский монастырь, написанной на л. 1–190 рассмотренного выше сборника ЯМЗ-15230: «Лета 150-го году месяца июня 5 день въдал сию книгу вкладу в Рослав во обитель Нерукотворенного образа Господа нашего Исуса Христа Афонасью и Кирилу Александрских чюдотворъцов старець инок скимъник Аврамей Дияконов по своей душе и по своих родителех, чтобы по мне пожаловать за тое книгу четыре десять... служити и понахиды петь и в сенаники девять имян псати и поминать во веки. Дому никому от Офонасья и Кирила Александрейских чюдотворцов не взяти, быти в дому и во веки. А сию книгу устав подписал по приказу старца Аврамия по ево велению Борисоглебъсково монастыря слушка Ратманко Севрюков».

Чуть позже (1 августа 1642 г.) написана вкладная на л. 1–158 сборника ЯМЗ-14982 в Ярославский Спасо-Преображенский монастырь уже другим слугой Борисоглебского монастыря и полная несуразностей: «Лета 7150-го августа в 1 день дал во Ярославль Боголепного Преображения во Спасьской монастырь великого Господа Бога Исус Христа и в дом святых чюдотворцев преподобнаго и благоверного князя Феодора и благоверных князей чад его Давида и Константина Смоленских и Ярославъских сию книгу Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийския... раб Божий инок Аврамий, в мире бывшой Анитоней Диаконов ярославец, постриженик Борисоглебского монастыря с Устья, в наследие вечных благ по своих родителех и по своей душе в вечный поминок».

Этот писец ошибся трижды: монашеское имя Антония он принял за мирское, ошибочно назвал его Ярославцем, наконец, также ошибочно посчитал его постриженником Борисоглебского монастыря. Можно думать, что в Спасо-Афанасьевский монастырь Антоний подарил рукопись ЯМЗ-15230 потому, что бывал в этом монастыре в 1606–1607 гг.

В заключение публикуем никогда не издававшийся авторский список ЯМЗ-14982 Сказания о Максиме Греке (л. 515–516 об.) – в упрощенной орфографии (старинные буквы заменяем на современные):

СКАЗАНИЕ О ИНОКЕ[57] МАКСИМЕ ГРЕКЕ СВЯТОГОРЦЕ ВАТОПЕДЬСКИЯ ОБИТЕЛИ

Осмей убо тысещи наставши, в четвертое на десять лето годищнаго обхожденіа Руския земля скипетръ удержавшу благочестивому и приснопамятному государю великому князю Василью Ивановичю во преславном граде Богом хранимом Москве. Не по колицех убо летех державы царствиа своего сей православный и всея Руския земля государь великий князь Василей отверзе царския сокровища древних великих князей, прародителей своих, и обрете в некоторых полатах безчисленое множество греческих книг, словенским же людем отнюдь неразумны. И божественою ревностию подвигся, посла во Царствующий град со многим молением к патриарху, чтобы прислал такова человека, могущаго истолковати книги з греческаго языка на словенский. Патриархъ же о сем тщание сотворив и на взыскание посла во Фракию и в Македонию и в Селунь некли возможет обрести такова мужа, могуща православнаго государя желание исполнити. Бе же тогда велия скудость одержаше Греческую землю людьми мужей философов. И по многотрудном оном взыскании едва обретоша во Афонстей горе дву иноков, единому имя Даниил, другому же Максим. Патриархъ же едва умоли единого от них Максима и посла его ко православному государю с великою честию. Бе же велми хитръ еллинскому наказанию и римскому и словенскому, и от внешних учений ничто же утаися от него, и о божественей философии несытно рачительство имея.

Рожение же его не вем, коего града, но токмо от сотвореных от него книги уразумех, яко грек бе и яко учения философии прия в западных странах, во Фрязской земле, во граде Паразии и во Флорентции и во иных многих градех, преходя и оттуду велие учение притяжа, поелику даровася ему от Создателя всех Христа Бога нашего. И последи во Афонскую гору приде и тамо в Ватопедьстей обители Благовещениа Пречистыя Богородици во иноческий образ одеяся. И тако от Афонскиа горы отходит по благословению святейшаго патриарха и достиже до православнаго самодержца государя великого князя Василья. Благочестию же правитель виде такова мужа и вос-

[57] Слово «иноке» надписано сверху.

прия его со всякою христоподобною кротостию и повеле ему жити во обители Благовещениа Пречистыя Богородица, иде же воспоминание чюдеси святаго архаагела Михаила и чюдотворца Алексея многоцелебныя мощи лежать.

По мале же времени великий государь приснопамятный Василей Ивановичь сего инока Максима призвав, и вводит его в свою царскую книгохранительницу и показа ему безчисленое множество греческих книг. Сей же инок во многоразмышленном удивлении бысть о толиком множестве безчисленаго трудолюбнаго собрания и с клятвою изрече пред благочестивым государем, яко ни в грецех толикое множество книг сподобихся видети: «Сего ради, преславный самодержче государь, из Греческие земли в Западные страны от младых ногтей вдахся на учение, поне же не обретох в Гречестей стране философскаго учения ради великиа скудости книжныя. Егда убо безбожнии турци обладаша Царствующим градом, тогда неции благочестивии взяша множественое множество греческих книг, хотяще соблюсти благочестиа веру, да не до конца угаснет светило греческое православие от безбожных и богомерзских турков[58]. И тако отплыша морем в Рим. Латыньстии же людие тщеславни зело и от многих лет желаху восточных учителей списания видети, но гречестии цари не изволиша сему быти ради отступлениа их от православия. Егда же улучиша время, принесеныя убо от грек книги в свой римский язык преложиша, а греческия же книги отнюдь все сожгоша огнем, и тако конечно оскуде у грек философия. Аз же нынече, преславный государь Василие самодержче, никогда толико видех греческаго любомудрия, яко же вашее царское рачительство о божественом сокровищи».

Великий же государь Василей Ивановичь в сладость послушаше его и преда ему книги на разсмотрение розобрати, которые будет еще не преложены на руский язык, сиречь словенский. Максим же трудолюбно делу коснуся и неколико книг обрете не преведены на словенский язык. И не по мнозе времени великому самодержцу имяна книгам тем явственно сотвори, елицех обрете не преложены в словенский язык. Православный же самодержец повеле книгохранителем особь их блюсти и писание пологати, да не смесны будут с прочими. Максиму же повеле Псалтырь Толковую превести, ю же седмь великих учителей в различные времена истолковаша, иже последи от любомудрых воедино сочеташа. Инок же со усердием повеленному внимаше, нужа же ему бысть молити государя, чтобы в помощь дал римских толмачей Дмитриа и Вла-

[58] На полях замена – «турок».

сиа, поне же Максим неусовершенно словенскаго языка клонение словес граммотическою хитростию знаяше. Благочестивый же государь моление мниха не презре, но вскоре повеле сему быти. Сам же православный государь множество доброписцов повеле собрати, да удобно дело совершается, и оброки довольны от царских своих хранилищь сему старцу Максиму даяше и сущих с ним неисповедимым человеколюбием милосердуя.

И сице за годище дело на свершение изведе и государю в царские его полаты принесе. Великий же государь не просто прият, но посла книгу сию отцу своему пресвященному митрополиту, повеле со всем Священным собором о книзе сей смотрити. И не по мнозе времени пресвященный митрополит приходит в царевы полаты со всем своим Освященным собором, и единому от клирик носящу ону новопреложеную Псалтырь, и сию соборне похваляют и источник благочестия нарицают. Великий же князь самодержец радостно книгу прият, оного же веледарными похвалами украшают, сугубо сложную мзду дают.

Мних же не толико до сих ста, но и вящшую честь восприят, яко всем сиглитам царским, впадающим в прегрешение, быстрый молебник ко православному. И сице девять лет препроводи, труды удручаяся, книги прелогая и древние преведеныя исправливая, поне же видев во многих книгах некоторые речи неразумны, или древнии преводчики не достигоша разтолковати, или от преписующих книги разстлешася и неисправлением произыдоша во многовременные лета. И сице в сих безпрестани упражняяся.

Злоначальный же враг николи же хотя добра роду человечю, ноипаче на нас благочестивых непремирительно враждуя и завидя спеющем во благое, воздвиже некоторых небратолюбцов на неприязненую зависть, яко иноплемянник человекъ в толику высость воздвигся, забыша апостольское слово: «Несть июдей, ни еллин, несть варвар, ни скиф, вси бо о Христе едини есте». И сего старца Максима они неблазии оклеветаша ко православному, еретиком и прелестником и врага Богом хранимой земли Рустей овех убо от них на клеветы воздвиже, и друзии от них лжесведетельством утвержаху клевету. И тако неповинного в заточение осуждают. И бысть в заточении лет 22 во граде Твери во епископии. И неизглаголанными судьбами человеколюбца Христа Бога ослабу улучи от епископа Тверскаго Акакиа по благословению преосвященнаго Иоасафа митрополита, таже по сих Макариа митрополита благословением к церкве хождение и пречистых и животворящих таин Христовых причащение. И тако пребываше, благодаря Христа Бога Спаса и Содетеля всех.

Егда же отдохну от многоскорбнаго пребывания и видя себе крепце от всех неправдуема и поносима, и написа исповедание о пречи-

стей и православней вере хрестияньстей, что он истинный православный христианин, очищая себе от всех плевелъ еретических, написа словеса обличительна на иудеи и на еллин, на латын и на агарян и иные многие словеса, ова поучительна, иная же по вопросом ответы. Иная же о недоведомых вещех, и тако множество писаний остави. Таже последи милостивым царем благочестивым православным государем великим князем Иваном изведен бысть из Твери и жити ему повеле во обители всепетыа и поклоняемыя Пресвятыя Троици в Сергиеве монастыре. И тако в старости велице преставися лета 7064-го.

Аз же написах сие сего ради, яко многое множество писаний его остася, и последним людем многим неведом, кто Максим. Да сия прочтут, разумеют о нем, яко мужь истинно благочестив и ни единого в нем порока еретическа несть.

До зде повесть сия.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Т.В. Рукописи московских писцов братьев Басовых (80-е годы XVI – начала XVII века) // От Средневековья к Новому времени. М.: Индрик, 2006. С. 587–608.

Анисимова Т.В. Каталог славяно-русских рукописных книг из собрания Е.Е. Егорова. Т. 1: № 1–100. М.: Пашков дом, 2018. – 373 с.

Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, преемн. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1898. – XVI, 336, DXXVIII с.

Богатырев С.Н. Датировка Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4(50). С. 77–94.

Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – 277 с.

Врасская О.Б. Об орнаментации рукописных книг из Кирилло-Белозерского монастыря // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник 3. М.: Наука, 1983. С. 267–276.

Журавель О.Д. О почерках древнейших списков Степенной книги и о некоторых вопросах ее ранней истории // The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciusness, 2011 (UCLA Slavic Studies, New Series). P. 33–49.

Клосс Б.М. О дате смерти Максима Грека // Россия и христианский Восток. Вып. IV–V. М., 2015. С. 136–139.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. – 312 с.

Краеведческие записки: сборник / Департамент культуры и туризма, Администрация Ярославской области, Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Ярославль: Ремдер, 1956–2005. Вып. 3: Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея / Лукьянов В.В. 1958. – 290 с.

Лицевой летописный свод XVI века. Методика описания и изучения разрозненного летописного комплекса. М.: Б/и, 2003. – 221, (1) с.
Лицевой летописный свод. Научный аппарат к факсимильному изданию рукописи. Москва: Актеон, 2009.
Новикова О.Л. Купец Филипп Осипович Плигин и его собрание рукописных книг. М.; СПб.: Альянс – Архео, 2021. – 160 с.
Покровский Н.Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 23–24.
Семячко С.А. Сборник «Старчество» в Кирилло-Белозерском монастыре // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 211–296.
Синицына Е.В. Книжные собрания Ростово-Ярославской епархии с древнейших времен до начала XX в. Опыт реконструкции. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. – 399 с.
Сиренов А.В. О Волковском списке Степенной книги // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Вып. 4. СПб.: Наука, 2001. С. 246–303.
Сиренов А.В. Пометы Томского списка Степенной книги и составление Лицевого летописного свода // Историография и источниковедение отечественной истории. Сборник научных статей. Вып.7. М.; СПб.: Альянс – Архео, 2014. С. 202–218.
Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила Переяславского чудотворца. Повесть о обретении мощей и чудеса его. М.: Синод. Тип., 1908. – [2], XXXVIII, 133 с.
Стрельников С.В. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря: источниковедческие наблюдения // История и культура Ростовской земли. Ростов, 1998. С. 53–58.
Турилов А.А. Из истории книгописания и книжной гравюры в Ярославле на рубеже XVI–XVII веков (сборники старца Авраамия – Антония Дьяконова и рукописи их круга) // 200 лет первого издания Слова о полку Игореве. Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России 27–29 августа 2000 г. Ярославль, 2001. С. 191–194.
Усачев А.С. Древнейшие списки Степенной книги: филигранологическое исследование // The Book of Royal Degrees and Russian Historical Consciousness, 2011. P. 11–32.
Хромов О.Р. Цельногравированная книга и гравюра в русских рукописях XVI–XIX веков. Каталог коллекции Ярославского государственного историко-архитектурного художественного музея-заповедника. М.: Арт-Родник, 2013. – 438, (1) с.
Шумилов В.Н. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Опись документов фонда № 135. М.: Внешторгиздат, 1971. – 204 с.

Пушкарева И. М.

ВНОВЬ О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ И РАБОЧЕМ ВОПРОСЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Аннотация: *Статья посвящена анализу забастовочного движения в России конца XIX – начала XX вв. Опираясь на данные статистики (как варзаровской, начала XX в., так и обновленной и сведенной воедино в «Хронике рабочего движения», выпущенной коллективом авторов Института российской истории РАН в 1990-е – начале 2000-х гг.) и материалы описаний наиболее известных забастовок начала XX века, автор определяет этапы и отличительные особенности российских индустриальных конфликтов, факторы перехода противоречий в трудовой сфере в форму забастовки, роль законодательства и формирования протоинститутов и объединений, могущих представлять интересы работников.*
Ключевые слова: *новая рабочая история; пролетариат; формы протестного движения; стачки; рабочий вопрос; история России конца XIX – начала XX в.*

Pushkareva I. M.
Once more about the labor movement and the labor question in Russia at the turn of the XIX–XX centuries

Annotation: *The article is devoted to the analysis of the strike movement in Russia of the late XIX – early XX centuries. Based on statistics (both Varzarov's, the beginning of the XX century, and updated and brought together in the "Chronicle of the Labor Movement", released by a team of authors of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences in the 1990s – early 2000s) and materials describing the most famous strikes of the early XX century, the author defines the stages and distinctive features of Russian industrial conflicts, factors of the transition of contradictions in the labor sphere into the form of a strike, the role of legislation and the formation of proto-institutes and associations that can represent the interests of workers.*
Keywords: *New workers' history; Proletariat, Forms of protest movement; Strikes; Workers' question; Russian history of the late XIX – early XX century*

Тема взаимоотношений российского рабочего класса с предпринимателями и правительством как одна из острых социально-политических проблем рубежа XIX–XX вв., порожденных индустриальной революцией, сохраняет и сегодня свою важность для выявления социальной типики и общественной прогностики. Социальные процессы полуторавековой давности имели предысторией стремительный численный рост лиц наемного труда за счет мигрировавших из деревни в город. В богатой недрами стране нищенское положение этих сотен тысяч людей усиливалось их бесправием

и неумением сопротивляться произвольным вычетам и штрафам со стороны предпринимателей, продолжительностью рабочего дня, отсутствием охраны труда, социального страхования и медицинского обслуживания, а также профессиональных союзов, которые могли бы защитить их экономические интересы. Учреждение в 1885–1886 г. фабричной инспекции, призванной регулировать отношения рабочих с предпринимателями и предотвращать нарушения прав рабочих, не принесло последним заметного улучшения жизни и не остановило их попытки протестовать против несправедливости. Число случаев прекращения работы быстро росло и множественные отдельные выступления постепенно превратились в массовое протестное движение. Рабочий вопрос стал одним из самых горящих во внутренней политике правительства.

УТОЧНЯЯ ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ В ИЗУЧЕНИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Историю рабочего движения в царской России обычно связывают с эволюцией государственной системы и историей освободительного движения в стране. Фабричная инспекция Министерства финансов (МФ) в России, сформулировав в 1895 г. требование тщательной регистрации случаев прекращения рабочими трудовой деятельности, ставила задачей выявить повторность протестов и поводов к ним в разных городах страны. Растущая солидарность рабочих в их протестных действиях последнего десятилетия XIX в. все чаще объединяла стачки на отдельных предприятиях в общественное движение с характерным для него единством, схожестью или даже единообразием выражения недовольства, некой «естественной телеологией», основанной на разуме и повседневном опыте рабочих. Обращаясь как раз к показателям, собранным фабричной инспекцией, сторонники марксистских идей в России сочли 1895 год годом начала нового этапа освободительного движения, который был назван позже пролетарским и заложил краеугольный камень в периодизацию рабочего движения и истории страны в советской историографии.

Изучению рабочего движения в царской России были посвящены когда-то десятки статей и книг. Но смена объяснительных парадигм в 1990-е гг., а вместе с ними и научных приоритетов в гуманитарном знании заставили буквально «забыть» это направление в исследовании российского прошлого. История дореволюционного рабочего класса оказалась скомпрометированной своей увязан-

ностью с историей РСДРП[1]. Пренебрежительное и даже насмешливое отношение к истории многомиллионной части российского населения нашло проявление в критическом отношении к истории массовых проявлений оппозиционности, публичных форм протеста, к истории взаимоподдержки, солидарности и коллективизма. История рабочего движения при всей важности темы для социальной истории страны в XX в. стала замалчиваться новейшей отечественной историографией. Тема очевидно потеряла былую идеологическую значимость, и изучение истории российского рабочего класса замедлилось, оставшись один на один с устаревавшими взглядами и представлениями. Сомнения в необходимости изучения темы вылились даже в дискуссии о «конце рабочей истории». Но эти научные обсуждения неожиданно выявили новый эвристический потенциал темы, историчность прежних выводов и характеристик массового рабочего движения, связывавших три типа социальных акторов (рабочих, предпринимателей и государство), заставили признать правомерность социальной активности лиц наемного труда в их попытках «изменить экономический баланс сил между рабочими и предпринимателями»[2].

Новый интерес к «рабочей теме» заставил обратить внимание на фабричную статистику, курировавшуюся с 1905 г. старшим фабричным инспектором МФ В.Е. Варзаром, которая обобщала некоторые сведения о стачках 1895–1904 гг. по 58 губерниям и областям Европейской части страны. Сведения эти охватили примерно половину фабрик и заводов России и около 70% тогдашних рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности. Министерство и хозяев производств интересовали «потерянные» рабочие дни и уменьшение прибыли. Регистрировались прежде всего крупные предприятия (среди фабричных – прядильно-ткацкие, среди заводских – металлургические), где контингент рабочих отличался высоким по тем временам уровнем квалификации и грамотностью. На основе этой статистики и была представлена картина рабочих протестов в дореволюционной России[3]. Таковой она поначалу попала и в советскую историографию.

---

[1] *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998–1999. М., 1999. С. 40–76; *Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л.* «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // Социальная история. 2001–2002. М., 2004. С. 47–69.

[2] См.: Конец рабочей истории? / под ред. Марселя ванн дер Линдена. М., 1996. С. 259–260.

[3] Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие. 1895–1904 гг.: Сост. по поручению Отд. пром-сти фабр. ревизор В.Е. Варзар. СПб., 1905

Но «за кадром» осталось немалое число производственных конфликтов, инициаторами которых были не кадровые и не фабрично-заводские рабочие. Оставалась невостребованной огромная информационная база, скрытая в архивных документах. Работа над ней началась в 1980-е гг. и была нацелена на получение материалов в том числе для *количественной характеристики рабочего движения*. Речь шла не только о стачках, но о всех трудовых конфликтах и формах рабочего движения, связанных с другими событиям и процессами в политической жизни общества. В связи с распадом СССР этот ценный для общественно-политической истории России замысел так не был реализован в полном объеме. На сегодня в наличии имеются лишь материалы, собранные российскими историками и архивистами в более, чем 100 архивах бывшего СССР по периоду от возникновения статистической службы до революции 1905 года, то есть – с 1895 по 1904 гг. Именно по этому периоду опубликована (дополненная сведениями из общественно-политической печати) уникальная аннотация событий истории рабочего движения в стране[4]. Она дает возможность представить количественную характеристику рабочего движении и процессов, с ним связанных. Анализ этих материалов, собранных по специально заложенной для сбора информации программе, был первой попыткой пересмотреть старые, «варзаровские» показатели рабочего движения, дать его характеристику в ракурсе «большой истории»[5].

В настоящее время работы по истории рабочего движения выпускаются крайне редко и, главным образом, это исследования на основе источников, почерпнутых в местных архивах, охватывающие ограниченные локусы и временные отрезки. Поэтому задачей данной статьи автор считает попытку возродить макро-подход к истории рабочего движения в России, обратившись к количественным его характеристикам и уточняя понятийные категории (массовое рабочее движение, стихийная организованность, формы протеста), давая обновленную оценку крупнейшим стачкам и предпосылкам революции 1905–1907 гг. и характеризуя контакты рабочих с россий-

---

[4] Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917. Хроника: Вып. 1. 1895 год; Вып. 2. 1896 год; Вып. 3. 1897 год; Вып. 4. 1898 год; Вып. 5. 1899 год; Вып. 6. 1900 год; Вып. 7. 1901 год; Вып. 8. 1902 год (в 2-х частях); Вып. 9. 1903 год. (в 4-х частях); Вып. 10. 1904 год. (в 3-х частях) / отв. состав., отв. ред. И.М. Пушкарева. М.; СПб., 1992–2008. (Далее: Рабочее движение. Хроника).

[5] Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв.: Сб. статей / отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб., 2011. С. 60–69. (Далее: Трудовые конфликты...).

скими политическими партиями, равно как отношение к «рабочему вопросу» в правительстве.

Рубеж XIX–XX вв. был временем обострения социальных противоречий. Следствием их был подъем общественной активности всех слоев населения и распространения оппозиционных идей. Какая часть непривилегированного населения была неравнодушна к ним? Отчасти ответ можно получить, размышляя над общими статистическими сведениями о трудовых конфликтах и стачках. Согласно им, с 1895 г. по 1904 гг. в 81 губернии и области России в различных городских производствах (без учета сельских) в протестном рабочем движении выявлено свыше 8000 трудовых конфликтов, в которых участвовало около 1,5 млн рабочих (и это при том, что в 1700 случаях, то есть в пятой части выступлений, число участников осталось неизвестным)[6]. Эти полтора миллиона рабочих из разных регионов страны, борясь за справедливость, представляли интересы более, чем 10 млн лиц наемного труда, а если брать вместе с семьями – то около ⅕ населения империи в начале XX в. Вобрав информацию о *всех отраслях российского производства* новые показатели в сравнении с данными фабричной инспекции дают основание говорить о значительно большем (в 3,6 раза), чем ранее считалось, числе участников рабочего движения и куда более выразительной численности трудовых конфликтов (почти в 4,6 раза, чем полагала царская статистика). Таким образом, можно говорить, что поначалу в российских трудовых конфликтах на всех производствах участвовало не менее 7% рабочих. В дальнейшем доля участников конфликтов явно росла: на рубеже 1899–1900 гг., то есть в начале экономического кризиса, доля выражавших протест составила около 9%, в обстановке нараставшей революционности в 1903 г. – достигла 15%.

Подсчеты трудовых конфликтов с прекращением работы дают по десятилетию 1895–1904 число 7.097 (взяты все отрасли производства); в *стачках* (а это 82,2% случаев, включая повторные) участвовало свыше миллиона (1343 712) рабочих. Таким образом, за десятилетие число стачечников составляет 16% от общей численности рабочих, работавших на всех производствах. По промышленным заведениям эти показатели равны, по сути, половине всех занятых (49%). Совместно с работникам индустриальных производств в стачках рассматриваемого десятилетия участвовало свыше полумиллиона (570 тыс.) занятых на железных дорогах; треть их (33,2%) были рабочими (из них 22% или 164 тыс. работали в мастерских и депо; их соучастие в стачках отмечалось фабричной далеко не всегда, так

[6] Подробнее см.: Трудовые конфликты С. 60–69.

как шло по ведомству Министерства путей сообщения)[7]. Наконец, к вышеуказанным 1,5 млн рабочих индустриальных производств и 570 тысячам железнодорожников стоит добавить стачечников в обрабатывающей фабрично-заводской промышленности. Часть их была под наблюдением фабричной инспекции[8], часть информации собрана из иных источников, что позволяет считать, что в этой области промышленности в более, чем 4 тыс. стачках (4071) участвовало свыше 800 тыс. (836325) рабочих. Это также превосходит показатели фабричной статистики в 2,3 (по числу стачек) и в 2 раза (по числу протестовавших) соответственно.

Нет однозначного ответа на вопрос, по каким причинам одни рабочие принимали участие в стачках, а другие нет; что мотивировало к «молчанию» или штрейкбрехерству, а что – к забастовочной деятельности. Мало изучены и латентные формы протестов, равно как социопсихологические импульсы (рациональные и эмоциональные). Донесения фабричной инспекции доказывают, что буквально с первых же недель приема на работу грамотные рабочие начинали обращаться с прошениями, иной раз «*в категорической форме при убеждении в правоте*»[9] в связи с нарушениями условий найма. Эта форма возмущения предшествовала переходу к требованиям, а в случае их неисполнения – забастовкам. Переход от жалоб и прошений к стачкам свидетельствовал об изменениях в психологии рабочих, обуславливал их дальнейшее социальное поведение. При это подавляющая масса рабочих, если судить по тем же материалам фабричной инспекции, была склонна к компромиссам и сохраняла «уместную форму поведения» с надеждой на «доверительный разговор с хозяевами». Отметим, что и петиция 9 января 1905 г. была именно «прошением», никаких «требований» в ее тексте нет[10].

Точка невозврата в надеждах на решение вопросов с администрацией и хозяевами путем жалоб и прошений в тот год была пройдена. Тексты обращений рабочих свидетельствуют о начале «ломки» в их сознании в отношении работодателей при сохранявшейся вере в прошения. За десятилетие перед революцией лишь около 200 тыс. рабочих (или всего 13,6%) и лишь в 12,7% случаев добились результатов прошениями и переговорами в своих конфликтах с администра-

---

[7] *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях М., 1975 г. С. 51, 79.

[8] Статистические сведения о стачках рабочих...

[9] *Ожегов С.И.* Словарь русского толкового языка. 10 изд. М., 1973 г. С. 742.

[10] *Пушкарева И.М.* У истоков протестного рабочего движения в России // Мастерство историка. Памяти доктора исторических наук И.С. Розенталя. Сб. статей и материалов. (Отв. ред. В.В. Шелохаев). М., 2019. С. 103–125.

цией. И эти победы были связаны лишь со страхом предпринимателей перед прямыми и косвенными потерями от простоев. «Сонные российские чиновники» (как именовал их публицист В. Ильин (под этим псевдонимом скрывался, как известно, В.И. Ленин)[11] констатировали на исходе XIX в. рост «деятельного сочувствия» «застрельщикам забастовок», а также появившуюся в их выступлениях неожиданную для инспекторов «общность интересов рабочих в различных районах страны»[12]. Такого рода наблюдения были неприятны заказчику, потому в донесения их вписывали лишь в случае крайней необходимости, представляя разборки и стачки внутренним делом предпринимателей и лиц наемного труда, а в случае обострения ситуации – одобряя силовое давление на рабочих и приравнивая тем самым рабочие протесты к крестьянским бунтам. На рубеже XIX–XX вв. российских интеллектуалов возмущали случаи массовой порки как расправы с бунтующими рабочими в добывающих отраслях производств[13].

Обращаясь к панораме рабочего движения за десятилетия перед революцией, можно разглядеть конкретные очаги столкновений рабочих с администрацией и хозяевами производств. От робко выраженных пожеланий рабочие приходили к продуманным сценариям своих выступлений, проявляя «стихийную организованность» и собирая вместе с товарищами по работе вначале групповые, затем – профессиональные, а после и всеобщие городские коллективные стачки[14]. Последние как «массовые действия лиц наемного труда с целью удовлетворения материальных интересов и общественных потребностей» являли собой волю и стремление рабочих к преобразованию социальной действительности. Они более, чем любые другие протестные действия, характеризуют целеустремленность российского рабочего движения начала XX века. Рассматриваемые нами количественные показатели, обнаруживаемые в статистических отчетах, депроизводственной документации местных и центральных учреждений и материалах печати приоткрывают исследователю социальные механизмы, определявшие поведение рабочих в окружавшей их обстановке. Вводя в оборот информацию из источников разных типов и видов, применяя методики триангуляции (перепроверки данных, сообщенных в различном эмпирическом материа-

[11] *Ильин В.* Стачки металлистов в 1912 году // Металлист. 1913. № 7. С. 4.

[12] Статистические сведения о стачках рабочих... С. 25.

[13] *Маруев В.А.* История золотодобывающей промышленности в Забайкайлье в XIX–начале XX в. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. Иркутск, 2019. С. 52.

[14] Подсчеты коллективных стачек по комплексу указанных материалам осуществлены Л.С. Новоселовой-Чурсиной. См.: Трудовые конфликты. С. 87–88.

ле), современные исследователи рабочего движения освобождают свои выводы от идеологических наслоений, обнаруживая масштабную картину перемен в социальном слое лиц наемного труда, объединявшем людей, очень различающихся по социальному происхождению, профессиям, культурному уровню и конфессиональной принадлежности. Обобщенные в «историческом источнике нового типа» («Хронике рабочего движения в России...»), эти материалы позволяют представить и дать различные, а не только количественные, характеристики организациям, связанным с рабочими. Зачастую они не имели жесткой «привязки» к какой-то из возникавших в то время партий, были внепартийными. Сравнение численности забастовщиков и количественных показателей создаваемых рабочими групп и союзов позволяет ставить вопрос о *сопряженности* рабочего движения с возникающими политическими и профессиональными организациями[15].

Самые высокие показатели в сопоставлении с общим числом участников забастовочного движения за десять рассматриваемых нами предреволюционных лет обнаруживаются в 19 губерниях, а эпицентры или очаги протестов – в 7 основных регионах России. Это ЦПР – 19,0%, Украина – 16,2%, Северо-запад с Петербургом – 11%, Польша – 8,2%, Белоруссия с Прибалтикой – 5,1%, Закавказье – 5,0%, Урал – 4,2%[16]. По коэффициенту активности лиц наемного труда (он рассчитывается на сто проживавших в регионе рабочих) на первом месте вовсе не столицы, а Бакинская, Батумская, Херсонская, Екатеринославская и Тифлисская губ. Недавний анализ петербургского историка Н.В. Михайлова дисперсии участников забастовочной борьбы в 1895–1904 гг. по 81 губернии и областям России показал, что примерно третья часть всех губерний (в общей сложности – 27) дала практически всю численность участников протестов, около 90%[17]. Рабочие, проживавшие в оставшихся 54 губерниях, лишь включались в то десятилетие в общую борьбу за улучшение своего положения. Эти подсчеты вносят существенные коррективы в ту идеализированную картину роста сознательности и организованности российских рабочих, которую принято было рисовать в советской историографии вслед за идеологами революционной партии.

---

[15] Трудовые конфликты... С. 157–158.

[16] См.: *Пушкарева И.М.* Возвращение к забытой теме: массовое рабочее движение в начале XX века // Отечественная история. 2007. № 2. С. 105.

[17] *Михайлов Н.В.* Революционный процесс и общественное сознание: Рабочие и российское общество в конце XIX – начале XX в.: истоки рабочего радикализма. СПб., 2009. С. 27, 30.

ОТ СТИХИЙНЫХ ПРОТЕСТОВ К ОРГАНИЗОВАННОСТИ

Предреволюционное десятилетие, о котором идет речь, позволяет выделить два периода в развитии массового рабочего движения: 1895–1899 гг. и определивший предпосылки революции период 1900–1904 гг. Расскажем о каждом отдельно, поскольку за сухими цифрами прослеживаются детали истории рабочего протеста и та скрытая динамика их борьбы, которые позволяют пояснить особенности возникшей, казалось бы, независимо от пропагандистских усилий разных партий, организованности движения (на примере крупных стачек).

Первый период открывается крупной экономической стачкой на Ярославской большой мануфактуре в апреле-мае 1895 г., в которой приняло участие свыше 10 тыс. рабочих. Возникший конфликт был ликвидирован солдатами Фанагорийского полка[18] («Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков» начертал император на полях доклада о расправе с «бунтовщиками»). Впрочем, конфликт погасили не только силой, но и гибкостью управленческой верхушки. На этом крупном предприятии работал сложившийся контингент наемных тружеников (среди которых, если судить по фотографии, было немало женщин[19]), отличавшихся грамотностью, квалификацией и профессионализмом. Владельцы мануфактуры сделали ставку именно на него, пообещав улучшение в оплате труда и дополнительные поощрения, а также изменение условий производственного быта. Целью предпринимателей было добиться раскола бастующих[20]. И план удался: после увольнения более, чем 5,6 тыс. бастовавших, до осени 1905 г. на Ярославской большой мануфактуре уже не было трудовых конфликтов.

Такой прием ликвидации протестных настроения для первого периода (1895–1904 гг.) был, скорее, исключением, а не правилом. Аналогичный случай можно найти разве что на фабриках Товарищества мануфактур Н.Н. Коншина[21]. В массе же своей российские

---

[18] Трудовые конфликты... С. 343.

[19] *Лактанов В.* История всероссийской политической стачки // Русская планета. 11.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://rusplt.ru/society/istoriya-vserossiyskoy-politicheskoy-stachki-18539.html

[20] *Туган-Барановский П.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб., 1898. С. 413–429.

[21] *Бородкин Л., Валетов Т., Смирнова Ю., Шильникова И.* «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих текстильщиков дореволюционной России. М., 2010. С. 128–130; Трудовые конфликты. С. 346.

предприниматели воздерживались от такого рода экспериментов, предпочитая в случае стачек тратить средства на размещение полицейских постов на территории предприятий, нацеленных на слежку за рабочими и исключающими возможность формировать стихийные группы недовольных. К таким формам борьбы с рабочим движением прибегли в 1899 г. после вышеописанного инцидента и на Ярославской большой мануфактуре.

Характерной чертой рынка промышленного труда в России было использование значительного числа неквалифицированных рабочих с низкими заработками, нерегламентированным рабочим днем. Причиной многих стачек было их недовольство грабительскими условиями труда. Этот социальный слой со второй половины 1890-х гг., отмеченный экономическим подъемом, стал быстро расти за счет сезонных отходников. Их артели возникали во всех производствах, большинство устремлялось на разработку полезных ископаемых и строительство железных дорог. Там условия труда были особенно тяжелыми, а стихийные проявления протеста – частыми. Пытавшиеся придать таким протестам организованность, руководители марксистских кружков в Екатеринославской губ. отмечали, что буквально не было «стачки, чтоб не был бы побит какой-либо мастер или разгромлена контора»[22]. Как правило, такие реакции отчаяния вызывало упорство администраций предприятий и отказы выполнить просьбы (проявлениями эмоциональных всплесков были различные акты вандализма: разгром фабричных контор и квартир служащих, избиения неугодных мастеров поленьями и кирпичами)[23].

Своеобразие российским проявлениям рабочего протеста того времени придавали не столько подобные акции, сколько поведение другой части рабочих, именовавшихся в советской историографии (позаимствовавшей такую терминологию из работ К. Каутского) «сознательными». Они склонны были гасить накал страстей и формулировать вместо жалоб и прошений коллективно сочиненные требования. Современники связывали такое «прозрение» русских рабочих с культурными итогами столетия и прежде всего с ростом грамотности. В частности, Г.В. Плеханов писал тогда, что ни в одном из общественных классов того времени не было «такой огромной жажды знания, такого лихорадочного стремления к свету, какими отличался рабочий класс»[24] в российских городах. 60% от общего

[22] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. М., 1955. С. 86.

[23] *Лактанов В.* История всероссийской политической стачки // Русская планета. 11.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://rusplt.ru/society/istoriya-vserossiyskoy-politicheskoy-stachki-18539.html

[24] *Плеханов Г.В.* Сочинения. Т. IX. Против народничества. М.; Пг., [1925]. С. 287.

числа рабочих трудилось именно в городской промышленности[25] и, скажем, в 1897 г. фабрично-заводские рабочие в городах в 2 раза чаще принимали участие в различных конфликтах, нежели вне городов[26]. Этот факт заставляет задуматься, не преувеличена ли роль пролетаризированного крестьянства в зафиксированном фабричной статистикой росте рабочего движения на рубеже веков?[27] Бывших крестьян среди рабочих, особенно сезонных, было немало, но не они определяли специфику рабочих протестов. Задачи верификации прежних выводов историков заставляют обратить внимание на культурное влияние городской среды на рабочих и на следствие этого влияния – уменьшение числа актов агрессии и вандализма, «анархии, безответственности и слепого эгоизма рабочих»[28] в промышленных конфликтах, все чаще встречавшуюся кратковременность и желание погасить протест призывами к сохранности фабричного имущества. Такие сценарии протестных действий становились все более распространенными в связи с появлением среди рабочих агитаторов: в стране формировалась многопартийная политическая система с общественными организациями, искавшими сферу применения деятельности[29].

Нарастание протестного потенциала в рабочем движения в последнее пятилетие XIX в. отражает рост числа стачек почти в 4 раза (с 281 в 1895-м году до 784 в 1899-ом) и двукратное увеличение числа бастовавших (с 67,2 тыс. до 135,9 тыс. соответственно). Всего за пятилетие уходящего века было зафиксировано 2643 стачки и 532,2 тыс. забастовщиков, в том числе в 208 крупных коллективных выступлениях в 66 губерниях страны – более 202 тыс. рабочих[30] (то есть участники крупных протестных выступлений составляли более 60% от общего числа забастовщиков в стране[31]). Фабричная инспекция видела в них «наследие общинной круговой поруки» и отмечала именно их особую опасность для общества[32]. Трудно

---

[25] Данные на 1902 г. см.: *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих. СПб., 1906. С. 56.

[26] Рабочее движение. Хроника. Вып. 3. 1897 год. С. 9.

[27] Рабочий класс в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 23.

[28] *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 2016. P. 7.

[29] *Туманова А.С.* Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930 гг. М., 2019. С. 105 и др.

[30] Трудовые конфликты... С. 87 (Табл. 2).

[31] Рабочее движение. Хроника. Вып. III. 1897 год. С. 348.

[32] *Янжул И.И.* Из воспоминаний переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907. С. 215.

оценить, насколько характер таких коллективных выступлений рабочих был следствием особенностей менталитета «всего аграрного российского общества»[33]. Возможно, не меньшую роль играла распространенность крупных производств, на которых было легче вести пропаганду и образовывать многолюдные протестные группы. Но на характер требований и их форму, равно как на решение «рабочего вопроса» правительством в духе патерналистских распоряжений наказывать бунтовщиков и подкупать верхушку аграрный менталитет общества оказывал, несомненно, определенное влияние. Так или иначе, но за десять лет до революции 1905 г. не найти и года без крупных массовых коллективных стачек (текстильщиков, металлистов, нефтяников, типографов, табачников), вовлекавших в каждое выступление от 10 до 20 и более тысяч рабочих. Коллективные стачки становились ведущим трендом в российском рабочем движении[34].

С конца XIX в, а в особенности в 1890-е годы, рабочее движение в России оказалось под влиянием западных веяний, профессионального забастовочного движения рабочих в Европе. Помимо польских рабочих, в числе первых эти веяния испытали прибалтийские и вообще западные губернии, где в полутора десятках крупных коллективных стачках, охвативших более 120 предприятий мелкого текстильного производства, приняли участие несколько десятков тысяч человек. Крупнейшей из них (св. 10 тыс. рабочих) была стачка в Гродненской губ.[35] Западный регион дал в 1895 г. около трети от общего числа участников рабочего движения в стране; в нем же появились и первые в России объединения рабочих по профессиям, предвестники создания профсоюзов.

Определенным «западным влиянием» можно объяснить и возникновение рабочей традиции отмечать день 1 Мая (17–18 апреля по ст.ст.), проявляя солидарность с международным пролетариатом (решение об этом было принято в 1889 г. на Парижском конгрессе II Интернационала в память о борьбе чикагских пролетариев за 8-часовой рабочий день и в 1890 провозглашено ежегодным Днем международной солидарности трудящихся. На первомайской демонстрации в Варшаве в 1896 г. впервые в России был поднят лозунг «Долой самодержавие!»; вскоре в нелегальные первомайские сходки втяну-

---

[33] *Данилова Л.В., Данилов В.П.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.: Материалы международной конференции М., 1996. С. 100.

[34] *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 2016. P. 8.

[35] Рабочее движение. Хроника. Вып. 1. 1895 год. С. 36.

лись рабочие Петербурга, Иваново-Вознесенска и других городов ЦПР, выходившие в этот день за ворота своих предприятий[36].

С тем же «польским влиянием» можно связать и появление в последние годы XIX в. легальных, ограниченных экономическими задачами, рабочих обществ взаимопомощи[37]. Процесс этот протекал не гладко, не без конфликтов с местными властями, особенно в столице[38], совпав с нараставшим в стране общественным подъемом. В его атмосфере, под влиянием политического просвещения в кружках и вечерних школах для рабочих зародились крупнейшая по числу участников коллективная профессиональная всеобщая стачка текстильщиков Петербурга[39]. Она начала серию протестов, названную позже «промышленной войной». Это было первое в России коллективное отраслевое выражение недовольства с общими для всех текстильщиков страны требованиями. Стачка началась вскоре после коронационных торжеств 15–16 мая 1896 г. и была символическим напоминанием всходившему на трон императору о нерешенном рабочем вопросе. Поводом к ней стал отказ хозяев двух текстильных предприятий сделать выплаты рабочим в дни простоя фабрик (поскольку дни коронации были объявлены нерабочими). Стачка началась 23.05.1896 г. провалом переговоров рабочих с администраций по этому вопросу и завершилась 16.06.1896 г., охватив за неполный месяц 20 тыс. текстильщиков на 24 предприятиях. В фабрично-заводской индустрии страны текстильщики составляли 30,4%, большинство из них работали как раз в Петербургской губернии (24,5 тыс. или 64%), 83% из этих 24,5 тыс. поддержали описываемый протест[40]. Тщательный анализ последовательности событий представляет морфологию выражения коллективного недовольства, выросшего из индивидуальных конфликтов на отдельных предприятиях. Общим требованием текстильщиков страны было сокращение рабочего дня до 12 часов с обеденным перерывом на 1,5 часа. Возмущение вызывала и нищенская средняя зарплата: 15 руб. в мес. у мужчин, 9 руб. у женщин при непрерывном труде в течение 15 час.[41]

---

[36] *Варварцев Н.Н.* Первомая живые истоки. Киев; Одесса, 1989. С. 7.

[37] *Волков В.В.* Роль обществ взаимопомощи русских фабрично-заводских рабочих в становлении инфраструктуры рынка труда // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. Новосибирск, 2017. С. 11–15.

[38] *Карусева И.М.* Легальные организации рабочих Петербурга в концеXIX – начале XX в. СПб., 2016. С. 28–54.

[39] Трудовые конфликты... С. 347.

[40] Подсчеты автора по: Рабочий класс от зарождения. С. 261; Трудовые конфликты. С. 64, 68.

[41] Рабочее движение. Хроника. Вып. II. 1896 год. С. 55–70.

Требования повышения зарплаты и сокращения трудового дня составляли 75–80% общего числа требований российских рабочих в трудовых конфликтах 1895–1904 гг. и факт этот не мог быть обойден вниманием Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, созданного В.И. Ульяновым в конце 1895 года. Коллективный массовый протест стал, однако, неожиданностью для этого объединения, которое постаралось придать ему политическую окраску и увести от вандализма. По словам фабричных инспекторов, стачка была начата «скопом объединившихся недовольством» рабочих и сопровождалась в первые часы «буйством и насилиями». Но с появлением инициативных самостийных групп рабочих, наращивавших день за днем забастовочный потенциал, забастовщики вступили на путь расширения репертуара коллективных действий и мобилизации сил, проявив «спонтанную организованность»[42]. Помогла тому и агитация представителей Петербургского «Союза борьбы...», а белые ночи в северной столице немало благоприятствовали круглосуточным сходкам, на которых вырабатывался совместный план действий. Часть рабочих готова была удовлетвориться обещанием в скорейшем будущем решить вопрос о сокращении рабочего дня в законодательном порядке[43]. Но листовки «Союза...», озаглавленные «Ко всем рабочим петербургских бумагопрядилен!»[44] и «К русскому обществу!» и распространявшиеся в том числе сочувствующими «Союзу...» женщинами (среди которых была и Н.К. Крупская), призывали не верить администрации мануфактур. С появлением объявления: «Всякое ослушание и явное сопротивление или оскорбление власти будет прекращено военной силой», угрозы прекратить стачку силой стали реальностью. Две сотни казаков и солдат трех пехотных полков помогли выявить зачинщиков и арестовать более тысячи рабочих; 80 самых активных из них было брошено в тюрьму, остальным грозило увольнение и запрет искать работу в столице.

Значение «петербургской промышленной войны» – в заметном резонансе и откликах на нее среди рабочих десяти городов России

---

[42] Трудовые конфликты... С. 347–349; *Tilly Ch.* From mobilization to revolution. Engiewood Cliffs (NJ): Addison-Wesley 1978. S. 52–84, 151; *Melucci A.* Getting involed: identity and mobilization in social movements // International Social Movement Research. Vol. 1. From Structure to Action / Ed. By B. Klandermans and others. Greenwich CT: JAI Press, 1988. S. 343.

[43] Трудовые конфликты... С. 368.

[44] *Тарновский К.Н.* Петербургская стачка текстильщиков 1896 г. // История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л., 1972; *Тахтарев К.* Промышленная война // *Тахтарев К.* Рабочее движение в Петербурге 1893–1901. М., 1924. С. 4.

и даже за рубежом. В известном смысле выступление текстильщиков завершилось победой, ускорив принятие правительством закона от 2.06.1897 г., сократившего рабочий день до 11,4 час. в дневную смену на фабриках и заводах, и регламентировавшего сверхурочные[45]. Закон был принят после угрозы повторной массовой забастовки текстильщиков столицы в январе 1897 г. Правда, касался он лишь незначительной, ⅕ части всех лиц фабрично-заводского труда, обходя рабочих добывающих, горнозаводских и иных слабомеханизированных производств, а также занятых на транспорте. Спустя месяц циркуляр МВД 12.08.1897 г. усилил наказания за самовольный уход с работы и пригрозил участникам стачек тюремным заключением до 4 месяцев, а организаторам их – до 8-ми[46].

Весна нового, 1898 г. в Петербурге была отмечена участии рабочих в организованных «Союзом...» «майских кампаниях» с появлением листовок на фабриках и заводах[47]. Власти были обеспокоены ростом числа демонстраций[48], связью рабочих с «тайными организациями», «старавшимися возбудить недовольство»; министр юстиции Н.В. Муравьев отметил растущую «дисциплинированность в действиях толпы» и появление среди рабочих «боевых групп» из числа «зачинщиков стачек»[49]. Протоирей С. Булгаков позже вспоминал, что замечал очевидное обрушение связи рабочих с местными церковными приходами, и резюмировал: «Россия, растущая экономически, духовно разлагалась»[50]. Но это был взгляд церковного деятеля. Прогрессивно мыслившие интеллектуалы замечали иное – увеличение числа общественных организаций, просветительских обществ, умножение различных, подчас нелегальных, союзов, кружков и групп, связанных с лицами, работавшими по найму, и вызывавших подозрения у властей[51]. Департамент полиции отмечал, что в 1898 г. в стране действовало свыше полутора сотен рабочих союзов и кружков (в 1895 г. их было всего 54); из них (общим числом 163 в 54 городах)

---

[45] РГИА. Ф. 150. Оп. 1. 1896. Д. 543. Л. 95; Рабочий класс от зарождения. С. 317.

[46] ПСЗ-3. СПб., 1895. Т. 13. Ст. 9767; Кризис самодержавия в России 1895–1917. Л., 1984. С. 76; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1844 г. Ст. 1358, 1358/1, 1359; Секретный циркуляр министра внутренних дел от 12 августа 1897 года. 2-е изд. СПб., 1897.

[47] История рабочих Ленинграда Т. 1. 1703–1917 / отв. ред. В.С. Дякин. М., 1972. С. 220.

[48] Трудовые конфликты... С. 119.

[49] Революционное движение в России в докладах министра Н.В. Муравьева. СПб., 1907. С. 16–17; Трудовые конфликты. С. 228.

[50] *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки: (посмертное издание) / прот. Сергий Булгаков; предисловие и примечания Л.А. Зандера. Париж, 1946. С. 81.

[51] *Туманова А.С.* Общественные организации... С. 167–169.

пятая часть (28) были внепартийными, автономными группами[52]. Большинство, то есть свыше 80%, этих союзов были марксистскими, постоянно выпускавшими листовки и воззвания (число их наименований в 1895–1898 гг. возросло в 3 раза и достигло цифры 128 за год). Не осталось незамеченным полицией и создание 1–3 марта 1898 г. в Минске на одной из «вечеринок» девяти социал-демократов (позже названной Первым съездом) Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП)[53]. В принятом на том «съезде» манифесте была сформулировала цель борьбы – «соединение рабочего движения с социализмом»[54].

Начавшийся в 1899 г. промышленный кризис больно ударил по рабочему классу. Проведение в жизнь закона от 2.06.1897 г. о сокращении рабочего дня приостановилось. Предприниматели предлагали невыгодные условия труда, замораживали выплаты, увеличивали штрафы. Повсеместно отмечался рост цен на продукты питания, в том числе в Петербурге – более, чем на 20,4%, что было связано еще и с неурожаем на Юге России. Мелкие производства закрывались первыми; рабочие боялись высказывать требования и прекращать работу, поскольку ответом могло стать увольнение[55]. Число стачек за год упало более, чем в полтора раза. Бастовали лишь рабочие крупных производств, текстильщики и металлисты в Петербурге, Варшаве, Вильне, Риге, Киеве, Одессе[56], стараясь выступать консолидированно, мобилизуя все ресурсы (число коллективных стачек выросло в те же 1,5 раза). Плоды растущей культуры общественной самоорганизации рабочих видны в стремительном росте числа рабочих организаций, в том числе под влияниям социалистической агитации, противостоявшей сильному воздействию системы самодержавно-попечительной политики[57]. Росли тиражи агитационных листовок и прокламаций, в официальной прессе развертывались полемики о правах и бесправии различных социальных групп и слоев. Фабричная инспекция отмечала «деятельное сочувствии

---

[52] Заметим, на I съезде РСДРП Бунд вошел в РСДРП как «автономная» организация.

[53] Ключевую роль на I съезде РСДРП играли 5 с.д. бундевцев.

[54] *Пушкарева И.М.* Партийные и другие организации в рабочем движении в зеркале Хроники. // Трудовые конфликты. С. 194–216 и др.

[55] *Дорожкин А.Г.* Рабочий вопрос в дореволюционной российской трактовки немецкого россиеведения XX в. С. 65; *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX–начало XX вв.) М., 1979. С. 88, 108, 114, 122, 131–132, 136, 149, 151.

[56] Рабочее движение. Хроника. Вып. 1899 год. С. 9–16.

[57] *Иванов Л.М.* Идеологическое воздействие на пролетариат царизма и буржуазии // Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 317–355.

рабочим, застрельщикам забастовок», а также «общность интересов стачечников различных районов страны»[58].

МАССОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И МАНЕВРЫ «ПОЛИЦЕЙСКОГО СОЦИАЛИЗМА»

Второй период в истории предреволюционного рабочего движения (1900–1904 гг.) был временем распространения политических демонстраций; уже в одном 1900 г. число их было почти таким же, как за предыдущее пятилетие, 1895–1899 гг (25 случаев против 33)[59]. Недовольство властями, пренебрегавшими интересами большинства жителей страны, соединило в уличных шествиях рабочих и городскую молодежь, возмущенную "временными правилами" 1899 г., позволявшими отдавать студентов в солдаты. Во время "демонстрации сочувствия" в марте 1901 г. у Казанского собора в Петербурге студенты и курсистки ощутили поддержку рабочих Путиловского и Обуховского заводов[60]. Экономический кризис оказался фактором сплочения, способствуя возрастанию стихийной самоорганизации рабочих и все более частой организации групповых, профессиональных и общегородских забастовок. Именно их число выросло в 1900 г. в 4,4 раза по сравнению с 1899 г. и продолжало ежегодно расти в том же темпе[61]. Предвосхищая выступления в дни солидарности трудящихся, ведомство С.Ю. Витте 6.03.1900 г. издало циркуляр фабричным инспекторам, предписывая им «принять меры» к «устранению остановки» предприятий[62]; начались обыски и аресты во многих крупных городах, еврейские погромы в западных губерниях. И все же маевки в 1900 г. прошли в 26 губернских и уездных городах и населенных пунктах России[63]. Рабочее движение в стране вошло в стадию латентной радикализации как субъект активной пропаганды со стороны левых социал-демократов, вырабатывая новый репертуар коллективных действий против институтов суще-

---

58 Статистические сведения о стачках... С. 9.

59 *Кирьянов Ю.И.* Переход к массовой политической борьбе. М., 1987. С. 133; Трудовые конфликты. С. 119.

60 Фото демонстрации см.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.famhist.ru/famhist/ulianova_ap/000c417d.htm; см. также: История рабочих Ленинграда Т. 1. 1703–1917. М., 1972. С. 236; Искра. 2.02.1901 г.; Искра. 03.04.1901 г.

61 В 1901 г. выросло в 4,8 раза в сравнении с 1900-м годом; в 1902 г. – в 4,9 раза в сравнении с 1901-м годом, в 1903 г. – в 6,5 раза в сравнении с 1902-м годом. (Подсчеты авт. по: Трудовые конфликты. С. 119).

62 РГИА Ф. 22. Оп. 30. Д. 7. Л. 135.

63 Рабочее движение. Хроника. Вып. VI. 1900 год. С. 406.

ствовавшей государственной системы[64]. Это подтвердила первая общегородская маевка в крупном промышленном Харькове. Накануне праздника среди занятых на фабриках и заводах было распространено свыше 900 экземпляров брошюры «Первое мая – праздник рабочих». Несмотря на то, что в сам Первомай (пришедшийся в тот год на вторник) к крупным предприятиям были стянуты войска, часть рабочих все же (10 000 чел.) вышла на демонстрацию с красными знаменами после рабочего дня. В ночь с 1 на 2 мая рабочие сформировали боевые отряды для сопротивления полиции и на следующий день, когда демонстрация превратилась в стачку и свыше 10 000 чел. вышли на улицы, эти отряды обеспечили порядок прохождения шествия без столкновений с полицией. Массовое выражение солидарности, нарастая и спадая, продолжалось в городе еще несколько дней. На фоне так называемых оборонительных экономических стачек, вызванных ухудшением условий труда, харьковская стачка явила собой масштабный перелом в рабочем движении – переход к демонстрациям и массовой политической борьбе под антиправительственными лозунгами с требованиями демократических свобод и восьмичасового рабочего дня (в то время – политический лозунг мирового пролетариата). Стачку в Харькове поддержали более 40 заведений, 22 завода и фабрики, в общей сложности 14,5 тыс. рабочих. Она отличалась ведущей ролью металлистов (3,3 тыс. рабочих Паровозостроительного завода, 2 тыс. с заводов Гельферик-Саде, Бельгийского об-ва, 2,4 тыс рабочих ж.-д. мастерских), слаженностью коллективных действий[65] и заметным участием агитаторов от РДРП, ПСР, РУП[66]. Арест полицейскими 140 участников заставил демонстрантов приложить усилия по их освобождению. И хотя стачка завершилась массовыми увольнениями, история харьковского выступления имела огромный отклик на Юге России, особенно на шахтах и рудниках Екатеринославской губ. (30 коллективных стачек из более, чем 80 по стране в тот год)[67].

Год спустя в Петербурге, упреждая первомайские события, арест более 100 рабочих-агитаторов и разгром подпольной рабочей типографии могли сорвали подготовку к маевкам в столице. Но забастовка, начатая 5 тыс. металлистов 14 крупных предприятий Выборгской

---

[64] *Tarrow S.* National Politics and Collective Action: Recent Theory and Research in Western Europe and the United States // Annual Review of Sociology. 1988. Vol. 14. P. 421–440.

[65] *Линцер Б.* Харьковская организация в период I съезда РСДРП // Пролетарская Ревовлюция. 1928. № 2. С. 177–185.

[66] Трудовые конфликты... С. 451, 458, 459, 462.

[67] Рабочее движение. Хроника: Вып. V. 1899 год. С. 9; Вып. VI. 1900 год. С. 406.

стороны, все же была начата 1 мая и продолжилась до 5-го. Министр внутренних дел, П.Д. Святополк-Мирский жаловался в докладе императору, что демонстранты «кинулись в ближайшие переулки, засели в домах и за заборами, захватили с собой камни мостовой, кирпичи и разные металлические предметы, взятые с фабрик, а самая большая толпа двинулась на взвод жандармов», так что «из-за заборов и окон посыпался град камней». Более 200 участников этих протестных действий было арестовано, многие избиты. Шеф жандармов вынужденно признал появление в политической мозаике «вполне законченного вида революционера-рабочего»[68]. Его нетрудно было заметить в самой известной первомайской стачке 1901 года – знаменитой Обуховской обороне. Едва закончились выступления на Выборгской, а затем и Невской стороне, как очаги протеста переместились в ближайший пригород столицы – на Обуховский сталелитейный завод в пригородном селе Смоленском. Стачка рабочих Обуховского завода была экономической и оборонительной. Оказавшиеся запертыми на заводе конной полицией и десятком тысяч городовых, рабочие на два дня превратили завод в осажденную крепость. Обороняясь от полиции, рабочие закидывали усмирителей камнями и кусками железа и настаивали на рассмотрении выдвинутых ими требований. 2 рабочих были убиты, 10 ранено. Этот бой 7 (20 по нов. ст.) мая 1901 года известен в литературе под именем «Обуховской обороны» – первой успешной стачки в истории российских массовых движений рабочих, в результате которой, несмотря на увольнение 120 участников стачки, 12 из 14 требований стачечников были выполнены[69].

Третье крупное сражение рабочих с полицией случилось в мае 1901 на Балтийском судостроительном (Васильевский остров), последовав за событиями на Обуховском заводе. Оно также не обошлось без насилия и разбитых окон в фабричных помещениях. Рабочие завода не без помощи агитаторов из «Союза борьбы...» потребовали установления 8-го рабочего дня и удаление ряда представителей администрации, но потерпели неудачу. Перечисленные стачки в столице, охватив 26 крупнейших предприятий и более 20 тыс. рабочих, выявили наличие передового отряда в российском рабочем движении: металлистов (17 тыс. чел), который, поддержанный тек-

---

[68] Всеподданнейший доклад товарища министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. Лето 1901 г. // Красный архив. 1936, № 3. С. 33, 62.

[69] *Большаков В.П.* Обуховская оборона. История майской стачки 1901 года на Обуховском заводе (под Санкт-Петербургом) // История профсоюзов. 11.10.2012 // [Электронный ресурс]. URL: http://istprof.ru/169.html; История рабочих Ленинграда. Т. 1. 1903 – февраль 1917 г. Л., 1972. С. 238–248.

стильщиками, не менее месяца держал в напряжении администрацию заводов и власти города. Требования, выдвигавшиеся рабочими, были поначалу экономическими и касались зарплаты, соблюдения законов и регулирования штрафов. Политические поначалу сводились к требованию 8-час. рабочего дня и разрешения отмечать маевками День солидарности трудящихся. Однако по мере нарастания противостояния забастовщиков и полиции, число политических требований расширилось. Впервые в истории российского рабочего движения демонстранты с красными флагами и пением «Марсельезы» устремились с окраин в центр столицы. Проявив спонтанную организованность, они выдвинули новые политические лозунги: «Долой капиталистов!», «Нам нужна свобода!», «Да здравствует революция!» – и это вызвало не осуждение, а сочувствие петербуржцев. Владельцы предприятий ответили на демонстрацию увольнениями и массовыми высылками рабочих из города; но в случае жалоб рабочих на эти действия в военное ведомство, высказанные претензии признавались обоснованными и жалобщиков было рекомендовано вновь принимать на работу во избежание производственных потерь[70].

За год число трудовых конфликтов в России возросло по сравнению с 1900 г. на 28%, число их участников в них – на 41%[71]. Десятки тысяч тружеников участвовали в кратковременных, так наз. «частичных», забастовках, а также в нестачечных формах протеста, спасаясь от которых промышленники предпочитали вызывать полицию и воинские гарнизоны. Число таких вызовов дошло 100 случаев в тот год. Везде усилилась полицейская слежка за нелегальными рабочими организациями: в 1901 г. таковых нашлось 421 в 55 губерниях; в 1902 г. – 534 в 63-х. Именно лица наемного труда считались самым беспокойным общественным элементом, второе место отдавалось студентам[72]. Министерские межведомственные комиссии бесперебойно рассматривали докладные о стачках и настроениях рабочих.

Летом 1901 г. в связи со стачками в столице ожила деятельность Рабочей комиссии Минфина; входившие в нее чиновники осудили «грубое вмешательство» полиции в индустриальные конфликты, но идея легализации стачек была отвергнута. Порицая «излишнюю полицейскую опеку», С.Ю. Витте перевел разговор на причины конфликтов и свел их к усилению «злонамеренных агитаторов», указав попутно на необходимость «уступок» рабочим и усиление попечи-

---

[70] Рабочее движение. Хроника. Вып. VII. 1901 год. С. 8, 113–119, 130–132.

[71] Там же. С. 15.

[72] На земских собраниях распространялось гектографированное письмо за подписью «Старые земцы». Комментарий см.: В.И. Ленин «Письмо земцам» // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 349–358.

тельства[73]. Последнее пожелание в известной мере было реализовано министром МВД Д.С. Сипягиным, который выделили дополнительное финансирование на реализацию концепции жандармского полковника С.В. Зубатова – создания легальных рабочих организаций в губерниях, отмеченных особой забастовочной активностью (например, Московская губ. превосходила по числу участников столичную в 1899–1900 гг. в 1,5–2 раза[74]). Замысел С.В. Зубатова, окрещенный «полицейским социализмом», предполагал усиление легального контроля за потенциальными стачечниками (там, где «пристраивается революционер, должна быть государственная полиция») и создание «Общества взаимного вспомоществования в механическом производстве» с востребованными всеми рабочими кассами взаимопомощи[75]. К концу 1901 г. зубатовские общества получили заметное распространение; в созданных библиотеках и чайных для рабочих велись беседы с критикой марксизма. В числе проведенных «Обществом» мероприятий была и 25-тысячная рабочая манифестация 19.02.1902 г. к памятнику Александру II, «освободителю», и создание кружков и обществ в 13 городах, в том числе Одессе, Харькове, Киеве, Минске, Нижнем Новгороде[76]. Покровительством С.В. Зубатова пользовалась Еврейская народная партия (ЕНП), ряд рабочих групп западных и южных губерний[77], объединявшие с 1890-х гг. кожевников, щетинников, пекарей и иных рабочих мелких производств[78]. Однако хозяева производств относились к зубатовским организациям настороженно. Промышленники требовали освободить их от обязанности заботиться о больницах, школах, жилищах или кассах для рабочих. Они упрекали правительство в том, что оно увлекается «западными образцами», вместо того чтобы распространить формы попечения, «выработанные народной жизнью»[79]. В 1901 г. владелец московского завода француз Ю. Гужон возмутился поддержкой зубатовцами стачечников. Его жалоба вме-

---

[73] *Вовчик Л.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1895–1904 гг.). Львов, 1964. С. 90, 95.

[74] Трудовые конфликты... С. 64.

[75] *Корелин А.П.* Крах идеологии «полицейского социализма» // Исторические записки. Т. 92. М., 1973. С. 109–152; *Сухоруких А.В.* «Полицейский социализм» в России в начале XX века. С.В. Зубатов. Воронеж, 2013.

[76] Трудовые конфликты... С. 226. *Медведев С.В.* Департамент полиции и рабочий вопрос (1901–1904 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

[77] Рабочее движение. Хроника. Вып. VII. 1901 год. С. 30, 265–267, 270, 271, 316–117 и др.

[78] Трудовые конфликты... С. 463–464.

[79] *Озеров И.Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 275–278.

сте с жалобами других крупных предпринимателей, перепуганных полицейским покровительством забастовщикам, была направлена в правительство. И едва 2.04.1902 г. Д.С. Сипягин был застрелен террористом, а пост министра и шефа жандармов занял В.К. Плеве, как идея С.В. Зубатова была объявлена дискредитированной. По изданному «Положению об усиленной охране», охватившему 30 млн населения России (Центр, Поволжье, Украина, Молдавия, Закавказье, Прибалтика, Урал)[80], причастность к организации стачек и демонстраций стало караться немедленной высылкой из города. Идеолог «полицейского социализма» спустя год был снят с высокой должности и сослан во Владимир, а сам эксперимент был буквально смыт рабочим движением[81].

В 1902 г. из 589 трудовых конфликтов почти половина (41%) пришлась на крупные города Дона, Северного Кавказа, Закавказья, Украины и Молдавии. Стачки стали отличаться упорством и продолжительностью до 2–3 недель, около половины из них (49%) закончились победой[82]. Учрежденная в 1900 г. фабричная полиция оказывалась не в состоянии контролировать возросший уровень забастовочной активности, коллективное организованное прекращение работы стало типичной формой протеста лиц наемного труда в городах. Оправдывая наименование своих действий (*стачка* – от «ст**а**кать», договориться, условиться), члены рабочей партии отмечали, что российские рабочие были очевидно склонны к коллективизму, и что «в праздники их тянет “в народ”, на улицу»[83].

Маёвки как выражение массовых протестов прокатились в 1902 г. по многим городам (Петербург, Москва, Киев, Нижний Новгород, Саратов), общее число их достигло 60-ти. Вместе с рабочими на манифестации ходили студенты, служащие низшего звена, разделявшие идеи свободы личности и собраний, союзов и печати, различных демократических свобод, среди транспарантов все чаще попадались призывы «Да здравствует 8-час. рабочий день!», «Да здравствует политическая свобода!» и даже «Долой самодержавие!», «Долой царя!»[84]. В ряде городов манифестантам приходилось сталкивать с пешей и конной полицией, казаками, вырывавшими из рук участников шествий красные знамена; были случаи приме-

---

[80] Рабочее движение. Хроника. Вып. VIII. Ч. 2. 1902 год. С. 832–833.

[81] Рабочее движение. Хроника. Вып. VIII. Ч. 1. 1902 год. С. 11–12.

[82] Там же. С. 23–24. Метод Варзара –деление показателей компромисса (22%) на две равные доли и приплюсование их к «победе» и «поражению» рабочих.

[83] *Смидович П.Г.* Рабочие массы в 90-х годах. М., 1930. С. 28.

[84] Рабочее движение. Хроника. Вып. VIII. Ч. 1. 1902 год. С. 25–28.

нения огнестрельного оружия[85]. Подобные шествия с пением революционных песен очевидно свидетельствовали о переходе рабочего класса к массовой политической борьбе[86] и к гражданскому обществу. Применение военной силы лишало рабочих доверия к власть предержащим, заставляя их отвоевывать право на демонстрацию своих взглядов и угрожая смести старую власть как таковую (так 1.05.1902 г. в пос. Сормово Нижегородской губ. 100-тысячная стачка металлистов переросла в 5000-ную демонстрацию под лозунгом «Долой самодержавие!»)[87]. К осени 1902 г. социал-демократы, по словам лидера эсеров В.М. Чернова, укрепив «свое положение сетью организаций и опытными революционерами»[88], развернули работу в Ростове-на-Дону и активно направляли рабочих железнодорожных мастерских Владикавказской ж.д., выдвинувших требование 9-часового рабочего дня. Стачка продолжалась с 4.11.1902 до 25.11.1902 г., охватив более 3800 участников, к которым присоединились рабочие иных производств со своими экономическими требованиями. Стачка ростовских железнодорожников переросла в общегородскую с 6000 бастовавших, отличалась упорством, продолжительностью (3 нед.), наличием политических лозунгов («Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует грядущая революция!») и ежедневными собраниями от 3 до 30 тыс. горожан в той части города, где обычно устраивались кулачные бои (Темерницкая балка)[89]. Агитаторы из числа членов РСДРП призывали рабочих обращаться к ним в Донской комитет РСДРП с изложением насущных нужд и жалоб[90]. Однако было бы преувеличением разглядеть во всем этом укрепление гегемонии российского пролетариата и увидеть в российском рабочего классе того времени «руководителя в организации всех демократических сил»[91]. Советская историография привычно обходила вниманием те факты, которые говорили о сложностях противостояния предпринимателей и рабочих. В донесениях войскового атамана, возглавлявшего 400 казаков, посланных на усмирение забастовщиков в Ростове, отмечено, что «политические призывы не принимались большинством бастую-

---

[85] Рабочее движение. Хроника. Вып. VIII. Ч. 2. 1902 год. С. 833.

[86] *Кирьянов Ю.И.* Переход к массовой политической борьбе. С. 131–147.

[87] Образ участника демонстрации в пос. Сормово рабочего П. Заломова стал прототипом героя романа М. Горького «Мать».

[88] Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 325.

[89] Трудовые конфликты... С. 427.

[90] *Афанасий Мочалов* Правда о ростовских событиях: С прил. ст. [Г.В. Плеханова] «Значение ростовских событий» / [Амвросий [псевд.]]. Штутгарт, 1903. С. 10, 12.

[91] Ленинская «Искра» о Доне и Северном Кавказе. Ростов н/Д., 1976. С. 19.

щих», а «толпы народа» плохо понимали речи ораторов»[92]. Даже очевидцы стачки, став самостийными репортерами партийной газеты «Искра», писали, что «значительная часть рабочих относится крайне враждебно к политической агитации», а часть стачечников «даже угрожала стать на работу, если их будут запутывать в политику»[93], тем более, что следуя распоряжению В.К. Плеве наиболее сговорчивым из бастовавших были обещаны поощрения за лояльность[94].

Тем не менее события в Темерницкой балке и вообще в Ростове (завершившиеся, как это чаще всего и случалось, насилием – стрельбой и избиениями зачинщиков) стали началом перемещения центра рабочего движения на Юг России. Члены Донского комитета РСДРП умело мотивировали рабочих поддерживать вскладчину забастовщиков и саму партию в Петербурге, Харькове, Полтавы, Перми, а за моральной поддержкой обращались к сочувствующим за рубежом[95]. Рабочее движение то вспыхивало, то затухало, и такие спады объяснялись изменчивостью социально-экономической и политической обстановки[96], что и отразила статистика: примерно равное количество стачечников на протяжении двух лет (в 1901 г. – 131,9 тыс. чел., в 1902 г. – 130,0 тыс. чел.). При общем сокращении числа забастовок по стране в целом во всех производствах на 23%, подведомственная МФ служба фабричной инспекции отметила рост их числа в фабрично-заводской промышленности на 12%. Пытаясь чем-то воспрепятствовать росту числа стачек и участвующих в них рабочих, чиновники Минфина пытались обсудить тему «ассоциаций» рабочих и хозяев и создать что-то подобное таким ассоциациям в Европе, однако эта идея отвергалась С.Ю. Витте, поскольку не обещала «сбалансированности с общественным порядком»[97]; он одинаково отвергал и возможность реорганизации фабричной инспекции с подчинением ее Департаменту полиции. Подведя итоги об следования предприятий, на которых стачки возникали

---

[92] Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 года: Сборник комиссии по изучению истории профессионального движения на ж.д. транспорте. № 3. М.; Л., 1925. С. 49–57, 114.

[93] Искра. 1902. 1 декабря. № 29. С. 3–5.

[94] *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России. С. 86.

[95] *Кирьянов Ю.И.* Переход к массовой политической борьбе. С. 95; Искра. 1903. № 33, 34, 36 и др.

[96] *Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И.* Стачечное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменениями экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 3. С. 68–80.

[97] Цит. по: *Вовчик А.Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 205.

особенно часто[98], он резюмировал в докладной записке царю: «Невысокая заработная плата является для русской предприимчивости счастливым даром, дополняющим богатства русской природы»[99].

К 1903 г. число трудовых конфликтов на разных производствах страны возросло (по сравнению с 1895 г.) более, чем в 6 раз, а число участников – в 5 раз. Коллективные стачки во многих регионах становились обыденностью: в 1903 г. число их составило 35% от общего числа за десятилетие, а число участников выросло на 18,5%. Через год после событий в Ростове-на-Дону рабочие вновь вышли там на улицы (поводом стал день памяти участников террористического акта народовольцев 1.03.1881 г.)[100]. Многотысячный митинг перешел в демонстрацию, в которой с возгласами «Долой царя!», «Долой самодержавие!» прошествовало около 50 тыс. человек.

УСИЛЕНИЕ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЗАРЯДА» В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ. ВСЕОБЩИЕ СТАЧКИ РАБОЧИХ ЮГА

На события в Ростове власти ответили ужесточениями в «Уголовном уложении» (дополнительными статьями, внесенными 22.03.1903 г.). Обстановка на Юге страны становилась взрывной. Экономический кризис совпал с неурожаями, гнавшими на заработки в города тысячи людей и сопровождавшимися подъемом крестьянского движения и погромами помещичьих усадеб. Для возмещения помещикам власти учредили «окладный сбор» с крестьян, необходимость выплат коснулась связанных с деревней тысяч пришлых в разные производства рабочих. Мелкие предприятия в обстановке кризиса закрывались; фабричные инспектора сообщали о более, чем 100 тыс. оставшихся без работы. Хозяева саботировали положения закона 2.06.1897 г. и бессовестно сокращали и без того низкую зарплату при чудовищно длинном рабочем дне.

Относительно благополучными оставались на Украине лишь металлургическая и каменноугольная промышленности, в Закавказье – нефтяная, получавшие поддержку иностранных банков. В поисках заработка на предприятия этих отраслей тянулись безработные; отмена общинной круговой поруки в южных губерниях в начале 1903 г.

---

[98] *Куприянова Л.В.* Проблема социального страхования и российские предприниматели // Доклады научно-практической конференции. Вторые Морозовские чтения. Ногинск-Богородск. 1996 г. С. 100.

[99] Историк-марксист. 1935. Т. 2–3 (42–43). С. 134.

[100] Искра. 1903. 15 апреля. № 38. С. 2–3.

помогла им покинуть привычные места проживания[101]. Но хозяева растущих производств, объединенные общей выгодой, не утруждали себя созданием сносных условий труда и быта рабочих. Поэтому уже начало 1903 г. заявило о себе крупными, до 3,5–5 тыс. участников, коллективными стачками; вначале таковые вспыхнули в столице и шести городах ЦПР (где полиции удалось предотвратить первомайские выступления) и на Урале, но апрельско-майские события 1903 г. переместили Центр рабочего движения на Юг.

Многолюдными уличными шествиями рабочих и демократических слоев города были отмечены майские дни в городах Украины (Одесса, Екатеринослав, Киев) и Закавказья (Баку, Тифлис, Батум). 27 апреля в Баку и Балахано-Сабунчинском районе Бакинской губ. в демонстрации с красным флагом и политическими лозунгами («Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Земля наша!») участвовало ок. 8–10 тыс. рабочих местных заводов и многонационального промыслового населения. Полиция и казаки применили насилие (65 рабочих пострадали – были раненные, даже убитые, десятки человек арестованы)[102]. Некоторый спад в числе выступений наступил лишь летом, к началу массового отхода рабочих в деревню на полевые работы. Но и летом продолжались забастовки в Лодзи Петроковской губ., в Петербурге бастовали текстильщики, в Тамбовской губ. – железнодорожники, в Оренбургской – строители на ж.д., в Полтавской – рабочие лесопилок. Бастовали летом и труженики мелких производств Польши, Беларуси и Прибалтики[103], а в Тифлисе неделю не работали городские строители и сотни ремесленников, выставивших хозяевам экономические требования. Их 1 июля поддержали рабочие завода «Г.Г. Адельханов и К°», это был общий протест против отправки «политических» в Сибирь. Недалеко от вокзала 2000 демонстрантов с демократическими призывами и лозунгом «Долой самодержавие!» на русском и грузинском языках вызвали сочувствие у провожавших вагоны и страх местных властей. Отправка политических закончилась столкновением с полицией, выстрелами, ранеными и убитыми[104].

Бакинская стачка в июле 1903 стала «пороховой бочкой» всего Закавказья. Начавшись 1.07.1903, она объединила рабочих машиностроительных и нефтяных заводов с «пришлыми», сезонными рабочими. С самого начала она была наступательной; застрельщиками

---

[101] *Водовозов В.В.* Круговая порука // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 84 т. с доп. Т. 32. СПб., 1907. С. 839.

[102] Рабочее движение. Хроника. Вып. IX. Ч. 1. С. 150.

[103] Там же. С. 192–211.

[104] Там же. С. 215–217.

выступали рабочие механических заводов. Несмотря на первоначальные акты вандализма (град камней, брошенных в стекла в промысловых контор, погромные действия), дальнейший ход стачки имел организованный характер. Когда 7 июля на подавление беспорядков были брошены солдаты стрелкового батальона, бастующих поддержали рабочие иных профессий, и стачка стала общегородской, охватив 339 предприятий и более 28 тыс. чел. Союз нефтепромышленников вынужден был пойти на уступки[105].

Одновременно с Баку с 1.07.1903 и до 18.08.1903 бастовала и Одесса. Многолюдные городские забастовки вспыхнули также в Тифлисе и Батуме, в Киеве и Елисаветграде, Николаеве и Екатеринославе, Бердичеве и Керчи. В протестные действия были втянуты рабочие городов Поти, Чиатура, Немирова (Закавказье), Бобруйска, Конотопа, Севастополя, Симферополя, Ялты. В советской историографии стачки в разных городах принято было объединять в *одну всеобщую стачку Юга России,* долговременность и упорство которой обычно связывалось с возросшим влиянием революционной социал-демократии на рабочих[106]. Доказательством тому было появление к 1903 г. в каждом из городов, охваченном стачками, комитетов РСДРП. По совпадению, в июле-августе 1903 г. в Брюсселе и Лондоне шла работа Второго съезда РСДРП, программа которого предполагала обсуждение вопросов дальнейшего втягивания рабочих в политическую деятельность.

Скорректированные «Хроникой рабочего движения...» количественные данные, позволили выявить 328 населенных пункта в 71 губернии и 200 городов, в которых существовало более 1 000 организаций и обществ разных идейных направлений, в том числе 700 партийных, с переменчивым числом членов, и еще 300 самодеятельных («автономных») групп и кружков. 85–87% их, по данным департамента полиции, считались социал-демократическими, в их числе в Западных губерниях было немало бундовских. Бунд был самой многочисленной социал-демократической организацией России до начала первой русской революции, 13–15% членов рабочих кружков были членами партии эсеров, Еврейской независимой рабочей партии (ЕНРП) и других[107]. В целом для постепенно усиливавшегося рабочего движения России была характерна тогда некая «распыленность», дисперсия отдельных кружков

[105] Там же. С. 218–219.

[106] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VI. М., 1968. С. 63; История Украинской ССР. В 10 т. Т. 5. Украина в период империализма (Начало XX в.). Киев, 1983. С. 42.

[107] Трудовые конфликты... С. 106, 190, 208–211.

и союзов, не мешавшая, однако, «устанавливать связи с рабочими, свободно участвовать в их протестах»[108], избегая наблюдения полицией. Выявленными царской охранкой были в 1903 г. всего лишь 103 организации, 86 из них, то есть подавляющее большинство или 83%, относились к социал-демократическим, включая Бунд. При этом в докладе Амстердамскому конгрессу II Интернационала в 1904 г. левые социал-демократы честно признались, что их комитеты «почти повсюду были застигнуты движением врасплох» и потому «действовали друг от друга совершенно изолированно»[109]. Действительно, число членов РСДРП (без национальных ответвлений и Бунда) не превышало 8–10 тыс. членов, причем партийные комитеты состояли в основном из лиц непролетарского происхождения. Рабочих в РСДРП в 1900 г. было всего 140 чел.; в 1901 г. – 213; 1902 г. – 328; в 1903 г. – 439 чел[110]. Попытки обосновать наличие корреляции между числом организаций РСДРП и размахом стачечного движения в городах России в 1903 г. неожиданно заставили признать ее отсутствие[111]. Это не исключает самого факта влияния социал-демократической и либеральной идеологии на рабочих, способствовавшего модернизации самосознания лиц наемного труда и ускоренного формирования их гражданской идентичности[112]. Условий для линейного прогрессирующего развития самосознания рабочего класса в России никогда не было; агитаторы сталкивались с огромными трудностями[113]. Стихийно нараставшее стачечное движение побуждало социал-демократов постоянно расширять агитацию, и социальному просвещению рабочих немало способствовала общая близость, а подчас и конгруэнтность позиций рабочих партий и участвовавших в протестном рабочем движении национальных организаций.

Немалую помощь этому просвещению оказывала и хлынувшая из-за рубежа через Юг России и оседавшая там в местах складирования нелегальная революционная литература[114]. 70% этих поступле-

---

[108] *Невский В.И.* Летние стачки 1903 г. – предвестники революции // Борьба классов. 1933. № 8–9. С. 144.

[109] Большевизм на международной арене. Доклад Амстердамскому Международному социалистическому конгрессу 1904 г. М., 1904. С. 64.

[110] Трудовые конфликты... С. 198–199.

[111] Там же. С. 156–157, (График 43, таблица 15).

[112] *Туманова А.С.* Общественные организации в России. Правовое положение 1860–1930. М., 2019. С. 456 и др.

[113] См.: *Wildman A.K.* The Making of a Workers, Revolution: Russifn Social Democracy, 1891–1903. Chicago, 1867. P. 214 etc.

[114] В подготовке революционных изданий за рубежом участвовали: ОК по подготовке II съезда РСДРП, редакция газеты «Искра», Заграничный к-т ЦК Бун-

ний составляли издания социал-демократов (включая бундовцев)[115]; часть листовок в расчете на рабочих Закавказья печаталась на грузинском, азербайджанском, армянском языках. В 1903 г. в Россию было доставлено свыше 1,3 тыс. одних наименований листовок обращенных к рабочим (в 3,6 раза больше, чем в 1900 г.). В южных губерниях оседало до трети этих тиражей[116]; масштабы манипуляции массовым рабочим сознанием соответственно росли.

Каждая партия и общественная группа старалась найти свои идеи и мотивы, привлекательные для огромной армии заводских и фабричных тружеников; число тех, кто пытался разобраться в партиях и пропагандируемых ими идеях, также быстро увеличивалось. На полях листков и прокламаций нередкой была помета: «Прочитай, передай товарищам!». Отметив безуспешность попыток ослабить недовольство рабочих фабричными порядками, равно как затормозить рост числа их революционных выступлений, равно как глухоту правительства в решении проблем с наемным трудом, американский историк Р. Зелник задался вопросом: могла ли левая интеллигенция «избавить» массы рабочих от их естественной политической умеренности, не дать им радикализироваться? И сам же ответил на него отрицательно. Сопоставление истории контактов рабочих групп и союзов с различными партиями убедило его в том, что приоритет имела все же партия рабочего класса, но... выявилась *случайность* ее связей с отдельными группами рабочих. Автор сделал вывод о возможности в лучшем случае сопряжения как формы взаимодействия политиков с пролетарской массой, которые (однако же), конечно, ставили целью «направлять» и «руководить»[117].

Советская литература годами формировала романтические представления о стачках и революциях, опуская, тем не менее, реальную историю эмоций, переживаний современников описываемых событий в городах. Визуальные источники позволяют приоткрыть эту малоисследованную сторону истории рабочего движения в стране. Редкие фото, газетные заметки, свидетельства в эго-документах позволяют вникнуть в эмоциональные оценки происходящего горожанами того времени. Во время всеобщих стачек в городах на несколько дней прекращалось движение конок, трамваев, работа городских коммуникаций, электростанций, учреждений, торговых

да, Союзы Южных комитетов и организаций, Союз русских с.д. за границей, Петербургский к-т «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

[115] Рабочее движение. Хроника. Вып. VIII. Ч. 2. 1902 год. С. 834.

[116] Трудовые конфликты. С. 106, 448–469. Приложение.

[117] *Зелник Р.* Русские рабочие и революционное движение // Личность, протест, история: Сб. статей. СПб., 2007. С. 98.

заведений, подача питьевой воды. Картины улиц во время вышеописанных всеобщих прекращений работы – это разбитые витрины закрытых магазинов, нехватка продуктов в связи с сокращением снабжения. Высыпавшие на улицы обыватели, бывало, собирали листки политических партий и забастовочных комитетов, в том числе и с анархистскими призывами к ликвидации всех форм управления и порядка. Задерживалась отправка ж.д. поездов и морских судов. Останавливалась работа заводов и фабрик, рудников и шахт, нефтяных промыслов. Уволенные безработные втягивали в уличные собрания и митинги сомневающихся, вовлеченный в шествия и демонстрации народ мог слушать революционные призывы и читать антиправительственные лозунги, не вникая в их содержание и особо не сочувствуя... Во время всеобщих стачек в городах Юга общее число бастующих рабочих за шесть недель перевалило за 100 тыс. человек[118]. Многие из них оказались участниками уличных шествий и манифестаций. Так, из 178 случаев их на города со всеобщими стачками пришлось 37% (из них 17% – на Украину, 20% – на Закавказье)[119]. В иных городах (например, в Одессе) число демонстрантов достигало внушительных цифр – до 30 тыс. человек. Тем же жарким летом 1903 г. демонстрации состоялись в Варшаве, Риге, Костроме, Туле, всего в 20 городах[120]. К горожанам подтягивались сельские жители; в иных губерниях было организовано несколько шествий к земским присутствиям[121].

Шествия имели огромное социально-интегрирующее значение. Семантически связанные с праздным времяпровождением, они давали повод разделить радость свободы с товарищем, способствуя одновременно политическому просвещению участников. Главные требования рабочих (а они были экономическими) – об оплате труда, сокращении рабочего дня – концентрированно выражались и многократно повторялись в лозунгах и транспарантах («Долой понижение расценок!», «Работу безработным!», «Хлеба и работы!»), убеждая в своей правомерности и участников шествий, и соглядатаев. Защитники интересов рабочих из непролетарских слоев населения помогали дополнить и расширить экономические притязания выдвижением лозунга международной пролетарский солидарности и требованием введения 8-часового рабочего дня. Агитация социал-

---

[118] Трудовые конфликты С. 97–101. Революционные газеты и листовки писали о 110–140 тыс. участников всеобщих стачек, возможно, имея в виду участников митингов и демонстраций.

[119] *Кирьянов Ю.И.* Переход к массовой политической борьбе. С. 135, 140.

[120] Рабочее движение. Хроника. Вып. IX. 1903 год. Ч. 1. С. 38.

[121] Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. М., 1998. С. 9.

демократов буквально «причащала» рабочих к политике и обучала их формулировать новые и новые вольнолюбивые призывы («Воздух городов делает человека свободным!», «Да здравствует свобода стачек!», «Да здравствует политическая свобода!», «Долой произвол!»). По мере нарастания протестного потенциала эти лозунги становились все радикальнее и политизированнее: «Долой полицейское насилие!», «Долой губернаторов и всех чиновников-холопов!», «Долой самодержавие!». Осмысляя тогдашний политический процесс, историк и философ либерал П.Б. Струве, по молодости активно сочувствовавший РСДРП, записал, что события, охватившие Юг России в 1903 г. – «не есть простая цепь забастовок», но «крупное политическое движение», знаменующее напряженное «революционное настроение трудящихся масс, вылившееся в форму стачек», «назавтра могущее получить другую форму»[122].

С начала июля до конца августа 1903 г. в «горячие точки» всеобщих стачек на Юге России не менее 100 раз вызвались полиция и солдаты, более 30 раз – казачьи части. В подавлении демонстраций были задействованы сотни рот пехоты и саперов, эскадроны казаков, стрелковые батальоны – всего почти 20 тыс. чел[123]. О событиях на Юге России не сразу решились доложить императору, совершавшему в июльские дни 1903 года паломничество к святым мощам Серафима Саровского в Дивеевский монастырь под Нижним Новгородом. Пока он умилялся «поразительным настроением народа» и записывал в дневнике 19.07.1903 «Подъем духа громадный...»[124], чиновники готовили правительственные доклады. Опасения испортить настроение самодержцу, летние отпуска в госучреждениях и нежданно разбушевавшаяся Нева, заставившая императора немного дольше пробыть в путешествии, задержали прием этих докладов. Реакцией царя на донесения об обстановке в южных губерниях была «мягкая» отставка С.Ю. Витте (его перевели с повышением на должность председателя Комитета министров, о чем позже самодержец записал: «После ... объяснений стало легко на душе»[125]), а кресло министра финансов занял Э.Д. Плеске. Заседания Рабочей Комиссии в Мини-

---

[122] *Невский В.И.* Летние стачки 1903 г. – предвестники революции // Борьба классов. М., 1933. № 9. С. 144.

[123] Подсчеты произведены по указанным в источниках названиям воинских соединений; при подсчете учитывались возможные колебания в численности – от 15 400 до 19 400 солдат в зависимости от наличия в воинских частях «живой силы» в данный момент.

[124] Дневник императора Николая II 1894–1918. Т. 1. 1894–1904 / отв. ред. С.В. Мироненко М., 2011. С. 741.

[125] Там же. С. 747.

стерстве финансов были тут же свернуты, и «салютоваваший» (глагол М.Н. Каткова) в России рабочий вопрос остался нерешенным.

Меж тем, выступления пришлого люда в числе горнозаводских тружеников, портовиков и чернорабочих на Украине не прекращались. После июньского указа 1903 г. о конфискации армянского церковного имущества усилились антицаристские настроения в Закавказье. Эхом летних стачек рабочих Юга стало возникновение новых очагов протеста осенью 1903 г. Одной из самых заметных была общегородская забастовка в Москве 9–15 сентября, собравшая 89 (из 149) полиграфических заведений, 6,8 тыс. (из 8,2 тыс.) типографов. Стачка сопровождалась демонстрациями, которые прекратилась вызовом более 100 городовых, двух эскадронов жандармов, 2 сотен казаков и массовыми арестами[126]. В схожей коллективной стачке в польском Белостоке с 23.10.1903 до 11.11.1903 приняли участие более 4 тыс. работников мелких заведений и ремесленников. С 31.10.1903 до 25.11.1903 бастовали 1,3 тыс. работников 28 бондарных заведений Нижнего Поволжья[127]. Выступления эти вливались в общий протестный поток 1900–1904 гг., который дал 74% всех коллективных выступлений за десятилетие (из него более трети, 38%, пришлось на последние два предреволюционных года). В свою очередь, один 1903 год дал более четверти (25,3%) коллективных стачек за десятилетие, 35,5% всех стачечников. Коллективизм стачечников поддерживался нелегальной печатью: «Вся Россия проснулась! Нет теперь ни одного уголка в нашем обширном отечестве, где бы не раздавался протест против самодержавного произвола!»[128]. Действительно, 5 тыс. трудовых конфликтов 1900–1903 гг., охвативших почти миллион (934,7 тыс.) рабочих, из коих половина (467,8 тыс.) были работниками фабрик и заводов, давали основание распространителям листовок убеждать в том, что уже «все клонится к тому, что рабочие в один прекрасный день восстанут против правительства и какая-нибудь крупная демонстрация превратиться в революцию»[129]. Собственно, 1903 год превзошел предыдущий год по числу стачек в 3,5 раза (2 244 случая), стачечников – в 2,5 раза (3 852 участника), что составляет 44% стачек и 47% стачечников от общего числа за десятилетие.

В стране, где полицейскими мерами пресекались любые попытки гражданского объединения, протест против самодержавного произ-

---

[126] *Баранова Л.А.* Положение фабрично-заводских рабочих Москвы в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

[127] Рабочее движение. Хроника. Вып. IX. Ч. 1. С. 360–420.

[128] Листовки революционных с.д. организаций Украины. 1896–1904. Киев, 1963. С. 607.

[129] Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. М., 1939. Т. 1. С. 57.

вола помог быстрому росту числа политических стачек в их соотношении с экономическими. Если в 1901 г. соотношение политических выступлений к экономическим оценивается как 22,1% к 77,9%, то в 1903 г. составило 53,2% к 40,8%[130]. Политические лозунги и требования выдвигали в 1903 г. свыше 140 тыс. забастовщиков (42% от общего их числа по нашим подсчетам против 22% по подсчетам фабричной статистики)[131].

Нарастание протестного потенциала в рабочем сословии хотели сдержать «маленькой победоносной войной» с Японией (В.К. Плеве), но надолго «удержать революцию»[132], как показали последующие события, не удалось. Правда, поначалу число производственных конфликтов все же сократилось почти в 5 раз, а число забастовщиков – в 2,5 раза. Однако ожидаемого подъема патриотизма власть предержащие не дождались, в общественных настроениях нарастали усталость и разочарование. События у берегов далекой Японии мало волновали российских рабочих, продолжавших свои выступления в 16 губерниях и областях[133]. За 1904 г. в 500 трудовых конфликтах 88% (свыше 150 000 забастовщиков) составили забастовки с большим числом участников, из них почти половина (43%) – были коллективными, массовыми (в Нижегородской, Варшавской, Екатеринославской, Иркутской губерний, Бакинской области)[134]. Среди самых заметных из них была трехнедельная с 7.08–27.08.1904 общегородская стачка каменщиков (3 500 участников) в Варшаве и аналогичная 12.08–13.08.1904 стачка рабочих военного завода в пос. Сормово в Нижегородской губ (10 000 участников)[135].

Наличие 37 крупных коллективных трудовых споров в России 1904 г. неоспоримо говорило о подъеме рабочего движения. По сравнению с 1903 г., в год начала русско-японской войны (призванной отвлечь рабочих от забастовок) число митингов и демонстраций, прокатившихся по 53 губерниям страны, возросло более, чем в 2 раза и стало одной из ведущих форм рабочего протеста[136]. Слухи о военных поражениях в конце 1904 г. заставили выйти на улицы крупных городов рабочих, студентов и служащих. С пением «Марсельезы», лозунгами «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!» они заявляли о своем несогласии с политикой правительства,

---

[130] История КПСС. М., 1964. С. 356–357.
[131] *Пушкарева И.М.* Возвращение к забытой теме... С. 110.
[132] *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 291.
[133] Трудовые конфликты... С. 60–69.
[134] Рабочее движение. Хроника. Вып. X. 1904 год. Ч. 3. С. 796–798.
[135] Там же. Ч. 1. С. 9, 217, 219.
[136] Трудовые конфликты... С. 119.

не страшась столкновений с полицией и арестов[137]. И хотя «прямой зависимости стачечной активности от нахождения рабочих в городе или селе не просматривалось», как утверждала фабричная статистика (рассчитывая погасить беспокойство интеллектуалов), все же ряд губерний (Тверская, Владимирская, Прибалтийская) дал тогда высокое число стачечников, сопоставимое с городскими центрами[138].

Несмотря на попытки успокоить общественное мнение, а рабочих – отвлечь вновь на легальные союзы (идеи С.В. Зубатова реанимировались еще в начале 1904 г. при созданием священником Г.А. Гапоном «Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга»), российскую элиту не покидала тревога о внутреннем положении, усиленная неудачами в войне с японцами. В «верхах» усилились упреки правительству в неумении прогнозировать взрывы социальных возмущений и протестов[139]. На устах у интеллектуалов была невзначай брошенная великим князем Константином Александровичем сентенция «Революция стучится в дверь»[140]. Действительный тайный советник, а с лета 1904 г. и Госсекретарь, занимавший пост министра, В.Н. Коковцов предупредил, что современная ему внутренняя политика может привести к «потери доверия» заграничных финансистов в связи с социальной нестабильностью в стране. В связи с этим им был составлен проект Указа Сенату, в котором говорилось об «устроении» сферы труда и быта фабрично-заводских рабочих путем создания согласительных комиссий из представителей администрации и рабочих, допущении «рабочих товариществ и союзов», пересмотре норм сверхурочных работ и сокращении рабочего дня, подготовке закона о страховании, смягчении правовых норм, карающих забастовщиков[141].

Но все это было проигнорировано 12.12.1904 г. при подписании Указа, которого так ждала либеральная общественность. Самодержец вычеркнул массу пунктов в принесенном ему тексте, сохранив лишь «возможность обсуждения вопроса о государственном страховании» рабочих после завершения войны. Обстановку в стране накаляли экономические обстоятельства: падение цены на нефть. В от-

---

[137] *Леонов. М.И.* Несостоятельность мелкобуржуазного революционизма С. 161, 162; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 24. 1904 г. Д. 760. Т. 1. Л. 54–55.

[138] *Михайлов Н.В.* Революционный процесс и общественное сознание... С. 28–30.

[139] *Тихомиров Л.А.* 25 лет назад: Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 1. С. 59.

[140] Красный архив. 1930. № 6 (34). С. 110.

[141] Первая революция в России. Взгляд через столетие / отв. ред. С.В. Тютюкин, А.П. Корелин. М., 2005. С. 147; *Лаверычев В.Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972. С. 30.

вет на массовые увольнения товарищей на нефтяных предприятиях Бакинской губ. 13.12.1904 г. прекратили трудиться работники семи крупных нефтяных промыслов и механических заводов, угрожая превращением стачки в общегородскую. Остановилась работа типографий, конки, водопроводной станции, улицы Баку были запружены демонстрантами, выкрикивавшими антиправительственные лозунги и разбрасывавшими антивоенные прокламации. Во время митинга, собравшего 15 000 чел., на вопрос оратора «Пойдете ли вы на войну?» толпа взревела: «Умрем здесь, но не пойдем!»[142]. К концу декабря число забастовщиков Бакинской губ. составило более 83% от всех числившихся в штате рабочих. На переговорах с хозяевами, стачком продиктовал длинный перечень экономических требований и несколько политических, в том числе признание 1 Мая нерабочим днем[143]. Пытаясь положить конец разрастанию стачки, власти вызвали воинские части, которые заняли ж.д. станцию. Перебои с продовольствием, раненные и убитые в ходе столкновений с полицией лишь усилили агрессию; участились акты вандализма, поджоги скважин и вышек. 30.12.1904 г. администрация нескольких предприятий получила текст выработанного стачкомом первого в истории России коллективного договора рабочих и предпринимателей. Бакинская стачка завершилась победой: нефтепромышленники вынуждены были обещать 20%-ную прибавку к зарплате, введение 9-часового рабочего дня, оплаты больничных, отмену обысков, поэтому 03.01.1905 г. основная масса бастовавших вышла на работу.

Знаменитая своей победой Бакинская стачка 1904 г. оказалась символически и фактически связанной с событиями в Петербурге начала 1905 года. Полученная бакинским стачком по телеграфу весть о начавшейся забастовке 3 января 1905 г. на Путиловском заводе в Петербурге всколыхнула бакинцев, неудовлетворенных медлительностью реализации обещаний хозяев промыслов. Организованные прекращения работы продолжались в Бакинской губернии до 16 января 1905 г.,[144] влившись в единый протестный поток, связанный с «кровавым воскресением» 9 января 1905 г. – разгоном шествия петербуржцев, желавших вручить императору коллективную петицию о рабочих нуждах.

Таким образом, в течение десяти лет на рубеже XIX–XX вв. мощное общественное движение рабочих России было одним из

[142] Рабочий класс России от зарождения... С. 576.

[143] *Багирова И.С.* Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века: 1900–1917. Баку, 1997.

[144] Рабочее движение. Хроника. Вып. X. 1904 год. Ч. 1. С. 155–168.

определяющих общую картину протестных действий разных социальных групп, слоев и этносов. Его ширившийся репертуар форм борьбы, характер и становящиеся все более продуманными цели были в прямой связи с внеэкономическими факторами – наличием самодержавия, отсутствием демократических свобод и гражданского общества, слабостью русского либерализма. Именно протест рабочих «запускал» механизм революционного ниспровержения. Анализ статистического материала в комплексном источнике нового типа, «Хронике рабочего движения...», существенно дополняя показатели «фабриканской статистики стачек» (как именовал ее классик марксизма), раскрыл перед нами суть концепта *спонтанной организованности* массового движения, введенного зарубежными учеными, сразу отвергнувшими одномерные подходы ортодоксального марксизма[145]. Анализ численных и качественных изменений в сложной и многоплановой истории рабочего протеста – ключ к пониманию причин его влиятельности в истории массовых общественных движений начала XX века в России. Из тысяч индивидуальных трудовых конфликтов складывались предпосылки возникновения городских, профессиональных, региональных стачек, участников которых объединяли социально значимые цели и солидарность в их достижении. Коллективность, коллегиальность рабочего протеста усиливала внимание к этому социальному слою со стороны общественных организаций и политических партий в России. Ударная общественная сила в полмиллиона участников (если судить о ней по состоянию к началу 1905 г.) возглавляла и в известной степени определяла лицо всего общероссийского протестного массового движения, способствовала мобилизации его внутренних ресурсов. Она помогала сделать протест обсуждаемым, заметным, используя для этого самые разные демонстративные формы (митинги, уличные шествия, демонстрации). Получив отклик в оживленной полемике в публичной сфере, протестное рабочее движение заявило о себе как о важнейшей доминанте в экономической, социальной и политической жизни страны, став безусловным триггером, «спусковым крючком» революции.

Количественные характеристики российского рабочего движения позволяют анализировать процесс его изменений, проследить переход от оборонительных забастовок экономического характера середины 1890-х гг. к наступательному массовому рабочему движению начала XX в. с требованиями институциональных изменений в области государственного управления. Без понимания этой динамики

[145] *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 2016. P. 7.

картина возникновения и развития политических предпосылок Первой русской революции 1905–1907 гг. не полна и не ясна.

ЛИТЕРАТУРА

1904–1905. Революционное движение в России в докладах министра Н.В. Муравьева. СПб., 1907.

Кирьянов Ю.И. Переход к массовой политической борьбе Рабочий класса накануне первой российской революции. М.: Наука, 1987. – 238 с.

Конец рабочей истории? / под ред. Марселя ванн дер Линдена. М.: Улисс, 1996. – 261 с.

Михайлов Н.В. Революционный процесс и общественное сознание: Рабочие и российское общество в конце XIX – начале XX в.: истоки рабочего радикализма. СПб.: Лики России, 2009. – 205 с.

Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998–99. М., 1999. С. 40–76.

Первая революция в России. Взгляд через столетие / отв. ред. С.В. Тютюкин, А.П. Корелин. М., 2005. – 602 с.

Пушкарева И.М., Пушкарева Н.Л. «Новая рабочая история» в зарубежной историографии // Социальная история. 2001–2002. М., 2004. С. 47–69.

Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. 2-е изд. / отв. ред. Ю.И. Кирьянов). М.: Наука, 1989. – 751 с.

Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917. Хроника: Вып. 1. 1895 год; Вып. 2. 1896 год; Вып 3. 1897 год; Вып. 4. 1898 год; Вып. 5. 1899 год; Вып. 6. 1900 год; Вып. 7. 1901 год; Вып. 8. 1902 год (в 2-х частях); Вып. 9. 1903 год (в 4-х частях); Вып. 10. 1904 год. (в 3-х частях) (Отв. состав., отв. ред. И.М. Пушкарева).

Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие. 1895–1904 гг. (состав. В.Е. Варзар.) СПб.: тип. В. Киршбаума, 1905 г. – [2], 80, 38 с.

Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2011. – 475 с.

Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. СПб.: изд. Л.Ф. Пантелеева, 1898. – XI+496 с.

Koenker D., Rosenberg W. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton: Princeton University Press, 2016. – 422 p.

Thilly Ch. From mobililisation to revolution // Engiewood Cliffs (NJ), Addison-Wesley Pub. Co., 1978. – 349 p.

Wildman A.K. The Making of a Workers, Revolution: Russifn Social Democracy, 1891–1903. Chicago: University of Chicago Press, 1967. – 371 p.

Кострикова Е.Г.

РОССИЙСКИЙ МИД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЦЕНЗУРА

Аннотация: *Статья посвящена одной из важных и малоизученных сторон деятельности российского МИД в годы Первой мировой войны – дипломатической цензуре. Автор анализирует место этой структуры в общей системе цензурных органов, выявляет специфику ее работы, а также взаимоотношений с другими ведомствами и органами печати. Статья основана на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.*
Ключевые слова: *Первая мировая война; МИД России; Отдел печати и осведомления; дипломатическая цензура; пресса*

Kostrikova E.G.
The Russian Foreign Ministry during the First World War: diplomatic censorship

Annotation: *The article is devoted to one of the important and little-studied aspects of the activities of the Russian Foreign Ministry during the First World War – diplomatic censorship. The author analyzes the place of this structure in the general system of censorship bodies, reveals the specifics of its work, as well as relationships with other departments and press bodies. The article is based on archival materials introduced into scientific circulation for the first time.*
Keywords: *World War I; Russian Foreign Ministry; Press and Information Department; Diplomatic censorship; Press*

В числе задач, которые пришлось решать российскому правительству в связи с начавшейся Первой мировой войной, была организация военной цензуры. При этом, естественно, учитывался опыт Русско-японской войны, однако его оказалось недостаточно. Правила функционирования прессы с тех пор существенно изменились. Манифестом 17 октября 1905 г. была отменена предварительная цензура периодической печати. Да и сами условия ведения военных действий были иными – намного сложнее и масштабнее.

Война вызвала огромную потребность в информации в разных слоях русского общества. Правительство поспешило откликнуться на этот запрос: «С открытием военных действий Министерством внутроенних дел был предпринят целый ряд мероприятий, направленных к удовлетворению пробудившегося среди народа

глубокого интереса к войне»[1]. В целях более широкого распространения сведений о событиях, связанных с войной, на всей территории Российской империи была организована рассылка бюллетеней Петроградского телеграфного агентства, являвшегося главным информационным ресурсом властных структур. С августа 1914 г. бюллетени ПТА начали получать все губернские и уездные земские управы. Далее они рассылались по волостям и сельским поселениям. В тех губерниях, где земских учреждений не было, распространение этих бюллетеней было возложено на чиновников местной администрации и на должностных лиц Переселенческого управления. Помимо этого, по соглашению с Министерством путей сообщения, бюллетени ПТА доставлялись на узловые пункты железных дорог, откуда направлялись на все железнодорожные станции.

Дополнительные меры приняла редакция газеты «Правительственный вестник», которая приступила к выпуску особых бюллетеней «для ознакомления бедного люда, населяющего окраины Петрограда, с ходом войны». Эти листки расклеивались на улицах, преимущественно в отдаленных районах столицы и в пригородах, где ощущался недостаток газет. С октября 1915 г. Министерство внутренних дел наладило издание «Списков раненых и больных воинов», которые рассылались во все волостные и сельские правления Российской империи. На осуществление всех этих мероприятий было выделено 109 200 руб. в год[2]. Однако эти официальные издания постоянно ощущали серьезную конкуренцию со стороны частных изданий.

Война вызвала к жизни множество новых газет, журналов и всякого рода информационных листков. Многие из них быстро исчезли, не выдержав трудностей военного времени, но на их место приходили новые. Что касается крупных и влиятельных изданий, то им не только удавалось справляться с многочисленными проблемами, но еще и значительно увеличивать тиражи. Так самая распространенная ежедневная московская газета либерального направления «Русское слово», имевшая до войны самый высокий тираж – 300 тыс. экз., к началу 1916 г. удвоила его и довела до 650 тыс. экз., тогда как официальные «Московские ведомости» издавались тиражом не более 4 тыс. экз. По сведениям Московского комитета по делам печати, в это время в городе числилось 17 ежедневных и 20 еженедельных из-

[1] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 140. Отдел печати и осведомления. Оп. 477. Д. 912. Л. 1.

[2] Там же.

даний[3]. А всего, по данным Главного управления по делам печати на июль 1916 г., в ведении цензуры находились 529 газет и журналов[4].

Официальные издания публиковали только тщательно проверенные сведения, однако внимание читателей больше привлекали частные газеты и журналы, издатели которых, в погоне за сенсацией, нередко спешили опубликовать известия, достоверность которых вызывала сомнения, а то и просто отсутствовала. Преградой для потока ложной и часто вредной для интересов государства информации должны были стать органы военной цензуры. Основное руководство цензурой было сосредоточено в Петрограде. Здесь находились правительственные учреждения, сюда стекалась вся информация, поступавшая из внутренних источников и из-за рубежа. Из столицы известия, при посредстве Петроградского телеграфного агентства, распространялись по всей территории Российской империи и передавались за границу.

В соответствии с высочайше утвержденным 16 июля 1914 г. «Положением о полевом управлении войсками» (статьи 93, 145 и 411) военная цензура в Петрограде находилась в ведении Главнокомандующего армиями Северного фронта: «главнокомандующий армиями и командующий армией военному министру не подчинен и никакое правительственное место, учреждение или лицо в империи не могут давать им предписаний и требовать отчетов»[5].

Иерархия органов, ответственных за цензуру печати в Петрограде, была выстроена следующим образом: главный начальник Петроградского военного округа, начальник штаба Петроградского военного округа, военная цензура при Петроградском комитете по делам печати. В структуре комитета была учреждена Главная военно-цензурная комиссия. В ее подчинении находились Петроградская военно-цензурная комиссия, а также все местные комиссии.

Москва являлась вторым по значению центром, откуда все важные новости распространялись по всей России. Материалы петроградских и московских газет, наряду с бюллетенями Петроградского телеграфного агентства, служили главными источниками информации для провинциальных изданий.

28 июля 1914 г. при штабе Московского военного округа была учреждена Московская военно-цензурная комиссия. Ее возглавил генерал-майор Гадзяцкий. В Комиссию вошли представите-

---

[3] Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). Ф. 31. Оп. 3. Д. 2081. Л. 56–57. Список периодических изданий, выходящих в Москве. 29 февраля 1916 г.

[4] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 902. Л. 3.

[5] Там же. Д. 907. Л. 17.

ли Московского комитета по делам печати, военного и почтово-телеграфного ведомства и главноначальствующий г. Москвы. Владельцы типографий, в которых печатались газеты, были извещены о том, что они обязаны предоставлять экземпляры газет в штаб Московского военного округа одновременно с их выпуском из типографий. Одновременно они были предупреждены о строгой ответственности за неисполнение этого требования[6]. В конце июля 1914 г. Москву посетил начальник Главного управления по делам печати С.С. Татищев «для выяснения вопросов, связанных с организацией военной цензуры и преподания Московскому комитету указаний»[7].

Главными нормативными документами, которыми руководствовались военные цензоры, были высочайше утвержденное 20 июля 1914 г. «Временное положение о военной цензуре» и «Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати воспрещается». Помимо этого, военные цензоры получали от своего непосредственного руководства дополнительные указания, уточнявшие задачи текущего момента.

14 августа 1914 г. состоялось совместное заседание членов Петроградского комитета по делам печати и военных цензоров, на которое были приглашены редакторы и издатели влиятельных столичных газет. Состоялся взаимный обмен мнениями по вопросам, связанным с введением военной цензуры. Большая часть нареканий со стороны представителей прессы была вызвана несогласованностью в действиях цензоров. Схожие по содержанию статьи могли быть разрешены одному изданию и запрещены другому. Часто цензура не пропускала совершенно безобидные, по мнению редакторов, статьи. С.С. Татищев согласился, что в действиях военной цензуры на первых порах имели место отдельные упущения, теперь же многие недочеты устранены. Журналисты, со своей стороны, выразили благодарность сотрудникам военной цензуры за предупредительное отношение к печати[8].

Несмотря на принятые меры, дело налаживалось с трудом и избежать ошибок в действиях военной цензуры не удалось. 25 сентября 1914 г. начальник штаба Московского военного округа информировал Московский комитет по делам печати: «По приказанию военно-

---

[6] ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 23. Старший инспектор книгопечатания и книжной торговли в Москве – в Московский комитет по делам печати. 25 июля 1914 г.

[7] Там же. Л. 15–16, 61.

[8] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–15.

го министра ставится на вид московской цензуре слабость надзора по наблюдению за статьями военного содержания, ввиду того, что в московской периодической печати продолжают печататься, до появления официальных сообщений штаба Верховного главнокомандующего, статьи и корреспонденции о происходящих боях с оценкой их значения и выводами на будущее, а также сведения, недозволенные перечнем, или касающиеся распоряжений военных властей».

Для того, чтобы исправить положение, командующий войсками Московского военного округа распорядился ужесточить цензуру печати. Отныне редакторам всех выходящих в Москве газет и журналов предписывалось представлять в Штаб округа на предварительный просмотр все статьи, заметки, корреспонденции и телефонограммы, затрагивающие военные вопросы. Весь материал поступал на просмотр военных цензоров под непосредственным руководством председателя Московской военно-цензурной комиссии генерал-майора Гадзяцкого. В помещении Московской военно-цензурной комиссии было организовано ежедневное дежурство военных цензоров. Отдельный военный цензор был назначен для дежурства на Московском телеграфе[9].

В соответствии со статьями 68 и 69 «Временного положения о военной цензуре» редакция газеты, опубликовавшей не просмотренный или запрещенный цензурой материал, подвергалась наказанию: штрафу от 500 до 10 000 р. или заключению в тюрьму на срок от 2 месяцев до 1 года. При повторении нарушения издание могло быть остановлено на все время действия военной цензуры. По данным Петроградской военно-цензурной комиссии на июль 1916 г., с начала войны были наложены денежные взыскания на 24 издания, взяты под цензуру в полном объеме 8 изданий, приостановлены 12 изданий[10].

* * *

В системе цензурных органов, созданных в годы Первой мировой войны, особое место занимала дипломатическая цензура, имевшая свою специфику. Представители дипломатического ведомства были подключены к работе Главной военно-цензурной комиссии с самого начала. Уже 19 июля 1914 г., не дожидаясь официального постановления о ее учреждении, Главное управление Генерального штаба обратилось в МИД с просьбой, «во избежание потери времени», незамедлительно назначить в комиссию своего представителя. Им стал

[9] ЦГАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 1872. Л. 36, 53; Д. 1873. Л. 178.
[10] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 902. Л. 4, 8.

управляющий Отделом печати Ю.А. Нелидов, получивший звание старшего военного цензора при МИД[11].

Дипломатическая газетная военная цензура являлась частью общей военной цензуры, организованной при Главном телеграфе в Петрограде. В особое подразделение она была выделена уже на начальном этапе существования Петроградской военно-цензурной комиссии. Первоначально эта работа была поручена рядовым газетным цензорам. Однако вскоре выяснилось, что их подготовка совершенно не отвечает сложным условиям военного времени. После ряда допущенных ими грубых промахов пришлось принять срочные меры. В сентябре 1914 г., по приказанию Штаба Верховного главнокомандующего, цензура всех газетных телеграмм и корреспонденций была возложена на «особенно зарекомендовавших себя военных цензоров из среды офицерского состава». От них требовалось удовлетворять целому ряду требований: «кроме в высшей степени внимательного и добросовестного отношения к делу, они должны были владеть четырьмя языками, иметь ценз высшего образования и, по возможности, в мирное время состоять на государственной службе»[12].

Ведению дипломатической цензуры подлежали: «1) все “исходящие” из России за границу газетные телеграммы; 2) те из заграничных “входящих” телеграмм, адресованных редакциям газет, издающихся в России, которые содержат какие-либо дипломатические и политические сведения; 3) внутренние газетные телеграммы, входящие и исходящие из Петрограда, в которых сообщается о дипломатических сведениях; 4) письменная корреспонденция из России за границу корреспондентов газет дружественных и нейтральных стран»[13].

Работа цензоров на Главном телеграфе была чрезвычайно напряженной и ответственной. Нередко им приходилось оперативно принимать решения, связанные со сложными вопросами как дипломатического, так и внутриполитического характера. Обязанности между цензорами были распределены следующим образом. Проверка всей корреспонденции, как почтовой, так и телеграфной, отправляемой из России иностранными журналистами, была поручена дипломатическим военным цензорам, работавшим под не-

---

[11] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 901. Л. 1–2.

[12] Там же. Д. 912. Л. 12. Докладная записка Ю.А. Нелидова «О цензуре дипломатической газетных телеграмм». Март 1916 г.

[13] Там же. Л. 2. Докладная записка военного цензора С. Шварсалона «О дипломатической газетной военной цензуре при Главном телеграфе в Петрограде». 9 мая 1916 г.

посредственным контролем управляющего Отделом печати МИД. Эти три офицера находились на Главном телеграфе лишь в определенные часы: утром и вечером. Проверкой и разрешением к печати всех прочих газетных телеграмм занимались военные цензоры, которые несли круглосуточное дежурство на Главном телеграфе. Под их контролем находились: 1) телеграммы из-за границы (как правило, на иностранных языках), адресованные редакциям русских газет, столичных и провинциальных; 2) внутренние газетные телеграммы, входящие и исходящие из Петрограда и 3) транзитные (через Россию) газетные телеграммы.

Во время отсутствия дипломатических цензоров менее важные вопросы, связанные с внешнеполитической тематикой, разрешались самостоятельно военными газетными цензорами. В этом им помогал опыт, приобретенный в процессе совместной работы с коллегами из МИД: «Только такая тесная, взаимно дополняющая деятельность двух групп газетных цензоров позволяет им успешно справляться с большой срочной и ответственной работой»[14].

Первоначально в состав дипломатических военных цензоров входили и гражданские чиновники МИД. Однако дипломатические, политические и специально военные вопросы в телеграммах и почтовых корреспонденциях часто тесно переплетались. Пока дипломатические и военные цензоры разбирались, в чьей компетенции находится то или иное сообщение, терялось ценное время. Поэтому было признано желательным, чтобы если не все, то хотя бы большая часть дипломатических газетных цензоров были офицерами. Наряду с этими соображениями руководство учитывало так же и то обстоятельство, что с юридической точки зрения ответственность цензоров-офицеров более надежна, чем ответственность гражданских чинов[15].

Этот аргумент имел под собой почву, поскольку, несмотря на все предупреждения, случаи, когда цензоры предавали огласке известия закрытого характера, все же имели место. В феврале 1916 г. начальник Штаба Петроградского военного округа генерал-майор Тяжельников информировал председателя Петроградской военно-цензурной комиссии: «По имеющимся сведениям, некоторые из почтово-телеграфных служащих и военных цензоров разглашают вручаемые им по службе тайны. ... Прошу сделать распоряжение о принятии строгих мер к сохранению почтово-телеграфными чиновниками и военными цензорами вверяемых им по службе секрет-

[14] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 13.
[15] Там же. Л. 2–3.

ных сведений, с предупреждением, что виновные в нарушении сего будут впредь привлекаться к законной ответственности»[16].

Газетные телеграммы доставлялись на Главный телеграф с раннего утра и до поздней ночи. Дежурство дипломатических военных цензоров начиналось с 11 часов утра, когда начинали поступать телеграммы иностранных корреспондентов, аккредитованных в России. Затем, когда поток телеграмм снижался, наступал перерыв с 14–15 часов дня. С 17 часов вечера дежурство возобновлялось и продолжалось до 12 часов ночи, а иногда и дольше. С 17 часов вечера в помещении Петроградской военно-цензурной комиссии дипломатические цензоры приступали к просмотру почтовой корреспонденции, поступавшей от представителей иностранной печати. В это же время туда доставлялись с Главного телеграфа пакеты с телеграммами, требовавшими срочного разрешения[17].

В военном отношении дипломатическая газетная цензура на Главном телеграфе находилась в прямом подчинении Петроградской военно-цензурной комиссии. Все распоряжения, исходившие от ее руководства, были обязательны для дипломатических военных цензоров.

Все указания, относившиеся к вопросам внешней политики и международных отношений, дипломатические цензоры получали от управляющего Отделом печати МИД[18]. Председатель Петроградской военно-цензурной комиссии М.А. Адабаш информировал Ю.А. Нелидова: «...Мною предложено военному цензору при Министерстве иностранных дел А.В. Сабанину во всех случаях его деятельности... обращаться за разъяснениями непосредственно к Вам и руководствоваться всеми возможными с Вашей стороны специальными указаниями»[19].

Необходимым условием эффективной работы дипломатической газетной военной цензуры была согласованность действий сотрудников, особенно когда дело касалось принципиальных вопросов. Достичь этого было непросто. Рядовые цензоры, естественно, не могли быть посвящены во все тонкости дипломатии. Порой им было трудно решить, насколько тот или иной газетный материал соответствует позиции российского МИД. Единственным средством избежать нежелательных ошибок был постоянный контроль со стороны

---

[16] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 10. Начальник штаба Петроградского военного округа – Ю.А. Нелидову. 11 февраля 1916 г.

[17] Там же. Д. 912. Л. 3.

[18] Там же.

[19] Там же. Д. 903. Л. 5. М.А. Адабаш – Ю.А. Нелидову. 6 января 1916 г.

старшего военного цензора, которым был управляющий Отделом печати и осведомления МИД.

На практике организация дипломатической цензуры оказалась далеко не простым делом. Само руководство признавало: «если в работе дипломатических газетных военных цензоров не встречалось почти за два года... крупных пропусков и почти не было никаких недоразумений, то это можно объяснить, в начале деятельности дипломатической военной цензуры – более или менее счастливым стечением обстоятельств, впоследствии – приобретенным дипломатическими цензорами опытом и их крайне осторожным и внимательным отношением к своему делу»[20].

Личное общение старшего дипломатического военного цензора с подчиненными, обсуждение актуальных тем признавалось абсолютно необходимым. Консультации по телефону или передача рекомендаций в письменной форме годились для снятия мелких текущих вопросов, когда нужно было избежать задержки в передаче информации[21].

Чтобы добиться большей согласованности в действиях дипломатических газетных цензоров было предложено все указания старшего цензора, имеющие принципиальное значение, передавать следующему по смене цензору, поскольку они могли оказаться полезными и в дальнейшем. Существовала практика внесения таких указаний в «Дело дипломатической газетной военной цензуры на Главном телеграфе». Такой порядок представлял еще и то преимущество, что с распоряжениями, исходившими от МИД, имели возможность ознакомиться остальные цензоры, занимавшиеся проверкой общих газетных телеграмм.

На Главном телеграфе был заведен следующий порядок работы. Все без исключения газетные телеграммы сначала поступали к общему газетному военному цензору, который передавал специальному дипломатическому цензору те из них, которые имели отношение к внешней политике. Однако на практике не всегда легко было определить, какие телеграммы являются «дипломатическими», а какие нет. В таких случаях «Дело дипломатической газетной военной цензуры» существенного облегчало его задачу.

Военные дипломатические цензоры должны были задерживать телеграммы, в которых попадались сведения, не подлежавшие огласке. В то же время они могли представлять интерес для МИД и других ведомств. Такие телеграммы следовало направлять управляющему Отделом печати и осведомления для сведения.

---

[20] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 3.

[21] Там же. Л. 4.

В 1916 г., в связи с усовершенствованием постановки информационной части, было обращено внимание на так называемые «транзитные» телеграммы, которые не предназначались для русской печати, а следовали далее за границу – в союзные, дружественные или нейтральные страны. Долгое время такие транзитные телеграммы направлялись газетной военной цензурой непосредственно в Петроградское телеграфное агентство без просмотра. Это объяснялось тем, что директор-распорядитель ПТА О.И. Ламкерт имел статус военного цензора.

Когда, в 1916 г., директором был назначен А.И. Лысаковский, то был восстановлен прежний, существовавший в начале войны порядок, а именно: транзитные телеграммы стали направляться дипломатическим газетным цензорам на Главном телеграфе. Ввиду отсутствия дополнительных инструкций цензорам приходилось руководствоваться лишь «Перечнем сведений, не подлежащих оглашению» и на свой страх и риск исключать из транзитных телеграмм те сведения, которые могли нанести вред государственным интересам России и ее союзников. Нередко цензоры относились к транзитным телеграммам более снисходительно, чем к остальным. Им было известно, что в практике телеграфных агентств союзных государств применяется распространение известий, инспирированных их правительствами[22].

В апреле 1916 г. А.И. Лысаковский обратился к председателю Петроградской военно-цензурной комиссии М.А. Адабашу с просьбой обеспечить ежедневную доставку копий телеграмм, задержанных цензурой в Отдел печати и осведомления МИД: «Для Министерства иностранных дел было бы весьма ценно получение копий не пропущенных военной цезурой газетных телеграмм, получаемых из-за границы, как адресованных в русские органы печати, так и транзитных, которые касаются: 1) внешней политики, 2) события в зарубежных странах и 3) содержания сведений России»[23]. В мае того же года дипломатический военный цензор С. Шварсалон предложил поручить дипломатическим газетным цензорам составление записок с кратким изложением содержания наиболее важных транзитных телеграмм[24].

Состав цензоров был неоднородным – в мирное время это были люди разных профессий, но все они были хорошо образованы и имели опыт государственной службы. В первые дни формирования Пет-

[22] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 5.
[23] Там же. Д. 903. Л. 38. А.И. Лысаковский – М.А. Адабашу. 18 апреля 1916 г.
[24] Там же. Д. 912. Л. 2–5.

роградской военно-цензурной комиссии, в июле 1914 г., военными цензорами были назначены пять офицеров, призванных по мобилизации и зачисленных в резерв личного состава Петроградского военного округа: прапорщик ополчения Вейнер (статский советник, член Императорской академии художеств, редактор-издатель журнала «Старые годы», во время пребывания в запасе занимал должность старшего делопроизводителя при Государственной канцелярии); поручик ополчения Степанов (статский советник с опытом работы судебным следователем, товарищем прокурора, старшим нотариусом); прапорщик артиллерийского ополчения Глинка (статский советник, чиновник особых поручений V класса при МВД); прапорщик запаса Ульман (надворный советник, в мирное время столоначальник Министерства торговли и промышленности) и прапорщик артиллерийского ополчения Плаутин[25].

Руководство было вполне удовлетворено работой этих офицеров: «За все время их полуторагодовой деятельности ни одним из них не только не получено ни одного замечания, но наоборот их работа неоднократно заслуживала полное одобрение со стороны их непосредственного начальства». Когда в январе 1916 г. поступило распоряжение штаба Северного фронта об отправке в действующую армию офицеров, состоявших на службе в военной цензуре, Ю.А. Нелидов обратился к директору Дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем Н.А. Кудашеву с докладной запиской, в которой доказывал необходимость сохранения в штате этих ценных сотрудников. Он предупреждал, что идея заменить опытных цензоров ранеными офицерами не достигнет желаемой цели. К тому же сотрудники военной цензуры, о которых шла речь, были мало пригодны к строевой службе как по возрасту (старше 40 лет), так и по состоянию здоровья[26].

Доводить возникшую проблему до благополучного разрешения пришлось А.И. Лысаковскому, сменившему Ю.А. Нелидова на посту управляющего Отделом печати и осведомления МИД. В письме Кудашеву он обращал внимание на негативные последствия, уже проявившиеся вследствие инициативы, проявленной военным ведомством: «Неустойчивость положения упомянутых в записке цензоров побуждает их ходатайствовать о переводе на другие места службы (чему пример имеется и в настоящее время); однако смена лиц на ответственной и требующей опыта работе цензуры внесет в таковую несомненную

[25] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 912. Л. 12–13. Докладная записка Ю.А. Нелидова «О цензуре дипломатической газетных телеграмм». Март 1916 г.

[26] Там же.

дезорганизацию и потребует усиленного наблюдения и труда со стороны лица, заведующего цензурой Министерства иностранных дел и так переобремененного работой». Лысаковский просил о личном вмешательстве Кудашева. В результате ходатайство было удовлетворено[27].

Что касается дипломатических военных газетных цензоров, то их штат мало изменился за время войны. К концу 1916 г. он составлял 7 человек во главе со старшим цензором А.И. Лысаковским, который докладывал председателю Петроградской военно-цензурной комиссии: «Вверенный мне Отдел военной цензуры распадается в смысле цели занятий на две части:

1) При Военной цензуре на Телеграфе имеется дежурство одного дипломатического цензора. Прапорщики Шварсалон и Вейнер... чередуются в этом отношении, неся дежурство в течение всего дня.

2) При Военной цензуре в здании Министерства иностранных дел имеется четыре цензора: Сабанин, Августовский, Горяинов и Волков, которые ежедневно от 11 час. утра до 6 час. дня просматривают корреспонденцию, проходящую через Министерство иностранных дел и привозимую дипломатическими курьерами»[28].

Прапорщики П.П. Вейнер и С.К. Шварсалон были опытными сотрудниками, хорошо знавшими свое дело. Вейнер служил в военно-дипломатической цензуре с августа 1914 г., Шварсалон начал службу в июле 1915 г. Оба оставались на своем посту на Главном телеграфе и при Временном правительстве.

Остальные дипломатические военные цензоры работали в помещении МИД. Наиболее опытными были А.В. Сабанин и К.П. Волков. В конце 1916 г. Сабанин был переведен на другую работу, а на смену ему пришли коллежский советник М.С. Горяинов и коллежский секретарь М.И. Августовский. В январе 1917 г. к ним присоединился С.К. Каменев[29].

Поскольку в обязанности дипломатических военных цензоров входил просмотр иностранной корреспонденции, от них требовалось знание нескольких языков. В 1916 г., отвечая на запрос М.А. Адабаша, А.И. Лысаковский сообщал: «Военные цензоры при Министерстве иностранных дел Сабанин и Волков, на коих возложен просмотр корреспонденции, производят цензуру на языках: русском, французском, английском, немецком, итальянском, испанском, польском, чешском, словацком и моравском»[30].

---

[27] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 27, 34.
[28] Там же. Л. 221. А.И. Лысаковский – М.А. Адабашу. 24 ноября 1916 г.
[29] Там же. Д. 903. Л. 230; Д. 916. Л. 4.
[30] Там же. Д. 903. Л. 92. А.И. Лысаковский – М.А. Адабашу. 12 августа 1916 г.

Среди дипломатических цензоров оказался человек с необычной судьбой. Его жизненный путь мало походил на биографии других чиновников МИД. К.П. Волков происходил из крестьян Казанской губернии. После окончания курса Казанской учительской семинарии он в 1905 г. был назначен псаломщиком православной церкви в Праге. Деловые качества и способности к иностранным языкам помогли ему стать в 1909 г. нештатным секретарем императорского посольства в том же городе. С началом войны Волков вернулся в Россию и был принят на службу в I Департамент МИД, а затем включен в штат дипломатической военной цензуры. Работа Волкова была отмечена наградами: медалями в связи с 300-летием Дома Романовых и 25-летием учреждения церковно-приходских школ.

А.В. Сабанин, ходатайствуя о присвоении К.П. Волкову чина коллежского регистратора, особенно отмечал профессионализм своего подчиненного: «Цензура отправлений, проходящих дипломатическим путем, лежит полностью на ответственности военного цензора Волкова в отношении тех языков (польский и другие славянские), которые мне незнакомы. Могу засвидетельствовать, что военный цензор Волков с исключительной добросовестностью исполняет эту работу, являющуюся весьма важной именно ввиду того, что она не проверяется руководителями и заведующими, в нормальных условиях военно-цензурной работы имеющими контроль за работой отдельных цензоров. Кроме того, во время моих случайных отлучек из министерства г. Волков несет всю работу по просмотру корреспонденции, идущей дипломатическим путем, и постоянно исполняет ряд военно-цензурных работ по моим указаниям»[31].

Знание нескольких иностранных языков было одним из основных требований при зачислении в штат дипломатических военных цензоров. Как следует из рапорта старшего военного цензора А.А. Доливо-Добровольского, военная цензура на Московском почтамте осуществляла просмотр корреспонденции без малого на трех десятках языков: русском, французском, английском, немецком, итальянском, испанском, голландском, шведском, датском, норвежском, венгерском, румынском, польском, чешском, болгарском, сербском, словацком, моравском, литовском, латышском, эстонском, армянском, персидском, турецком, татарском, еврейском и даже эсперанто[32].

К концу 1916 г. положение на фронтах и нараставшая напряженности внутри страны потребовали ужесточения цензурного контроля

---

[31] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 121. А.В. Сабанин – А.И. Лысаковскому. 10 сентября 1916 г.

[32] Там же. Л. 90. Рапорт А.А. Доливо-Добровольского в Московскую военно-цензурную комиссию. 26 июля 1916 г.

над прессой. Председатель Петроградского комитета по делам печати Н.И. Левитский в письме А.И. Лысаковскому делился своим беспокойством: «... Несмотря на постоянные указания, поступавшие от Вашего превосходительства в области дипломатических статей, все же самая работа при цензуре их ведется рядовым цензором, за его подписью и ответственностью, несмотря на то, что он, как незнакомый совершенно с положением иностранной политики, может понимать толкование Вашего превосходительства субъективно...»[33].

В связи с этим Н.И. Левитский поставил вопрос о необходимости более активного участия представителей МИД в работе военных цензоров: «... Виду усиливающейся важности политического момента вообще, и дипломатической его стороны в частности (заинтересованность нейтральных держав в мирных переговорах, постоянные попытки Германии подготовить общественное мнение противной стороны о бесполезности дальнейшего ведения войны и т.д.) и вообще ввиду преобладающего за последнее время общего количества статей по внешней политике и калейдоскопности международных событий, напряжение коих к концу войны несомненно будет еще сильнее – полагал бы своевременным именно теперь приступить к разработке указанного мною проекта постоянного участия дипломатических чиновников в работах военной цензуры»[34]. Левитский считал, что присутствие представителя МИД в Комитете по делам печати особенно необходимо в ночное время (с 21 часа до 3 часов утра). Штат сотрудников, дежуривших поочередно, предлагалось довести до 4–5 человек, взяв за образец порядок работы, установленный для военных цензоров от Морского министерства[35].

В результате обмена мнениями по вопросу об усовершенствовании цензуры печати между представителями двух ведомств было достигнуто полное взаимопонимание: «В целях объединения цензурного надзора за печатью Министерство иностранных дел признало необходимым, в согласии с пожеланием Военно-цензурной комиссии, принять участие в работе военной цензуры по просмотру статей политического характера в петроградских повременных изданиях»[36].

Таким образом в структуре Дипломатической цензуры появилось новое подразделение, руководство которым было возложено на действительного статского советника Беляева, в свое время состоявшего политическим агентом в Бухаре. В его подчинении находились 5 чи-

---

[33] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 914. Л. 8. Н.И. Левитский – А.И. Лысаковскому. 22 декабря 1916 г.

[34] Там же.

[35] Там же. Л. 9.

[36] Там же. Л. 2, 6.

новников МИД. С 20 января, в должности военных цензоров, они приступили к исполнению своих обязанностей. Общий контроль за работой этой группы, размещенной в помещении Петроградской военно-цензурной комиссии на Театральной улице, осуществлял сам А.И. Лысаковский[37].

В январе 1917 г. структура Дипломатической цензуры выглядела следующим образом:

Дипломатическая цензура при МИД

военный цензор, старший советник Тухолка
военный цензор, коллежский секретарь Августовский
военный цензор, не имеющий чина, Волков
военный цензор, коллежский асессор Каменев

Дипломатическая цензура на Главном телеграфе

военный цензор, прапорщик Вейнер
военный цензор прапорщик Шварсалон

Дипломатическая цензура на Театральной улице

военный цензор-руководитель: действительный статский советник Беляев
военный цензор, коллежский асессор Удинцов
военный цензор, коллежский советник Горянов
военный цензор, коллежский асессор Дмимтриев
военный цензор, коллежский советник Николаев
военный цензор, надворный советник Рихтер[38].

Военный цензор, статский советник Чемерзин присоединился к группе Беляева несколько позднее[39].

Группа цензоров, работавших на Театральной улице ежедневно, с 9 часов вечера до 3 часов ночи, занималась просмотром статей политического характера. Всем военным цензорам полагалось вознаграждение (по 3 р. суточных) за счет бюджета Военного ведомства. Министерство иностранных дел посчитало это недостаточным и назначило своим сотрудникам дополнительные выплаты по 100 р. в месяц каждому[40].

В помощь цензорам Петроградская военно-цензурная комиссия разработала инструктивные материалы: 1) Правила и указания для военных цензоров при Главном телеграфе и 2) Справочник для чинов Инспекторского отдела. Военные дипломатические цензоры, допуская к печати тот или иной газетный материал, скрепляли его

[37] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 914. Л. 3.
[38] Там же. Д. 916. Л. 51. Список сотрудников Дипломатической военной цензуры на 25 января 1917 г.
[39] Там же. Д. 914. Л. 5.
[40] Там же. Л. 6.

специальным штампом. Цензору полагалось иметь штамп с индивидуальным номером. Сведения о том, какому цензору принадлежит данный номер, считались секретными. Образцы оттисков штампов вместе с ведомостями, в которых были указаны фамилии цензоров и номера принадлежащих им штампов хранились в Петроградской военно-цензурной комиссии[41].

* * *

В перечень обязанностей дипломатической цензуры входила проверка иностранной почтовой и телеграфной корреспонденции. «Положение о военной цензуре», утвержденное 20 июля 1914 г., касалось и дипломатической переписки. По прошествии двух лет работы возникла необходимость внести уточнения в эти правила. 20 июля 1916 г. II Департамент МИД разослал в посольства и миссии нейтральных государств в Петрограде ноту, в которой сообщалось об изменениях, внесенных в «Положение». Неприкосновенной и свободной от цензуры признавались:

«a) официальная корреспонденция под официальным штемпелем, адресованная иностранным дипломатическим учреждениям в Петрограде их соответствующими правительствами, а также дипломатическими учреждениями того же государства за границей или консульскими представителями того же государства в Империи;

b) официальная корреспонденция под официальной печатью, отправляемая иностранными дипломатическими учреждениями в Петрограде правительствам и учреждениям, указанным в подпункте (a);

c) официальная корреспонденция под официальным штемпелем, адресованная иностранным консульствам в России их правительствами, а также посольствами или представительствами того же государства в Петрограде;

d) официальная корреспонденция под официальной печатью, отправляемая иностранными консульствами в адрес посольств или представительств того же государства в Петрограде».

Неприкосновенной и не подлежащей цензуре являлась «официальная сумка дипломатических учреждений, отправляемая с дипломатической почтой и снабженная официальными печатями и надписью “официальная отправка”». Та же норма касалась официальных посылок с официальной печатью, но они не должны были содержать корреспонденции частных лиц. Любая другая корреспонденция, отправляемая дипломатическими и консульски-

[41] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 137, 141.

ми учреждениями в России или адресованная им, подлежала цензуре, даже в том случае, если она была снабжена официальными печатями[42].

Однако постоянно осложнявшаяся международная обстановка потребовала дополнительного ужесточения этих правил. По инициативе Петроградской военно-цензурной комиссии было введено требование, чтобы дипломатические и консульские представители в России сопровождали отправляемые ими телеграммы личной подписью. Главному управлению почт и телеграфов предписывалось, начиная с 1 сентября 1916 г., отказывать в приеме телеграмм, если такие подписи отсутствовали[43]. Руководителей дипломатических и консульских представительств попросили доставить непосредственно петроградскому почт-директору факсимиле подписей и условные адреса указанных учреждений, а также отдельных специальных временных миссий, пребывающих в России[44].

В начале 1917 г. председатель Петроградской военно-цензурной комиссии М.А. Адабаш направил старшему военному цензору МИД А.И. Лысаковскому на заключение проект «Обязательных правил, касающихся порядка обмена с Россией международными почтовыми отправлениями на время текущей войны». В соответствии с этим документом международная корреспонденция была разрешена только на русском, французском, английском, польском, итальянском или немецком языках.

Особые правила были установлены для переписки военнопленных. Она допускалась только на бланках открытых писем. Категорически запрещалась передача писем пленных через других лиц или через различные учреждения и общества. Переписка военнопленных разрешалась на русском, французском, польском, латышском, итальянском и немецком языках.

Всякого рода запросы о военнопленных и военнообязанных следовало направлять в специально предназначенные для этого учреждения и общества, которым было разрешено наводить подобные справки и давать ответы на особых бланках. Согласно предложенному проекту «Обязательных правил» не допускались к почтовому обмену между Россией и нейтральными странами фотографические снимки, рисунки и т.п. Это же правило распространялось на корреспонденцию военнопленных и военнообязанных[45].

---

[42] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 901. Л. 3–4.
[43] Там же. Д. 903. Л. 98. А.И. Лысаковский – М.А. Адабашу. 19 августа 1916 г.
[44] Там же. Л. 99, 101.
[45] Там же. Д. 916. Л. 59–60.

Ознакомившись с документом, Лысаковский предложил внести в него некоторые изменения. Так он счел, что нет оснований исключить из списка языки нейтральных государств (шведский, норвежский, датский и испанский) и тем более недопустимо запрещать языки союзных Сербии, Румынии, Португалии и Японии. Представитель МИД предупреждал, что в ответ на вводимые Россией ограничения неизбежно последуют репрессии по отношению к русскому языку в неприятельских странах: «исключение из корреспонденции военнопленных языков венгерского и турецкого не представляется возможным, так как такое постановление вызвало бы немедленно лишение наших пленных в Венгрии и Турции права сноситься с родиной на русском языке». По поводу трудности цензурной проверки писем на этих языках, Лысаковский заверил, что в дипломатическом ведомстве имеются соответствующие специалисты.

Представитель МИД обратил внимание еще на одно обстоятельство – запрет военнопленным использовать закрытые письма противоречил Стокгольмскому соглашению ноября 1915 г., подписанному в том числе и Россией. В соответствии с ним военнопленным солдатам разрешалось отправлять два закрытых и два открытых или одно закрытое и три открытых письма в месяц, причем на офицеров эта ограничительная мера не распространялась. Что же касается фотографий и других изобразительных материалов, то, по мнению Лысаковского, их следовало подвергать цензуре на общем основании: «Во всяком случае должны быть допускаемы к отправлению в нейтральные страны фотографические снимки, отправляемые официальными учреждениями, за их печатью, ввиду того, что подобные снимки могут отправляться в целях благоприятной для России пропаганды»[46].

Для ужесточения контроля за перепиской военнопленных были веские основания. Противник проявлял явный интерес к такого рода корреспонденции, умело извлекая из личных писем полезную для военных целей информацию. Подтверждением этому может служить, в частности, секретная телеграмма, полученная 2 сентября 1916 г. от посланника в Копенгагене К.К. Буксгевдена: «Благоволите передать цензуре: Прибывший сюда русский уведомил, что германские власти нашли способ читать части писем пленных, на которых текст, писанный чернилами, замазан чернилами же, а также чернильным карандашом. Советует не замазывать составом, коим написано письмо». Это сообщение обратило на себя внима-

[46] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 916. Л. 61, 67.

ние чиновников, ответственных за организацию дипломатической и военной цензуры[47].

Строгости цензуры добрались и до самого дипломатического ведомства. Доходило и до курьезов. На имя директора Канцелярии министра иностранных дел М.Ф. Шиллинга для служебных нужд были выписаны два комплекта "Weekly Times" за 1914 и 1915 гг. Однако когда это лондонское издание было доставлено, оказалось, что военная цензура тщательно замазала чернилами именно те статьи, которые представляли интерес для МИД. Пришлось выписать его повторно. При этом министр С.Д. Сазонов особо предупредил, чтобы на этот раз обошлось без цензурных изъятий, которые вводят ведомство в непроизводительные расходы[48].

В другой раз пострадал бывший посол России в Вене Н.Н. Шебеко. В начале 1917 г. он пожаловался А.И. Лысаковскому на то, что выписанные им газеты французская "Temps" и английская "The Mail" приходят с цензурными помарками. Шебеко напомнил, что по своему служебному положению он должен следить за иностранной печатью, а потому желал бы получать иностранные газеты в чистом виде. Его просьба была удовлетворена[49].

Похлопотал Лысаковский и за датского подданного Нильсена, которому было разрешено получать немецкую газету "Berlingske Tidende" без цензурного просмотра: «Министерство иностранных дел, ввиду вполне благоприятных сведений о личности г. Нильсена, заслуживающего полного доверия, полагало бы желательным, в виде исключения, удовлетворить ходатайство вышеназванного иностранца»[50].

Дипломатическая цензура занималась просмотром не только газет и другой периодики, но и книг, имевших отношение компетенции МИД. 11 июня 1915 г. из Петроградского комитета по делам печати поступила на заключение книга И.В. Гешова «Балканский союз. Воспоминания и документы». Цензора смутили некоторые суждения бывшего премьер-министра Болгарии, касавшиеся позиции России во время Балканских войн 1912–1913 гг.: «Российское императорское правительство косвенно обвиняется Гешовым в том, что, не поддержав стремление Сербии к приобретению Адриатического побережья

---

47 АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 109. Телеграмма К.К. Буксгевдена В.А. Арцимовичу. 2 сентября 1916 г.; Л. 113. Сообщения из МИД А.И. Звонникову и М.А. Адабашу. 4 сентября 1916 г.

48 Там же. Л. 6. Отдел печати и осведомления МИД – М.Г. Мардарьеву. 16 января 1916 г.

49 Там же. Д. 916. Л. 83. А.И. Лысаковский – М.А. Адабашу. 10 феваля 1917 г.; Л. 87. М.А. Адабаш – С.В. Тухолке. 15 февраля 1917 г.

50 Там же. Д. 903. Л. 245. А.И. Лысаковский – М.А. Адабашу. 13 декабря 1916 г.

в 1913 г., оно тем самым заставило сербов искать компенсаций за счет Македонии, вопреки секретному болгаро-сербскому договору 1904 г., а это, по мнению автора, и послужило главным образом причиной второй братоубийственной Балканской войны. Кроме того, автор... позволяет себе публично высказывать неодобрение действиям С.Д. Сазонова»[51].

Сложность вопроса заключалась в том, что в тот момент российская дипломатия пыталась привлечь Болгарию на свою сторону, избавив от австрийского влияния, под которое страна попала после проигранной второй Балканской войны. Выступление Болгарии на стороне германского блока создавало угрозу Румынии, Греции и особенно Сербии. Болгарское правительство долго колебалось. Окончательное решение в пользу Тройственного союза было принято только осенью 1915 г. В такой обстановке МИД не посчитал нужным портить отношения с влиятельным политиком, известным своими пророссийскими настроениями, и дал положительный ответ: «со стороны МИД не [находится] препятствий к опубликованию возвращаемой при сем брошюры И.В. Гешова»[52].

После выступления Турции на стороне Германии в самом начале войны основная борьба за союзников сосредоточилась для России в южной Европе. Привлечение на сторону Антанты Италии и нейтральных стран Балканского полуострова создавало возможность замкнуть кольцо блокады вокруг Центральных держав, отрезать их от Турции и тем облегчить связь между западными союзниками и Россией. Эта борьба за нейтральные страны оставила следы переписке цензурных органов. 17 августа 1914 г. военные цензоры получили предписание: «Министр иностранных дел обратился к начальнику Главного управления по делам печати с просьбой не разрешать карикатур на нейтральные державы: Румынию Болгарию и другие»[53].

Упорная борьба шла за Италию, которая долгое время придерживалась нейтралитета и не спешила официально вступить в войну. 14 апреля 1916 г. Лысаковский отдал распоряжение: «Было бы желательно не допускать появления в газетах слишком резких нападок на Италию за не объявление ею формально войны Германии, так как фактически Италия уже давно находится в состоянии войны с Германией»[54].

---

[51] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 901. Л. 6. С.Е. Виссарионов – Ю.А. Нелидову. 11 июня 1915 г.
[52] Там же. Л. 7.
[53] РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
[54] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 37.

Долго не могла определиться и Румыния, вступившая в войну 15 августа 1916 г. Накануне этого события, в самый напряженный момент Лысаковский предупреждал Адабаша: «...по мнению Отдела, представлялось бы желательным прекращение сообщения в печати сведений о появлении турецких или болгарских войск близь румынской границы, а также германских, австрийских и турецких войск в Болгарии, лишь в телеграммах, как производящих наибольшее впечатление на общественное мнение. Что же касается до обсуждения этих сведений в газетных статьях, то таковое может быть, по мнению отдела, допущено»[55].

Однако не все заслуживающие внимания телеграммы попадали в поле зрения дипломатической цензуры. Это обстоятельство особенно обеспокоило Лысаковского летом 1916 г.: «Министерство иностранных дел неоднократно наблюдало факт появления в периодической печати телеграмм, сообщающих факты из области положения дел в Румынии, опубликование коих представляется Министерству иностранных дел нежелательным». Такие телеграммы, отправленные из пограничных с Румынией территорий, предназначались местным газетам, откуда затем попадали в столичную печать. Таким образом они не проходили проверку военной цензуры на Петроградском телеграфе, и МИД не имел возможности противодействовать появлению в печати сообщений, «не отвечающих взглядам министерства». Ласаковский принял меры, чтобы все телеграммы, поступающие из Румынии и прилегающих к ней территорий, проходили военную цензуру на Главном телеграфе[56].

МИД был также озабочен соблюдением нейтралитета скандинавскими странами. В этом высшие цензурные органы оказывали дипломатам полное содействие. К примеру, 20 июня 1915 г. Главное управление по делам печати распространило следующее указание: «прошу военных цензоров не разрешать к напечатанию в повременных изданиях резких статей по адресу Швеции»[57].

* * *

Февральская революция изменила правила функционирования военной цензуры. Постановлениями Временного правительства от 8 марта и 27 апреля 1917 г. были учреждены новые органы, отвечавшие за работу с прессой: Особая комиссия по ликвидации Главного управления по делам печати и Временная канцелярия этой Ко-

[55] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 903. Л. 77.
[56] Там же. Л. 72. А.И. Лысаковский – А.И. Звонникову. 9 июля 1916 г.
[57] РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

миссии. Военная цензура не была упразднена, однако на практике контроль за периодическими изданиями уже не был таким строгим, как раньше. В «Вестнике Временного правительства» была опубликована новая редакция Перечня сведений, не подлежащих распространению[58].

Перемены затронули и органы дипломатической цензуры. Практически сразу был отстранен от исполнения обязанностей руководитель группы военных дипломатических цензоров, работавших на Театральной улице, Беляев, а вместе с ним еще четверо чиновников МИД, недавно командированных в распоряжение военной цензуры по указанию министра иностранных дел[59].

22 марта 1917 г. председатель Петроградской военно-цензурной комиссии запросил сведения о характере деятельности дипломатической цензуры при Министерстве иностранных дел. Лысаковский ответил: «На военную цензуру при Министерстве иностранных дел, так называемую дипломатическую цензуру возложено: просмотр всех отправлений, следующих с дипломатической визой, а равно отправлений, следующих через союзные и нейтральные посольства и миссии, в случае если эти отправления не носят официального характера; просмотр писем, доставляемых американским и испанским посольствами, касающихся военнообязанных и военнопленных, а также просмотр совместно с газетными цензорами на Телеграфе телеграфных и почтовых отправлений иностранных корреспондентов, находящихся в России». К документу прилагался список военных дипломатических цензоров при МИД, в котором значились: старший военный цензор – А.И. Лысаковский, военные цензоры М.И. Августовский, М.С. Горяинов, К.П. Волков, С.К. Каменев, П.П. Вейнер и С.К. Шварсалон[60]. Таким образом основной костяк цензоров, начавших работу в первые годы войны, был сохранен.

Существенные перемены в цензурной политике произошли в начале июля 1917 г. Провал наступления на Юго-Западном фронте вызвал острый политический кризис, который привел к падению первого коалиционного правительства. Эти события заставили власть принять меры, ужесточившие цензуру. 4 июля Г.Е. Львов, еще остававшийся на посту премьера, отдал распоряжение ПТА не передавать сообщений о событиях в Петрограде ни за границу, ни в провинцию. Однако такое распоряжение не было направлено военной цензуре на

---

[58] Вестник Временного правительства. 15 марта 1917 г.
[59] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 914. Л. 19.
[60] Там же. Л. 10–11, 13.

Главном телеграфе. В результате телеграммы корреспондентов частных газет беспрепятственно отправлялись.

В связи с этим в правительстве обсуждались меры, с помощью которых в случае крайней необходимости, можно было бы перекрыть пути утечки информации. Однако ввиду нараставший внутриполитической напряженности, было признано: «Меры эти весьма опасны и предпочтительнее никогда к ним не прибегать, лучше приказать пропускать лишь некоторые сведения»[61].

И все же меры по ужесточению цензуры принять пришлось. В газетах было помещено официальное сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Временное правительство постановило: предоставить, в виде временной меры, военному министру и управляющему Министерством внутренних дел закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей и к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и побуждающие к гражданской войне, с одновременным привлечением ответственных редакторов к судебной ответственности установленным порядком»[62].

Вслед за этим представители Временного правительства выступили в печати с обоснованием своей позиции: «Собственно говоря, военная цензура, т.е. цензура сообщений, касающихся дел на фронте, не была упразднена. Между тем события, правда тяжелые, расписываются часто в значительно преувеличенном виде, и в результате получается крайне нежелательное явление: у нас излишне развивается пессимистическое настроение, а у наших врагов слишком повышается настроение уверенности. При таких напряженных обстоятельствах, которые мы переживаем, такое положение дела только усугубляет смуту и еще более подавляет настроение. Вот почему Временное правительство решило требовать выполнения цензурных условий для наших дел на фронте, тем более что военная цензура существует во всех странах, как союзных, так и враждебных, и необходимость ее представляется вопросом совершенно бесспорным»[63].

В Москве новые цензурные правила были введены с 24 июля. Накануне в здании Главного почтамта состоялось совещание с участием представителей московской печати по вопросу о введении предварительной цензуры сообщений, касающихся военных мероприятий как в действующей армии, так и в тылу[64].

---

[61] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 916. Л. 100.
[62] Вестник Временного правительства. 15 июля 1917 г.
[63] Новое время. 13 июля 1917 г.
[64] Биржевые ведомости. 23 июля 1917 г.

Издания правого направления действия власти поддержали. «Новое время» писало: «Военную цензуру вообще можно только приветствовать... Несомненно, вся печать, – говорим о так называемой буржуазной печати, – пойдет охотно на подчинение своих военных сообщений цензуре. Ибо для нас дороже всего, чтобы никакою малейшею мелочью не дать противнику лишнего шанса в борьбе с нами»[65].

Если правые отнеслась к новым цензурным мерам с пониманием, то представители левых ответили протестом. На состоявшемся 6 и 7 июля в Таврическом дворце собрании Центрального бюро профессиональных союзов, Центрального совета фабрично-заводских комитетов и правлений профессиональных союзов Петрограда, на котором присутствовали 258 делегатов, представлявших 40 профессиональных союзов, была принята резолюция: «Высказываясь категорическим против каких бы то ни было ограничений свободы печати, собрание полагает, что единственным средством, которое имеется в распоряжении рабочих организаций для борьбы против контрреволюционной и погромной агитации таких органов, как «Маленькая газета» и «Живое слово», является последовательный бойкот, неуклонно проводимый на всех митингах и собраниях, на фабриках и заводах, и вообще всюду, где собираются рабочие массы»[66].

В результате июльских событий 1917 г. в органах цензуры произошли кадровые перемены. Председателем Главной военно-цензурной комиссии был назначен полковник Генерального штаба Клерже. Вместо А.И. Лысаковского Отдел печати и осведомления МИД возглавил С.Г. Богоявленский. В соответствии с «Временными правилами о военной цензуре» он представлял дипломатическое ведомство в Главной и Петроградской военно-цензурных комиссиях[67]. Из старых сотрудников на своих местах остались К.П. Волков и С.К. Каменев. Прапорщики П.П. Вейнер и С.К. Шварсалон попрежнему посменно несли дежурство на Главном телеграфе[68].

Представителем МИД в Московской военно-цензурной комиссии был назначен делопроизводитель VII класса Московского главного архива А.В. Лопухин, которому предписывалось быть в непрерывном контакте с управляющим Отделом печати и осведомления и руководствоваться его указаниями[69].

---

[65] Новое время. 14 июля 1917 г.
[66] Дело народа. 13 июля 1917 г.
[67] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 911. Л. 63, 70.
[68] Там же. Д. 907. Л. 19; Д. 911. Л. 51, 53.
[69] Там же. Д. 911. Л. 92, 94.

По распоряжению председателя Петроградской военно-цензурной комиссии, «в целях объединения и согласования деятельности всех отделов военной цензуры», с сентября 1917 г. были введены в практику общие собрания военных цензоров. Они проводились по вторникам и пятницам в помещении комиссии на Театральной улице[70].

В последний период деятельности Временного правительства обозначилась тенденция заменять слово «цензура» на «контроль». Так в документе от 23 августа, исходящем из МИД, появляется Центральное военно-контрольное бюро[71], в других документах цензоры переименованы в военных контролеров. Однако нововведение не успело прочно укорениться, и в межведомственной переписке продолжался разнобой.

Оценивая деятельность дипломатической военной цензуры в годы Первой мировой войны, следует признать, что ответственные за ее организацию государственные учреждения в целом справились со своей задачей. Была достигнута высокая степень согласованности в действиях цензурных органов: Главного управления по делам печати, Петроградского и Московского комитетов по делам печати, Главной военно-цензурной комиссии, Петроградской и Московской военно-цензурных комиссий с военным, дипломатическим и другими ведомствами, а также с Петроградским телеграфным агентством.

Особо нужно отметить работу дипломатических военных цензоров, проявивших высокий профессионализм и ответственное отношение к делу. За весь военный период серьезных нареканий в их адрес со стороны руководства не было. Важным показателем является тот факт, что основной костяк штата дипломатических военных цензоров оставался практически неизменным на всем протяжении Первой мировой войны.

Все эти факторы позволили царскому правительству в чрезвычайно сложных условиях войны на протяжении долгого времени сохранять контроль над периодической печатью и оказывать воздействие на общественное мнение страны. Временное правительство с этой задачей справиться не смогло.

---

[70] АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. Д. 911. Л. 52, 75.

[71] Там же. Л. 64. МИД – в Центральное военно-контрольное бюро. 23 августа 1917 г.

Удовенко И. В.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАГЕРНОГО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1918–1922 ГГ.

Аннотация. *В статье рассматривается процесс зарождения практики использования принудительного труда заключенных в первые годы советской власти. На основе архивных материалов, эго-источников и сборников документов прослеживается поэтапный процесс развития лагерной системы от концентрирования и удержания определенных групп людей, враждебных советской власти, до формирования целого института трудового использования заключенных, который в полной мере раскроется в годы форсированной индустриализации.*
Ключевые слова: *концентрационный лагерь; принудительный труд; лагерь принудительных работ; ГУПР; заложники; контрреволюционные преступления*

Udovenko I.V.
Organizing forced labor in the camps in the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) in 1918–1922s

Abstract. *The article considers the origins of prison forced labor practices in the first years of the Soviet regime. Gradual development of the labor camp system is examined on the basis of archive materials, ego documents and collections of documents. The process is traced from concentration and detention of certain social groups hostile to the Soviet regime to the development of an entire institution of convict labor that fully unfolded in the years of forced industrialization.*
Keywords: *Concentration camp; Forced labor; Forced labor camp; Central Administration of Forced Labor* (*GUPR*)*; Hostages; Counterrevolutionary crime*

Несмотря на периферийность темы истории первых советских лагерей относительно лагерной системы ГУЛАГа, историография этой проблемы довольно обширна. Первые исследования в этой области появились уже в 1920-е гг. благодаря русским эмигрантам первой волны, которые основывали свои работы на воспомина-

ниях и собственном опыте[1]. Первым масштабным исследованием в эмигрантской среде можно считать работу историка С.П. Мельгунова, который сам имел опыт тюремного заключения в Советской России и, будучи в эмиграции, опубликовал работу «Красный террор в России»[2]. Лагерная система ВЧК-НКВД была иллюстрирована Мельгуновым через воспоминания выходцев из оппозиционных большевикам партий, опубликованных в сборнике «ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий», изданном в Берлине в 1922 г. Центральным бюро партии эсеров[3]. В это же время в Советской России вышло единственное до настоящего времени серьезное исследование лагерного социума, сделанное Н. Чебышевым в статье «Опыт статистической обработки некоторых данных о содержавшихся в концентрационных лагерях» в 1922 г.[4] Основой исследования Чебышева стали данные, полученные в результате изучения 21 тысячи личных карточек заключенных лагерей, часть из которых в данный момент хранится в ГА РФ. Ф. 4042. Оп. 14–15.

В течение всего советского периода тема концлагерей в исторической науке не поднималась, за исключением некоторых западных работ, которые затрагивали эту тему опосредованно, в контексте общей политики Красного террора[5]. Особенностью всех подобных исследований являлась недостаточная источниковая база, основанная преимущественно на мемуаристке.

Интерес к теме советских концлагерей стал значительно возрастать в постсоветский период. В это время как в России, так и за рубежом стали издаваться сборники документов со статьями, посвященными лагерной системе, авторы которых затрагивали тему пенитенциарной политики первых лет советской власти[6]. В 2000-е гг. в отечественной историографии оформилось три на-

---

1 *Vaucher R.* L'enfer bolchevik: à Pétrograd sous la commune et la terreur rouge. Paris, 1919.

2 *Мельгунов С.П.* Красный террор в России. М., 2017.

3 ЧЕ-КА. Материалы по деятельности Чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922.

4 *Чебышев Н.* Опыт статистической обработки некоторых данных о содержавшихся в концентрационных лагерях // Власть Советов. Орган Народного комиссариата внутренних дел. 1922. № 4–6. С. 49–53.

5 *Геллер М.* Концентрационный мир и советская литература. London, 1974; *Kenez P.* Civil War in South Russia, 1919–1920. The Defeat of the Whites. Berkeley, 1977; *Solomon P.H.* Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation // Slavic Review. 1980. Vol. 39. № 2. P. 195–217; и др.

6 ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. *А.И. Кокурин, Н.В. Петров*. М., 2000; Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels / édition et traduction du russe par *G. Moullec, N. Werth*. Paris, 1994.

правления в изучении данной темы: юридическое[7], историческое[8], а также самое молодое и востребованное – краеведческое. Последнее направление на данный момент представлено региональными историческими исследователями, которые изучают лагеря и лагерные структуры в отдельно взятом регионе. Среди них особенно стоит выделить работы А.Л. Кубасова[9] и Т.Ф. Мельник[10], посвященные истории концлагерей на Русском Севере, на базе которых в 1923 г. был сформирован Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ.

В настоящем исследовании использовались архивные материалы из фондов Главного управления мест заключения (Ф. Р-4042), Наркомата внутренних дел РСФСР (Ф. Р-393), а также Комиссии Совета труда и обороны СССР по учету и реализации государственных фондов (Ф. Р-1726) Государственного архива Российской Федерации. Кроме того, в исследовании активно использовались источники личного происхождения, письма и воспоминания тех людей, которые лично имели опыт нахождения в советских лагерях периода Гражданской войны.

С лета 1918 г. на территории РСФСР стали появляться первые концентрационные лагеря, для содержания заложников, пленных, беженцев, а также активных противников советской власти. В приказе от 8 августа 1918 г. наркома по военным и морским делам Л.Д. Троцкого сообщалось: «Назначенный мною начальник обороны железнодорожного пути Москва – Казань, тов. Каменщиков, распорядился о создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске концентрационных лагерей, куда будут заключаться темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты, кроме тех, которые будут расстреливаться на месте преступления или приговариваться Военно-революционным трибуналом к другим

---

[7] *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992; *Гиляров Е.М., Михайличенко А.В.* Становление и развитие ИТУ советского государства (1917–1925 гг.). Домодедово, 1990.

[8] *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004.

[9] *Кубасов А.Л.* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008.

[10] *Мельник Т.Ф.* О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские международные научные чтения: сб. науч. труд. / сост. П.С. Журавлев, О.А. Подоплекин. Архангельск, 2008. С. 88–106.

карам»[11]. О скорейшей организации концлагерей рядом с крупными городами для попов, кулаков и белогвардейцев настойчиво писал Ленин также в августе 1918 г.[12] После подписания постановления СНК от 5 сентября 1918 г. о Красном терроре, система концлагерей в России была официально узаконена.

За несколько месяцев до подписания этого документа, в апреле 1918 г., Центральный карательный отдел при Наркомате юстиции выпустил инструкцию по содержанию мест заключений в стране, основными принципами которой стали самоокупаемость и перевоспитание заключенных. Идея самоокупаемости мест заключений, так или иначе, подводила к извлечению прибыли от деятельности подобных учреждений. Фактически это означало переход мест заключений на самоокупаемость за счет своего главного ресурса – труда заключенных. Надо сказать, что идея принудительного труда предшествовала появлению системы лагерей. Еще в самом начале 1918 г. Ленин в телеграмме к Антонову-Овсеенко пишет следующее: «Особенно одобряю и приветствую арест миллионеров-саботажников в вагоне I и II класса. Советую отправить их на полгода на принудительные работы в рудники»[13]. А уже 8 мая 1918 г. Ленин подписывает декрет «О взяточничестве», где одним из видов наказания были тяжелые принудительные работы. Принудительный труд и массовые репрессии, как важные инструменты государства в условиях революционного вызова для страны, признавал ведущий партийный идеолог и экономист Н.И. Бухарин в своей работе 1920 г. «Экономика переходного периода»: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»[14].

В конце 1918 г. в Советской России была введена всеобщая трудовая повинность. С этого момента, труд стал обязательным условием социального договора между государством и его гражданами. Принудительный труд для определенных категорий людей рассматривался в контексте общей трудовой политики государства, и не представлял собой нечто экстраординарное ни в глазах советской общественности, ни за рубежом. В этот же период, как в странах Европы, так

---

[11] *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). М., 1923. Т. 1. С. 232–233.

[12] *Ленин В.И.* Военная переписка (1917–1920 гг.). М., 1957. С. 61.

[13] Цит. по: *Геллер М.Я.* Концентрационный мир и советская литература. М., 1996. С. 24.

[14] *Бухарин Н.И.* Экономика переходного периода // *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 168.

и в США активно использовался принудительный труд[15]. Кроме того, после отмены в 1917 г. Временным правительством наказания в виде каторги в отдаленных регионах, советские концентрационные лагеря выглядели более либеральной пенитенциарной системой. Принудительный труд первой трети XX века в общемировом контексте носил институциональный характер и был широко распространен в самых разных формах. В 1919 г. внутри Лиги Наций была образована Международная организация труда (МОТ), целью которой было регулирование трудовых отношений, в первую очередь, в Европе, чтобы не допустить революционных настроений внутри общества по большевистскому сценарию. В 1930 г. МОТ принял конвенцию о постепенной отмене принудительного и обязательного труда. Этот документ впервые на международном уровне поставил под сомнение легитимность использования принудительного труда. В разных странах, которые ратифицировали эту конвенцию, процесс сворачивания подобных институтов значительно растянулся во времени. Стоит заметить, что в 1930 г. в СССР только образовался ГУЛАГ.

Труд заключенных первых лагерей советской власти не был направлен на достижение экономических показателей, в отличие от лагерей ГУЛАГа, которым на откуп отдавались целые сегменты советской экономики. Труд заключенных концлагерей на начальном этапе был бессистемен и носил выборочных характер, который обусловливался как возможностями лагеря, так и возможностями подрядчика. Советские лагеря 1918–1922 гг. являлись социальным экспериментом, через который прошли все слои общества. Его целью было устрашение своих потенциальных противников, сдерживание и фильтрация населения. Принудительный труд в годы Военного коммунизма приобретал разные формы. Существовали категории граждан, осужденные к принудительным работам без лишения свободы, из запасных частей РККА формировались трудовые армии, на принудительных работах использовался контингент исправдомов, труддомов, трудовых дружин и сельскохозяйственных колоний. Но именно лагерная субкультура в Советской России достигла небывалых масштабов, как по количеству вовлеченных в нее людей, так и по территориальному масштабу и сложности своего устройства.

[15] В 1920-х гг. в ряде развитых европейских стран, в частности в Англии, существовали работные и дисциплинарные дома, использующие подневольный труд низших слоев населения. В это же время в США труд заключенных на арендной основе использовался на крупных индустриальных объектах: строительстве железных дорог, каменоломнях и др. В Российской империи до революции 1917 г. также были распространены дома трудолюбия и работные дома для неимущих, бродяг и беспризорников.

Социальная лагерная инженерия, начавшаяся в 1918 г. как часть большевистской внутренней политики, призванная отделить своих от чужих, стала одним из инструментов моделирования советского общества и советской экономики.

Несмотря на короткий период существования этой системы, всего 4 года, она смогла претерпеть значительные эволюционные изменения. Весной 1919 г. внутри НКВД РСФСР был образован отдел принудительных работ, который вскоре получил статус Главного управления (ГУПР). Одновременно с этим 17 мая 1919 г. ВЦИК издал декрет об организации и управлении лагерей, где все лагеря на территории РСФСР получили новое название – лагеря принудительных работ. Таким образом, пенитенциарный институт лагерей к весне 1919 г. прошел путь от концентрации заключенных к использованию людского трудового ресурса. Принудительный труд с этого времени становится основной социальной практикой лагерного пространства. Надо заметить, что вплоть до 1922 г. в официальном делопроизводстве не воспрещалось использовать старые названия для лагерей, поэтому в данном исследовании также будут использоваться названия лагерей, употребляемые в архивных документах. Декрет ВЦИК подтвердил предыдущие постановления о принципе использования принудительного труда: «Расходы по содержанию лагеря распределяются между заключенными с таким расчетом, чтобы содержание лагеря окупалось трудом заключенных при полном количестве последних»[16].

Всего в период с 1918 по 1922 гг. на территории Советской России, а также с 1919 г. на Украине и в Белоруссии было образовано 228 лагеря и 45 трудовых колоний. В данный момент сложно сказать, сколько именно людей прошло через лагерную систему первых лет советской власти, т.к. концентрационные лагеря этого периода имели очень высокую проходимость. Например, в августе 1922 г. во всех 115 существующих на тот момент лагерях НКВД РСФСР содержалось 54 248 заключенных. За этот месяц в лагеря вновь прибыло 29 375 человек, выбыло (с учетом освобождения, побегов, смертности и перевода в другие места заключения) – 23 027[17]. Такая высокая проходимость в лагерях являлась следствием внутренней политики большевиков, согласно которой в лагеря зачастую попадали люди не по решению суда или ревтрибунала, а по административному ре-

[16] Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. О лагерях принудительных работ // Известия ВЦИК. 17.05.1919. № 105. Статья № 235.

[17] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-4042. Оп. 9. Д. 4. Л. 19.

шению (по решению органов ЧК) без определенного срока заключения, либо до 1 года, либо до особого распоряжения. По оценке американского исследователя М. Джекобсона, все тюрьмы и лагеря ВЧК на момент 1919 г. содержали не более 60 тысяч заключенных[18]. Вероятно, это максимальное количество заключенных, единовременно содержащееся в лагерях за все годы существования системы с 1918 по 1922 гг. В лагеря не попадали отъявленные уголовники и рецидивисты, совершившие преступления против личности. Подобных в лагерях содержалось всего не более 1,5% от общего количества заключенных. Подобные преступники, как правило, содержались в тюрьмах НКЮ. Основная доля людей, попавших в лагеря, приходилась на:

- подозреваемых и обвиненных в контрреволюционной деятельности, но не взявших в руки оружие и не представлявших военной угрозы для советской власти;
- заложников;
- обвиненных в экономических преступлениях, в том числе спекуляции;
- осужденных за кражи, а также выходцев из низших слоев населения, ведущих антисоциальный образ жизни;
- дезертиров и военнопленных Гражданской и Советско-польской войн.

Процентное соотношение данных групп лагерного населения не было постоянным и менялось в течение 1918–1922 гг. От этого соотношения напрямую зависела организация и производственная деятельность лагеря. Сотрудникам НКВД приходилось довольно много импровизировать. Заключенных постоянно переформировывали с целью придания каждому лагерю конкретный профиль: для иностранцев, для военнопленных, особого назначения, для женщин и т.д. Лагеря, не способные приносить доход и требующие постоянного вливания средств на свои нужды либо закрывались, либо передислоцировались к местам новых производств. Зачастую лагеря, за неимением средств, располагались в уже готовых помещениях, в первую очередь, бывших православных монастырях, где уже была готовая территория с обнесенной стеной, бывших царских казармах, усадьбах, гимназиях, а зачастую в обычных доходных домах и деревенских избах.

На первоначальном этапе, до образования Отдела принудительных работ 17 мая 1919 г., труд в концентрационных лагерях не имел какой-либо производственной направленности, а выражался в ка-

[18] *Jakobson M.* Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917–1934. Lexington, 1993. P. 38.

честве классового возмездия над бывшими царскими чиновниками, служащими и офицерами. В приказе ВЧК от 28 февраля 1919 г. о лояльности бывших полицейских чинов говорилось: «Если за арестованных полицейских чинов ручательства в их лояльном отношении к Советской власти нет и если в прошлом они зарекомендовали себя как преданнейшие слуги Романовых, таковых перевести из тюрем в концентрационные лагеря для общественных работ»[19]. Классовое возмездие проявлялось в самых разных формах, в зависимости от местоположения лагеря. Как правило, бывших офицеров, которые были открыто настроены против советской власти и представляли опасность в плане вооруженного восстания, отправляли в лагеря Русского Севера. Участник обороны Зимнего дворца штабс-ротмистр Георгий Дмитриевич Безсонов, который был арестован 13 декабря 1918 г. и отправлен в один из лагерей Архангельской губернии, описывал после удачного побега с Соловков в 1925 г. в своих воспоминаниях условия содержания в лагере: «Вообще Советская власть очень любит смягчать названия, касающиеся наказания ее граждан. Ея гуманное ухо не выдерживает грубых названий. Так например, каторжан она называет поднадзорными, каторгу – принудительными работами, тюрьмы – исправдомами, что в переводе означает исправительные дома, одиночные тюрьмы – изоляторами и т.п. За недостатком места в старых тюрьмах, во многих местах ею построены или заняты деревянные бараки, рассчитанные на большое количество арестантов. Советская власть мягко называет их “концентрационными лагерями” <...> Я не знаю, какова была смертность в этом проклятом забытом всеми, среди лесов и снегу, местечке, искусственно созданном больной большевицкой фантазией. Знаю только, что за короткое время моего заключения там, несколько человек сошли с ума <...> Работы наши заключались в подготовке тыловых позиций Красной армии. Мы заготовляли колья для проволочного заграждения, вбивали их в землю, опутывали проволокой, и, изредка, копали окопы. Это было очень тяжело, т.к. было много снегу и приходилось его расчищать»[20].

В целом, период 1918–1919 гг., время становления лагерной системы весьма точно охарактеризовал в своем докладе начальник Петроградского подотдела принудительных работ, как «хаотическое ве-

[19] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док. в 7-ми томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров, отв. сост. Н.И. Владимирцев. М., 2004. С. 525.

[20] *Безсонов Ю.Д.* Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris, 1928. С. 37–41.

дение дел»[21]. В частности, «произвольно толковались и понимались каждым в отдельности как чужие, так и свои собственные обязанности и полномочия. Отчётность ими (лагерями. – прим. *И.У.*) велась из ряда вон хаотично или ее тщательно избегали и не вели вовсе <...> Все это сделало почти невозможным правильное ведение всего дела»[22]. В ходе разбирательств по поводу растраты государственных средств в Петроградских лагерях, Ревтрибунал Петрограда приговорил к расстрелу заведующего подотделом принудработ, а начальника лагеря – к бессрочным принудительным работам.

После создания Отдела принудительных работ (ОПР) и передачи всех лагерей на баланс НКВД РСФСР, труд заключенных приобретает более системную организацию. Внутри лагерей на постоянной основе формировались различного рода мастерские, заключенных брали на подряд советские учреждения, а также для определенной категории заключенных разрешались выездные работы вне лагеря. 15 сентября в ГУПР НКВД были переданы также военнопленные поляки советско-польской войны, которых формировали в трудовые дружины по аналогии с трудармией. Положение ВЦИК от 17 мая 1919 г. выделяла группу особых лагерей, в которые помещаются заключенные со сроком до конца гражданской войны. Такие лагеря не являлись лагерями принудительных работ и стояли особняком. Но в настоящее время эту группу лагерей сложно вычленить из общего списка, т.к. названия лагерей очень часто в документах звучали по-разному.

Положение ВЦИК предписывало занятие физическим трудом для всех заключенных, как основной вид лагерной деятельности. В отдельных случаях, заключенные, имеющие соответствующую специальность, могли заниматься умственным трудом. За свой труд заключенные получали заработную плату, из которой вычитались деньги (не более трех четвертей от заработка), которые лагерь потратил на их содержание. За перевыполнение плана работ и хорошее поведение, отдельным заключенным разрешалось проживание вне лагеря на частных квартирах, а также снижение срока заключения. Последний пункт относился лишь к тем заключенным, кто был помещен в лагеря по административному решению.

На первоначальном этапе существования лагерей в 1918–1919 гг. самой массовой категорией заключенных являлись пленные Гражданской войны, большинство из которых составляли обычные крестьяне. В подавляющем большинстве случаев, советская власть использовала этот ресурс для пополнения рядов Красной армии.

[21] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 223. Л. 15.
[22] Там же. Л. 15–16 об.

Например, с мая 1919 г. по январь 1920 г. через Кожуховский лагерь в Москве прошло около 18 тыс. пленных, из них 11 895 человек были перенаправлены в военные комиссариаты для зачисления на службу[23]. В условиях постоянной ротации заключенных было очень сложно наладить трудовую деятельность лагерей в мастерских и на подсобных работах. Поэтому принудительный труд в лагерях в этот период характеризовался крайней фрагментарностью и бессистемностью. За 1919 г. в ОПР НКВД было отпущено 35 млн руб., а заработано заключенными лагерей за этот же период – 25 млн руб.[24] Труд заключенных лагерей до конца 1919 г. не вышел на уровень самоокупаемости.

В середине 1920 г. система лагерей начинает приобретать явные черты трудовых учреждений. Этому способствовала антитюремная риторика продвигаемая органами Наркомата юстиции в первые годы советской власти. Создание лагерей на фоне царской тюремной системы выглядело революционным преобразованием всей пенитенциарной системы. В 1920 г. появляются первые отчеты начальников региональных управлений принудительных работ, которые противопоставляли бессмысленное, с их точки зрения, тюремное заключение общественно полезному пребыванию заключенных в лагерях. В условиях бесконтрольно растущей преступности в первые послереволюционное годы, а также появления совершенно новых категорий правонарушений в Советской России, главной задачей лагерной системы было изолирование нарушителей, не заражая их преступной тюремной атмосферой. Начальник Управления принудительных работ в своем годовом отчете за 1920 г. отмечал существенное развитие лагерной системы за два года существования: «В Трудовой Рабоче-Крестьянской Республике не должно было быть места не трудовым элементам, а тем более органы власти не могли и не должны были создавать целый кадр здоровых трудоспособных элементов. Отсюда логический вывод – преобразование концентрационных лагерей в лагеря принудработ»[25].

В этот же период все работы внутри лагеря делятся на две категории:

- бесплатные, в которые входят подсобные работы по хозяйственной части лагеря
- оплачиваемые – работы на производстве, в лагерных мастерских, а также труд конторщиков по специальности.

---

[23] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 13. Л. 8.
[24] Там же. Л. 10.
[25] Там же. Д. 201. Л. 35.

Реформированию подверглась структура лагерей: должность начальника лагеря и подотдела принудительных работ в августе 1920 г. заменяется на две должности: комендант лагеря и заведующий регионального подотдела принудительных работ, которому подчинялась рабочая сила (заключенные). На коменданта, в свою очередь, ложатся административные функции и управление канцелярией, бухгалтерией и хозяйственным отделом лагеря. Внутри хозяйственного аппарата была проведена существенная реорганизация по упразднению ряда бюрократических отделов. Как отмечал начальник Петроградского отдела принудительных работ: «считаясь с тем, что инструкторские части в лагерях занимались одним лишь учетом работ заключенных и в этих своих занятиях увлеклись совсем ненужным бумаго и книговедением – эти части были совершенно ликвидированы <...> лишними оказались также и специальные при лагерях технические части»[26].

В это же время в некоторых лагерях были введены определенного рода стимуляции труда заключенных. Главным образом – это выходные дни, когда заключенных за добросовестный труд могли отправить на сутки в город к родственникам, увеличенный пищевой паек, дополнительные выплаты за перепроизводство, а также досрочное освобождение. Подобные стимуляции труда носили бессистемный характер и, в основном, не влияли на производительность труда.

С лета 1920 г. ГУПР стало заведовать всеми категориями людей, осужденных к принудительному труду. 8 июня 1920 г. Коллегия НКВД для более рационального использования трудового ресурса постановила передать всех заключенных арестных домов в Главное управление принудительных работ наравне с заключенными лагерей[27]. В это же время в ГУПР были переданы все граждане, осужденные к принудительным работам без лишения свободы. Как правило, это были люди, осужденные за трудовое дезертирство. Идея обязательного труда для всех граждан Советской России обретала форму закона, нарушение которого строго каралось привлечением к труду. Девизом Московского Управления принудительных работ в 1921 г. станет ленинская фраза «Не трудящийся да не есть!».

Особым видом принудительных работ для заключенных лагерей в 1920–1921 гг. стали выездные работы. Под данной деятельностью, в первую очередь имелись в виду работы в советских, общественных и кооперативных учреждениях, которые массово отправляли запро-

[26] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 223. Л. 17 об.
[27] Там же. Д. 60. Л. 28.

сы в ГУПР[28], с просьбой откомандировать для их нужд определенное количество заключенных. Помимо чернорабочих, которые требовались, как правило, для ремонтов зданий, помещений и уборку улиц, учреждения запрашивали большое количество заключенных-специалистов, а именно конторщиков. Выездные работы создавали для комендатуры лагерей массу проблем, главным образом, связанных с побегами заключенных. Конвоирование заключенных в этот период носило слабый характер. У конвоя нередко отсутствовало оружие и было очень низкое жалование «при обеспечении, не дающем возможности существовать»[29]. В подавляющем количестве лагерей, в конвой и надзирательскую команду шел набор из числа заключенных. Все эти факторы крайне негативно сказывались как на общей дисциплине лагерного контингента, так и на эффективности работы конвоиров. Поэтому внешние работы для заключенных были самым легким способом совершить побег. Надо сказать, что эти побеги не носили какого-либо криминального характера, связанного с насилием. Это была возможность для заключенных какое-то время побыть на свободе: «16-го сего Июля (1921 г. – *И.У.*) был пропущен через контрольный пост младшим надзирателем Страчиловым заключенный Жаров Герасим, после чего последний скрылся, возвратившись добровольно в лагерь спустя 5 дней»[30]. В подобных ситуациях на заключенного налагалось дисциплинарное взыскание, если комендант удостоверялся, что побег не представлял особого значения, не имел под собой сокрытия от наказания и носил характер отлучки. Многие заключенные лагерей были уроженцами тех городов, где располагался лагерь, поэтому для беглецов, такая отлучка давала возможность повидаться с близкими и побыть дома. Если же побег квалифицировался, как попытка избежать лагерного заключения, беглеца отправляли в учреждение, осудившее бежавшего, для привлечения его к уголовной ответственности.

Побеги заключенных в лагерях в 1919–1921 гг. принимали стихийный характер. Слабая охрана лагерей, а также низкая мотивация самих охранников и конвоиров создавали иллюзию безнаказанности подобных правонарушений. Массовые побеги из лагеря совершались при полном попустительстве, а зачастую и содействии начальников лагерей, которые за взятку выдавали заключенным пропуска с лагерной территории в город. С попустительства тех же надзира-

[28] С сентября 1920 г. до февраля 1921 г. ГУПР на время был переименован в Главное управление общественных работ и повинностей. Окончательно ГУПР был упразднен 12 октября 1922 г.

[29] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 223. Л. 68 об.

[30] Там же. Д. 60. Л. 51.

телей во многих лагерях процветала наркомания и проституция[31]. За отсутствием жесткой системы подчинения, когда начальник лагеря одновременно являлся заведующим региональным отделом принудительных работ, подобные случаи часто сходили администрации с рук. Наибольшее количество побегов или отлучек приходилось на заключенных, которые имели неопределенный статус, помещенных в лагеря в административном порядке. Так, из Владыкинского лагеря в Москве, за первое полугодие 1920 г. было совершено 472 побега, при полном наполнении лагеря в 1 100 человек.

Ситуация с побегами в лагерях в корне изменилась, после выхода 8 мая 1921 г. приказа начальника милиции РСФСР В.С. Корнева о создании вооруженной охраны (ВОХР) концентрационных лагерей из состава стрелковых частей Главмилиции. Всего выделялось 12 500 профессиональных стрелков по губерниям на 131 лагерь. Привлечение профессиональных стрелков должно было положить конец массовым побегам из лагерей. Возрастной порог красноармейцев определялся в 25–26 лет. В силу своего особого столичного статуса и большого количества лагерей (14 шт.) Москва получила стрелков ВОХР годом раньше всех остальных губерний. Интересное замечание: в докладе об образовании специального военизированного подразделения отмечалось, что подобные изменения необходимы в виду того, что заключенные осуществляют производства зачастую государственного значения[32].

Московская губерния стала первым регионом, где подсобные лагерные хозяйства переросли в настоящие промышленные центры. Зимой 1919 г. в Москве встала острая проблема с топливным снабжением города, в связи с чем на подмосковной станции Крюково Николаевского направления были откомандированы заключенные столичных лагерей для добычи торфа и дров. Новый лагерь расположился на территории бывшего купеческого кирпичного завода. 11 декабря 1919 г. в столицу была направлена первая партия дров, что стало началом существования пенитенциарного учреждения, которое существует до настоящего времени в виде Крюковской исправительной колонии. В 1921 г. производство лагеря значительно расширилось за счет соседних кирпичных районов, в результате чего был образован Крюковский трудовой район. Крюковский лагерь станет одним из первых лагерей, в котором будет поставлена четкая производственная задача с конкретным планом работ. А самое значительное – будет положено начало формированию лагерного про-

[31] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 99. Л. 59.
[32] Там же. Д. 60. Л. 37.

странства, вписанного в советскую повседневность. В 1922 г. бюро принудительного труда будет рассматривать возможность создания отдельных лагерных производственных районов по аналогии с Крюковским лагерем. Такие производственные районы станут прообразом лагерного пространства ГУЛАГа в 1930–1950-х гг., когда лагеря будут формировать целые регионы страны. В начале 1920-х гг. лагерь становится пространством гетеротопии, противопоставляя себя главному завоеванию революции – пространству свободного общества.

В это же время на Русском севере появляется первый железнодорожный лагерь в РСФСР. 26 мая 1920 г. был образован Исакогорский лагерь № 2, который занимался обслуживанием Северной железной дороги Архангельск-Вологда. Как следует из документов, Исакогорский лагерь стал «филиальным отделением губернского»[33], т.е. Архангельского лагеря № 1. Таким образом, уже с этого времени появляется, развившаяся впоследствии, практика создания лагерных пунктов, отделений и командировок, которая будет в полной мере распространена в Соловецком лагере во 2-й половине 1920-х гг. Лагеря Русского Севера выделялись по своему масштабу и организации. Из всех губерний сюда свозили наиболее опасных уголовников и контрреволюционеров, опасаясь содержать подобных заключенных в крупных городах с не выстроенной системой охраны. Всего на Севере было образовано 3 производственных лагеря (Архангельский, Исакогорский и Соловецкий), заключенные которых сами формировали лагерную инфраструктуру: строили бараки, ограждения и т.д. Также в этом регионе начальником Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым было образовано два концентрационных лагеря – Холмогорский и Пертоминский, которые предназначались для расстрелов заложников и пленных офицеров Белой армии. Этот факт подтверждается, в частности, перепиской председателя Архангельской ЧК З.Б. Канцельсоном с Ф.Э. Дзержинским: «Насколько мне известно, Холмогорский лагерь был организован Кедровым, повторяю Кедровым секретно, исключительно для массовой ликвидации белого офицерства <...> Заключенных там не было и привозили лишь для ликвидации и никуда оттуда не распределялись, кроме тех, кто был освобожден фильтрационной комиссией»[34].

Именно на Русском Севере лагерная культура в СССР получит свое дальнейшее развитие. Начальник подотдела принудительных

[33] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 74. Л. 92 об.

[34] Центральный архив Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Ф. 1. Оп. 5. Д. 493. Л. 14.

работ Архангельской губернии в описании деятельности лагерей своего региона в 1920 г. предлагал организовать лагеря в Мурманске и на Печоре, т.к. это «единственный способ снабдить эти два уезда столь нужной для них рабочей силой». Тем самым, начальник подотдела невольно подводил к идее колонизации северных земель лагерным способом, что и будет осуществлено в 1930-е гг. В самом же Архангельске заключенными в 1920 г. был основан моторвагонный завод.

Проблема ранних лагерных предприятий заключалась в том, что данные производства не имели никакого статуса и не были на балансе ни у какого ведомства. Такие заводы не могли выдавать заработную плату заключенным, т.к. не принадлежали ни одному из наркоматов. Единственным способом выплачивать долги было реализовывать продукцию данных заводов, что удавалось не всегда успешно, как в случае с Крюковским лагерем: «Завод не оплачивает совершенно этого труда, так что к настоящему времени долг завода лагерю выражается в сумме до 700 000 рублей. В виду сего прошу Вас дать мне указание, в чьем ведении находится указанный завод и кем он будет финансироваться»[35].

Настоящий расцвет использования труда лагерных заключенных приходится на период НЭПа. К этому моменту в стране уже действовала весьма развитая сеть концентрационных лагерей от Волыни до Якутска. После решений X съезда РКП(б) и установления новых экономических принципов в стране, мелкие промышленные предприятия получили значительные свободы. Именно в качестве подобных мелких предприятий виделся руководителям ГУПР каждый лагерь, которые сумели наладить к этому моменту различные производства.

3 февраля 1921 г. с целью учета и наблюдения за производственной деятельностью лагерей внутри ГУПР был создан Производственно-Технический отдел. С этого момента производственный труд становится приоритетным направлением в деятельности лагерей. Заведующий Главного управления принудительных работ В. Ушацкий в телеграмме всем подотделам указывал: «Нужно признать, что те формы использования труда заключенных, какие до сих пор практиковались, как то: работа в мастерских по 5 или 10 человек, откомандирование спецов в учреждения и случайные черные работы, не есть наиболее продуктивные, ни наиболее подходящие для лагерей. Прежде всего откомандирование отдельных заключенных на работу в учреждениях по специальности сводит на нет всякое наказание»[36]. С весны 1921 г. в пенитенциарном деле в Советской России происхо-

[35] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 74. Л. 113.
[36] Там же. Д. 169. Л. 36 об. – 37.

дит значительный поворот. В лагерях начинают массово отказываться от внешних работ, в целях избегания соприкосновения лагерников с окружающей средой, а также любой возможности осуществить побег. Между пространством несвободы и волей проводят строгую черту. Начинает формироваться структура замкнутого лагерного мира. Судя по многочисленным архивным документам, побеги заключенных сами по себе не вызывали у руководства лагерей какой-либо озабоченности. Особое внимание к побегам, с марта 1921 г., также было связано с тем, что лагерный заключенный теперь рассматривался в большей степени как часть фабрично-производственной артели, как рабочая единица коллектива: «Каждый лагерь должен быть организован так, чтобы в целом представлять хозяйственный организм, в котором каждый заключенный имеет свое место. Каждый лагерь должен стать фабрикой, заводом, мастерской, а не казармой, из которой черпают рабочую силу на очистку снега и прочее»[37]. Этот период можно охарактеризовать трансформацией «лагерей-общежитий», где заключенные только ночуют, в «лагеря-фабрики».

С началом НЭПа лагеря получили возможность брать под свои производства готовые фабрики и заводы, в первую очередь кирпичные, лесопильные и гончарные. Кроме того, заключенные лагерей начинают активно вовлекаться в производство торфа, известки, минеральных удобрений, сельское хозяйство и др. Каждое новое производство, будь то завод или лесной участок (имение), утверждалось в Производственно-техническом отделе ГУПР. В это же время вводится один из главных видов стимуляции лагерного труда заключенных – досрочное освобождение за добросовестный труд, которое раньше использовалось лишь в исключительных случаях. Главным образом, досрочное освобождение применялось к лицам, помещенным в лагерь в административном порядке, в частности, по решению Комиссии по борьбе с трудовым дезертирством.

В 1920 г. заключенные концлагерей были привлечены к стройке республиканского значения – Каширской ГРЭС, сооружение которой проводилось в рамках проекта ГОЭЛРО. Из заключенных московских лагерей был сформирован Каширский лагерь принудительных работ. У Каширского лагеря не было постоянного контингента, заключенные откомандировывались из Москвы для определенных работ, после чего возвращались обратно. Стоит заметить, что строительство теплоэлектростанции, станет первым проектом в Советской России, где заключенные будут закреплены за гражданским предприятием – Каширстроем, которое осущест-

[37] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 169. Л. 37.

вляло строительство станции. Откомандированные заключенные находились в непосредственном подчинении главного инженера строительства Г.Д. Цюрупы, который брал на себя все расходы по их содержанию. ГУПР НКВД выступал только как хозяйственное ведомство, которое выделяло людской ресурс, а также свое имущество, которое сдавало Каширстрою в аренду. В межведомственной переписке, ГУПР неоднократно настаивал, чтобы руководство Каширстроя брало на себя не только все расходы по содержанию, конвоированию и обеспечению заработной платой заключенных, но и оплачивало аренду лагерных помещений Кожуховского лагеря в Москве[38], где предполагалось строительство Кожуховской принимающей подстанции[39]. В результате, подобное сотрудничество оказалось совершенно невыгодно Каширстрою, и в ноябре 1922 г. организация отказалась от использования труда заключенных[40]. Каширская ГРЭС стала последним крупным строительством, где массово использовались выездные работы заключенных. С середины 1921 г. ГУПР полностью отказалось от подобных внешних работ в пользу производственных лагерей.

ГУПР придерживался таких жестких условий для своих подрядчиков с одной целью – вывести лагеря на уровень самоокупаемости: «Политика снабжения лагерей должна иметь тенденцию к тому, чтобы освободить государственные органы от обязанности снабжать лагеря всеми видами довольствия, и вступить на путь самоснабжения»[41]. Формы получения прибыли от работ заключенных были совершенно разные: от заработной платы, часть из которой удерживалась в пользу лагеря, до выдачи заключенным натурного продукта от производства для последующей реализации. Например, в 1921 г. лагеря Екатеринбургской губернии, работающие на кирпичных заводах, получали отчисления в виде основной продукции – кирпича, который шел на продажу среди местного крестьянства, либо обменивался на продовольствие. Всего на 1 июля 1921 г. за ГУПР числилось 7 кирпичных заводов. Часть крупных лагерей, как, например, Минский концлагерь, располагавшийся за чертой города, в имении Малая Слепянка, имела собственные сельскохозяйственные угодья,

---

38 ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 331. Л. 8

39 Каширская ГРЭС строилась для электрификации Москвы. Для обеспечения выдачи мощности с Каширы, в подмосковной деревне Кожухово была построена подстанция. Строительство подстанции велось силами вольнонаемных рабочих и заключенных, которые проживали совместно в бараках Кожуховского лагеря в непосредственной близости к строительству.

40 ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 331. Л. 106–107.

41 Там же. Д. 169. Л. 77 об.

урожай с которых также шел на довольствие всех заключенных Минского подотдела принудительных работ.

Обмен продукции, производимой заключенными, на продовольствие стал особенно актуальным во время голода 1921–1922 гг., охватившего 35 губерний, Казахстан и Украину. 21 августа 1921 г. Наркомат юстиции выпустил циркуляр с призывом увеличить производительность труда заключенных во всех местах заключения, в особенности в губерниях, не охваченных голодом: «Помощь голодающим может принять различные формы, в пределах допускаемых законом, и чем больше их будет, тем больше заключенных примет участие в работах»[42]. В циркуляре подчеркивалось, что помощь заключенных голодающим – дело исключительно добровольное и носит сверхурочный характер. Наряду с физическими формами внеурочного труда, за который заключенные получали деньги или продовольствие, отправляемое в Центральную Комиссию помощи голодающим, существовали альтернативные способы заработка денег. Одним из таких способов стали платные театральные постановки лагерных трупп, состоящих из заключенных[43]. Важную роль в стимуляции подобного рода внеурочных работ сыграло введение системы зачетов рабочих дней для заключенных (каждые 8 часов такой работы засчитывались за сутки отбывания срока в лагере), введение продолжительных, до 2-х недель, отпусков, а также досрочные освобождения из лагеря. Привлечение заключенных к таким социальным проектам, как помощь голодающим, было одним из способов привнести в лагеря моральную и воспитательную составляющие и исключить в заключенных «черты известного безразличия». Большевистское руководство неоднократно настаивало на том, что обязательный труд не должен стать одной из форм угнетения и эксплуататорства, как в царское время, а приобретать черты добровольных и осознанных начал.

Подобные акценты на морально-воспитательной составляющей политической работы в лагерях значительно актуализировались в 1921–1922 гг. и были напрямую связаны с эволюцией лагерного контингента. С лета 1921 г. концепция системы концлагерей начинает значительно меняться от мест лишения свободы к производственным центрам. Лучше всего эти изменения можно наблюдать на примере двух московских лагерей: Ивановского и Андрониковского. В начале 1921 г. в лагерях Центральной России начался процесс формирования трудового контингента лагерей. Большинство заключен-

[42] ГА РФ. Ф. Р-4042. Оп. 2. Д. 3б. Л. 54.
[43] Там же. Д. 2. Л. 264.

ных, осужденных за контрреволюционную деятельность, выходцев из буржуазии, белого офицерства, духовенства, представители оппозиционных партий и др. – были распределены по лагерям и тюрьмам северных губерний, Поволжья и Урала. Стоит заметить, что именно в этих регионах в 1923 г. появятся первые политизоляторы для содержания политических заключенных: в Казани, Ярославле, Челябинске и Верхнеуральске. На севере, в Архангельской губернии, в 1923 г. будет открыт Соловецкий лагерь особого назначения.

На всей остальной части РСФСР было решено оставить лагеря, способные перейти на полное самообеспечение, для которого было необходимо преобладание рабоче-крестьянского контингента. Такое замещение одного контингента другим подробно описано в докладе коменданта Ивановского лагеря Квятковского в середине 1921 г.: «вместо тунеядческих, инвалидных и вообще нетрудовых элементов, с одной стороны, вместо ярко выраженных противников Советской власти в виде всякого рода контрреволюционеров, бывших сановников, заговорщиков и т.п. с другой, подавляющая масса лагерного населения сейчас – представители рабочих кругов, крестьянства, фабрично-заводских рабочих, и те примирившиеся буржуа средних классов, которые могут быть отнесены к так называемой трудовой интеллигенции»[44]. Руководство московских лагерей настаивало, что к этому моменту наступила новая формация, и те преступления, которые были присущи ранее привилегированным слоям (контрреволюция и крупная спекуляция), остались в прошлом. Гражданская война подошла к концу, большевики смогли отстоять завоевания революции, и теперь лагеря, которые раньше концентрировали в себе разнородную массу заключенных, теперь имели определенное трудовое лицо.

Лагеря становятся не просто альтернативным способом организации производства, а являются примером социальной инженерии и находятся в авангарде строительства будущего общества. Лагерь становится передовым способом организации социума, или, как выразился комендант Ивановского лагеря Квятковский, «новый состав лагеря является прямым отражением жизни вне лагерных стен»[45]. С этого момента лагеря уже не заняты кустарной работой, обслуживанием городского хозяйства и «ковыряньем над пустяками», а являются частью производственного организма крупных городов и целых регионов. Комендантты московских лагерей выделяют главный фактор лагерного производства – это мобилизационность: «Обыкновен-

[44] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 287. Л. 350.
[45] Там же.

но не принято сравнивать лагерные фабрики с фабриками свободных рабочих. И это потому, что производительность заключенного, принудительная производительность, считается всегда ниже, иногда и значительно ниже производительности свободного рабочего. Возможно, что такое общее правило и существует <...> Пониженный уровень работы заключенных объясняли пониженной психикой заключенных, подневольностью, принудительностью. Можно с цифрами в руке доказать, что их (заключенных. – *И.У.*) производительность является выше производительности одинаково оборудованных мастерских вне лагеря. Так, Наркомвнудел дважды переносил печатание своих еженедельных циркуляров из большой, хорошо обставленной типографии в лагерную типографию из-за пунктуальности и срочности выполнения заказа именно лагерем. Москполиграфический отдел неоднократно передавал лагерю те заказы, от срочного и точного выполнения которых отказывались мастерские на свободе. Таких примеров много»[46]. Главной заслугой лагерей, за три года существования полноценной системы, руководством ГУПР виделось превращение заключенного из «тюремного паразита» в сознательно трудящегося человека. Труд в лагерях постепенно становился нормальным укладом жизни, прибежищем от праздных дней и однообразия лагерных стен.

Мобилизационность лагерного труда на долгие десятилетия станет основным фактором и движущей силой в разрастании и укрупнении лагерной системы в СССР. Исходя из этого принципа, именно лагерям будут передаваться самые крупные и трудоемкие стройки союзного значения. Но такая мобилизационность и высокая производительность могли существовать лишь при качественной стимуляции труда заключенного, о которой было упомянуто выше. Как отмечалось в отчетных документах, сознательный заключенный-рабочий, в отличие от заключенного-буржуа и других «паразитических элементов», глубоко осознает позорность принудительных работ, поэтому главным стимулом их работы является свобода: «Моя личная практика в нескольких лагерях показала, что никакие льготы, начиная от повышенного пайка и кончая мелочами бытового свойства, не повышали настолько производительности, как уже только самый слух о возможности, после выполненной работы, выйти на несколько часов за ворота лагеря – кому проведать родных, кому пойти по личным делам, кому просто побродить по городу, подышать свободным воздухом»[47].

---

[46] ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 89. Д. 287. Л. 350 об.

[47] Там же.

При таких значительных трансформациях не только в социальном составе лагерей, но и в большей степени в психике рядового заключенного, для которого труд является условием существования и освобождения, начальник Ивановского лагеря Квятковский предлагал в 1921 г. именовать лагеря «домами труда», с дальнейшим развитием системы стимуляций труда, которая будет способствовать развитию лагерных производств. Надо отметить, что в дальнейшем лагерная система пошла по этому пути, развивая более крупные и сложные производства, и к началу 1930-х гг. лагерники уже строили крупные металлургические заводы, комбинаты и предприятия. Единственное, чего не учел Квятковский, что с развитием лагерных производств, потребуется большее число заключенных, а в 1939 г. в целях удержания рабочих рук на производствах будут полностью отменены все стимуляции труда, в том числе досрочное освобождение и зачеты рабочих дней.

4 марта 1922 г. внутри ГУПР был образован Объединенный куст предприятий принудительных работ (Принкуст)[48]. Задачей Принкуста была организация и курирование всех производственных работ, которые вели лагеря, а также ведение общей лагерной бухгалтерии. Такое ведомство было создано после того, как в декабре 1921 г. местные городские и районные советы начали отказываться от содержания местных лагерей. Лагерная система была снята с государственного снабжения. На место региональных органов власти теперь все снабжение лагерей осуществлялось через Принкуст. В действительности Принкуст курировал только крупные лагерные производства в Москве. Вся полученная прибыль распределялась по другим лагерям, которые на добровольных началах вступили в Объединенный куст (к октябрю 1922 г. только Брянский и Тверской подотдел). В остальных губерниях также действовали гражданские ведомства, которые объединяли лагерные производства в регионах.

Осенью 1922 г. НКВД подвел итог деятельности всех подобных организаций, поделив все лагеря на 4 группы[49]:

1. Лагеря, которые самоокупаются с избытком: Брянск, Тверь, Белорусская республика, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Енисейская губерния, Кострома, Н. Новгород, Олонецкая губерния, Саратов, Тула, Челябинск и Ярославль;

[48] ГА РФ. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

[49] В данный список не попали лагеря Москвы и Петрограда, из-за большого количества которых, нельзя было отнести однозначно к одной из групп.

2. Лагеря, которые самоокупаются без дефицита: Владимир, Витебск, Горская республика, Дагестанская республика, Калуга, Курск, Ново-Николаевск, Орел, Рязань, Тюмень и Уфа;
3. Лагеря, которые не самоокупаются: Алтайская губерния, Ростов-на-Дону, Иркутск, Кубано-Черноморская область, Новгород, Пермь, Симбирск, Смоленск, Тамбов, Татарская республика и Якутск;
4. Из Омска и Томска сведений нет[50].

С этого момента начинается процесс оптимизации лагерной системы: те лагеря, которые не приносили прибыль, подлежали закрытию. К началу 1922 г. за лагерями было закреплено 10 крупных предприятий, приносивших прибыль Главному управлению, а также предполагалось взять в аренду еще 10 заводов. Деятельность ГУПР за 1922 г. показала, что использование труда заключенных на взятых в свою эксплуатацию заводах, фабриках и совхозах дает наиболее продуктивные результаты, относительно всех остальных форм принудительного труда.

1 июня 1922 г. вышел первый уголовный кодекс РСФСР, в ст. 34 которого были перечислены все имеющиеся на данный момент в республике места заключения. Лагерей в этом списке не оказалось. С этого момента началась реорганизация лагерной системы. К 5-й годовщине Октябрьской революции ВЦИК провел всеобщую амнистию заключенных всех мест заключений. Амнистии подлежали осужденные как системой советских судов, так и органами уже упраздненной ВЧК, а также все заключенные находящиеся в местах лишения свободы в административном порядке[51]. Все эти категории составляли более половины всего населения лагерей, около 20–25 тысяч заключенных. Остальные заключенные переводились в различные учреждения: колонии, исправительно-трудовые дома, северные лагеря и т.д. Амнистия не распространялась на заключенных, осужденных особой (административной) комиссией при НКВД РСФСР (будущим Особым совещанием при НКВД СССР), т.е. на политических заключенных. Сам новый уголовный кодекс не включал в себя категорию «политических заключенных», тем не менее за заключенными членами социалистических партий и анархистами до 1925 г. сохранялись определенные льготы и права. 12 октября 1922 г.

[50] ГА РФ. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–2 об.

[51] РСФСР. Законы и постановления. Амнистия 1922 года к V-ой годовщине Октябрьской революции: Декрет ВЦИК, Инструкция НКЮ и разъясняющая вступительная статья с приложением текстов всех ранее объявленных амнистий / [авт. вступ. ст. С. Аскарханов]. М., 1922. С. 5.

внутри НКЮ было образовано Главное управление местами заключения (ГУМЗ), куда должны были войти все имеющиеся в стране пенитенциарные учреждения. Одновременно с образованием ГУМЗ НКЮ, был упразднен ГУПР НКВД, с этого момента в стране была официально ликвидирована лагерная система. Многие лагеря продолжили существовать в виде колоний, некоторые из которых (в особенности, где были развиты производства) существуют и в настоящее время. Параллельно колониям НКЮ с 1923 г. стала формироваться новая самостоятельная лагерная система, которая будет строиться на принципах, заложенных в первые годы советской власти.

ЛИТЕРАТУРА

Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1974. – 352 с.

Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ советского государства (1917–1925 гг.). Домодедово: ВИПК МВД СССР, 1990. – 83 с.

Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. Москва: РИПК работников МВД РФ, 1992. – 192 с.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. Москва: Наука, 2006. – 438 с.

Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Европейском Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). Москва; Вологда: Полиграфист, 2008. – 216 с.

Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. Москва: Эксмо, Яуза, 2004. – 448 с.

Мельник Т.Ф. О первых советских лагерях принудительных работ на Архангельском Севере (опыт систематизации источников и литературы) // XIX Ломоносовские международные научные чтения: сб. науч. труд. / сост. П.С. Журавлев, О.А. Подоплекин. Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 2008. С. 88–106.

Jakobson M. Origins of the Gulag: The Soviet Prison Camp System, 1917–1934. Lexington: The University Press of Kentucky, 1993. – 176, [14] p.

Kenez P. Civil War in South Russia, 1919–1920. The Defeat of the Whites. Berkeley: University of California Press, 1977. – 378 p.

Solomon P.H. Soviet Penal Policy, 1917–1934: A Reinterpretation // Slavic Review. 1980. Vol. 39. № 2. P. 195–217.

Rapports secrets soviétiques, 1921–1991. La société russe dans les documents confidentiels / édition et traduction du russe par G. Moullec, N. Werth. Paris: Gallimard, 1994. – 699 p.

Vaucher R. L'enfer bolchevik: à Pétrograd sous la commune et la terreur rouge. – Paris: Perrin Et Cie, 1919. – 434 p.

Смирнова Т.М.

«КОНТРАСТЫ ЧУДОВИЩНЫ»: ДОСУГ ЭПОХИ НЭПА. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ[1]

Аннотация: *Статья носит историографический характер. В центре внимания автора – история изучения досуга советского общества эпохи НЭПа. Проанализировав основные историографические тенденции с акцентом на современные исследования, автор приходит к выводу, что, несмотря на весьма внушительную историографию проблемы и наличие ряда работ, подводящих итоги изучения тех или иных ее аспектов, комплексного исследования повседневного досуга эпохи НЭПа как особого социально-культурного феномена со всеми присущими ему контрастами и противоречиями до сих пор нет. В значительной степени это связано с отсутствием четкой дефиниции понятия досуг. Размытое исследовательское поле приводит к неизбежной сегментации знаний, обособленному изучению отдельных досуговых практик, а не проблемы в целом. При этом приоритетным направлением, начиная с 1990-х гг. XX в. является изучение социальных девиаций. Подводя итоги изучения этой проблемы, автор делает акцент на ее ключевых, наименее изученных и дискуссионных вопросах.*
Ключевые слова: *новая экономическая политика* (*НЭП*)*; история повседневности, социальная история; историография; досуг; социальная девиация; самодеятельное творчество; клубное движение*

Smirnova T.M.
“Contrasts are amazing”: leisure of the NEP era.Current issues of study

Annotation: *This article has a historiographical focus. The author concentrates on the history of the study of leisure of the Soviet society of the NEP era. Having analyzed the main historiographical trends with an emphasis on modern research, the author comes to the conclusion that, despite the very impressive historiography of the problem and the presence of a number of works summarizing the study of certain aspects of it, there is still no comprehensive study of everyday leisure of the NEP era as a specific socio-cultural phenomenon with all its inherent contrasts and contradictions. This is mostly due to the lack of a clear definition of the concept of leisure. The uncertain research field leads to the inevitable segmentation of knowledge, the separate study of individual leisure practices, but not the problem as a whole. At the same time, the works of social deviations during the NEP has been a priority direction since the 1990s. Summing up the results of the study of this problem, the author focuses on its key, least studied and disputable issues.*
Keywords: *The new economic policy* (*the NEP*)*, The history of everyday life, Social history, Historiography, Leisure, Social deviation, Amateur creativity, Club movement*

[1] Данная статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН «Коллективный академический труд “История России в 20 томах”».

Новая экономическая политика затронула все сферы жизни общества, создав специфический облик «нэпманской России». Этот облик характеризуется ярко выраженными контрастами и противоречиями в сфере быта, повседневного досуга и праздничной культуры; брачно-семейных отношений, положения женщины в семье и обществе в целом, а также в понимании семейных ценностей и форм воспитания детей.

«Удивительное это было время»[2], – писал о годах НЭПа известный советский юрист и писатель Л.Р. Шейнин, бывший в то время студентом Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова, который неожиданного для самого себя оказался следователем. В предисловии к знаменитому сборнику рассказов «Записки следователя» Шейнин рассказал, как в феврале 1923 г. его, 17-летнего студента, неожиданно вызвали в Краснопресненский райком комсомола, где предложили выбрать, «куда выписывать путевку – в губфинотдел или в губсуд». «Так я стал следователем московского губернского суда», – пояснил Шейнин[3].

Споры об этом удивительном и противоречивом периоде не утихают и по сей день. Социальные контрасты повседневности середины 1920-х гг. нашли яркое отражение в художественной литературе современников: дилогии И. Ильфа и Е. Петрова о «великом комбинаторе» Остапе Бендере («Двенадцать стульев», 1928; «Золотой теленок», 1931)[4]; произведениях М.А. Булгакова (цикл рассказов «Столица в блокноте», 1922–1923; рассказ «Сорок сороков», 1923; повесть «Собачье сердце», 1925; пьеса «Зойкина квартира», 1925; роман «Мастер и Маргарита», 1928–1940; и др.); рассказах и фельетонах М.М. Зощенко («Аристократка», 1923; «Спешное дело», 1926; «Гримаса НЭПа», 1927; и др.); серии фельетонов И. Ильфа «Рычи-читай!», написанных для журнала «Чудак» (1928–1930)[5]; цикле рассказов Л.Р. Шейнина «Записки следователя» (1938); сатирическом романе В. Катаева «Растратчики» (1926); повести А.В. Козачин-

---

[2] *Шейнин Л.Р.* Рассказ о себе // *Шейнин Л.Р.* Записки следователя. М., 1968. С. 5.

[3] Там же. С. 7–8.

[4] Знаменитая дилогия Ильфа и Петрова занимает особое место в весьма обширной художественной литературе о НЭПе. Как справедливо отметил в начале нынешнего века один из ведущих отечественных специалистов по социальной истории XX в. А.К. Соколов, «эти произведения до сих пор формируют исторические представления о том времени» (*Соколов А.К.* Социальная история, литература, искусство: взаимодействие в познании реалий XX века // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 68). Эти слова и сейчас не утратили свою актуальность.

[5] В журнале все фельетоны этой серии опубликованы без подписи. Авторство И. Ильфа было установлено позже по свидетельствам современников.

ского «Зеленый фургон» (1938); и многих других художественных произведениях.

Историки, напротив, долгое время обходили стороной проблемы влияния НЭПа на повседневную жизнь, досуг и социально-культурную сферу в целом. Как метко подметил Б.Г. Литвак, интерес советских исследователей к таким проблемам, как «культура труда, семейно-брачные отношения, формирование культурной среды, ценностных ориентаций, культурных потребностей, досуга» и т.п. долгое время был «в некотором роде “платоническим” из-за сложности одновременного исследования менталитета и социальной истории»[6]. Ситуация начала меняться в конце XX в. в связи со сменой господствовавшей в советской историографии исследовательской парадигмы, повороту от институциональной истории к истории общества, истории повседневности, которая на рубеже XX и XXI вв. прочно заняла одно из лидирующих мест в иерархии исследовательских приоритетов отечественной исторической науки. При этом в сфере изучения досуга послереволюционной России, включая период НЭПа, наибольшее развитие получила история девиантных досуговых практик, которые в советской историографии изучались преимущественно в рамках специальных научных дисциплин (таких как, криминология, наркология, психиатрия и др.), что подчеркивало противоестественность для советского общества каких-либо социальных пороков.

Рост исследовательского интереса к социальным аномалиям послереволюционной России связан как с замалчиванием этой темы в рамках советской историографии, так и с характерным для раннего постсоветского периода стремлением к переосмыслению всей советской истории и разоблачению ряда ее идеологических постулатов, в частности, принятого в советской историографии трактования любых социальных девиаций (проституция, алкоголизм, наркомания, воровство, бродяжничество и т.д.) как «пережитков», «родимых пятен» «проклятого капиталистического прошлого», которые неизбежно исчезнут в ходе социалистического строительства. Стремление разоблачить этот миф, изучить закрытую ранее для историков проблему привело к тому, что на рубеже XX–XXI вв. тема социальной девиации послереволюционного общества стала одной из приоритетных в отечественной социальной истории, истории повседневности, исторической антропологии и историче-

[6] *Литвак Б.Г.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х гг. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74.

ской психологии[7]. С периферии исследовательского пространства социальные девиации переместились в его центр. Как справедливо отметил В.В. Керов, первые постсоветские работы по истории городской повседневности характеризуются чрезмерным акцентом на криминальную девиацию[8]. Этот историографический «крен» удалось преодолеть лишь в начале 2000-х гг., когда утих эмоциональный накал 1990-х гг. и пафос огульного «разоблачения» всей советской историографии сменился в исторических исследованиях стремлением к объективному научному анализу, что, в свою очередь, привело к «возвращению» в отечественную историографию ряда «забытых» в 1990-е гг. сюжетов. В частности, вновь начал расти интерес к популярной в советской историографии[9] истории само-

---

[7] См., например: *Бордюгов Г.А.* «Социальный паразитизм» или социальные аномалии. (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, взрослой беспризорностью в 20–30-е годы // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73; *Голосенко И.А., Голод С.И.* Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб., 1998; *Золин П.М.* Преступность в стране в 1908–1928 гг. Сравнительная статистика // Советское государство и право. 1991. № 5; *Лебина Н.Б.*: 1). Теневые стороны жизни советского города в 1920–30-х годах // Вопросы истории 1994. № 2. С. 30–42; 2). Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994; *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74–88; *Меликсетян А.С.* Проституция в 1920-е годы // Социс. 1989. № 3. С. 71–74; *Павлюченков С.А.* Веселие Руси. Революция и самогон // Революция и человек быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 133–142; *Шкаровский М.В.*: 1) Ленинградская проституция и борьба с ней в 1920-е годы // Невский Архив Вып. 1. М.; СПб., 1993; 2) Семь имен «кошки» расцвет наркомании в 1917–1920-е годы // Невский архив. Вып. 3., СПб., 1997. С. 467–477; и др.

[8] *Керов В.В.* Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история “городской повседневности”, и зачем она нужна? // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 50–59. С. 54.

[9] *Балдина О.Д.* 1) Второе призвание. М., 1983; 2) Историко-культурные аспекты взаимодействия профессионального и самодеятельного художественного творчества // Проблемы взаимодействия самодеятельного и профессионального художественного творчества: Сб. науч. трудов НИИ культуры. Вып. 11. М., 1982. С. 37–64; *Богемская К.Г.* Самодеятельное художественное творчество. М., 1987; *Вагнер Г.К.* О соотношении народного и самодеятельного искусства // Проблемы народного искусства / под ред. М.А. Некрасовой и К.А. Макарова. М., 1982. С. 46–55; *Зубова Т.Д.* Изучение народного искусства в 20-х-30-х гг. (В.С. Воронов, А.И. Некрасов, А.В. Бакушинский): дис. ... канд. искусствоведения. М., 1977; *Макаров К.Н.* Профессиональное, народное, самодеятельное // Декоративное искусство СССР. 1972. № 9. С. 14–19; *Пинегина Л.А.* Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1932 гг. М., 1984; *Смирнова Е.И.* Теория и методика организации самодеятельного творчества трудящихся в культурно-просветительных учреждениях.

деятельного народного творчества[10] и примыкающей к ней истории рабселькоровского движения – работе рабкоров (рабочих корреспондентов), селькоров (сельских корреспондентов), пикоров (пионеров-корреспондентов[11]), деткоров (детских корреспондентов) юнкоров (юных корреспондентов), и даже аулселькоров и крокоров[12]. Изучение истории этих добровольных помощников прессы, корреспондентов-самоучек, названных современниками «гигантским резервуаром писательской энергии пролетариата»[13] сегодня

М., 1983; Художественная самодеятельность. Вопросы развития и руководства. М., 1980; и др. Статьи по истории советского самодеятельного творчества регулярно публиковали в журнале «Декоративное искусство СССР», издававшемся с 1957 г.

[10] *Богемская К.Г.* Наивное искусство и художественная самодеятельность в России 1920–1990-е гг. (История и проблема культурных контекстов): дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2003; *Гавлин М.Л.* Из истории становления советской масскультуры (Масткомдрама) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 1(5). С. 106–115; *Журавлев С.В.* Человек эпохи в самодеятельном творчестве 1930-х годов // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М., 2001. С. 259–266; *Куракина И.И.* Фундаментальные исследования в области народного искусства в трудах отечественных ученых как методологическая основа деятельности Высшей школы народных искусств (академии) // Традиционное прикладное искусство и образование. 2020. № 2(33). С. 98–116; Любительское художественное творчество в России XX века: Словарь. М., 2010; *Мусянкова Н.А.*: 1) Художники и институции: самодеятельное творчество в СССР в 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2008; 2) Объединение художников-самоучек. 1927–1931 // Искусствознание. 2015. № 3–4. С. 377–395; *Полякова, Е.А., Молявко А.Г.* Советские самодеятельные хореографические коллективы: формирование и развитие // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2022. № 1(31). С. 37–48; Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1917–1932. СПб., 2000; *Сибирякова Л.В.* Становление и развитие самодеятельного хореографического творчества в России в советский период // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4(71). С. 209–211; *Смирнова Т.М.* Советская повседневность, народное творчество и массовая культура // Историк и художник. 2005. № 2. С. 57–73; *Стрельцова Е.Ю.* Народное художественное творчество как объект научного исследования: Опыт историко-эпистемологического изыскания. М., 2003; *Суворова А.А.*: 1) Самодеятельное искусство конца 1920-х – 1930-х годов в контексте дискурса власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3(77). Ч. 1. С. 151–153; 2) Советское наивное искусство: между конформностью и нонконформизмом // Новое искусствознание. 2021. № 3. С. 82–90.

[11] Пикорами иногда называли также и профессиональных корреспондентов «Пионерской правды».

[12] Кружок крокоров был создан при редакции журнале «Крокодил» в 1924 г. (Крокодил. 1924. № 22. С. 11).

[13] Пролетариат и литература: Сб. ст. Л., 1925. С. 74.

продолжает заложенные ранее традиции, но на новом уровне – на основе междисциплинарного подхода с применением современных методов исследования и расширением источниковой базы и географических границ[14]. Новое освещение получила история рабочих клубов и изб-читален, выполнявших на селе роль клубов. Если ранее эта тема изучалась в контексте культурно-просветительной политики советской власти и коммунистического воспитания трудящихся[15], то в последние десятилетия рабочие клубы рассматриваются преимущественно как часть механизма идеологического контроля досуга рабочих со стороны государства[16] и лишь в ред-

---

[14] *Алферов В.Н.* Возникновение и развитие рабселькоровского движения в СССР. М., 1970; *Веселовский А.Г.* Действенность рабселькоровских заметок и «сигналов» в 1920-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 7(111). С. 65–71; *Матханова Е.И.* Из истории возникновения и развития рабселькоровского движения в СССР (1921–1925) // Вопросы истории. 1958. № 9. С. 19–32; *Пидаев Т.Р.* Возникновение и развитие рабселькоровского движения в республиках Средней Азии, 1918–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1974; *Скребнев В.А.* Становление рабселькоровского движения в Тамбовской губернии (1921–1928): монография. СПб., 2006; *Слезин А.А.* Рабселькоровское движение: неизвестная грань // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2002. Т. 8. № 3. С. 544–548; *Слезин А.А., Арестова А.А.* Задачи рабочих и сельских корреспондентов в воззрениях советских лидеров 1920-х годов // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2012. № 2(40). С. 247–253; *Якимов О.Д.* Рабселькоровское движение в национальных регионах Восточной Сибири: генезис и трансформация // Вестник ЯГУ. 2008. Т. 5. № 4. С. 27–36; *Clibbon J.* The Soviet Press and Grass-Roots Organization: The Rabkor Movement, NEP to the First Five-Year Plan: Ph. D. diss. University of Toronto, 1993; *Coe S.* Peasants, the State, and the Languages of NEP: The Rural Correspondents' Movement in the Soviet Union, 1924–1928: Ph.D. diss., University of Michigan, 1993; *Hicks J.* From Conduits to Commanders: Shifting Views of Worker Correspondents, 1924–26 // Revolutionary Russia 2006. Vol. 19. Issue 2. P. 131–149; *Lenoe M.* Stalinist Mass Journalism and the Transformation of Soviet Newspapers, 1926–1932: Ph.D. diss., University of Chicago, 1997.

[15] Вопросы истории и теории развития клубов в СССР: Межвузовский сборник трудов. Вып. 26. М., 1975; *Колесова А.К.* Деятельность рабочих клубов по коммунистическому воспитанию трудящихся в 1917–1923 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1969; *Лашин А.Г.* Культурно-воспитательная деятельность Советского государства. М., 1955; *Плешин Ю.И.* Деятельность рабочих клубов Ленинграда в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.) // Учен. зап. Высшей профсоюзной школы культуры. М., 1974. Вып. 5; *Синцов И.Д.* Клубы Ленинграда в первое десятилетие Советской власти (1917–1927) // Тез. докл. VI научной конференции профессорско-преподавательского состава Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской. Л., 1958; и др.

[16] *Булавка Л.А.* «Низы Пролеткульта» и рабочие клубы 1920-х: что делали и чем жили (штрихи к портрету) // Альтернативы. 2012. № 3. С. 89–133; *Сидорчук И.В.* «Никто мне не запретит и ничего не сделает»: досуг как пространство

ких случаях – с точки зрения организации досуга трудящихся[17]. Избы-читальни изучаются в основном в рамках истории библиотечного дела[18], их роль в организации сельского досуга анализируется редко и преимущественно в региональном ракурсе[19]. Большое внимание современные исследователи уделяют изучению работы кружков научно-прикладного характера, движению радио-[20] и фо-

---

свободы в эпоху социальных трансформаций 1920-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 112–127; *Сироткина И.Е.* Пляска по инструкции: создание «советского массового танца» в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. Вып. 1(44). С. 153–164; *Яров С.В.* Политизация досуга в 1917–1925 гг.: структура и формы клубов // Россия и Урал в годы войны и мира. XX век: к 60-летию со дня рождения Н.Н. Попова. Екатеринбург, 2006. С. 228–255.

[17] *Кулинич Н.Г.* Роль рабочих клубов в организации досуга горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 46–55.

[18] *Масяйкина Е.А.* Материалы Всесоюзной библиотечной переписи 1934 г. как источник изучения деятельности сельских библиотек // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 87–97; *Меренкова Н.А., Беляева Н.Е.* Организация работы волостных библиотек и изб-читален в уездах Орловской губернии в первые годы советской власти // Библиотековедение. 2020. Т. 69. № 2. С. 202–214.

[19] *Головина Э.Т.* Особенности функционирования изб-читален на Ставрополье в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 31–36; *Кулачков В.В.* Изба-читальня в жизни крестьян 1920-х гг. (Историографический обзор) // История: факты и символы. 2019. № 3 (20). С. 15–21; *Номогоева В.В.* Изба-читальня в первые годы советской власти (на примере Бурятии) // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2015. № 7. С. 76–81; *Соболева А.Н.* Изба-читальня как сельский культурный центр в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е годы // Научный диалог. 2021. № 6. С. 436–447; *Хисамутдинова Р.Р., Кукаева Д.К.* Избы-читальни как центр просвещения сельского населения южноуральских областей в 1930-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. Оренбург, 2018. № 1 (25). С. 189–202.

[20] *Бабюк М.И.* Правовое и организационное обеспечение развития массового радиовещания в СССР в условиях НЭПа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2017. № 6. С. 73–100; *Борисов В.П.* Радиолюбительство в СССР в период до Второй мировой войны // Управление наукой: теория и практика. 2022. Том. 4. № 3. С. 189–198; «Великая книга дня...»: Радио в СССР: документы и материалы / сост. Т.М. Горяева. М., 2007; *Круглова Л.А.* О зарождении радиовещания: документы, цифры, даты (1914–927 гг.) // Радио: начало истории. К 120-летию. М., 2017. С. 50–71; *Петрова В.Д.* Деятельность общества «Друзей радио» в Якутии в 1920–1930-х годах XX в // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4(30). С. 89–95; *Пряженникова М.В.* Становление и развитие радиофикации на территории Восточного Забайкалья (1920–30-е гг.) // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 100–104; *Стрелков Е.М.*

толюбителей[21], роли, которую они сыграли в научно-техническом развитии страны, радиофикации и кинофикации отдаленных регионов. Подъем интереса исследователей к истории массового спорта и физкультурного движения способствует более детальному освещению проблемы места физкультуры и спорта в структуре формирующегося советского досуга[22]. После некоторого перерыва получили продолжение начатые в рамках советской историографии исследования проблемы места в советской повседневности театра, кинематографа и кинотеатров; истории организованной в 1920-х гг. «борьбы за зрителя» и роли в ней театральной мастерской А.В. Трояновского, Ассоциации работников революционной кинематографии (АРРК), Общества друзей советской кинематографии (ОДСК, с 1929 г. – Общество друзей советской кинематографии и фотогра-

---

Популяризация радиолюбительства и музыкальная пропаганда в деятельности нижегородской радиолаборатории в эпоху НЭПа // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: Сборник статей участников Международной научной конференции, Саратов, 23–25 сентября 2010 года. Саратов, 2010. С. 338–345; *Хисамутдинова Н.В.* От «Пролетрадио» к регулярному вещанию // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8, № 1(32). С. 104–112; *Шестопалова Е.В.* Общество «Друзья радио» в Сибири (1924–1939 гг.) // История науки и техники. 2006. № 8. С. 31–36.

[21] *Горбаткова О.И.* Основные направления развития медиаобразования на материале фотографии в 1920-е годы в СССР // Медиаобразование. 2014. № 4. С. 15–23; *Гук А.А.* История любительского кинофото- и видеотворчества: учебное пособие Кемерово, 2020; *Никитенко А.В.* Эволюция фотолюбительства в России // Аспекты национальной культуры в контексте современных проблем глобализации: Материалы II Национальной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 27–28 ноября 2020 года. СПб., 2021; *Симаков В.Д.* Из истории кинолюбительства в России // Медиаобразование. 2006. № 3. С. 4–17; *Станулевич Н.А.* Русская историография фотографии // Клио. 2012. № 9 (69). С. 85–87; *Стигнеев В.Т.* Век фотографии. 1894–1994: Очерки истории отечественной фотографии. М., 2019.

[22] *Захаров П.Я.* История физической культуры и спорта: дис. ... канд. филос. наук. Горно-Алтайск, 2009; *О'Махоуни М.* Спорт в СССР. Физическая культура – визуальная культура. М., 2010; *Сидорчук И.В.* Спорт и физкультура как альтернатива девиантному досугу горожан в 1920-е гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции / отв. ред. В.А. Веременко, В.Н. Шайдуров. СПб., 2020. С. 90–94; *Столбов В.В.* История физической культуры и спорта. М., 2001; *Суник А.Б.*: 1) Российский спорт и олимпийское движение на рубеже 19–20 веков. М., 2001; 2) Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М., 2010; *Филиппов А.Н.* Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта (1920–1930 гг.). Ярославль, 2012; и др.

фии, ОДСКФ), а также созданной в 1927 г. при Центральном Совете ОДСК Комиссии по изучению кинозрителя[23].

Тем не менее, несмотря на значительное расширение спектра интересов к различным досуговым практикам, ряд аспектов проблемы остается дискуссионным или малоизученным. К числу наименее изученных относится досуг в 1920-х гг. людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Данная проблема изучается преимущественно в рамках истории всероссийских обществ слепых и глухих (ВОГ и ВОС), а также их региональных отделений[24]. Отдельные вопросы повседневной жизни советских граждан с ОВЗ затрагиваются в исследованиях проблемы формирования и эволюции системы социальной защиты и социального обеспечения, истории артелей инвалидов и Всероссийского производственно-потребительское объединение инвалидов (ВИКО), а также специализированных учреждений для инвалидов[25]. Невзирая на наметившийся в нача-

---

[23] *Братолюбов С.К.*: 1) На заре советской кинематографии. Л., 1976; 2) Русский советский театр, 1926–1932. Л., 1982; *Гудкова В.* Смена караула, или Новый театральный зритель 1920-х годов // Новое литературное обозрение. 2013. № 5 (123). С. 104–130; *Егорова М.Н.*: 1) Эволюция анкеты театрального зрителя // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 98–101; 2) Об учете зрительских реакций // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2010. № 2. С. 54–71; 3) Театральная публика: эволюция анкетного метода. М., 2010; *Жданкова Е.А.*: 1) Кинотеатры в СССР глазами зрителей: ожидания и повседневность в период НЭПа (на материале анкетирования и социологических опросов, проведенных в кинотеатрах) // Вестник Пермского университета. Серия: «История». 2013. № 3(23). С. 136–143; 2) Кинотеатр для «нового человека»: досуг и кино в СССР в 1920-е годы // С. 124–136; *Лубашова Н.И.* Социология Российской кинематографии эпохи социализма // Аналитика культурологии. 2015. № 1(31). С. 86–92; *Муренина Е.К.* «Киномания» эпохи НЭПа как быт, текст и миф // НЭП в истории культуры: от центра к периферии: Сборник статей участников Международной научной конференции, Саратов, 23–25 сентября 2010 года. Саратов, 2010. С. 235–253.

[24] *Баринов И.А., Евсеева М.А., Паленный В.А.* и др. История Всероссийского общества глухих: в 3 т. / сост. и отв. ред.: В.А. Паленный. М. 2007–2011; *Бирючков М.В.* История общественного движения незрячих Москвы. М., 1990; История в биографиях: «Эстафета поколений 1924–2019». К 95-летию со дня создания Санкт-Петербургской региональной организации Всероссийского общества слепых. СПб., 2019; *Клюшников Е.В., Матвеев Л.А.* Ленинградская организация Всероссийского общества слепых: К 60-летию. М., 1986; Наша история: Иркутская региональная организация Общероссийской Общественной организации инвалидов «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых». Иркутск, 2020; *Паленный В.А.* Люди и дела Подмосковья: история организации глухих Московской области. М., 2019; *Паленный В.А., Семченкова Т.А.* ...И дела говорят за нас: история организации глухих Смоленщины. Смоленск, 2022.

[25] *Каменева О.В.* «Не везет им в смерти»? Судьба инвалидных кооперативов в России // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии.

ле 2000-х гг. прорыв в этой сфере, все еще слабо изучены культура популярных в 1920-х гг. коллективных прогулок в парках[26]; особенности советского курортного отдыха[27], а также возрожденного и адаптированного к новым реалиям дачного отдыха[28]; проблема

События. 2011. № 4(1). С. 237–242; *Ковалев А.С.*: 1) Повседневная жизнь нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в 20-х гг. XX в. (по материалам сибирских архивов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1. С. 55–61; 2) Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск, 2018; *Кошкин Д.С.* Государственная политика и практика социальной работы с инвалидами в 20–30-е годы XX века (на материалах РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Лазаренко Е.И.* Деятельность Брянского губернского объединения артелей инвалидов войны // История. Общество. Политика. 2021. № 2(18). С. 65–73.

[26] *Голбин А.* «Культурная революция»: становление системы парков культуры и отдыха в СССР 1928–1941 гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 5(38). С. 27–36; *Кочухова Е.С., Рабинович Е.И.* «Культурно-политический комбинат» под открытым небом: центральный парк 1930-х vs клубные сады 1920-х. Случай Свердловска // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 2. С. 6–18; *Кухер К.* Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М., 2012; *Угрехелидзе Е.А.* Культура городского парка в 1920–1950-е годы (на примере Нескучного сада) // Вестник РГГУ. Серия: «Философия. Социология. Искусствоведение»: научный журнал. 2016. № 4(6). С. 89–95; и др.

[27] *Кузнецова Л.А.* Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Вып. 3(17). С. 81–85; *Леонова Н.А.* Отдых и досуг в условиях постреволюционной и послевоенной релаксации: трансформация представлений и основные тенденции развития в 1920-е годы // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Ставрополь; Пятигорск; Москва, 2007. С. 178–179; *Орлов И.Б.* Иностранный туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов: проблемы становления «freemen industry» // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг: Всероссийская научная конференция, Москва. М., 2004. С. 159–169.

[28] Советская дача как особый социально-исторический феномен на сегодняшний день не получила комплексное исследование, хотя, начиная с конца XX в. интерес к ней специалистов (историков, культурологов, социологов, юристов) заметно вырос. В центре внимания исследователей находится эволюция нормативно-правовой базы дачевладений; проблема экономической рентабельности дачного хозяйства; жизнь в элитных дачных поселках (Переделкино, Абрамцево, Николина Гора и др.), а также особенности дачного отдыха в 1960–1980-е гг., когда дача стала неотъемлемой частью повседневной жизни городского населения. Наименее изученным остается период становления традиций советского дачного отдыха, – 1920–1930-е гг. См.: *Белов А.В.* Дачные поселения и пригороды на территории Московской губернии в конце XIX – начале XX вв.: особенности возникновения, развития // Вестник Московского областного университета. Серия: Исторические и политические науки. 2007. № 1. С. 105–117; *Горлов В.Н.* Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник Московского государственного областного

преемственности формирующейся советской праздничной культуры[29]. Слабо изучена проблема диспропорции в степени распространения и востребованности различных «соблазнов НЭПа» в городе и деревне; в центре и в провинции, а также в национальных регионах. Ряд направлений разнообразной кружковой работы 1920-х гг. оказался на периферии исследовательских интересов. В частности, история советских кружков планеризма и моделизма изучается преимущественно в рамках истории планерного спорта, ОДВФ СССР, Осоавиахим СССР, а также биографий наиболее известных участников советского движения планеризма и авиамоделизма[30]. В центре внимания исследователей – наиболее выдающиеся достижения этого движения. Роль кружков планеризма и моделизма как значимой

университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 107–111; *Мавлютов Р.Р.* Эволюция дачного поселка: реализация потенциала товарищества собственников недвижимости // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 1. С. 32–36; *Савинцев Ф.* Кратовские дачи. М.; Екатеринбург, 2021; *Середина Е.В.* Трансформация дачного отдыха (часть 1) // Вестник РМАТ. 2017. № 3. С. 123–131; *Черезова Н.В., Гузева И.В.* Проблемы становления земельных отношений при реализации «дачного» закона на землях сельскохозяйственного назначения и землях населенных пунктов // Международный сельскохозяйственный журнал. 2019. № 4. С. 28–32; *Чикильдина А.Ю.* Гражданско-правовой режим дачных, садовых и огородных земельных участков: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010; и др.

[29] *Асташов А.Б.* Динамика праздничной парадигмы в культуре советского детства в 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 7(16). С. 95–116; *Вербицкая О.М.* Будни и праздники московского дома крестьянина (1925–1941 гг.) // Москва и Подмосковье: Праздники и будни: Сборник научных статей. М., 2005; *Малышева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; *Деканова М.К.* Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009; *Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Сидорчук О.Н., Сидорчук С.Д.* «Это праздник мы справляем...»: становление методики организации советских праздников в детском саду в 20–30-е гг // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 2. С. 85–94; *Ханипова И.* «Да здравствует Новый Советский год» (Политизация новогодней ёлки в Советской России) // Эхо веков. 2012. № 3–4. С. 224–232.

[30] *Арасланов С.* От дельтаплана до «Бурана»: 90 лет отечественного планеризма, 1923–2013 // Авиация общего назначения. 2013. № 11. С. 4–14; *Борин А.А., Красильщиков А.П.* Разработка научных основ планеризма в 1920–1940 гг. // Исследования по истории и теории развития авиационной и ракетно-космической науки и техники. М., 2001. Вып. 8–10. С. 199–221; *Красильщиков А.П.* Планеры СССР. М., 1991.

составляющий развивающе-обучающего научно-прикладного вида досуга широких слоев молодежи и школьников не входит в число исследовательских приоритетов и освещается лишь фрагментарно. Значение экскурсионно-туристической деятельности как востребованной формы советского досуга рассматривается лишь косвенно в рамках обширной литературы по истории советского туризма и туристско-экскурсионного движения в целом[31]. История шахмат в советской России имеет обширную историографию, однако изучается преимущественно в рамках истории спорта, в то время как для советской России 1920-х гг. это была скорее интеллектуальная игра,

[31] *Арцыбашев Д.В.* История туристско-экскурсионной деятельности в России (вторая половина XIX–XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005; *Баталова Л.В.* Возникновение и развитие туристско-экскурсионного дела в России 1917–1969 гг. (на примере Удмуртской республики): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2001; *Голубева О.А.* Российский туризм в 1920–70-х годах: система организации и управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15(196). С. 68–75; *Долженко Г.П.* История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов н/Д., 1988; *Муртузова З.Д.* Туризм и экскурсионное дело на Кубани и Черноморье: становление и развитие (1860-е годы – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006; *Оборина Е.А.* «Пролетарский» туризм 1920-х – середины 1950-х гг. Как социально-культурное явление // Вестник Пермского университета. Серии: История и Политология. 2010. № 1(9 Политология – 12 История). С. 110–113; *Орлов И.Б.* Рождение и первые шаги «Интуриста» // Социальное развитие России: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Майкоп, 01 апреля 2005 года. Майкоп, 2005. С. 199–206; *Орлов И.Б., Крессова М.Д.* Иностранный туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов: проблемы становления «freemen industry» // Проблемы истории сервиса: здравоохранение, культура, досуг. Всероссийская научная конференция: Сборник статей. М., 2004. С. 159–169*; Орлов И.Б., Попов А.Д.* Сквозь железный занавес. See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М., 2018; *Орлов И.Б., Юрчикова Е.В.* Массовый туризм в сталинской повседневности. М., 2010; *Усыскин Г.* Очерки истории российского туризма. М.; СПб., 2000; *Юрчикова Е.В.* Туризм в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х годов: организационные и пропагандистские аспекты движения: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Koenker D.*: 1) Club Red. Vacation Travel and the Soviet Dream. New York: Cornell University Press, 2013; 2) Travel to Work, Travel to Play: On Russian Tourism, Travel, and Leisure // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 4. P. 657–665; *Mac Cannell D.* The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkeley: University of California Press, 1999; *Noack C.* Coping with the Tourist. Planned and «Wild» Mass Tourism on the Soviet Black Sea Coast // Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Ed. by A. Gorsuch and D. Koenker. New York: Cornell University Press, 2006. P. 281–304; *Tondera B.* Der sowjetische Tourismus in den Westen unter Nikita Chruscev 1955–1964 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2013. № 1. S. 43–64.

чем спорт[32]. В центре внимания исследователей находятся такие проблемы, как история советской шахматной школы, Всероссийского шахматного союза и Центральной шахматной секции в Москве; биографии наиболее известных шахматистов; история крупных международных шахматных турниров и городских чемпионатов и т.п. Шахматы и шашки как форма повседневного досуга изучались мало и преимущественно в региональном ракурсе[33].

Приоритетным направлением изучения досуга эпохи НЭПа попрежнему остается история социальных девиаций, что отчасти понятно, так как восстановление товарно-денежных отношений и открытие разнообразных увеселительных заведений способствовали расцвету преступности, проституции, наркомании, алкоголизма и т.п. В центре внимания исследователей находятся как теоретические вопросы девиантологии (содержание понятия «девиантное поведение», соотношение его социально-психологических, социокультурных и этнических аспектов; связь девиантного поведения

---

[32] Международный Олимпийский Комитет (МОК) признал шахматы спортивной игрой лишь в 1999 г., тогда же Международную шахматную федерацию (ФИДЕ) признали Международной Спортивной Федерацией. Для широких слоев советского населения игра в шахматы была прежде всего разновидностью досуга, интеллектуальной настольной игрой. И сегодня, несмотря на официальное признание шахмат видом спорта, восприятие этой игры в обществе гораздо сложнее. Некоторые аспекты шахматной игры изучаются в математике, в современных шахматах используется компьютерное моделирование, что сближает шахматы с наукой. Многие любители шахмат сравнивают шахматную партию с музыкальным произведением. Символично в этом отношении, что специалистов, разрабатывающих шахматные задачи и создающих шахматные композиции, называют шахматными композиторами. Известный британский журналист П.Н. Хамбл назвал шахматы искусством малых форм (*Humble P.N.*: 1) Chess As An Art Form // British Journal of Aesthetics. 1993. № 33(1). P. 59–66; 2) The aesthetics of chess: A reply to Ravilious // British Journal of Aesthetics. 1995. № 35(4). P. 390–394).

[33] *Демчик Е.В., Горовой А.С.* Шахматный спорт в первые годы советской власти: от любительских увлечений к организованному движению интеллектуалов // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 2. С. 32–38; *Иванов С.В., Кентлер А.Р., Файбисович В.З., Хропов Б.М.* Шахматная летопись Петербурга. 1900–2005. Чемпионаты города. СПб., 2005; *Коган М.С.* Очерки по истории шахмат в СССР М.; Л., 1938; *Левин Е.А.* Феномен политизации шахматного спорта в СССР // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 11. С. 87–98; *Морозова Т.В.* Призрачные тени шахматной истории. Одесса, 2004; *Новиченко В.* Шахматная глубинка. Лысьва, 2017; *Олейников Д.* Шахматы в СССР. Иллюстрированная история. М., 2022; *Половодин И.А.* Из прошлого вологодских шахмат 1918–1945. Вологда, 2005; *Терентьев А., Бронников К.* История шахмат Екатеринбурга. В 2-х т. Екатеринбург, 2018; *Ткаченко С.Н.* Шахматная жемчужина у моря. Одесса, 2013; *Хасанов М.* История шахмат в Татарии (до 1941 года). Казань, 2017.

с типом ментальностей и т.п.)[34], так и история отдельных видов девиантности в Советской России. В частности, особое внимание исследователи уделяют изучению пьянства (самогоноварение и промышленное производство алкоголя, нормативно-правовая база торговли алкоголем, статистика потребления и т.п)[35]. В по-

[34] *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2007; Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000; *Змановская Е.Г.*: 1) Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М., 2008; 2) Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 12–23; *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015; *Паатова М.Э.* Теоретико-методологический анализ социально-педагогических феноменов «девиантное поведение» и «делинквентное поведение» подростков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. № 1. С. 96–104.

[35] *Аксенов В.Б. и др.* Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007; *Андреева Т.Б.* Традиции сельского пивоварения на Русском Севере в XIX – начале XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; *Араловец Н.А.* Питие Москвы и Подмосковья, 1920-е годы // Москва и Подмосковье: праздники и будни. Всероссийская научная конференция: Сб. ст. М., 2005. С. 37–44; *Багдасарян В.Э., Орлов И.Б.* Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005; *Блинов М.Л.* Пьянство как социальное явление советского города в 1920-е годы (на материалах Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 3. С. 141–146; *Кузнецов А.И.* «Алкогольный вопрос» в сибирской деревне 1920-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005; *Курукин И.В., Никулина Е.А.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007; *Литвак К.Б.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74–88; *Пашин В.П., Богданов С.В., Емельянов С.Г.* Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (власть, общество, нелегальный рынок) Курск, 2008; *Сидорчук И.В.* Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х годов (на примере Ленинграда) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 17–26; *Такала И.Р.* Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб., 2002; *Шекшеев А.П.*: 1) Власть и енисейское крестьянство: отношения на почве самогоноварения (1917 – начало 1930-х годов) // Вестник Красноярского государственного университета. 2006. № 3: Гуманитарные науки. С. 26–30; 2) Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.): Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 119–134; 3) Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.): Ч. 2 // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 4(21). С. 82–97; *Яров С.В.* К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-х годах // Народная борьба за трезвость в русской истории. Л., 1989. С. 42–44; и др.

следние годы к числу приоритетных направлений относятся также история наркомании (или «наркотизма», под которым подразумевалось употребление всех «социально наиболее опасных эйфорических ядов»[36], включая алкоголь и табак)[37], азартных игр[38], проституции[39] и хулиганства[40]. Сформировавшаяся в 1990-х гг. прошлого

---

[36] *Шоломович А.С.* Опыт диспансерной борьбы с наркотизмом в Москве // Как Мы боремся с алкоголизмом. М., 1926. С. 17.

[37] *Артеменко Н.А., Петрище Т.Л.* Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2015. Т. 14. № 6. С. 93–103; *Васильев П.А.* Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 3. С. 35–42; *Васильев П.А.* Обзор источников по проблеме наркотизма в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 85–92; *Васильев П.А.* Наркотизм в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг.: социальная проблема и поиски ее решения: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2013; *Лисовский В.Т., Колесникова Э.А.* Наркотизм как социальная проблема. СПб., 2001.

[38] *Ковтун Е.В.*: 1) Игорный бизнес в России: законодательное регулирование. СПб., 2005; 2) История правового регулирования азартных игр в России. М., 2009; 3) Азарт в стране Советов: в 3 т. Т. 1: Азартные игры. М., 2012; Т. 2: Лотереи. М., 2012; Т. 3: Государственная карточная монополия. М., 2012; *Филимонов А.В.* Азартные игры в Пскове в 1920-е гг. Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 77–82; *Цаков А.А.* Правовое регулирование азартных игр в советском государстве (1917–1929) // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 57–60; *Чистиков А.Н.* Азартные игры в СССР середины 20-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2; и др.

[39] *Болтаевский А.А.* «Они работают как хороший варшавский лифт: с утра до глубокой ночи»: детская и подростковая проституция в Российской империи и СССР в конце XIX – первой трети XX вв. // Genesis: исторические исследования. 2014. № 4. С. 14–21; *Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.* Проституция в Петербурге: (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994; *Мирошниченко М.И.* Отечественная историография конца 1970-х – 2010-х гг. О втором этапе борьбы с проституцией в СССР // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–2(8). С. 131–135; *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы: (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; *Панин С.Е.* «Продажная любовь» в советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78–108; *Шкаровский М.В.* Ленинградская проституция и борьба с ней в 1920-е годы // Невский Архив Вып. 1. М.; СПб., 1993; и др.

[40] *Абдурахманова И.В.* Хулиганство в Советской России как феномен пролетарского правосознания // Юридический вестник РГЭУ. 2005. № 4. С. 7–14; *Мусаев В.И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; *Панин С.Е.* 1) «Пьяная» преступность в России в 1920-е гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 121–126; 2) К вопросу о факторах активизации городского хулиганства

века тенденция восприятия НЭПа как периода господства социальных девиаций и пьяного угара («Было время НЭПа разгулом и вертепом»[41]) по-прежнему остается приоритетной в историографии. Отчасти это объясняется отношением к атмосфере тех лет самих современников, которые даже аббревиатуру НЭП нередко воспринимали в негативной коннотации, вплоть до использования ее в качестве замены слову «худо» (например, пословица «нет худа без добра» звучала как «нет нэпа без добра»)[42]. Медики и общественно-политические деятели того периода регулярно писали о «громадном развитии» самогоноварения в деревне, вследствие которого ежегодно уничтожались «десятки миллионов пудов» хлеба; о «невиданных размерах» «полиморфной проблемы наркотизма», масштабы которой были настолько велики, что заставляли мириться с этим страшным явлением как с «временной исторической неизбежностью»; о расцвете игорных притонов, взяток и растрат, о «разложении» и «отвратительной половой развращенности», которая «заставляла людей терять человеческий облик»[43]. Опубликованные в периодической печати тех лет карикатуры, сатирические фельетоны и анекдоты также рисуют перед нами картины бесконечного пьянства и преступности, ставших неотъемлемой и привычной частью повседневной жизни. Вот лишь один из примеров типичной для того времени сатиры:

в России в 20-е – начале 30-х гг. XX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6. С. 139–143.

41 *Кравчинский М.* Песни и развлечения эпохи НЭПа. Н. Новгород, 2015. С. 5.

42 Подробнее см.: *Сальман Е.А.* «Нэп в лакированных ботинках» (словарь эпохи в фельетонах М.А. Булгакова) // Мир русского слова. 2008. № 1. С. 42–47.

43 *Шоломович А.С.* Как мы боремся с алкоголизмом. М., 1926. С. 5, 6, 7; *Ярославский Ем.* Откуда грозит опасность перерождения отдельных клеточек партийного и советского организма // Вечерняя Москва. 1928.18 июня. № 139. С. 2. См. также: Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.; Л., 1928; *Башмачников В.В.* Водка и самогон (потребление и их влияние на преступность) // Наше хозяйство. 1927. № 6–7. С 53–66; *Броннер В.М.* Проституция в России М., 1927; *Бугайский Я.П.* Хулиганство как социально-патологическое явление. М.; Л. 1927; *Василевская Л.А., Василевский Л.М.* Проституция и новая Россия. Тверь, 1923; *Гуткин А.Я.* Задачи современного общества в борьбе с проституцией. Оренбург, 1924; *Дейчман Э.И.*: 1) Факты и цифры об алкоголизме в нашей стране // Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 5–6; 2) Алкоголизм и борьба с ним. М., 1929; *Ларин Ю.*: 1) Алкоголизм и социализм. М., 1929; 2) Алкоголизм: Причины, задачи и пути борьбы. Харьков, 1930; *Люблинский П.И.* Преступления в области половых отношений. М.; Л., 1925; *Сазонова Н.М.* Против пьянства и хулиганства. М, 1929; *Страшун И.Д.* На борьбу за новый трезвый быт. М., 1925; *Шатов В.* Хулиганы и хулиганствующие. М, 1927; *Шоломович А.С.*: 1) 40°: Сорок градусов и рабочие. М., 1925; 2) Кокаин и его жертвы. М., 1926; и др.

– Послушайте, вы не видали тут поблизости милиционера?
– Да нет... Не встречался...
– Очень приятно! Снимай пальто! [44]

Эту неприглядную картину нэпманской действительности ярко дополняет и художественная литература тех лет, рисующая живописные картины того, как города наполняла «всякая нечисть – профессиональные шулера и надменные кокотки, спекулянты с воспаленными от алчности лицами и элегантные, молчаливые торговцы живым товаром, бандиты с аристократическими замашками и бывшие аристократы, ставшие бандитами, эротоманы и просто жулики всех оттенков, масштабов и разновидностей»[45].

Характерная для современной отечественной историографии сегментация исторических знаний приводит к изучению девиантных форм развлечений середины 1920-х гг. (азартные игры, посещение ресторанов, кабаков, кабаре, разнообразных «зрелищ со столиками», а также их неизменные спутники – пьянство, наркомания и проституция) изолированно от прочих видов досуга и вне широкого исторического контекста, создавая впечатление, что это не одно из проявлений многогранной досуговой сферы эпохи НЭПа, а наиболее значимая, преобладающая составляющая советской повседневности 1920-х гг. Такой подход даже серьезные исторические исследования, опирающиеся на широкий круг источников, превращает в рассказ о том, «как пела и гуляла нэпманская Россия». Воссоздавая красочные детали разгульной и загнивающей атмосферы нэпманской России, авторы порой настолько увлекаются, что создается впечатление, словно они невольно попали под влияние реконструируемого ими «обаяния порока»[46]. Некоторые исследователи уже в формулировке темы фактически ставят знак равенства между социальной девиацией и советской повседневностью середины 1920-х гг.,[47] игнорируя тем самым свойственные той эпохе мощное клубное и кружковое движение, развитие самодеятельного народного творчества, движение радио- и фотолюбителей, любителей авиамоделизма и планеризма и т.п.

---

[44] Рабочая газета. Иллюстрированное приложение. 1922. № 135. С. 13

[45] *Шейнин Л.Р.* Записки следователя. М., 1979. С. 4.

[46] Символично в этом отношении название одной из работ по истории досуга нэпманской России: *Ульянова С.Б., Сидорчук И.В.* Пагубные страсти населения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы. Обаяние порока. СПб., 2020.

[47] См., например: *Панин С.Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е гг. (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002.

Отчасти этой тенденции противостоят исследования, посвященные нормативно-правовым аспектам проблемы, в которых развитие тех или иных форм социальной девиации изучается в комплексе с методами борьбы с ними: производство самогона и борьба с самогоноварением, начало промышленного производства водки и антиалкогольные кампании; реализация наркотиков и борьба с наркотизмом; борьба с хулиганством, преступностью и проституцией; изменение правового статуса азартных игр и т.п[48]. Однако данные сюжеты исследуют преимущественно юристы и историки права, в центре внимания которых находится эволюция системы правового регулирования, а не человек. Редкие исторические работы по данным проблемам характеризуются анализом борьбы с той или иной формой социальной девиации вне общего контекста повседневности периода НЭПа. В то время как важным направлением борьбы с социальными аномалиями в сфере досуга, считавшимися «пережитками прошлого», «наследием капитализма», с точки зрения современников, было именно «вытеснение» их новыми советскими досуговыми практиками, что предполагает необходимость комплексного изучения сферы досуга нэпманской России как единого социально-культурного феномена.

Таким образом, несмотря на весьма внушительную историографию проблемы и наличие ряда работ, подводящих итоги изучения тех или иных ее аспектов[49], комплексного исследования повседневного

---

[48] *Багдасарян С.Д., Панкова-Козочкина Т.В.* Алкоголизм и борьба с ним в селах и станицах в 1920-е гг. // История в подробностях. 2014. № 4(46). С. 76–81; *Каснова М.С.* Исторический анализ развития нормативной базы противодействия незаконному обороту наркотических средств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12–2. С. 56–58; *Матин А.В.* Гражданско-правовое регулирование игр и пари: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; *Николаев А.В.* Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2002; *Сохан А.В.* Азартные игры в России в середине XVI – начале XXI в. (историко-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2012; *Тихомирова Н.М.*: 1) Производство и потребление алкоголя в первые годы нэпа: механизм контроля и формы противодействия // Источник. Историк. История: Сборник научных работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 509–528; 2) Нормативные акты по борьбе с нелегальным производством и распространением спиртных суррогатов и механизмы их реализации: На материалах Петрограда–Ленинграда 1922–1925 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002; *Цакоев А.А.* Правовое регулирование азартных игр в Советском государстве (1917–1929). 2013. № 3(45). С. 57–60.

[49] *Лысикова О.В.* Советский туризм в современных западных исследованиях // Туризм. Сервис. Инновации: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратов, 2008. С. 50–57; *Малышева С.Ю.* Проблемы изучения досуга в современной зарубежной историогра-

досуга эпохи НЭПа как особого социально-культурного феномена, до сих пор нет. В значительной степени это связано и с отсутствием четкой дефиниции понятия досуг[50]. Разные исследователи по-разному отвечают на вопрос, о том, как понятие «досуг» соотносится понятиями «отдых», «свободное время», «развлечения» и т.п. Размытое исследовательское поле приводит к неизбежной сегментации знаний, обособленному изучению отдельных досуговых практик, а не проблемы в целом. Как результат, в историографии мирно сосуществуют два совершенно разных образа советской России 1920-х гг.: «нэпманская Россия», которая «пела и гуляла», воровала и продавала, пила и погрязла в пороке; и Россия, переживающая подъем кружкового движения и самодеятельного творчества рабочих и крестьян, еще вчера неграмотных и забитых, а ныне сочиняющих стихи и рассказы, выступающих в самодеятельных театрах, наравне с профессионалами участвующих в разнообразных творческих конкурсах; собирающих сложные радиоприемники и изобретающих новые модели самолетов, – то есть Россия талантливых самоучек и энтузиастов социалистического строительства. «Встреча» этих социальных антиподов в рамках единого исторического исследования происходит крайне

фии // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Мат. науч. конф. М., 2006. С. 62–65; *Оришев А.Б., Тарасенко В.Н.* Повседневная жизнь советского человека в эпоху НЭПа: историографический анализ: монография. М., 2016; *Тарасенко В.Н.* Досуг в период НЭП в Постсоветской историографии (Предварительные итоги исследования) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4. С. 20–27; *Тарасенко В.Н.* Быт периода НЭПА: Борьба старого и нового (Историографические заметки) // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 2 (40). С. 161–171.

[50] См.: *Андреева С.В.* Феномен досуга: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 42–45; *Понукалина О.В.* Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 83–89; *Равочкин Н.Н., Попов Е.А.* Концептуализация понятия «досуговые практики» в современной социологии // Социодинамика. 2023. № 2. С. 20–32; *Сидорчук И.В.* Цели и перспективы истории досуга // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 2. С. 174–186; *Фаблинова О.Н.* Досуг как объект изучения в западной социологической мысли // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 447–453; *Хлынина Т.П.* Досуг и быт советского человека образца 1920-х гг. в пространстве истории повседневности: опыт одной реконструкции // Проблемы российской истории. 2009. № 9. С. 209–223; *Ходнев А.С.* «Новая» история досуга как исследовательское поле // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 1. С. 23–27; *Щепеткова И.О.* Досуг как научная категория: разнообразие подходов к изучению // Дискуссия. Екатеринбург, 2015. № 6(58). С. 121–128; *Ярошевич Т.М.* Досуг: теоретические аспекты, структура, содержание // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 299–304; *Borsay P.* A History of Leisure. The British Experience since 1500. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2006.

редко. Между тем, в синхронной литературе и прессе тех лет, в художественных произведениях, дневниках и воспоминаниях они неразделимы и задача исследователя, не выбрать из свидетельств современников те, что подходят под заранее выбранную концепцию (как это нередко происходит), а взять и проанализировать их в комплексе, понять каким образом все эти, на первый взгляд, несовместимые составляющие нэпманской России сосуществовали, переплетались, взаимоподавляли или, напротив, взаимодополняли друг друга.

«СВЕТОВЫЕ ЭФФЕКТЫ ПОРАЗИТЕЛЬНЫ. КОНТРАСТЫ – ЧУДОВИЩНЫ...»

«Нет пагубнее заблуждения, как представить себе загадочную великую Москву 1923 года отпечатанной в одну краску, – писал М.А. Булгаков в знаменитом цикле рассказов «Столица в блокноте». – Это спектр. Световые эффекты в ней поразительны. Контрасты – чудовищны»[51]. Эти слова писателя как нельзя лучше отражают суть социально-исторического феномена нэпманской России в целом. Ее атмосферу и специфику досуга наглядно передает пресса тех лет, страницы которой представляют собой пестрый калейдоскоп, в котором перемешались различные (на первый взгляд, взаимоисключающие) социально-политические и экономические идеи, эстетические и морально-этические представления и жизненные ценности. Так, требования «четко проводить классовую линию» соседствовали с резкой критикой все возраставшей роли партии и преувеличенной значимости в оценке человека критериев партийности и социального происхождения. Рядом с рубриками «Партийная жизнь», «Советское строительство», «Оздоровление труда и революционизация быта» и т.п. размещались объявления о продаже мехов, бриллиантов «в стильной оправе», золотых и серебряных изделий (включая изготовленных на заказ «по новейшим рисункам»), манто и корсетов (в том числе сшитых на заказ «старыми мастерами» или изготовленных «в лучших заграничных домах»), гардин с бахромой и т.п. Газеты, журналы, адресные справочники и даже некоторые брошюры общественно-политического или научно-популярного содержания пестрели рекламой женской косметики («Парфюмерная фабрика Ривьера», «Пудра Адон – идеальное средство для придания коже прелестного, нежного цвета и уничтожения морщин»); скачек,

[51] *Булгаков М.А.* Столица в блокноте: Красная палочка // Накануне. 1923. 1 марта. С. 5.

развлекательных вечеров в дорогих ресторанах и кабаре («Веселье день и ночь в ресторане Мартьяныч»; французские песенки и танцы в Варьете-Пикадили; румыны и цыгане в «Americain Bar» в «Musik Holl»[52] на Большой Дмитровке; «Парижская новинка» – ночной кабаре-концерт «В гостях у Белки»; «Кухня известных кулинаров бывшего ресторана "Яр"» в кафе-ресторане «Яр» и т.п.). Объявления о работе разнообразных кружков, чтении лекций общепознавательного и общественно-политического содержания в домах культуры, рабочих клубах и избах-читальнях «терялись» среди объявлений, приглашающих посмотреть западные кинофильмы, наполненные духом «мещанства» и авантюризма с чуждыми советской идеологии названиями («Авантюристка из Монте-Карло. В азарте наживы и конкуренции», «Парижанка», «Миллион за ужин» и др.); посетить уроки маникюра, салонных танцев, хороших манер, изящного почерка и прочих атрибутов внезапно вернувшегося из дореволюционного прошлого «мещанского быта».

Безусловно, в наибольшем объеме все это разнообразие форм досуга, было доступно в крупных городах, прежде всего, – в Москве и Петрограде/ Ленинграде. На деревенский досуг нововведения НЭПа повлияли в наименьшей степени, тем самым усилив контрасты между городской и сельской жизнью. Росли контрасты и между повседневной жизнью небольших провинциальных и крупных губернских городов. Современники вспоминали, как в нэпманской Москве удивительным образом «уживались рядом бурлящая Сухаревка, с ее бесконечными палатками, ларями и лавками и комсомольские клубы в бывших купеческих особняках, сверкавшие свежим лаком вывесок магазины и конторы первых нэпманов и аудитории рабфака имени Покровского на Моховой [...] огромная черная вывеска московского клуба анархистов на Тверской («Анархия – мать порядка») и замысловатая живопись в кафе «Стойло Пегаса» на углу Страстной площади, где читали очень разношерстной и не очень трезвой публике свои стихи поэты-имажинисты»[53]. Даже в рекламе «старое» тесно переплеталось с «новым». Так, героем рекламы продукции Государственного треста «Чаеуправление» неожиданно стали пионерские отряды и даже Коммунистический интернационал молодежи, как, например, в стихах, написанных одним из членов правления треста «Чаеуправление» Ежовым для изданного этим трестом в рекламных целях календаря[54]:

---

[52] Сохранена орфография подлинника, см.: Зрелища. 1922. № 6. С. 4.

[53] *Шейнин Л.Р.* Записки следователя. М., 1979. С. 4.

[54] Литературная Лоханка // Крокодил. 1926. № 9. С. 8; *Рыбаков П.* За режим экономии // Смена. 1926. № 10. С. 8.

Пионерский отряд после зимних трудов
отдыхать в лагеря собирался.
Кофе, чай вожаком, шоколад с молоком
в Чаетресте для всех закупался.

Или:

В КИМе движенье, Всемирный конгресс.
В каждом пытливость, огонь, интерес.
Что же решили? Конгресс отложить,
чтобы какао Чайтреста попить.

Причудливое переплетение «старого» и «нового» наглядно демонстрирует и праздничная культура тех лет. В частности, публиковавшиеся в те годы в прессе и адресных справочниках («Вся Москва», «Весь Ленинград», «Вся Пермь», «Вся Тула», «Весь Крым» и др.) табель-календари, в списках нерабочих и праздничных дней указывали как старые церковные (Рождество, Крещение, Благовещение, Пасха, Троица, Духов день, Преображение, Успение), так и новые революционные праздники и нерабочие памятные дни (Кровавое воскресенье или День памяти 9 января 1905 г., День низвержения самодержавия, День Парижской коммуны, День Интернационала, День Пролетарской революции, День принятия Конституции СССР, День памяти В.И. Ленина). Особое место в списках праздничных дней занимает Новый год, который в разных изданиях оказывался то среди церковных, то среди новых советских праздников. В соответствии со статьей 111 Кодекса законов о труде 1922 г., Новый год (1 янв.) входил в число шести государственных праздников, объявленных нерабочими днями. Помимо Нового года в этот список вошли также: 22 янв. – «День 9 января 1905 г.», 12 марта – «День низвержения самодержавия», 18 марта – «День Парижской Коммуны», 1 мая – «День Интернационала», 7 ноября – «День Пролетарской революции». В соответствии со статьей 112 КЗоТ губернские отделы труда по согласованию с губернскими советами профсоюзов могли, исходя из местной специфики, дополнительно установить еще до 10 «особых дней отдыха»[55]. Любопытно, что списки праздников в «Табель-календарях» не всегда соответствовали указанным статьям КЗоТ, обычно они состояли из двух частей: «Праздничные дни», куда входили новые советские праздники (в редких случаях список так и назывался «Революционные праздники»), и «Дни отдыха», куда обычно входили церковные праздники.

[55] СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

Новый год включали то в первый список, то во второй. Например, в изданном на армянском, грузинском, тюркском и русском языках «Красном календаре Закавказья» «Новый год. 1 января» был включен в число семи «нерабочих дней» вместе с революционными праздниками и советскими траурными днями (как, например, 22 января – День траура по В.И. Ленину). Отдельным списком в календаре были указаны «дни отдыха», куда вошли 11 религиозных праздников[56]. В адресном же справочнике «Вся Москва» на 1926 г. Новый год, напротив, включен в список «Дней отдыха» вместе с религиозными праздниками (Пасха, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение, Рождество)[57]. В соответствии со списком «праздничных и особых дней отдыха», утвержденным обязательным постановлением Президиума Пермского окружного исполнительного комитета Совета РК и КД № 289 от 31 декабря 1925 г., Новый год входил в число «революционно-праздничных дней» (их список полностью соответствует перечисленным в ст. 111 КЗоТ 1922 г.). В соответствии со 112 статьей КЗоТ Пермский окружной исполком утвердил также 7 дополнительных дней отдыха, в число которых попали как религиозные, так и революционные праздники: 18 апреля – Страстная суббота, 20 апреля – 2-й день Пасхи, 1 мая – День Труда, 28 мая – Вознесение, 15 июля – День освобождения Урала от Колчака, 8 ноября – 2-й день Октябрьской революции, 25 и 26 декабря – Рождество[58]. В повседневной практике смешение «новых» и «старых» праздников, несмотря на декларируемую борьбу со «старым бытом», было еще ощутимее. Элементы мирного сосуществования в празднично-обрядовой культуре «старого» и «нового» иногда принимали совершенно неожиданные формы. Так, один из рабочих Донской государственной табачной фабрики, комсомолец Станков, в 1927 г. обратился к комсомольской ячейке фабрики с просьбой: «...не считать меня в комсомоле на 2 часа». Данная просьба была вызвана тем, что комсомолец собирался жениться «с совершением религиозного обряда» венчания, но не хотел при этом нарушать комсомольские принципы. Собрание комсомольской ячейки подавляющим большинством голосов (41 против 6) вынесло следующее решение: «В виду того, что Станков принимает

---

[56] Красный календарь Закавказья: на армянском, грузинском, русском и тюркском языках. Изд. 1-е. [Б. м.], [1925]. С. 3.

[57] Табель-календарь на 1926 год // Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1926 год с приложением нового плана г. Москвы. М., 1925. С. б/н, [5-я страница рекламного вложения перед текстом]

[58] Вся Пермь. Справочное издание на 1925 г. Указатель правительственных, государственных учреждений, синдикатов, трестов, кооперативов и фабрично-заводских предприятий. Пермь, 1925. С. 11–12.

активное участие во всей ячейковой работе, а также в действительности является безбожником, ячейка постановила в отношении Станкова провести исключительный случай и разрешить ему совершение религиозных обрядов»[59].

Используя слова М.А. Булгакова о Москве эпохи НЭПа, можно сказать, что вся нэпманская Россия представляла собой гигантский «котел», в котором «варили новую жизнь»[60]. В этот котел в качестве ингредиентов бросили и «старое», и «новое»; и девиантные досуговые практики, и разнообразные формы «разумного» досуга, как традиционного (чтение книг, прогулки, походы в театр, на выставки и на концерты), так и нового, советского (рабочие клубы, движение рабселькоров, массовый туризм и т.п.). На сегодняшний день из всех указанных «ингредиентов» наиболее изучены социальные девиации эпохи НЭПа, многократно и в деталях реконструированные в сотнях монографий и диссертационных исследований, не говоря уже о статьях, научных и претендующих на научность. Для осмысления основных результатов исследования проблемы остановимся кратко на нескольких ключевых ее моментах, прежде всего, на вопросах социально-экономической обусловленности расцвета социальных аномалий в годы НЭПа, методах борьбы с ними и места в этой борьбе новых досуговых практик[61].

«УГАР НЭПА» НА СЛУЖБЕ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Для выхода из экономического кризиса, в котором оказалась страна к концу Гражданской войны, требовались значительные финансовые средства. Ситуация усугублялась голодом 1921–1922 гг. Доходы, от стремительно развивающейся в условиях новой экономической политики сферы развлечений (рестораны, кабаре и т.д.) только начали поступать в госбюджет и (с учетом масштабов охватившего страну голода, а также поставленных новой властью грандиозных экономических задач) были крайне недостаточны. В этой сложной ситуации власть приняла решение частично легализовать теневой бизнес – игорные заведения (которые, вопреки установленному ранее запрету, продолжали существовать, но, будучи нелегальными, не приносили доход в государственную казну), а также производство и продажу

[59] *Склярский Д.* Прошу исключить на 2 часа // Смена. 1927. № 21. С. 23

[60] *Булгаков М.А.* Столица в блокноте: Красная палочка // Накануне. 1923 / 1 марта. С. 5.

[61] Проблеме формирования нового советского досуга в годы НЭПа и особенностям его изучения будет посвящена отдельная статья.

алкоголя, что ранее также не приносило доход в госбюджет в силу своей нелегальности. Снятие государственных запретов с игорного и питейного бизнеса происходило постепенно и осторожно, сопровождаясь принятием противоречивых решений, отражавших существовавшие во власти дискуссии и сомнения в этих вопросах.

От «сухого закона» к государственной алкогольной монополии. Со времен Первой мировой войны в России действовал «сухой закон», который в условиях революции и Гражданской войны было решено сохранить. В соответствии с постановлением СНК РСФСР от 19.12.1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» производство алкоголя разрешалось исключительно «на заводах и в заведениях, национализированных или взятых государством на учет». Порядок и условия продажи крепких алкогольных напитков и не предназначенных для питья спиртосодержащих жидкостей определялся ВСНХ совместно с наркоматами внутренних дел и здравоохранения. Самогоноварение «каким бы то ни было способом, в каком бы то ни было количестве» каралось конфискацией имущества и лишением свободы на срок не менее пяти лет. Запрет не распространялся на производство и продажу кумыса, кефира и напитков из хмеля при условии отсутствия в них «одуряющих или вредных для здоровья примесей»[62]. Несмотря на уголовное преследование, самогоноварение было чрезвычайно распространено, особенно в деревне. В годы «военного коммунизма» крестьяне торопились «перекурить» хлеб на самогон до того, как его изымут по продразверстке. После перехода к продналогу из-за огромной разницы цен на промышленные и сельскохозяйственные товары крестьянам по-прежнему было выгодно «гнать» самогон, как на продажу (продажа хлеба приносила мизерный доход), так и для обмена на промышленные товары или услуги[63].

В августе 1921 г. Декретом СНК РСФСР «О продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин» была разрешена розничная продажа «по вольным ценам» вин с содержанием алкоголя не более 14°. В соответствии с декретом разработка правил торговли алкоголем и санитарно-технические нормы содержания напитков на складах и в торговых помещениях возлагалась на наркоматы внутренних дел, финансов и здравоохранения совместно с ВСНХ.

---

[62] СУ РСФСР. 1920. № 1–2. Ст. 2.

[63] *Литвак Б.Г.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х гг. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 76; *Такала И.Р.* Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России... 186–191.

Для контроля доходов, поступавших в казну в виде налогов на изготовление и продажу вина, местные земельные отделы обязывались производить предварительный учет ожидаемого урожая каждого виноградника и предполагаемых объемов вина, которое будет из него изготовлено. Виноградари, сдавшие заготовителям меньшее количество вина, чем показали предварительные расчеты, облагались «по недоданному количеству в двойных ставках налога, если не будет доказано, что вино вследствие порчи или каких-либо других причин погибло или что из собранного урожая винограда получено меньшее количество вина»[64].

Одновременно была усилена борьба с самогоноварением. В соответствии со статьей 140 УК РСФСР, вступившего в силу в июне 1922 г. изготовление спиртосодержащих напитков без соответствующего разрешения или свыше установленной законом крепости, а также хранение их с целью сбыта каралось лишением свободы сроком до одного года с частичной конфискацией имущества. В ноябре того же года УК был дополнен статьями 140-а и 140-б усиливавшими наказание: самогонщики-рецидивисты карались лишением свободы сроком не мене, чем на 3 года и конфискацией всего имущества; лица, хранящие неоплаченные акцизом алкогольные напитки без цели сбыта – штрафом до 500 руб. золотом или принудительными работами до 6 месяцев[65]. В 1922 г. в РСФСР было возбуждено более 500 тысяч уголовных дел о самогоноварении[66]. При этом быстро расширялся ассортимент алкоголя, который можно было изготавливать и продавать частным образом на законных основаниях. В сентябре 1921 г. разрешили розничную торговлю винами, крепостью не более 20°; в феврале 1922 г. – розничную продажу пива, крепостью не более 6°; а в январе 1923 – спиртных напитков (наливок и настоек) с содержанием алкоголя не более 30°[67], что позволило в декабре 1924 г. начать производство тридцатиградусной водки, получившей в народе название «рыковка» или «полурыковка»[68]. Помимо этого, в декабре 1922 г. было разрешено производство коньяка, крепостью от 40° до 60°, но не для продажи, а исключительно «для лечебных це-

---

[64] СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 413.

[65] Уголовный кодекс РСФСР. Пг., 1923. С. 56.

[66] *Такала И.Р.* Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России... С. 196.

[67] СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 690; 1922. № 16. Ст. 157; 1923. № 6. Ст. 100.

[68] В ночь с 20 на 21 декабря 1924 г. М.А. Булгаков записал в своем дневнике: «В Москве событие – выпустили тридцатиградусную водку, которую публика с полным основанием назвала “рыковкой”». 29 декабря писатель добавил: «Водку называют “Рыковка” или “Полурыковка”». «“Полурыковка”, потому что она в 30°, а сам Рыков (горький пьяница) пьет в 60°» (*Булгаков М.А.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 10. Письма. Дневники. М., 2000. С. 124, 131).

лей и для сдабривания виноградных вин»[69]. Завершился процесс отмены «сухого закона» в августе 1925 г., когда Декретом ЦИК и СНК СССРот 28 августа 1925 г. было утверждено «Положение о производстве спирта и спиртных напитков, и торговле ими»[70]. В соответствии с этим Положением с 1 октября 1925 г. было начато производство сорокоградусной водки. Одновременно была законодательно оформлена государственная монополия на производство, хранение, провоз и продажу всех видов алкогольных изделий. Функции хранения и распределения спирта, а также контроля его употребления были возложены на Центральное управление государственной спиртовой монополии – Госспирт с сетью подведомственных ему местных управлений[71]. На состоявшейся в 1923 г. в Москве 1-й Всероссийской сельскохозяйственной выставке водочные изделия «Госспирта» получили диплом 1-й степени. Уже в 1925 г. Центральное управление Государственной спиртовой монополии «Госспирт» реализовывало на внутреннем и внешнем рынке широкий ассортимент наливок, настоек и ликеров, «приготовленных на чистом ректификованном спирте из натуральных фруктовых морсов в оригинальной посуде», а также «кондиционный довоенного качества хлебно-картофельный спирт». Экспортные базы Госспирта находились в Москве, Ленинграде, Новороссийске и Баку; представители Госспирта были при Торгпредствах СССР в Риге, Берлине, Константинополе и Пирее (Греция)[72].

Реализовывалась эта продукция преимущественно в городах. Во-первых, сельские жители предпочитали более дешевый самогон, а, во-вторых, в соответствии с принятой 29 декабря 1922 г. совместным постановлением наркоматов внутренних дел и здравоохранения «Инструкцией о продаже виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин распивочно в ресторанах и столовых» питейные заведения можно было открывать только в уездных и губернских городах. «Отпуск вина для потребления на месте продажи» можно было осуществлять

---

[69] Еженедельник советской юстиции. 1922. № 46/47. С. 17.

[70] СЗ СССР. 1925. N 57. Ст. 425, 426. Подробнее о нормативно-правовой составляющей отмены «сухого закона» см.: *Аксенов В.Б.,* Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007; *Богданов С.В.* Алкогольная политика российского государства в условиях общественных модернизаций (1894–1984). М., 2017.

[71] Постановление Совета Труда и Обороны от 21.06.1922 № 491 «О порядке отпуска Государственными органами спирта и ответственности органов за его расходование» (СУ РСФСР. 1922. № 41. Ст. 491).

[72] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1925 с приложением нового плана г. Москвы. М., 1924. [рекламное вложение «Впереди текста», 19-я страница, без номера].

в столовых и ресторанах, торгующих горячей пищей, в станционных буфетах, в вагонах-ресторанах, а также во временных буфетах, «открываемых на вечерах и концертах, по специальному разрешению отдела управления». При этом в инструкции подчеркивалось, что «выдача подобного рода разрешения» допускалась только в уездных и губернских городах и категорически запрещалась «в иных местах и особенно в сельских местностях»[73]. В инструкции оговаривался целый список ограничений на продажу алкоголя: торговля только в определенные часы, запрет продажи на вынос и запрет посещения этих заведений детьми до 16 лет; отпуск не более одной бутылки на посетителя; запрет подавать алкоголь в открытой посуде (графин, стакан, бутылка и т.п[74].).

Заведения общепита, торгующие алкоголем, занимали важное место в структуре государственных доходов, что стало особенно ощутимо в условиях охватившего страну голода 1921–1922 гг. В январе 1923 г. все кафе, рестораны, а также торговые заведения, продающие исключительно пиво и вино были обложены дополнительными налогами в пользу фонда Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при ВЦИК[75]. К 1925 г. в столице, по данным адресной книги «Вся Москва», насчитывалось около ста пивных (из них около 60 государственных, 24 кооперативных и 14 частных), более ста столовых-пивных (около 50 государственных, около 40 кооперативных и 36 частных), 24 чайные-пивные (1 государственная, 3 кооперативные и 20 частных) и 14 ресторанов[76], из них 3 государственных («Прага» Моссельпрома на Арбате, Моссельпрома № 2 на Тверской и «Помпей» на Тверской), 3 кооперативных и 8 частных[77]. К 1927 г. численность пивных в столице значительно превысила 100 (около 90 государственных, 17 кооперативных и 26 частных), количество пивных-столовых сократилось до 65 (26 государственных и 39 част-

---

[73] СУ РСФСР. 1923. № 8. Ст. 114.

[74] В заведениях общепита алкоголь следовало подавать исключительно в «закупоренной и обандероленной» бутылке, что должно было предотвратить возможность разбавления содержимого бутылки или его подмены на напиток нелегального изготовления. Однако на практике водку в ресторанах обычно подавали в графинах.

[75] СУ РСФСР. 1923. № 4. Ст. 77.

[76] В справочнике «Вся Москва» на 1925 г. нет раздела «Рестораны», все рестораны помещены в раздел «Столовые-кафе», о чем имеется соответствующая отсылка в алфавитном указателе. Кроме этого, есть еще разделы «Столовые», «Столовые-пивные», «Столовые-чайные», «Чайные», «Чайные-пивные» и «Пивные».

[77] Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1925 год с приложением нового плана г. Москвы. М., 1924. С. 967–968, 980–981, 996.

ных); точное количество ресторанов назвать сложно, так как они не были выделены в отдельный раздел[78], но численность частных столовых-кафе значительно возросла, превысив 70; чайные-пивные исчезли, зато появились 4 столовые кооперативного общества «Трезвая жизнь»[79]. По количеству питейных заведений не отставала от Москвы и северная столица. В 1925 г. в ней, судя по данным адресного справочника, было 30 ресторанов и более 250 пивных[80] (в том числе более 10 пивных завода им. Бебеля, более 10 пивных завода «Вена» и несколько пивных рабочего патроната «Красный молот»), а также множество столовых, кафе, чайных и буфетов, в которых также могли подавать алкогольные напитки[81]. В 1927 г. численность ресторанов в Ленинграде практически не изменилась, а количество пивных достигло 350, кроме того, по-прежнему оставалась значительная сеть кафе, столовых и чайных[82].

Для сравнения: в адресном справочнике Ульяновска на 1925 г. указаны адреса 10 пивных «Красный Восток» и 10 пивных «Пиво»[83]; в справочнике Тулы – 13 пивных[84]; в справочнике города Сызрань на 1925 г. в разделе «Рестораны, столовые, кафе, пивные» даны адреса 1 ресторана «Бристоль», 9 пивных (из них 3 – пивные Раменского за-

---

[78] Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, адресные справочники Москвы, как и другие издания 1920-х гг., изобилуют рекламой ресторанов, трактиров и кабаков. С другой стороны, издававший их Мосгорисполком слово стесняется наличия подобных заведений на подведомственной ему территории и предпочитает использовать для их наименования более нейтральные названия. Так, в справочнике «Вся Москва» на 1925 г. слово «рестораны» упоминается только в алфавитном указателе с отсылкой «см. столовые-кафе»; а в справочнике 1927 г. это слово и вовсе отсутствует. Все заведения общественного питания распределены между разделами: «Столовые», «Столовые-кафе», «Столовые вегетарианские», «Чайные-столовые», «Пивные-столовые», «Пивные», «Домашние обеды». Интересно, что в адресных справочниках «Весь Ленинград» нет подобных эвфемизмов, рестораны выделены в отдельный раздел с одноименным названием.

[79] Вся Москва: адресная и справочная книга на 1927 год с приложением нового плана г. Москвы. М., 1926. С. 753–755, 775.

[80] Адресные справочники Ленинграда, в отличие от Московских, не содержат данных о распределении заведений общепита на государственные, частные и кооперативные.

[81] Весь Ленинград на 1925 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Ленинград, [1924]. С. 337, 372–373, 387. В отличие от московского, ленинградский адресный справочник не содержит сведений о разделении заведений общественного питания на государственные, кооперативные и частные.

[82] Весь Ленинград на 1927 год. Адресная и справочная книга г. Ленинграда. Л., [1926]. С. 460–462, 475, 480

[83] «Весь Ульяновск» и «Сызрань» на 1925 г. Адресно-справочная и телефонная книга. Самара, 1925. С. 130–131.

[84] Вся Тула и Тульская губерния. Справочная книга. Тула 1925. С. 105

вода), одной столовой-пивной Раменского завода[85], а также четырех заведений под наименованием «Номера»[86].

Параллельно с питейным развивался и тесно связанный с ним бизнес развлечений, в том числе игорный. Постановлением Петроградского военно-революционного комитета от 24.11.1917 г. «О закрытии игорных клубов и притонов» и Декретом Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны от 23.03.1918 в Петрограде были запрещены заведения, в которых организовывались азартные игры (клубы, притоны, собрания и т.д.), однако санкции за нарушения этого запрета не были установлены. Аналогичные меры во время Гражданской войны вводились и в других городах. 19 декабря 918 г. специальным Декретом СНК РСФСР в целях предотвращения развития среди граждан РСФСР «ажиотажа, азарта и спекуляции» на всей территории России было запрещено устройство денежных и вещевых лотерей. Лица, виновные в нарушении декрета, подвергались лишению свободы сроком до двух лет, либо установленному судом штрафу[87]. 11 августа 1922 г. постановлением СНК РСФСР «О разрешении частных заведений с неазартными играми» было разрешено открытие заведений для платного проведения неазартных игр[88]. К неазартным играм были отнесены бильярд, кегли и разнообразные физические развлечения (карусели, качели и т.п.). Следует отметить, что несмотря на то, что юридически бильярд не относился к азартным играм, фактически он занимал промежуточное положение между азартными играми, спортом и досугом. С одной стороны, многие современники считали игру в бильярд не просто очень полезной, а одним из «лучших видов гимнастики»[89]. С другой стороны, в широких слоях населения бильярд долгое время считался «буржуйским развлечением», а бильярдные столы нередко стояли в разнообразных «злачных местах», где играли на деньги, что вызывало негативное отношение к нему представителей местной власти и партийно-комсомольского актива. Лишь к концу 1920-х гг. коммерческий

---

[85] «Весь Ульяновск» и «Сызрань» на 1925 г. Адресно-справочная и телефонная книга. Самара, 1925. С. 167–168

[86] Учитывая, что адреса данных учреждений помещены в разделе заведений общественного питания, можно предположить, что они представляли собой что-то среднее между дешевыми гостиничными номерами «для свиданий» и кабаком.

[87] СУ РСФСР. 1917–1918. № 98. Ст. 1003. Подробнее см.: *Цакоев А.А.* Правовое регулирование азартных игр в Советском государстве (1917–1929) // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 57–60.

[88] СУ РСФСР. 1922. N 51. Ст. 651.

[89] Письмо читателя Буслова // Советская Сибирь. № 170. 1 авг. 1922. С. 4.

бильярд был в основном вытеснен спортивным[90], хотя и продолжал существовать нелегально.

Азартные игры (карты, лото, рулетка, лотереи) по-прежнему были запрещены. При этом производство игральных карт и их продажа не только не были запрещены, но и регламентировались специальными правовыми актами, что делало их абсолютно легальными. Так, 9.11.1921 г. постановлением Совета Труда и Обороны «О продаже игральных карт на внутреннем рынке» была разрешена продажа игральных карт по ценам, установленным Комитетом Цен[91]. В марте 1922 г. Наркоматом финансов РСФСР была установлена 50%-ная надбавка к продажной стоимости игральных карт[92]. Доходы от дополнительного налогообложения предполагалось использовать для помощи пострадавшим от голода. Кроме того, периодически вводились дополнительные целевые налоговые сборы или надбавки на продажную стоимость карт. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 марта 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» в рамках изыскания дополнительных средств на борьбу с беспризорностью на продажную стоимость игральных карт была установлена временная надбавка: 25 копеек с каждой колоды атласных карт; 20 копеек с каждой колоды первого сорта и 10 копеек с колоды второго сорта[93].

Еще одним значимым источников финансирования борьбы с голодом и его последствиями должны были стать лотереи. В конце 1921 г., большинство губернских подразделений Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Помгол) провели местные лотереи. При этом, несмотря на общероссийский запрет на проведение лотерей, на местном уровне для их организации принимались различные инструкции, а информация о тиражах публиковалась в прессе, в том числе и в центральных газетах[94]. Складывалась парадоксальная ситуация, когда с одобрения местных органов власти абсолютно легально организовывались запрещенные центральной властью лоте-

---

[90] В 1928 г. в Парке культуры и отдыха им. М. Горького открылась Академия бильярда. В 1935 г. в Москве состоялся первый официальный турнир по «Русской пирамиде», а в 1939 г. А.П. Миляеву было присвоено первое звание мастер спорта по игре в бильярд. (*Барсков И.А.* Его Величество Бильярд. М., 2006; *Жилин Л.* Русский бильярд: большая иллюстрированная энциклопедия. М., 2011; *Ратозий Н.В., Иванов Е.Б.* Россия. Неизвестный бильярд. М., 2011).

[91] СУ РСФСР. 1921. № 74. Ст. 609.

[92] СУ РСФСР. 1923. № 4. Ст. 77.

[93] О культурном строительстве: Сб. док. / сост. И.Ф. Заколодкин, В.В. Морозов, А.Я. Подземский. М., 1930. С. 207–208.

[94] См.: *Ковтун Е.В.* Азарт в стране Советов: в 3 т. Т. 2: Лотереи. М., 2012. С. 40–49.

реи. Для устранения несоответствия реальной практики существующим правовым нормам 26 мая 1922 г. было принято постановление СНК РСФСР «Об устройстве лотерей государственными учреждениями», в соответствии с которым отдельным государственным органам временно было разрешено организовывать лотереи «в целях усиления средств» на борьбу с голодом, а также на «нужды социального обеспечения, здравоохранения и культурно-просветительные»[95]. К этому времени на практике лотереи уже стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Так, например, в декабре 1922 г. реклама концерта «лучших артистических сил Петрограда» в Большом зале Филармонии сопровождалась обещанием выдать всем зрителям бесплатный лотерейный билет. Для привлечения публики в прессе концерт, сопровождавшийся выдачей лотерейных билетов, анонсировался как «вечер будущих миллиардеров»[96].

Для регламентации хаотичной организации разнообразных лотерей в 1923 г. СНК РСФСР принял декрет «О порядке выдачи разрешений на устройство местных лотерей», в соответствии с которым для организации местной лотереи с предварительной продажей билетов было необходимо получить разрешение Наркомата финансов РСФСР. Для организации мгновенных лотерей («аллегри») было достаточно разрешения губисполкомов[97]. В 1924 г. была законодательно установлена государственная монополия на производство игральных карт[98], фактически же этой монополией Государственная карточная фабрика (Госкартфабрика) обладала с момента возобновления ее деятельности в 1922 г., состоявшегося по инициативе Наркомата финансов СССР, в ведение которого и была передана обновленная Госкартфабрика, продукция которой пользовалась большим спросом не только в СССР, но и за рубежом[99]. При этом запрет на работу игорных заведений отменен не был. С другой стороны, сама игра в карты формально запрещена не была, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., а также его слегка обновленная версия в редакции 1926 г., не предусматривали наказание за участие в картежной игре. Это порождало противоречия и неопределенность в судебной практике. Так, например, в 1922 г. в Рыбинске районный суд признал несколько граждан

---

95 СУ РСФСР. 1922. № 35. Ст. 414.

96 Обозрение кинематографов, эстрады, арены и стадиона. 1922. № 2. С. 4.

97 СУ РСФСР. 1923. № 51. Ст. 512.

98 СЗ СССР. 1924. № 4. Ст. 51. Государственная монополия на производство игральных карт была упразднена в 1961 г.

99 Продукция Госкартфабрики при Наркомате финансов СССР пользовалась большим спросом на международных весенних ярмарках в Лейпциге и Лионе и вскоре стала одним из значимых источников государственных доходов.

города «виновными в картежной игре» и приговорил их к заключению в концентрационный лагерь на сроки от двух до трех месяцев. Этот приговор был обжалован и отменен «за отсутствием признаков уголовно-наказуемого деяния». Однако редакция «Еженедельника советской юстиции» признала неправомерной отмену приговора, посчитав справедливым первоначальный обвинительный приговор. Свою точку зрения редакция объяснила следующим образом:

> *«... вопрос об уголовной наказуемости азартной игры должен быть разрешен в положительном смысле: определение наказуемости зависит от характера игры, т.е. большего или меньшего элемента риска в игре, когда игра не составляет цели времяпрепровождения, а самоцель, с корыстными мотивами, а также от обстановки, т.е. от большей или меньшей случайности участников игры; увеличивающим меру наказания обстоятельством служит извлечение определенной выгоды от картежной игры* [...] (*разумеется, от азартной игры надлежит отличать уголовно-ненаказуемую игру в карты, хотя бы на деньги, без специальной азартно-корыстной цели*)»[100].

Видимо, именно для этой «уголовно-ненаказуемой» игры была предназначена продукция Госкартфабрики, дававшая неплохую прибыль. Любопытно, что, учитывая высокий спрос на эту продукцию, власть попыталась использовать ее также и в агитационно-пропагандистских целях. Были выпущены тематические колоды карт: «Народности СССР» (1929) и «Антирелигиозные» (1930). Впрочем, идея эта не нашла понимания в обществе. Практически сразу после выпуска карт «Народности СССР» в журнале «Чудак» был опубликован фельетон «Обновленные валеты», в котором, в частности говорилось:

> *«Карты сами по себе вещь довольно гнусная, но карты с пришитыми к ним "культурными заданиями" совершенно невыносимы. Но госкартмонополия решила работать "в плане культурного похода". И вместо королей с дворницкими бородами, вместо надменных дам и валетов с блудливыми глазами появились представители национальностей нашего Союза. Новая колода называется красиво и благозвучно: "Народности СССР". Бубнового короля заменяет старый узбек в халате и чалме. Нет больше валета с веревочными усиками. Вместо него – белорус в бараньей шапке. Нет также и пиковой дамы. В нашей стране нет места таким дамам. Ныне имеется молодая украинка в расшитой рубашке, молодая*

[100] Практика Высшего судебного контроля. Азартная картежная игра наказуема // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 9. С. 14.

украинка пик. Остальные фигуры под стать. Есть и раскрепощенные женщины Востока (дамы, сбросившие чалму), есть и таджики (короли и валеты, образовавшие колхоз). Представлены почти все нацмены.

Говоря коротко:

– Четыре сбоку, узбека нет!»[101]

Таким образом, несмотря на запрет азартных игр, государство признавало их фактическое существование и стремилось получать от них максимальную финансовую (и не только) выгоду, облагая налогами не только легальные развлечения и виды досуга, не имеющие определенного юридического статуса (не разрешенные, но и не запрещенные), но и нелегальные их виды, тем самым придавая последним своеобразный полулегальный статус. Так, в сентябре 1924 г. специальным Постановлением ЦИК и СНК СССР все «публичные зрелища» были обложены сбором в пользу Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Размер сбора зависел от вида «зрелища». Самый большой сбор (30% с цены билета) взимался с разнообразных маскарадов и театральных вечеров. В качестве отдельных видов публичных зрелищ в постановлении были названы также скачки и бега (сбор 10% с цены билета); а также официально не разрешенные на тот момент казино и лото (сбор 25 копеек с каждого билета).

В условиях голода и экономического кризиса в бизнес развлечений (в том числе и игорный) оказались вовлечены многие государственные и общественные учреждения, в первую очередь те, что имели непосредственное отношение к борьбе с голодом и беспризорностью, и остро нуждались в средствах на эти цели, – Помгол, Последгол (Центральная комиссия при ВЦИК по борьбе с последствиями голода 1921 года), Деткомиссия ВЦИК и Общество «Друг Детей» (ОДД). Например, в феврале 1922 г. Псковский губисполком по предложению губернской комиссии помощи голодающим принял решение о взимании в пользу голодающих одного довоенного рубля в сутки с каждого бильярдного стола, за исключением тех, что были установлены в клубах, подведомственных культурно-просветительским, профессиональным или партийным организациям»[102]. В 1924 г. по просьбе Деткомиссии Псковской губернии в фойе драмтеатра им. А.С. Пушкина местный игорный клуб «Лото» организовал лотереи, а затем игры на деньги «Колесо фортуны», «Ло-

[101] [*Ильф И.*] Обновленные валеты // Чудак. 1929. № 49. С. 9.

[102] *Филимонов А.В.* Азартные игры в Пскове в 1920-е гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 79–81.

шадка» и «Морда»[103]. Собственные рестораны и игорные дома были у Общества «Друг Детей»[104]. Даже рабочие клубы и местные власти открывали свои пивные. Например, правление клуба имени Кропоткина в Краснодаре открыло пивной бар по соседству со зданием клуба, одной из задач которого была как раз борьба с пьянством[105]. Иногда пивные размещались и непосредственно в клубе, что стало даже темой для частушек:

Надпись: «КЛУБ», внутри – пивнушка,
А газеты нет при ней,
Выпьем с горя, где же кружка, –
Сердцу станет веселей[106].

«НАМ НАДО СТРОИТЬ ДНЕПРОСТРОЙ, А НЕ ПРОПИВАТЬ СОТНИ МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ...»

Расцвет игорного и питейного бизнеса, рост сети ресторанов, кабаков, пивных и т.п. заведений, с одной стороны, приносили существенный доход в госбюджет, с другой стороны способствовали дальнейшему обнищанию населения, росту алкоголизма, проституции и преступности. Завсегдатаями притонов и игорных заведений были не только нэпманы и прочие социально чуждые граждане, но и различные «ответственные лица», а также трудящиеся, которые нередко шли туда в отчаянной надежде исправить свое материальное положение, но в итоге проигрывали все. Показательно в этом отношении опубликованное в 1927 г. в журнале «Смена» письмо молодого рабочего-комсомольца:

«Подлец я большой. Вчера были суббота и получка. Получив 13 р. – неведомо за что вычли 4 р., – я очень огорчился. Решил играть в карты с 3-мя ребятами, и все мои деньги улетели в другой карман. Здесь я совсем опупел и проходил всю ночь по улице. Я не могу простить себе, что я взял в руки карты. Я больше не могу... Я ненавижу деньги. Я без ботинок, без одежды. Скоро станет холодно, дождь, а я почти босиком и в одной рубашке. Я ничего с собой не могу сделать. Моя просьба – устроить меня в исправдом, чтобы я не мог получать деньги и чтобы

[103] *Филимонов А.В.* Азартные игры в Пскове в 1920-е гг. С. 79–81.
[104] *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М., 2015. С. 31, 115.
[105] Трезвость и культура. 1928. № 1. С 13; № 2. С. 1; и др.
[106] *Колька Зубастый, Лешка Гармонист.* Частушки // Крокодил. 1924. № 22. С. 3.

меня кормили. Я совсем не виноват. Какое-то чувство толкнуло меня: а может быть, я выиграю и тогда оденусь»[107].

Хотя встречающиеся в литературе утверждения о повальном характере пьянства в 1920-е годы следует признать преувеличением, проблема алкоголизации населения, несомненно, существовала и борьба ней рассматривалась властью как одна из важных политических, экономических и морально-этических задач. По образному выражению нарколога А.С. Шоломовича, производительность труда и НОТ в те годы утонули «в лавине алкоголя»[108]. Так, например, в 1928 г., по данным журнала «Трезвость и культура», на ярославской фабрике «Красный перекоп» после каждого праздника на работу не выходило от 74 до 250 человек (от 0,5% до 1,5% всех рабочих), что приводило к недовыработке продукции почти на 40 тысяч рублей; на нижегородской льнопрядильной Молитовской фабрике стоимость недовыработанной продукции в результате прогулов после праздников составляла почти 70 тысяч рублей по прядильному производству и почти 140 тысяч по ткацкому[109]. Аналогичная ситуация складывалась и на других предприятиях. «Нам надо строить Днепрострой, а не пропивать сотни миллионов рублей [...] Сократив вдвое расходы на спиртные напитки, мы сумеем увеличить вдвое жилищное строительство и строительство электро-гигантов (Волховстрой, Днепрострой и др.)»[110], – написал в 1928 г. Э. Дейчман, проанализировав данные о масштабах алкоголизма среди рабочих.

В тоже время отказаться от доходов, приносимых торговлей алкоголем (они составляли более 10% госбюджета[111]) государство на тот момент не могло себе позволить. Об этом И.В. Сталин честно сказал в ноябре 1927 г., отвечая на вопрос французской рабочей делегации «Как увязываются водочная монополия и борьба с алкоголизмом»:

«Я думаю, что их трудно вообще увязать. Здесь есть несомненное противоречие. Партия знает об этом противоречии и она пошла на это сознательно, зная, что в данный момент допущение такого противоречия является наименьшим злом [...] *Конечно, вообще говоря, без водки было бы лучше, ибо водка есть зло. Но тогда пришлось бы пойти времен-*

---

[107] Смена. 1927. № 21. С. 21.

[108] *Шоломович А.С.* Как мы боремся с алкоголизмом М., 1926. С. 8.

[109] Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 10.

[110] *Дейчман Э.* Факты и цифры об алкоголизме в нашей стране // Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 6.

[111] Подробнее см.: *Литвак Б.Г.* Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х гг. // Отечественная история. 1992. № 4. С. 86.

но в кабалу к капиталистам, что является еще большим злом. Поэтому мы предпочли меньшее зло. Сейчас водка дает более 500 миллионов рублей дохода. Отказаться сейчас от водки, значит отказаться от этого дохода. Причем нет никакой уверенности, что алкоголизма будет меньше, так как крестьянин начнет производить свою собственную водку, отравляя себя самогоном»[112].

Надо отметить, что сомнения Сталина в этом вопросе были не беспочвенны, о чем наглядно свидетельствовали самогоноварение и шинкарство, процветавшие в деревне, на железнодорожных станциях и разъездах, а также в тех рабочих районах, где не было официальной продажи алкоголя. Один из ведущих исследователей этой проблемы И.Р. Такала справедливо назвала этот период «золотым веком советского самогоноварения»[113]. Уголовное преследование самогоноварения ощутимых результатов не дало, тем более что на практике оно нередко принимало своеобразные, далекие от закона формы, ставшие традиционным предметом сатиры и анекдотов тех лет. Вот, например, как описывает борьбу с самогоноварением в деревне журнал «Крокодил»:

«Отобран самогонный аппарат, а ведь во всем Орешковском районе нуждаются крестьяне в самогоне. Там аппарату почесть, что иконе. Владеть им каждый был бы страшно рад. Общественные нужды знает пред (*председатель райсовета. – Т.С.*). *Он аппарат дает соседу под расписку. Тот гонит самогон почти без риску, а дальше, чуть ли не по списку, соседу аппарат передает сосед. И потребитель бесконечно рад: понизилися цены самогона»*[114].

Попытка сократить употребление алкоголя путем повышения акциза на него, также привела лишь к росту употребления крестьянством дешевого самогона, заменившего труднодоступные для них алкогольные напитки промышленного производства[115]. В этих условиях отмена «сухого закона» воспринималась рядом современников в том числе и как попытка противопоставить вино и пиво промышленного производства более опасному для здоровья дешевому

---

[112] *Сталин И.В.* Беседа с иностранными рабочими делегациями 6 ноября 1927 г. / Сочинения. Т. 10. 1927. Август-декабрь. М., 1949. С. 231–232.

[113] *Такала И.Р.* Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России... С. 192.

[114] *Бух.* Ближе к потребителю // Крокодил. 1924. № 22. С. 14.

[115] *Дейчман Э.И.* Факты и цифры об алкоголизме в нашей стране // Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 6.

самогону[116]. Именно на эти цели ссылался, в частности, А.И. Рыков, объясняя в 1925 г. на Всесоюзном учительском съезде причины разрешения торговли водкой:

> *«Главным мотивом, который побудил нас выпустить водку, является наличие самогона* [...] *Думать, что только одними репрессиями можно самогон уничтожить, – величайший предрассудок* [...] *Нужно самогон сделать неприбыльным и предпринять культурные и хозяйственные меры* [...] *Когда мы издавали закон, допускающий продажу «горькой», то здесь играли роль не столько доходные соображения, сколько невозможность при настоящих условиях побороть самогонщика исключительно одними административными мерами»*[117].

Интересно, что многие рядовые граждане тех лет также считали, что продажа более качественного алкоголя легального производства может помочь в борьбе с неконтролируемым производством и потреблением самогона. Так, например, один из продавцов винной лавки в 1928 г. предложил следующий способ борьбы с самогоном:

> *«Единственным же радикальным средством, которое уничтожило бы самогонение* (*так в тексте. – Т.С.*)*, мне представляется: временно на год, на два снижение цен на хлебное вино при одновременной сильнейшей агитации о вреде алкоголя. Через год низкие цены хлебного вина окончательно убьют самогон и после этого можно будет приступить к повышению цен и прекращению продажи хлебного вина»*[118].

Ряд исследователей считает, что одной из причин начала промышленного производства водки было также желание противопоставить ее наркотикам[119]. Частично данное мнение подтверждается современниками. В частности, один из ведущих наркологов того времени А.С. Шоломович пришел к выводу, что зачастую взрослые «приходили к кокаину» именно через самогон: «привычный алкого-

---

[116] См.: *Богданов С.В.* Алкогольная политика российского государства в условиях общественных модернизаций (1894–1984). М., 2017. С. 245–286

[117] Первый Всесоюзный учительский съезд. Заключительное слово тов. А.И. Рыкова. Чем вызвана винная торговля // Правда. 1925. № 13. 16 янв. С. 6–7.

[118] *Цук-ский.* Места предлагают. Голос продавца винной лавки // Трезвость и культура. 1928. № 2. С. 3.

[119] *Милешина Н.А., Потапова Л.А., Кильмяшкина Т.С.* Противодействие наркомании в советской России и СССР (1917–1920-е гг.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 2. С. 34

лик, случайно ища самогон, попадает на кокаин, – покупает его для замены и оказывается в плену»[120].

Так или иначе, современники в подавляющем большинстве были убеждены в том, что бороться с пьянством, наркоманией и проституцией исключительно судебно-административными методами было бессмысленно. Главные причины широкого распространения девиантных досуговых практик видели в низком уровне жизни, тяжелых жилищно-бытовых условиях, безработице, распространении детской безнадзорности и беспризорности. По оценкам современников, около 70% беспризорников начинали нюхать кокаин с 10–12 лет[121], наркотики постепенно начали проникать и в повседневный быт наименее обеспеченных слоев трудящихся[122]. По данным московских наркодиспансеров за 1924–1928 гг., 50–60% наблюдавшихся в них лиц, пристрастились к наркотикам именно в силу социально-бытовых проблем. Один из ведущих наркологов того периода А.С. Шоломович называл таких пациентов «наркотистами». Остальные 40–50% он относил к «наркоманам», то есть лицам с «патологической конституцией»[123].

Ситуацию усугубляли сложившиеся в обществе питейные традиции (по образному выражению И.Б. Орлова «алкоголь был частью народной обрядности»[124]), а также отсутствие знаний о вреде алкоголя, не только прочно вошедшего в быт широких слоев населения, но и традиционно используемого на Руси как лекарство и даже как средство увеличения молока у кормящих женщин, Как известно, у женщин, истощенных недоеданием, тяжелым трудом и частыми родами, обычно не хватало грудного молока (либо не было его совсем). «...Мы – врачи, встречаем почти на каждом шагу матерей, у которых, под влиянием тех или других обстоятельств, даже при удовлетворительном общем состоянии материнского организма и их грудей, последния

---

[120] *Шоломович А.С.* Кокаин и его жертвы. (Научно-популярный очерк). М., 1926. С. 31.

[121] Там же. С. 31. См. также: *Гернет М.Н.* Сотня детей-наркоманов // Вопросы наркологии. 1926. Вып. 1. С. 33–42.

[122] К середине 1920-х гг. вследствие ряда причин, прежде всего, Первой мировой и Гражданской войн, социальный состав наркоманов существенно расширился и демократизировался. Если в начале XX в. наркотики были в основном элементом богемной жизни и показателем принадлежности личности к новым субкультурам (см.: *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015, С. 354), то к концу 1920-х гг. они стали доступны практически всем слоям населения.

[123] *Шоломович А.С.* Теория и практика борьбы с наркотизмом // Московский медицинский журнал. 1933. № 5. С. 123–128.

[124] *Орлов И.Б.* Новая политика – новое веселие // *Аксенов В.Б. и др.* Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от “пьяного бюджета” до “сухого закона”. М., 2007. С. 100.

(так в тексте. – *Т.С.*) выделяют очень малое количество молока»[125], – писал по этому поводу врач П.И Зубовский. Эту проблему до 1917 г. нередко пытались решить с помощью пива. И.П. Зубковский в конце XIX в. даже создал специальное «молочное пиво», представлявшее собой «модификацию обыкновенного пива в соединении с фармацевтическими средствами» и якобы дававшее «блестящий результат»[126]. По мнению Зубковского, этот напиток не только увеличивал у кормящих женщин выработку молока, но и улучшал его питательную ценность для ребенка. Зубковский также использовал пиво и вино в качестве вспомогательного средства при лечении малокровия, рахита, расстройства кишечника и ряда других заболеваний. Так, например, «беспокойным, помешанным мужчинам (но только не одержимым острой манией)» доктор Зубковский рекомендовал для хорошего сна выпивать перед сном по 1–2 литра 4% пива. Детям (в том числе грудным) для скорейшего излечения и реабилитации после тяжелых болезней (включая брюшной тиф, коклюш и т.п.) рекомендовалось в течение двух месяцев ежедневно давать так называемое «Здоровое пиво», представлявшее собой «концентрат, приготовленный из обыкновенного пива в соединении с железом»[127]. Уверенность в пользе пива настолько прочно закрепилась в сознании населения, что и в середине 1920-х гг., несмотря на развернутую властью антиалкогольную кампанию, многие, «в том числе иные врачи Санпросвета, окончательно сбивали с толку рабочую массу, убеждая в том, что пиво полезно»[128]. По свидетельству А.С. Шоломовича, наркосекции Мосздрава пришлось начать антиалкогольную пропаганду именно с врачей: «Первую серию докладов пришлось провести среди врачей для пропаганды новых методов и принципов нашей работы и для освещения роли и положения врачей в этом вопросе»[129]. Тем не менее, и во второй половине 1920-х гг. организаторы и участники антиалкогольной пропаганды отмечали, что «ни одна лекция в рабочей аудитории не проходит до сих пор без вопросов рабочих: “почему доктора “лечат” алкоголем, советуют больным пиво, и сами пьют, если алкоголь – яд”»[130]. Неудивительно, что при таком отношении к алкоголю ряда медиков рабочие искренне недоумевали: «Неужели стаканчик пива в день для аппетита вреден и отчего, когда выпьешь, хотя немного, настроение до сих пор

[125] *Зубковский И.П.* Молочное пиво, влияние его на количество и качество женского молока и на вскармливание грудных детей. СПб., 1886. С. 3–4.
[126] Там же. С. 5, 6.
[127] Там же. С. 42–43.
[128] *Шоломович А.С.* Как мы боремся с алкоголизмом М., 1926. С. 8.
[129] Там же. С. 19.
[130] Там же.

очень плохое, сразу меняется, становится легко, весело и хорошо себя чувствуешь?»[131]. Показательно также и то, что многие дети в 1920-х гг. впервые попробовали алкоголь именно из рук родителей, убежденных если не в пользе, то во всяком случает в безопасности этих напитков. Так, медицинское обследование, проведенное в 1928 г., в школе № 22 Замоскворецкого района Москвы показало, что 43% отцов и 26% матерей учащихся «угощали» своих детей вином[132].

Распространение пьянства связывали также и с религиозными праздниками, обязательными спутниками которых считались «беспробудная пьянка, дебоширство и прогулы»[133]. «Сотнями лет, – писала по этому поводу советская пресса, – отстаивались укоренившиеся в быту, основанные на хозяйственно-бытовом укладе деревни, праздники церковные и сельские, с неизбежными спутниками их – пьяным разгулом и хулиганством»[134]. Неслучайно в период рождественских и пасхальных праздников стало принято проводить «двухнедельники и четырехнедельники по борьбе с самогонщиной»[135].

Устранение беспризорности, улучшение жилищно-бытовых условий трудящихся, создание здорового быта, «новых удобных и уютных жилищ, из которых не захочется удирать в пивную»[136], – все это требовало времени и средств, которых у молодого советского государства не было. Поэтому на первом этапе борьбы с девиантными видами досуга (или, как тогда говорили, пережитками капитализма) основной акцент был сделан на развитии культурно-просветительной работы, включая «антиалкогольное просвещение» и антирелигиозную пропаганду; формировании новых традиций и новой «антиалкогольной» праздничной культуры; укреплении семьи и профилактике детской безнадзорности и беспризорности. В условиях вынужденной временной легализации азартных игр и разнообразных питейных заведений, приведших к расцвету девиантных досуговых практик, перед властью и партийно-комсомольской общественностью была поставлена задача организации широкой культурно-просветительной работы (в расчете на то, что «более высокий культурный уровень будет отталкивать от водки и пьянства») и замены «порочных» видов раз-

---

[131] Рабочие спрашивают // Трезвость и культура. 1928. № 2. С 1.

[132] Знаете ли вы: что родители спаивают детей // Трезвость и культура. 1928. № 1. С. 10.

[133] Быть на чеку! // Рабочий театр. 1928. № 52. С. 1

[134] Организация отдыха, досуга и развлечений деревенской молодежи: Приложение к № 3 «Большевистский молодняк» Саратов, 1926. С. 1.

[135] Подробнее см.: *Такала И.Р.* Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России... С. 195.

[136] *Габинов Л.А.* Почему в Советском Союзе разрешена продажа спиртных напитков. Харьков, 1927. С. 32.

влечений «культурными и разумными»[137]. Выполнение данной задачи усложнялось низким уровнем жизни населения и отсутствием налаженного быта. Как показали бюджетные обследования 1920-х гг., более 50% свободного от работы и учебы времени молодежь была вынуждена тратить на выполнение повседневной бытовой работы (готовка, стирка, уборка, ремонт одежды), еще меньше свободного времени оставалось у взрослого населения, обремененного детьми, особенно – женщин[138]. Для просвещения населения и приобщения его к «разумному» досугу открывали избы-читальни, библиотеки, рабочие клубы, дома культуры; организовывали публичные читки книг и газет, «вечера громкого чтения», познавательные и общественно-воспитательные лекции, экскурсии, разнообразные кружки, спортивные секции, походы и т.п. В рамках санитарно-просветительной и оздоровительной работы активно пропагандировался отдых на свежем воздухе, – как короткие ежедневные прогулки, так и поездки в выходные дни на природу и длительные туристические походы. Важное место в структуре нового «культурного» советского досуга отводилось также походам на выставки и концерты, в театр и кино. Все эти досуговые практики развивались параллельно, дополняя, либо вытесняя друг друга и создавая в итоге, уникальный исторический феномен, вошедший в историю как «нэпманская Россия».

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.Б., и др. Веселие Руси. XX век: градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М.: Пробел-2000, 2007. – 476 с.

Артеменко Н.А., Петрище Т.Л. Наркомания в 1920-е годы: медицинские, правовые и социокультурные аспекты проблемы // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2015. Т. 14. № 6. С. 93–103.

[137] Там же. С. 31, 33.

[138] *Альтшуллер М.И.* Бюджет времени пролетарского студента Пермского университета. Пермь, 1924; *Бернштейн М.* О чем говорят наши цифры // Бюджеты времени нашего молодняка. М.; Л., 1927. С. 11–136; *Бурдянский И.М., Юровская М.А.* Рабочая нагрузка студента Татарского коммунистического университета. Казань, 1926; *Киржнер Д., Турубинер Б.* Труд и быт инженерно-технического персонала в горной промышленности: Статистическое исследование. М., 1929; *Колесникова А., Первова Т.* Бюджет времени студентов педагогического техникума имени Профинтерна (Опыт длительного учета) // Бюджеты времени нашего молодняка. М.; Л., 1927. С. 86–102; *Новиков В.* Бюджет времени слушателей педтехникума имени товарища Троцкого // Бюджеты времени нашего молодняка. М.; Л., 1927. С. 73–85; *Семенов М.* Бюджет времени московского педфаковца // Бюджеты времени нашего молодняка. М.; Л. 1927. С. 57–72; и др.

Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М.: Изд-во МГОУ, 2005. – 175 с.
Блинов М.Л. Пьянство как социальное явление советского города в 1920-е годы (на материалах Ижевска) // Вестник Удмуртского университета. 2013. № 3. С. 141–146.
Богданов С.В. Алкогольная политика российского государства в условиях общественных модернизаций (1894–1984). М.: Русайнс, 2017. – 303 с.
Бордюгов Г.А. «Социальный паразитизм» или социальные аномалии. (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, взрослой беспризорностью в 20–30-е годы // История СССР. 1989. № 1. С. 60–73.
Васильев П.А. Историография наркотизма в раннесоветской России: обзор и критика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Т. 4. № 3. С. 35–42.
Васильев П.А. Обзор источников по проблеме наркотизма в Петрограде-Ленинграде в 1917–1929 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 85–92.
Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Изд-во Р. Асланова: Юридический центр Пресс, 2007. – 525 с.
Голосенко И.А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России: история и современное состояние вопроса. СПб.: Петрополис, 1998. – 127 с.
Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
Змановская Е.Г. Девиантология (психология отклоняющегося поведения). М.: Академия, 2008. – 287 с.
Змановская Е.Г. Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 12–23.
Керов В.В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 50–59.
Ковтун Е.В. Игорный бизнес в России: законодательное регулирование. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 212 с.
Ковтун Е.В. История правового регулирования азартных игр в России. М.: ИПЦ «Маска», 2009. – 236 с.
Ковтун Е.В. Азарт в стране Советов: в 3 т. Т. 1: Азартные игры. М.: Олимп-Бизнес, 2012. – 308 с.; Т. 2: Лотереи. М.: Олимп-Бизнес, 2012. – 252 с.; Т. 3: Государственная карточная монополия. М.: Олимп-Бизнес, 2012. – 178 с.
Кулинич Н.Г. Роль рабочих клубов в организации досуга горожан советского Дальнего Востока в 1920–1930-е гг. // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. 2017. № 1. С. 46–55.
Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: РОССПЭН, 2012. – 349 с.
Лебина Н.Б. Теневые стороны жизни советского города в 1920–30-х годах // Вопросы истории 1994. № 2. С. 30–42
Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб.: Журн. «Нева»: Летний Сад, 1999. – 316 с.

Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. – 219 с.

Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. 1992. № 4. С. 74–88.

Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. – 398 с.

Павлюченков С.А. Веселие Руси. Революция и самогон // Революция и человек быт, нравы, поведение, мораль. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 133–142.

Панин С.Е. Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы: (на материалах Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. – 19 с.

Панин С.Е. «Продажная любовь» в советской России (1920-е годы) // Вестник Евразии. 2005. № 1. С. 78–108.

Пашин В.П., Богданов С.В., Емельянов С.Г. Государственная алкогольная политика в России: от Витте до Сталина (власть, общество, нелегальный рынок) Курск: Курский гос. технический ун-т, 2008. – 258 с.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. – 438 с.

Сальман Е.А. «Нэп в лакированных ботинках» (словарь эпохи в фельетонах М.А. Булгакова) // Мир русского слова. 2008. № 1. С. 42–47.

Самодеятельное художественное творчество в СССР. Очерки истории. 1917–1932. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 534, (1) с.

Сидорчук И.В. Освещение проблем девиантного досуга в заводских многотиражных газетах конца 1920-х годов (на примере Ленинграда) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 4. С. 17–26.

Смирнова Т.М. Советская повседневность, народное творчество и массовая культура // Историк и художник. 2005. № 2. С. 57–73.

Смирнова Т.М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917–1940 гг. М.: Ин-т российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 382, [1] с.

Соколов А.К. Социальная история, литература, искусство: взаимодействие в познании реалий XX века // История России XIX–XX веков: Новые источники понимания. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 65–75.

Такала И.Р. Веселие Руси: История алкогольной проблемы в России. СПб.: Журн. «Нева», 2002. – 335 с.

Тарасенко В.Н. Досуг периода нэпа в постсоветской историографии (предварительные итоги исследования) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4. С. 20–27.

Филимонов А.В. Азартные игры в Пскове в 1920-е гг. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 33. С. 77–82.

Цакоев А.А. Правовое регулирование азартных игр в советском государстве (1917–1929) // Общество и право. 2013. № 3(45). С. 57–60.

Шекшеев А.П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.): Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 119–134; Ч. 2 // Известия лаборатории древних технологий. 2016. № 4(21). С. 82–97.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Аманжолова Д.А.

СОВЕТСКАЯ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ[1]

Аннотация: *Советская этнонациональная политика как комплекс проектов и практик перехода народов бывшей Российской империи к модерности в ее большевистской трактовке марксистской программы уже много лет находится в центре внимания зарубежных исследователей. В этой историографии выделяются постсоветская литература и труды, созданные главным образом западными авторами. Автор показывает, что первая группа отличается приверженностью политически ангажированной трактовке советского прошлого как почти абсолютного колониального зла, что исключает или тормозит его объективное и всестороннее изучение, в том числе в рамках этноцентристских установок. Вторая группа отличается методологическим разнообразием, постановкой ряда важных вопросов и разной степенью объективности. Краткий обзор некоторых подходов, обозначенных в историографии проблем и дискуссий позволяет наметить некоторые ценные направления дальнейших исследований.*
Ключевые слова**:** *Советская этнонациональная политика; историография; модернизация; культурно сложное общество; этнические элиты; власть*

Amanzholova D.A.
Soviet Ethno-national Policy in Modern Foreign Historiography: approaches, problems and discussions

Annotation**:** *Soviet ethno-national policy as a set of projects and practices for the transition of the peoples of the former Russian Empire to modernity in its Bolshevik interpretation of the Marxist program has been in the focus of attention of foreign researchers for many years. This historiography highlights*

[1] Исследование (публикация, статья) выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.) по проекту «Критический анализ концепта неоколониализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

post-Soviet literature and works created mainly by Western authors. The author shows that the first group is distinguished by its commitment to a politically biased interpretation of the Soviet past as an almost absolute colonial evil, which excludes or hinders its objective and comprehensive study, including within the framework of ethnocentric attitudes. The second group is distinguished by methodological diversity, the formulation of a number of important issues and varying degrees of objectivity. A brief overview of some of the approaches outlined in the historiography of problems and discussions allows us to outline some valuable areas for further research.
***Keywords*:** *Soviet Ethno-national Policy; Historiography; Modernization; Culturally complex society; Ethnic elites; Power*

Советская этнонациональная политика[2] остается одним из постоянных направлений в зарубежных исследовательских практиках новейшего времени. Имеющийся историографический багаж весьма внушителен, и в его накопление включены историки разных стран. Они используют разные цели и подходы, опираясь на устоявшиеся и некоторые новые методологические приемы в расшифровке недавнего прошлого огромного государства, сыгравшего колоссальную роль в мировом развитии. Правда, как заметила Ш. Фицпатрик, они до сих пор не пришли к решению загадки о том, как думать про СССР и его политику в отношении национальностей[3]. К тому же, последнее 30-летие подтвердило актуальность и мировую значимость наследия СССР во всем его противоречивом многообразии. Особый смысл приобрела антиколониальная направленность советского опыта, несмотря на предложения части зарубежных авторов осуществить «деколониальный поворот» в его оценке, что сближает их риторику с дискурсивными практиками большевиков, противопоставлявших «колониализм» Российской империи собственной политике национального равенства и прогресса.

Простое перечисление наиболее ценных опубликованных трудов и документальных сборников заняло бы внушительное место, что демонстрирует существенные результаты исследовательских практик. Наряду с установлением и освещением большого числа фактов и событий, сопровождавших реализацию невиданного ранее по масшта-

[2] Данный термин представляется более отзывчивым на потребности анализа существа организованного государством перехода народов страны от традиции к модерности, поскольку собственно национальная политика сегодня подразумевает ее внеэтническую, гражданскую направленность и отказ от примордиальной интерпретации нации.

[3] *Фицпатрик Ш.* Изложи свою историю прямо // LRB. 2021. Том 43. № 23. 2 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lrb.co.uk/the-paper/v43/n23/sheila-fitzpatrick/get-your-story-straight (дата обращения: 7.08.2023).

бам и значению советского этнонационального проекта, нынешнее состояние историографии обеспечивает многомерность и бо́льшую объемность реконструируемых процессов, а также широкие возможности для апробации разных методологических подходов и вскрытию прежде не привлекавших внимание проблем.

Правда, нынешние националистически настроенные авторы из ряда постсоветских стран переход к большевизму осуществляют более радикально, соединяя в своих трактовках «колониализм» до- и советский. Понятие «империя» используется как оценочная категория, имеющая исключительно негативный смысл, его научный анализ остается невостребованным. Однако без включения в научное пространство бывших республик СССР существа имперской государственности и понятия «империя» изучение советской этнонациональной политики, как и всей советской истории, останется частью эмоционально (в негативном плане) перегруженной мифологии. Советскую историю евразийского сообщества народов необходимо изучать с точки зрения ее преемственности с предшествующим имперским прошлым и краткосрочным пока периодом постсоветского функционирования новых государств. Имперский фундамент лежал в основе процессов, в рамках которых историки конкретизируют динамику федерализации на примере союзных, автономных республик и иных форм политического самоопределения, показывают содержание и смысл коренизации, практически все наиболее важные процессы и эффекты модернизации народов СССР, взаимоотношения руководства страны и этнополитических элит на разных этапах истории, амбивалентные механизмы и факторы обеспечения межкультурной интеграции и консолидации общества наряду с поддержкой этничности в рамках идеологии интернационализма. СССР не означал «простой» переход от империи к конструированию наций и общесоветской надэтнической общности/нации, а наследовал и еще больше в движении к модерности создавал свои инструменты поддержания разнообразия и управления им, обеспечения новой консолидации общества на социальной и интернационалистской основе.

Политическая институционализация этничности, показываемая историками, осуществлялась в том числе для многочисленных национальных меньшинств, сопровождаясь умножением практик и инструментов, вполне пригодных и наоборот, для инструментального обогащения и понимания современных подходов к решению этнонациональных проблем в постсоветских странах. Локализованные хронологически и регионально сюжеты, представленные в современной историографии, подтверждают многослойность и адаптивную силу

идентичности этносоциальных и этнокультурных групп и общностей в качестве нормы для культурно негомогенных социумов, каковым был СССР. Важно отметить также, что усложнение проблематики и событийная нюансировка, наполняя пространство нашего знания, доказывают: историческая уникальность советского типа государственности содержит богатейший и вполне применимый не только для народов бывшего СССР багаж. Его оригинальность высвечивает непрерывность исторических трансформаций, которые не ограничиваются XX столетием, а их инерционное влияние отражается на международных отношениях, развитии и взаимодействии разных цивилизаций.

Характерной чертой мировой историографии советского нациестроительства являются междисциплинарность, рост внимания к роли факторов, которые оказывали социокультурное воздействие на переход от традиции к модерности. Достижения в анализе этнополитической истории советского периода связаны с введением в научный оборот новых источников, с уточнениями и более глубоким пониманием некоторых важных вопросов взаимодействия центра и национальных элит, главным образом в 1920–1930-е гг., драматических событий коллективизации и репрессий в отношении этноэлит, развитием просопографии как части историографического поля.

В зарубежной историографии отчетливо выделяются различия между постсоветскими публикациями и текстами, созданными авторами из других стран. Первые в силу этноцентристской направленности политических процессов в каждой стране сосредоточены на переоценке и реконструкции тех событий и персонажей советской истории, которые позволили бы обосновать безошибочность и успешность актуальных направлений и фактов нациестроительства, что, в частности, проявляется в сосредоточении внимания на развитии титульного этноса. Этноцентристская направленность и географическая локализация, преобладание концепта тоталитаризма, примордиалистский подход к изучению этничности, виктимизация в рамках репрезентации прошлого существенно ограничивают познавательный процесс. Г. Дадабаева анализирует советскую историческую литературу и делает вывод о важной роли национальной интеллигенции: уже с 1960–70-х гг. Казахстан и Россия двигались в разных направлениях, поскольку Россия пыталась добиться сближения с Западом, а национальные элиты разрабатывали дальнейшие националистические проекты, направленные на легализацию территориальных притязаний, что привело к возрождению примордиализма и «ретрадиционализации с их досовременными

институтами»[4]. Стоит добавить, что данный поворот в настроениях и роли этноэлит, прежде всего в лице творческой интеллигенции, стал результатом этнонациональной политики, что показали и отечественные ученые.

Второй корпус зарубежной историографии отличается существенным разнообразием, которое, впрочем, также диктуется экономическими и политическими интересами той или иной страны или их групп. Раннесоветский период остается одним из наиболее популярных, поскольку именно тогда происходили особенно глубокие трансформации, сохранившие значение, в том числе международное, по сей день: создание федерации, всесторонний переход народов страны на новые стандарты социального прогресса, активное нациестроительство. Многие авторы детализируют конкретные процессы в истории ряда народов страны, а также предлагают некие методологические подходы и обобщения в качестве нового ракурса в анализе тех или иных сюжетов и проблем.

Как известно, иерархическое устройство СССР составило важнейшую особенность советской государственности, а ее существо, как и последствия федерализации бывшей империи, обусловили не только безусловные достижения модернизации для всех народов страны, но и основные риски политизации этничности вплоть до конца 1991 г. При этом форматирование политической системы в 1920-е гг. стало фундаментом последующего развития. Особенно сложным и противоречивым было устройство РСФСР, в составе которой объединялось наибольшее число народов бывшей империи. Если формирование союзных республик опиралось на политическое самоопределение коренного населения, почти в каждой из них представлявшего большинство, то в автономиях России (республиках, областях, округах) этническая пестрота населения была гораздо сильнее, что порождало в том числе и проблемы в определении их административных границ, призванных в трудно достижимом на практике идеале максимально объединить титульные народы.

Переплетение военно-политических, социально-экономических, культурных факторов в ходе федерализации и нациестроительства по-разному проявлялось и сказывалось в отдельных регионах, что не отменяет общей направленности, сходства управленческих приемов, моделей поведения этноэлит и результатов этнонациональной политики. СССР был результатом адаптации доктринальных установок

[4] *Dadabaeva G.* Soviet historical genre: a bridge between past and present // Bulletin of history. Kaznu. № 4(107). 2022. С. 16–17.

правящей партии к реальности, учитывающей специфику функционирования государства с его этнорегиональными экономическими, культурными и социальными различиями. И проблема совсем не в том, что в сложносоставном государстве отношения между центром и периферией рассматривались как неравенство – оправданное из Москвы и неоправданное из республик, как утверждают Ст. Кульчицкий или Р.Г. Суни[5].

Понятие «нациестроительство» трактуется достаточно широко: от собственно эволюции традиционных обществ к обретению основных свойств модерной нации по воле и под контролем советского государства до самых разнообразных событий, сопровождавших этот противоречивый по многим причинам процесс. Политика «спонсирования» этничности при централизованном контроле в конечном итоге была направлена на утверждение СССР как национального государства. Т. Мартин полагает, что при этом осуществлен первый в истории эксперимент политики положительного действия (affirmative action), т.е. реализована политика институционализации (огосударствления) этнических меньшинств, поддержки их культур, поощрения этнонационализма, за исключением национализма «господствующей нации», под которым подразумевался «великорусский шовинизм»[6]. А. Халид отметил сходство в самоопределении народов и образовании новых государств в Европе после распада Австро-Венгерской империи: «Советское национальное размежевание в Центральной Азии и в других местах было основано на аналогичном понимании эффективности национально и лингвистически однородных пространств, даже если политические цели были разными. Даже если советская национальная политика преследовала профилактическую цель – сдержать национализм и поставить его на службу построению социализма – она, тем не менее, создавала национально однородные пространства и придавала актуальность идее национального самоопределения»[7].

---

[5] *Кульчицкий Ст.* Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 6–16; *Суни Р.Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Там же. С. 17–40.

[6] *Martin T.* The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // Ab Imperio. 2002. № 2. С 91–105.

[7] *Khalid A.* Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton University Press, 2021. Цит. по: [Электронный ресурс]. URL: https://www.caa-network.org/archives/21906/novaya-kniga-adiba-halida-ob-avtonomii-na-sovetskih-usloviyah-v-respublikah-czentralnoj-azii?fbclid=IwAR3mJ0mIZqY8

Суни тоже признает: СССР не разрушал, а создавал нации. Но его утверждение, что никто не считал себя советским, поскольку советскую нацию создавать не стремились, не соотносится с реальностью. Скорее, при отсутствии сформулированной цели создать советскую нацию вся внутренняя политика, как и сложившееся задолго до СССР сообщество народов и граждан общего для них государства и родины, не могли не обеспечить социальную и межэтническую целостность, что совсем не означало ее гомогенность и обезличенность. М. Ларуэль отмечает: советскость была национальной и локально закрепленной, а позиционирование людей как жертв, пассивных объектов истории, которую они сами не создавали, – опасно[8]. Советская нация – не только и не столько совокупность этнических общностей, а согражданство в его сложном и противоречивом динамичном развитии. Изменение внутриэтнической социальной структуры на основе классовых принципов, наряду с экономическим развитием, сыграло важнейшую роль в гражданской консолидации народов. При этом именно советская власть утвердила примордиальную идею этноса как нации, сделав ее общепринятым способом идентификации, обеспечив развитие ключевых факторов этнически оформленного нациестроительства (не только территория, но и язык, культура, традиции и пр.). Именно это противоречие, очевидно, служит камнем преткновения в дебатах о таком историческом явлении, как советский народ.

В описании практик нациестроительства в постсоветской историографии доминируют травматизация и виктимизация исторической памяти, мифологическая идеализация этноцентризма, включая жертвенное и героическое сопротивление «колонизаторству, подавлению и искоренению» этнической самобытности, деградацию всех областей народной жизни[9]. В центре внимания находятся главным образом репрессии, трагедия коллективизации и голод. В поддержку этого тренда С. Камерон утверждает: в ходе коллективизации и осе-

---

K2vtn816G0bzy2DYgBCrH4QWW61MNw4YUbKFk7nBcpCEazE (дата обращения: 18.06.2021).

[8] *Ларуэль М.* Нужен не отказ от мономифа, а многоголосие нации. 27 сентября, 2018 г. Немономиф, 1, 2018 // [Электронный ресурс]. URL: http://esimde.org/archives/1093 (дата обращения: 22.10.2021).

[9] *Голованов А.* Утверждение советской государственности в Туркестане и ее последствия // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: «Шарк», 2001. С. 191–206; *Курманов З.К.* Национальная интеллигенция 20–30 годов: вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом. Бишкек, 2005; *Кыдыралина Ж.У.* Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX век). Астана, 2008; *Койгельдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы, 2009.

дания «Москва пошла на исключительные усилия, чтобы превратить казахов в нацию»[10]. Изучение/описание голода в таком ключе политизируется, не учитывается его интернациональный травматический след для идентичности не только казахов или украинцев. Уникальная жесткость власти проявилась и в отношении всех других народов, и утрата кочевого образа жизни не была исключительным или единственным фактором трансформации идентичности.

Внимание историков постсоветских стран часто сосредоточено на публикации архивных источников в ущерб созданию монографических исследований, в том числе и потому, что спешно внедренная Болонская система подготовки научных кадров их не предусматривает. Организационные основы взаимодействия историков стран бывшего СССР не получили устойчивого и конструктивного воплощения, образовательное пространство подготовки научных кадров фрагментировано, научные связи зачастую сводятся к индивидуальным творческим инициативам, в том числе в рамках конференций, и сложившимся за долгие годы личным контактам. Весьма популярными лексическими практиками, мало поддерживаемыми комплексным и корректным анализом, стали рассуждения о советском «колониализме», изначально «злой» природе империи и безусловно имперской сущности сталинской системы и СССР вообще. При этом преобладают эмоциональные оценки, обеспечивающие формирование в обществе односторонних и ограниченных представлений о сути этнонациональной политики, ее результатах и роли этноэлит, которые выступают в качестве жертв центра и героических защитников национальных культур. Популярность просопографии обеспечила создание портретов лидеров республик, но этого мало для понимания того, как сложно устроенные этносоциальные сети адаптировались к требованиям советского проекта. Персонификация исторических событий с назойливым противопоставлением национальных фигур т.н. «европейцам», «русскоязычным», «некоренным» деятелям отражает отчетливый тренд на примордиалистскую интерпретацию прошлого. Характеристика роли И.В. Сталина остается в рамках дискурсов периода перестройки и начала 1990-х гг., прирастая мифами о специальном интересе вождя к уничтожению национальных лидеров (вплоть до его личных страхов перед ними) или всего народа в целом применительно к той или иной республике.

Хотя конкретные события, прежде всего в довоенный период, занимают основное место, упускается анализ сути и объективного

[10] *Камерон С.* Голодная степь. Голод, насилие и создание Советского Казахстана. М., 2020. С. 19, 166, 167.

значения трансформаций социальной структуры и качества жизни, модернизации экономики и культуры для изменения идентичности (от религиозной к светской, от традиционной к модерной, от этнической к гражданской), включая внутриэтнические иерархии. Обращается внимание на асимметрию властных отношений между центром и периферией с уклоном в пользу центра. Объясняется: власть лишь предъявляла обществу чрезмерные требования, «властные притязания и методы большевиков» были совершенно одинаковы во всех регионах СССР[11]. Это может привести к этноцентристской оценке роли «европейцев» как носителей «злонамеренной» имперской/советской системы управления, культуры и ценностей.

Значительно влияние западных авторов на историографию бывших советских республик, но наиболее объективные признают, что там доминируют идеи представителей т.н. тоталитарной школы, которая, несмотря на низкую продуктивность, оказалась удобна для «деколониального поворота», объяснения современных принципов и проблем развития новых государств. СССР как тип государственного устройства признается ущербным или как минимум не вполне соответствовавшим потребностям прогресса, альтернативным проектам этноэлит (впрочем, в большинстве тоже федералистским), а его распад – доказательством априорной обреченности большевистского проекта. Зависимость от политической конъюнктуры обусловливает динамику и различия в тематических предпочтениях при освещении преобразований 1920–1950-х гг. Собственно наследие сталинской системы, понимаемой расширительно как вообще советской, сводится к перечислению реальных и далеких от действительности ее преступлений, где в ряду потерь – реальные и особенно мифические утраты этноидентичности, национальных языков и культуры в целом и пр.

Вне поля зрения остаются проблемы становления и смысла федеративной государственности как системы союзных республик и иных частей ее иерархии, трансформации социальной структуры традиционных обществ в ходе советского нациестроительства, происходившие наиболее активно в 1920–1930-е гг., коренизации как проекта конструирования национальных кадров и элит, развития экономики, социальной сферы, образования и науки, инфраструктуры, урбанизации и пр. Толкование советского прошлого как преемственного имперскому в их «колониальной» сущности занимает центральное место в историографии, обеспечивающей новое нациестроительство. Характерны утверждения о том, что советское государство воспроиз-

[11] *Киндлер Р.* Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М., 2017. С. 8, 23.

водило основные черты имперского «колониального» управления, включая обнищание коренного населения, насильственное разрушение самобытного уклада, образа жизни и духовности, репрессии и всеохватную русификацию. Многонациональный состав населения бывших союзных республик в рамках этнизации прошлого практически не учитывается в рассуждениях об истории сталинской системы и ее существе.

Между тем Ш. Фицпатрик, используя обзор новых изданий, предлагает обратить внимание на весьма мало изучаемые факты о том, как этнополитическая элита союзных республик (на примере Азербайджана) использовала «советское изобретение традиций в отношении национальностей» и чистки 1930-х гг., выполнявшие функцию государственного строительства, для подавления национальных меньшинств и их ассимиляции. В целом местное руководство сыграло большую роль в депортации и переселении меньшинств, чем обычно предполагается, а союзный центр в ряде случаев становился, по существу, защитником нетитульных общностей, и этот вывод весьма важен для объективной оценки роли этноэлит в советской этнонациональной политике вообще[12].

Декларируемый отказ от догматизированного подхода к освещению этих сфер, несмотря на попытки заимствования методик и теоретического словаря западных авторов, не привел к развитию аналитических исследований, которые позволили бы целостно и комплексно оценить важнейший период в истории стран и народов. Фетишизация независимости привела к искусственному отрыву от «внешнего» фактора в лице СССР объекта изучения – истории одного, титульного, народа, общества и страны в фокусе этноцентризма. Новое «центрирование» исследовательских интересов определяет тематику, оценки, отношение к источникам и «внешней» историографии, но оказывается ограниченным, поскольку сосредоточено главным образом на создании образа народа как почти перманентной жертвы «сторонних» сил. При этом центр все равно присутствует как «извечное зло». Избирательный подход к событиям прошлого, как правило, обусловлен поиском аргументов для объяснения истоков или результатов современных обстоятельств. Язык, религия и приверженность традициям становятся полем битвы за нормативную этничность, которая должна противостоять «внутреннему ощущению колонизированности у части интеллектуалов», несмотря на обретение независимости.

---

[12] *Фицпатрик Ш.* Изложи свою историю прямо // LRB. 2021. Том 43. № 23. 2 декабря 2021 г.

Версия модернизации используется менее активно[13]. Интеграция ученых бывших республик СССР в аналитическое пространство мировой историографии чаще инициируется вне официальных институций. Амбивалентное сочетание модернизирующих и гомогенизирующих практик анализируют Ш. Кадыров, Т. Мартин И. Оайон, К. Аллез, рассматривая специфику этносоциальной ситуации, повлиявшую на характер и процесс советской модернизации[14]. Западные авторы вносят вклад в расширение предметного поля и обновление представлений о советском нациестроительстве как опыте империи «позитивной дискриминации», в анализ региональных ситуаций, судеб национальных меньшинств и интеллигенции, особенно в 1920–1930-е гг. Значительное место занимает анализ эволюции советской этнополитики, истории национальных движений и их лидеров и др. Дж. Смит, А. Хауген, Э. Шатц, Ф. Хирш, М. Пейн изучают разные аспекты взаимодействия центра и этнополитических элит, внутри- и межэтнические конфликты, неформальные субэтнические связи и степень участия государства в конституировании групп с разными политическими и культурными целями. Роль джадидизма как альтернативы советскому нациестроительству исследуют историки региона, А. Халид – на примере Узбекистана[15].

---

[13] *Абылхожин Ж.Б.*: 1) Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации: (1926–1930 гг.). Алма-Ата, 1991; 2) Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы, 2019; *Гафаров Н.У.* Роль и место джадидизма в развитии просвещения и духовной культуры народов Средней Азии. Душанбе, 2013.

[14] *Кадыров Ш.* Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2005. № 4(30). С. 202–235; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 гг. М., 2011; *Оайон И.* Седентаризация казахов в СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.). Алматы, 2009; *Hallez X.* The Kazakh Intelligentsia and the Formation of the Kazakh Socialist Republic (1919–1938) // Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies. Vienna, 2000. Vol. II. P. 150–160.

[15] *Smith J.* Nation Building and National Conflict in the USSR in the 1920s // Abimperio. 2001. № 3. С. 221–265; *Haugen A.* The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Palgrave Macmillan, 2003; *Schatz E.* Modern Clan Politics: The Powerof «Blood» in Kazakhstanand Beyond. Seattle, 2004; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London, 2005; *Пейн М.* «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 273–309; *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент, 2016; *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии. Ташкент, 2006;

Однако в постсоветской историографии локальный нарратив не встраивается в общесоюзный, частное отрывается от целого, ограничиваясь этноцентристским дискурсом. Меж тем включение историй советских республик и их народов в общий контекст вскрывает сходства и различия в практиках форматирования наций и модернизации. Одновременно анализ содержания и специфики нациестроительства для отдельных народов с включением в целостное культурно сложное пространство позволит уточнить, как на разных уровнях политической системы в наличной социокультурной реальности формировался федеративный облик страны. Без детального изучения существа организационно-партийной деятельности, системы и опыта реализации масштабных проектов центра, формирования многочисленного слоя управленцев трудно понять, как состоялась многонациональная держава и какова в этом роль элиты республик. Это привлекает внимание зарубежных авторов[16].

Через нюансировку вариаций кадровой политики, внутриинституциональных и межэтнических коллизий становления и функционирования федеративного государства такой подход расширяет возможности для понимания механики политического организма и существа социальной инженерии для тех или иных этносоциальных групп. Ко всему прочему, такие исследования по разным периодам советской истории показывают протяженность и сходство проблематики, связанной с формированием элит, которое было важным компонентом национальной политики. Сопоставление аналитических материалов выявляет объединяющие тенденции, мотивы, стимулы, механику функционирования и взаимодействия управленческих институций, способы регулирования конфликтных ситуаций со стороны союзного центра и участников нациестроительства на местах. Т.н. группировки 1920-х гг. в руководстве национальных республик, автономий, округов, ставшие серьезным испытанием для налаживания работы государственного организма, приобрели иные формы в последующие 10-летия, но играли не меньшую роль в судьбе страны.

В последние годы выросло внимание исследователей к «неполитическим» сторонам жизнедеятельности многонационального

Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). СПб., 2021. С. 395–415.

[16] *Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia's Empires. Oxford, 2017; *Abykayeva-Tiesenhausen A.* Central Asia in Art: From Soviet Orientalism to the New Republics, recensé par Svetlana Gorshenina // IFAO 2018. BCAI 32. BCAI enligne. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifao.egnet.net (дата обращения: 26.08.2018).

общества. При этом обнаруживается, что стремление власти контролировать все без исключения вопросы развития таких сфер обнажало как стандартизацию управленческих приемов, призванных упорядочивать разнообразие социокультурных практик, так и пластичность последних в качестве носителей и хранителей основ этничности и ее инновационных механизмов функционирования. Анализ многомерности и противоречивости этих процессов в их локальном воплощении весьма полезен и в познавательном плане, и для обобщений на основе современных методологических подходов. Увы, вариации по поводу «колонизаторской» политики большевиков и русификации как ее основе в культурной сфере сохраняют популярность в историографии постсоветских республик, мало что добавляя к осмыслению многих важных проблем советской истории народов и культур[17].

Значительное место занимает исследование эволюции советской этнополитики и «положительной деятельности» союзного центра в отношении народов, сущности федерализма, истории национальных движений, эволюции этноидентичности[18]. Характерной чертой историографии советского нациестроительства становятся междисциплинарность, рост внимания к роли социокультурных факторов перехода от традиции к модерности. Халид справедливо критикует среднеазиатских историков за ограниченное восприятие и трактовку истории создания республик и наций, необоснованное противопоставление местных элит центру. Он показал важную роль местных кадров, интеллектуалов и политактивистов в советском нациестроительстве. Его самыми организованными и целеустремленными акторами были лидеры узбекской и казахской интеллигенции, что породило в ее среде и жаркие дебаты по поводу границ новых республик. Портят впечатление фактические ошибки: Омск никогда не был столицей Казахской АССР, С. Асфендиаров не был членом ЦК ВКП(б),

[17] *Эргашева Ю.А.* Культурная политика и ее осуществление в Узбекистане в 1917–1940-е гг. // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.) / отв. ред. И.И. Ханипова. Казань, 2022. С. 76–84.

[18] *Simon G.* Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. Karen and Oswald Forster. Boulder, Colorado, 1991; *Слёзкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 329–370; *Мартин Т.* Указ. раб.; *Кадио Ж.* Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010.

С. Ходжанова не стоит путать с Ф. Ходжаевым[19]. Впрочем, незнание фактов нередко подводит западных историков[20].

Изучение объединительных процессов как существенной базы образования страны не включает до сих пор анализ мотивов освоения русского языка в полиэтничном регионе как действенного средства социальной мобильности. Национальные историографии сосредоточены на теме оппозиции имперской и советской власти, упуская из виду культурный прогресс посредством созданных при непосредственном участии национальных деятелей основ письменности. Требуют исследовательской реновации проблемы межэтнических взаимоотношений в республиках региона, роль урбанизации в создании модерных наций, вклад союзного центра и представителей нетитульных народов, прежде всего русского, в мощную модернизацию экономики, транспортных сетей, образования, науки, здравоохранения, культуры и формирование национальных кадров для всех этих сфер.

Д. Бранденбергер, отвечая на вопросы редакции «Вестника РУДН», рассказал о своем понимании роли партийной «мобилизационной пропаганды» в обеспечении советского патриотизма, которую он считает схематичной и бескровной до середины 1930-х гг., пережившей оживление, но вернувшейся в конце 1930-х к «бескровному схематизму». Это он связывает с т.н. «руссоцентризмом сталинской эпохи» (использованный историком ранее термин «национал-большевизм» в названии монографии при ее втором издании заменился «руссоцентризмом»), и его «следует рассматривать как инструментальный и популистский по замыслу шаг, предназначенный для мобилизации, а не для предоставления прав». Бранденбергер считает, что политика Сталина неожиданно для него самого привела к формированию массового чувства русского национального самосознания, более или менее независимого от советских социалистических атрибутов[21].

---

[19] *Халид А.* Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). СПб., 2021. С. 395–415.

[20] А. Моррисон, к примеру, слова Г. Сафарова о революции в Туркестане приписал итальянскому историку М. Буттино. См.: Central Asia and the Bolshevik Revolution: A Look at the Balance Sheet at the Centennial. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasianet.org/node/85741?utm_source=dlvr.it&utm_medium=facebook (дата обращения: 27.10.2017). То же самое сделала Х. Дрие.

[21] «Сталинский руссоцентризм». Интервью с Дэвидом Бранденбергером о втором российском издании его монографии «National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956» (Cambridge, Mass, 2002. viii, 378 p.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 1. С. 228–230, 232, 234.

Бранденбергер сомневается и в том, что «русское национальное самосознание когда-либо вообще существовало при старом режиме на массовом уровне», и в том, что «вековой симбиоз» нерусских народов «с их русскими братьями» существовал в действительности, как и советский народ[22]. Да и самосознание нерусских народов, их национальная культура испытала пагубное воздействие «в эпоху ждановщины», хотя Н. Сии сообщает, что новое поколение таджикских литераторов 1930-х гг. сыграло решающую роль в формировании новой, отделенной от общей ираноязычной, этноидентичности, в том числе в послевоенный период[23]. Но разве массовое русское самосознание, как и самосознание других народов, было новацией XX века и не имеет длинную, богатую и, конечно, не прямолинейную историю развития? Вероятно, к тому же, для полного исследования столь важного вопроса не стоит ограничиваться лишь историей советской пропаганды. Постсоветские реалии в их развитии не подтверждают потери национального самосознания ни у русских, ни у других народов бывшего СССР, а вывод о «вине» «руссоцентристской пропаганды» 1937–1953 гг. за «открыто проявившиеся» сегодня «националистские настроения среди русских»[24] вряд ли соотносится с фактическим состоянием этнонационализмов в ряде бывших республик СССР, в том числе в совершенно неприемлемых формах ничем не оправданной русофобии. Многовековое совместное строительство российской цивилизации как содружества ее народов подтверждается не только историей Великой Отечественной войны, но и в ходе СВО. В связи с разрушительными изменениями в мобилизационной пропаганде стран Запада с 2022 года на основе русофобии особо актуальным представляется не только новый взгляд на русское самосознание как надэтническое явление в его историческом развитии, но и сравнительный анализ существа, характера, инструментария и идеологических основ пропагандистской деятельности государств.

Полезными являются рассуждения П. Блитстейна о культурном разнообразии в межвоенный период в сравнительном контексте. В статье 2006 года, опубликованной впервые на русском языке

---

[22] О советском народе как исторической реальности см.: [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=75168678 (lfnf j, hfotybz^ 2/08/2023).

[23] *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. С. 120, 156, 232; *Seay N.* Soviet-Tajik Writing Intelligentsia in the Late 1930s // RUDN Journal of Russian History 19, no. 1 (February 2020): 119–135.

[24] *Бранденбергер Д.* Указ. соч. С. 282.

в 2020 г., он подтверждает установленный и на разных примерах показанный отечественными учеными вывод, что советский подход к вопросам межнациональных отношений имел уникальную специфику, соединяя в себе противоречивые практики национализации и дифференциации. Впрочем, западные авторы неустанно стараются «понять самобытность советского подхода к управлению и преобразованию разнообразных в культурном плане групп населения», в своей аргументации ссылаясь главным образом друг на друга (Блитстейн тоже активно использовал эту практику; в статье лишь три ссылки на архивные дела из 2 фондов РГАСПИ). Сравнивая советский опыт с политикой стран Восточной Европы в отношении национальных меньшинств, он заключает, что они противоположны. В свою очередь, в колониальной Африке метрополии делали все, чтобы через систему образования сохранить за коренным населением роль обслуживающего белую власть персонала. Такой подход также, пишет он, прямо противоречил цели и практикам коренизации в советском государстве. В конечном счете, это было связано с целеполаганием, заключает Блитстейн (утилитарная колонизаторская прагматика и коммунистический универсализм). Государство, где не было места подданным, тем не менее, пишет он, отошло от политики Ленина и Сталина, создававших «ненациональное» государство, поскольку становилось национализирующимся, то есть обрекало себя на проблемы примирения с развивающимися социалистическими нациями в будущем и не смогло решить их[25]. Продиктованная цивилизационно ограниченными представлениями об условиях и стандартах межэтнического взаимодействия и политического действия логика автора может показаться убедительной в связи с распадом СССР. Меж тем ставшие независимыми бывшие союзные республики унаследовали вполне развитый экономический, социальный и образовательный фундамент, а Россия демонстрирует собственный цивилизационный подход к сохранению негомогенной целостности.

Остается востребованным изучение позднесоветского периода, специфики подходов центра и национальных элит к интеграции традиционных этнообществ в модернизировавшийся контекст культурно сложного общества. Необходимо исследовать организационно-политическое сотрудничество центра и республик в поиске оптимального баланса интересов, модели поведения рекру-

[25] *Блитстейн П.* Культурное разнообразие и межвоенная конъюнктура: советская национальная политика в сравнительном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 1. С. 18, 30–31, 37–38.

тируемых в аппарат управления разных поколений этнических активистов, советский способ институционализации субъектов федерации как решающий в формировании модерных наций. Упускаются межэтнические отношения как объект изучения. Дискуссионными остаются вопросы национально-территориального размежевания и роли государства в создании модерных наций, которые не вписаны в общую историю федерализма. Большое значение имели степень и масштабы его унификации или модификации под воздействием этносоциальных факторов и особенностей, новационных и инерционных черт политической культуры каждой из социальных групп. «Советской цивилизации» удалось придать традиционному политико-культурному пространству новую определенность, сделать этот тип модерности равноправной альтернативой западному ее варианту.

Особого внимания заслуживает Победа советского народа в Великой Отечественной войне. Как стало очевидно в новых, имеющих мировые последствия, исторических обстоятельствах, подвиг народов СССР, консолидированных в поликультурное гражданское целое, имеет непреходящее значение и приобрел ныне новые важнейшие смыслы вследствие возрождения нацистской идеологии и практики, выражающейся в неприкрытой русофобии на Западе. Патриотизм, интернационализм и советскость как безусловные факторы Победы, были тесно взаимосвязаны в своих проявлениях и степени влияния на ход и итоги Великой Отечественной и второй мировой войны и практически не рассматриваются в западной историографии. Великая Отечественная война стала особым этапом, когда через Красную армию прошли миллионы граждан всех национальностей. Общий военный опыт в экстремальных обстоятельствах кросс-культурных коммуникаций являлся важным фактором межэтнической интеграции. Политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие. Война послужила самым сильным индикатором, «провокатором» для проявления и испытания нравственной и гражданской зрелости людей, приоритетов их ценностных ориентиров. В постсоветской литературе этот период общей истории наших народов также характеризуется с этноцентристских позиций, в крайних формах с отказом от признания войны Великой Отечественной и оправданием этнически направленного коллаборационизма.

Межэтнические культурные, социальные и экономические связи советских республик в целом в контексте советской этнонациональной политики могут стать важным предметом изучения, особенно в связи с потребностью критического анализа «деколо-

ниального» дискурса зарубежной историографии. Представляется весьма актуальным исследование социально-экономических связей и взаимодействия национально-государственных и административно-территориальных единиц СССР, как между собой, так и в контексте организующей и координирующей роли общесоюзных институтов. Крайне важную роль, как показывает советский опыт, играет устойчивость государства, его способность к эффективному управлению разнообразием и сохранению межэтнического согласия.

Не менее важным представляется анализ смысла, содержания и трансформации (и даже потери) этноидентичности, как и т.н. советизации, в процессе советского нациестроительства. Так, В. Деннингхаус детально исследовал советскую политику в отношении национальных меньшинств, на примере т.н. «западных» общностей[26]. Основное внимание он уделил организационным и институциональным обстоятельствам этой политики, что весьма полезно для уточнения существа управленческих практик на примере Наркомнаца и других органов власти после ликвидации комиссариата, а также партийных структур. Ценные данные приводит автор о развитии просвещения и образования, подготовке кадров, что непосредственно влияло на динамику этнических культур и идентичностей. Неизбежные противоречия и проблемы в т.н. советизации меньшинств, как и других народов, которые получили некий политический статус в федерации, не уменьшают фактическую значимость решенных властью задач модернизации. Вывод о том, что «национальная деревня сумела дольше, чем русская, сопротивляться «советизации» и сохранять национальное своеобразие»[27], очевидно, нуждается в более детальном сравнительном анализе.

Критический подход к оценке усилий власти в области всестороннего прогресса народов СССР, в том числе меньшинств, правомерен, и фактов на сей счет в литературе приводится достаточно. Однако (это относится к большинству публикаций о советской этнонациональной политике) утвердившийся тренд на превалирование негативных коннотаций и бесчисленных разоблачений советского режима представляется недостаточно продуктивным, даже если при этом отмечаются амбивалентность, сложность и пр. реальные условия того или иного периода и процесса. В целом такое явление можно объяснить эффектом бумеранга в отношении советской историографии, но вряд ли оно может быть оправдано в течение более чем

[26] *Дённингхаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.

[27] Там же. С. 632.

3 десятилетий после распада СССР. Очевидно, свою роль играет привязанность исследователей к решениям и риторике власти как безусловно обязательным и возможным для реализации в практической жизни, меж тем целеполагание и объективные возможности расходились не только у большевиков, примеры чему мы находим в разные периоды истории, в разных странах и режимах власти.

Культурное разнообразие в рамках управленческих технологий сохранялось, развивалось и адаптировалось в сложной конструкции сложносоставных модерностей[28] и идентичностей. Они стали результатом советской модернизации, а ее участники, несмотря на явные признаки общности, имели локально различающиеся проявления вследствие их этнокультурной «начинки». Множественность идентификации – групповой и индивидуальной – связана с динамичной культурной сложностью как общностей, так и индивидуумов. Традиционные основы этничности адаптировались к социалистическому проекту, сплавлялись с модерными принципами, институтами и практиками реорганизации политической системы и всего социально-культурного пространства страны. Впрочем, С. Шлегель считает, что советская этнонациональная политика обеспечила первенство этнической принадлежности как естественной и решающей для идентичности каждого человека, в том числе благодаря общественным наукам, образовательному аппарату и административной практике «присвоения каждому гражданину этнического ярлыка»[29].

Культурный прогресс, индустриальный скачок, урбанизация, развитие науки и техники совмещались с характерными для традиционных обществ иерархическими социальными отношениями и значимыми для вертикальной мобильности личными связями. Это совмещение осуществлялось всякий раз достаточно оригинально и имело неоднозначные последствия для столь многоликого сообщества народов, а также для социокультурного и гражданского наполнения их единства в качестве советского народа[30]. Утверждение, что фактические механизмы взаимоотношений между этническими группами (национальностями) и между центрЗальным и республиканским политическим руководством в значительной степени оста-

---

[28] *Eisenstadt Sh.N.* (ed.). Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002 (Daedalus. Vol. 129. 2000. No. 1 (Winter): Multiple Modernities).

[29] *Schlegel S.* Soviet Bureaucracy as a Category Coining Machine: Ethnicity, Ethnography, and the "Primordial Trap" // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2018. № 4. P. 1–28.

[30] Впрочем, и сама модерность толкуется современными учеными по-разному. См.: *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020.

ются непрозрачными[31], скорее всего, связано с недостаточным интересом зарубежных авторов к детальным исследованиям историков разных регионов России.

С данным вопросом связаны и споры вокруг концепта «советский народ». В конечном счете в рамках федерации создавалась и осваивалась новая модель гражданской консолидации общества, получавшей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных средах. Власть опиралась на базовые общегражданские и этнические приоритеты и установки, среди которых – патриархальность, коллективизм, признание патерналистской роли авторитарной власти, терпение, пластичность и адаптивность способов и моделей поведения и реидентификации этносоциальных, демографических и иных общностей. СССР обеспечил полноценную субъектность в мире и реализовал концепт нации-государства при многонациональном содержании как неизбывной данности. Это не могло не породить множество противоречий и рисков – нациестроительство для всех народов потребовалось совместить с формированием нового гражданства, получившего консолидирующее определение «советский народ». Справедлив вывод Ш. Фицпатрик, что советская идентичность не была, или, по крайней мере, пока не была полной заменой определенным национальным идентичностям, а дополняла их»[32].

Рассуждая об имперскости СССР и противоречивости итогов ее развития, где якобы меньшинства были угнетены еще больше и вдвойне, потому что не имели своих институций для политического самоопределения, профессор из Тарту В. Морозов признает, что «сама идея новой исторической общности – советского народа – не была исключительно фикцией, потому что так или иначе она влияла на самосознание людей. Общий исторический опыт, общая система образования, массовая культура, особенно кино, играли огромную роль. Все это создавало однородное социальное пространство, которое уже в меньшей степени строилось по имперскому принципу, хотя все равно русская культура доминировала». Зато в позднесоветский период начинается «нормальность», означающая рост потребительства (!)[33]. Странно, что автора не расстроило доминирование культуры, и языка в т.ч., этнического большинства в других («нормальных»?) странах, а «общечеловеческие ценности» сводятся к по-

---

[31] *Фицпатрик Ш.* Изложи свою историю прямо // LRB. 2021. Том 43. № 23. 2 декабря 2021 г.

[32] Там же.

[33] *Морозов В.* Россия/СССР – особая империя? // [Электронный ресурс]. URL: https://syg.ma/@leisan-garipova/viachieslav-morozov-rossiia-sliesh-sssr-osobaia-impieriia (дата обращения: 28.05.2021).

требительской массовой культуре. Вряд ли это как-то может прояснить существо российской многонациональной цивилизации, даже если автор увидел качественно новые формы имперскости в постсоветской России.

М. Дэвид-Фокс в изучении советской истории как альтернативной модерности стремится уйти от признания и исключительности, и нормальности СССР. Он считает, что несостоявшаяся модерность тем не менее заслуживает нового анализа, в том числе справедливо отмечает принципиальное значение институциональной истории государства как столпа советской специфики и необходимость учитывать пересечение разных областей истории (политической, социальной, культурной, идеологической и экономической). Важную часть его труда составляет полезное осмысление западной историографии советского проекта между концептами неотрадиционализма и модерности[34].

Проблематизация названных и иных вопросов истории советской этнонациональной политики – сложная задача, решение которой связано с усилиями исследователей, научных структур и коллективов периодических изданий. Их объединение вряд ли возможно в организационном отношении, меж тем дальнейшее развертывание научных поисков и дискуссий на платформе специализированных журналов, дающих возможность творческого обмена новым знанием, остается одним из наиболее перспективных путей. Это предполагает комплексную оценку эффективности политического инструментария, который обеспечивал баланс между разнонаправленными тенденциями централизма (унитаризма) и федерализма, а также модернизацию традиционных культур и конструирование наций в условиях советской идеологизированности, динамику и специфику организационно-политических и социокультурных практик консолидации советского социума.

Конструктивное начало связано с появлением междисциплинарных исследований, введением в научный оборот новых источников, ростом внимания к истории советской повседневности, национальной интеллигенции, культурных процессов. Анализ советского наследия может быть плодотворным, если он будет совмещать публикацию разнообразных источников, в том ч. субъективных, с их качественной аналитикой и расширением контекста, выходом за рамки этноцентристских нарративов, использованием сравнительного подхода в географических границах бывшего СССР и за их пределами, отчетливым переходом от описания к проблематизации.

[34] *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020.

Востребовано направление этносоциологии, которое активно развивалось в России благодаря усилиям Л.М. Дробижевой. Анализ качественных изменений в социальной структуре обществ, взаимоотношений между основными социальными группами важен для учета инерционных эффектов советской реальности. Советское многоэтничное общество как культурно сложная историческая реальность, негомогенная и целостная, динамичная в проявлениях, развивавшаяся при решающей роли структурно и содержательно единого и в разной степени подвижного государственного организма, сыграло колоссальную историческую роль и уже потому остается полем непрекращающихся научных штудий.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент, 2016. – 281 с.

Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации: (1926–1930 гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. – 238 с.

Абылхожин Ж.Б. Постсталинский период в истории советского Казахстана: череда обреченных реформ и несостоявшихся деклараций (1953–1991 гг.). Алматы: КБТУ, 2019. – 468 с.

Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии. Ташкент, 2006. – 263 с.

Блитстейн П. Культурное разнообразие и межвоенная конъюнктура: советская национальная политика в сравнительном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Том 19. № 1. С. 16–46.

Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. – 405 с.

Гафаров Н.У. Роль и место джадидизма в развитии просвещения и духовной культуры народов Средней Азии. Душанбе: Ирфон, 2013. – 248 с.

Голованов А. Утверждение советской государственности в Туркестане и ее последствия // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: «Шарк», 2001. С. 191–206.

Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. – 727 с.

Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М.: НЛО, 2020. – 464 с.

Кадио Ж. Лаборатория империи. Россия/СССР, 1860–1940. М.: НЛО, 2010. – 331 с.

Кадыров Ш. Политические технологии в советской и постсоветской Центральной Азии // Вестник Евразии: Независимый научный журнал. 2005. № 4 (30). С. 202–235.

Камерон С. Голодная степь. Голод, насилие и создание Советского Казахстана. М.: НЛО, 2020. – 360 с.

Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. М.: РОССПЭН, 2017. – 381 с.
Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920–1940-х годов. Алматы: Искандер, 2009. – 448 с.
Кульчицкий Ст. Статус титульных наций в псевдофедеративной государственной структуре СССР на этапе создания советского строя (1917–1938 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 6–16
Кыдыралина Ж.У. Казахская интеллигенция и национальный вопрос (XX век). Астана: Акад. гос. упр. при Президенте РК, 2008. – 543 с.
Оайон И. Седентаризация казахов в СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928–1945 гг.). Алматы: Санат, 2009. – 365 с.
Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 273–309
Слёзкин Ю. СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара, 2001. С. 329–370.
Суни Р.Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 17–40.
Фицпатрик Ш. Изложи свою историю прямо // LRB. 2021. Том 43. № 23. 2 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lrb.co.uk/the-paper/v43/n23/sheila-fitzpatrick/get-your-story-straight (дата обращения: 7.08.2023).
Халид А. Национально-территориальное размежевание Средней Азии // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). СПб: Алетейя, 2021. С. 395–415.
Эргашева Ю.А. Культурная политика и ее осуществление в Узбекистане в 1917–1940-е гг. // Социальное и национальное в советской культуре: к 65-летию Декады татарского искусства и литературы в Москве: сборник статей по материалам Международной научной конференции (г. Казань, 27–28 октября 2022 г.) / отв. ред. И.И. Ханипова. Казань, 2022. С. 76–84.
Eisenstadt Sh.N. (ed.). Multiple Modernities. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002 (Daedalus. Vol. 129. 2000. No. 1 (Winter): Multiple Modernities).
Dadabaeva G. Soviet historical genre: a bridge between past and present // Bulletin of history. Kaznu. № 4 (107). 2022. С. 16–17.
Hallez X. The Kazakh Intelligentsia and the Formation of the Kazakh Socialist Republic (1919–1938) // Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies. Vienna, 2000. Vol. II. P. 150–160.

Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Central Asia. Palgrave Macmillan, 2003. – X, 276 p.
Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell univ. press, cop. 2005. – XVIII, 367 p.
Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present. Princeton University Press, 2021. – 576 p.
Kivelson V.A., Suny R.G. Russia's Empires. Oxford: Oxford University Press, 2017. – XXV, 420 p.
Martin T. The Soviet Union as Empire: Salvaging a Dubious Analytical Category // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 91–105.
Schatz E. Modern Clan Politics: The Powerof «Blood» in Kazakhstanand Beyond. Seattle, Wash.: Univ. of Washington press, cop. 2004. – XXVI, 250 p.
Schlegel S. Soviet Bureaucracy as a Category Coining Machine: Ethnicity, Ethnography, and the "Primordial Trap" // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2018. № 4. P. 1–28.
Seay N. Soviet-Tajik Writing Intelligentsia in the Late 1930s // RUDN Journal of Russian History 19, no. 1 (February 2020): 119–135.
Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union: From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society / Transl. Karen and Oswald Forster. Boulder, Colorado, 1991. – 483 p.
Smith J. Nation Building and National Conflict in the USSR in the 1920s // Abimperio. 2001. № 3. С. 221–265.

Красовицкая Т. Ю.

АВАНГАРДИЗМ В НЮАНСАХ И ОТТЕНКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ НАРКОМОВ И. СТАЛИНА И А. ЛУНАЧАРСКОГО (ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ)[1]

Аннотация: *Статья посвящена осмыслению обоснования этнокультурного аспекта в политических практиках советских наркомов И. Сталина и А. Луначарского, игравших важную роль в дискуссиях по вопросам имперской политики, проблематизации разнообразия и присутствия в них разных пространственно-временных хронотопов, определяемых как современность (модерность) и архаика (традиционное общество), а этнических культур как природного ресурса государственного строительства. Этничность стала участвовать в осмыслении политического ландшафта как силовой фактор в системе отношений между Россией как государством в целом и ее «культурными» единицами. Этнизация политических процессов достигла весомых масштабов, политика стала полем конкуренции и борьбы, не стесняясь апеллировать к этническому чувству, подпитывая комплекс неурегулированных перспектив этнических культур.*

Ключевые слова: *этнокультурный аспект; политические практики; советские наркомы; И. Сталин; А. Луначарский; проблематизация разнообразия и присутствия разных пространственно-временных хронотопов*

Krasovitskaya T.Y.

Avant-gardism in the nuances and shades of Political Views of the first Soviet People's Commissars I. Stalin and A. Lunacharsky (ethno-cultural aspect)

Annotation: *The article is devoted to understanding the substantiation of the ethno-cultural aspect in the political practices of Soviet People's Commissars I. Stalin and A. Lunacharsky, who played an important role in discussions on imperial politics, problematization of diversity and the presence of different space-time chronotopes in them, defined as modernity (modernity) and archaic (traditional society), and ethnic cultures as a natural resource state construction. Ethnicity has become involved in understanding the political landscape as a power factor in the system of relations between Russia as a state as a whole and its "cultural" units. The ethnization of political processes has reached significant proportions, politics has become a field of competition and struggle, not hesitating to appeal to ethnic feeling, fueling a complex of unsettled perspectives of ethnic cultures.*

[1] Исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

Keywords: *Keywords: Ethnocultural aspect, Political practices, Soviet People's Commissars, I. Stalin, A. Lunacharsky, Problematization of diversity, Problematization of diversity and the presence of different space-time chronotopes*

Национализм и интернационализм – две версии западнической прогрессистской парадигмы модерна – противостояли миру Традиции, активно обсуждались в кругах партийных и этнических элит, представлений народов о себе и о других. Национальные и партийные лозунги и темы: «человек с творческим потенциалом», новое общество, нации, национальная идентичность преобладали в обсуждениях. Большевиков с деятелями русского авангарда сближало то, что они разными путями шли к одной цели: к кардинальному разрушению старого (общества, старой культуры и искусства), чтобы на его руинах строить новый мир. В проектах, доносимых до наркома по делам национальностей И. Сталина, осмыслялись комплексы представлений о той или иной форме федеративной связи с центром, с тем или иным соседом, их связь с собственной и соседней идентичностью («польскостью», «беларускостью», «еврейскостью» и др.). Что же, федерализм – это модерная форма устройства государства... Суждения наполнялись фактами «воображённой истории», государственных и политических институтов власти, структуры общества, будущего родного языка, художественной литературы, форм искусства, объединяющих и сплачивающих данное сообщество. Что же нарком просвещения А. Луначарский? Для него важным было определить политическую перспективу разнообразных эстетических проявлений и художественных форм культурных ресурсов российского культурного пространства. Пребывая за границей, он видел: широкое культурное движение авангарда захватило все ресурсы искусства, философии, даже богословия, науки, высшей школы, педагогики школы массовой, затронув социальную жизнь.

Целый ряд проектов акцентировали внимание на отношениях между центром и этническими территориями. У каждой этнической группы элит имелись представления и проекты встраивания этнокультурных интересов в общий государственный механизм. Но повсеместно элиты выдвигали требования сохранить локальную культурную самобытность народов. Идеологическим обоснованием служил тезис (усилен революционными движениями 1917 года) о том, что только народ страны образует единственно законный источник суверенной власти, его решения являются приоритетными и обязательными. Этой позиции больше соответствовала форма федерации как союз государств.

Для освоения «проблемных» полей от руководителей советских наркоматов, призванных упорядочить те, за которые они несли ответственность, требовалась огромная эрудиция, знание исторических, ментально-культурных, языковых и религиозных подоплек и причин формирования или отказа от тех или иных управленческих конструкций. Любопытно сравнить в данном контексте Сталина и Луначарского, чьи должностные обязанности пересекались в поле сложных политико-этнокультурных проблем. Через кабинеты возглавляемых и Сталиным, и Луначарским наркоматов проходили самые разнообразные сотрудники, прибывавшие со всех концов разрушаемого (в том числе и ими самими или их соплеменниками) государства. Среди них были как образованные и умные, так и те, у которых на лбу написана святая наивность.

Первыми представителями тех или иных этносов, их национальными комиссарами у Сталина стали представители преимущественно западных этносов, с наработанным фондом культурных ценностей и ресурсов, с развитыми системами духовного производства. Этнические элиты проживавшие на востоке страны, были не менее активны в этнокультурном плане, их проекты также обращались к будущему государственному устройству. Тюркско-мусульманский вариант в своей ментальности Сталин связывал с ориентализмом. Востоковеды в Наркомнаце опирались на значительное количество нарративов о прошлом, Сталину они были *неинтересны*! Труды Сталина, сама его личность и особенности его руководства наркоматом имели заметное и особое влияние на востоковедов. «Не забывайте Востока» – отрубил он в газете Наркомнаца «Жизнь национальностей», в статье, первоначально опубликованной в 1918 г. без подписи как передовая. Многократно цитируемая впоследствии чеканная фраза, завершающая статью: «Кто хочет торжества социализма, тот не может забыть о Востоке»[2], – свидетельствовала, особенно при авторстве Сталина, о неизбежности востребования знаний о Востоке Советским государством в соответствии со своими политическими интересами. Для него, наркома этнических территорий, в основе термина «ориентализм» лежала дихотомия «Восток – Запад», почти изначальное разделение географического пространства в культурном и интеллектуальном измерении на Окцидент (Запад) и Ориент (Восток). Хотя в мае 1925 г. Сталин дважды уточнил свое понимание Востока: «До сего времени дело обстояло так, что о Востоке говорили обычно как о целом и единообразном. Теперь ясно для всех, что

[2] Жизнь национальностей. 1918. 24 ноября; *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 4. С. 173.

единого, единообразного Востока нет больше»[3], говоря слушателям Комуниверситета Востока: «все они сыны Востока». Но «перед нами два Востока, живущих различной жизнью и развивающихся в различных условиях»[4]. Интеллектуальной ценности высказывания не имели, но политически, конечно, были значимы.

Ориентализм был далек от политического и идеологического дискурса интеллектуальной и культурной карты Запада. Тем не менее, он как «знание второго порядка» был утвержден в интеллектуальном пространстве культуры российских тюрок после 1917 года. Им, так или иначе, приходилось ощущать на себе ориентализм как синоним слабости Востока и олицетворение триумфа западной модели знания, управления и развития. Не удивительно, что в этом контексте ориентализм в большей степени методологически и интеллектуально был более зависим от Запада, чем от Востока, но мусульманским элитам массово мобилизовать своих адептов удавалось успешнее.

Этносов на востоке Российской империи было достаточно. Многочисленны и их элиты, и их проекты. Интеллектуальное деление на Окцидент и Ориент играло важную роль в проектах бурятской элиты применительно к обновлению буддизма на просветительских и инклюзивных началах, его адаптации к новым историческим реалиям. Базовым маркером должна была стать территориальная принадлежность. Казахская элита продвинулась дальше по пути стандартизации письменного языка, издания национальной газеты, так или иначе, используя автономию для сплочения сообщества. Структуры и термины автономии казахи перенимали у сибирских областников, но политическое взаимодействие с ними не удалось. Бурятские элиты использовали опыт цинского права. Панмонголизм оформился в среде европейски образованных бурят Восточной Сибири, учившихся в русских и европейских университетах. В сознании формировалось осознание земель своей родиной, поддержка и перегруппировка этнокультурных ресурсов в проектах федерализма.

С помещением родных языков в фокус политики с Северного Кавказа лингвисты доносили до Сталина опасения «вавилонского столпотворения», протуберанцев непрофессионализма[5]. Такая перспектива развития родных языков вызвала острый интерес и столь же острую критику горских эмигрантов. Осетин Б. Билатти напомнил: «проблема общего языка» давно уже поставлена «в порядок дня»

---

[3] *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 7. С. 107.

[4] Там же. С. 134.

[5] Стенографический отчет 2-й краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северокавказского края. От 16 по 23 июня 1925 г., Ростов н/Д., 1926. С. 306.

как проблема «языка взаимных сношений и связи. Перед завоеванием Северного Кавказа Россией, проблема была разрешена таким образом, что роль общего языка исполнял, с одной стороны, арабский язык, а с другой – местные тюркские языки-наречья: карачаево-балкарский и кумыкский». Теоретические размышления Билатти развивал в русле дореволюционного кавказоведения: «Научные исследования кавказских языков, имеющиеся... традиции почти двух столетий, давно уже выявили близкие связи и родство, существующие между этими языками вообще, а между языками Северного Кавказа, в особенности... В отношении генетической общности своих народов ... Кавказ является одной из наиболее консолидированных частей мира. На Северном Кавказе чувство языковой и генетической общности усиливается еще и чувством общности национальной, которая объединяет населяющие племена в один народ, с одними и теми же национальными аспирациями, и стремлениями»[6].

Российские тюрки отвергли османизм (хотя в симпатиях к нему их подозревал Столыпин, а потом и Сталин) как политическую концепцию *государственного устройства*. Они, конечно, не были нациями в культурном смысле, модерными однородными культурными сообществами. Не получил развития в их проектах внешний план (включение в него зарубежных территорий, турецких, например). Но восприняты полезные цели Окцидента: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование и др.

Сталин изначально нацелен проводить политику более централистскую, чем русификаторскую, но с трудом искал общий подход. Он воспринимал новое государство в идеологических схемах большевизма и ориентировался не на реальные ресурсы культур, а на «преодоление национального гнета», в рамки которого вписывал возможности развития этнокультурных ресурсов.

В феврале 1920 г. Оргбюро ЦК РКП (б) обсуждало очередное предложение Наркомпроса «уйти» от выделения иноэтничных территорий в автономные. Реанимировалась неудавшаяся идея Наркомнаца разделить наркомат на восточный и западный. В Наркомнаце коллегия, «поручив вопрос» замнаркому А.З. Каменскому и управляющему делами И.И. Товстухе, судя по источникам, больше к нему не возвращалась.

---

[6] *Красовицкая Т.Ю.* Латинизация графики языков народов Северного Кавказа в контексте модернизации / Проблемы российской истории. Выпуск X. М., 2010. С. 274–293.

Но кто автор проекта разделения советских структур на структуры Востока и Запада? Впервые об этой идее в полемическом запале, вскользь обмолвился заведующий ОПНМ П. Макинциан на майском заседании Госкомиссии по просвещению 1919 г. В декабре на этом посту его сменил Ф.Я. Кон, старейший революционер, осваивавший этнографию в сибирской ссылке. 14 января 1920 г. коллегия Наркомпроса нашла его «принципиально приемлемым», возражая лишь против перевода подотдела Востока в Казань[7]. Гисматулин из Башкирского Наркомпроса уточнил: Ф. Кон готов был перевести восточный подотдел в Казань, но это «*...не могло пройти. Они должны войти в состав Наркомпроса – таково было* ***руководящее*** *мнение*» и «***мы на это согласились как на меньшее зло***»[8].

«Устанавливается взгляд на Восток как на отсталую, темную и порабощенную часть человечества, которую суждено освобождать только европейцам», возмущались члены полномочной делегации Туркестанской АССР А. Ходжаев и Т. Рыскулов в письме В. Ленину 16 июня 1920 г. Формы «советского механизма, которые существуют в Европе», утверждали они, «не применимы» на Востоке. «Делать революцию» нужно так, чтобы «*не давить и не дарить революцию сверху* (чего никогда не было и не будет в истории)»[9].

«Восток, – предостерегал 7 октября 1920 г. заместитель Сталина в Накомнаце Н. Нариманов ЦК РКП (б), – устал от бесчестия, гнета, несправедливости, обмана ... Он разочарован в благотворной, благодетельной силе европейской культуры, и если он разочаруется и в нас, то нет никаких сомнений, что будет искать спасения в панисламизме, а это значит, дать простор восточному деспотизму еще долгое время издеваться над личностью человека»[10].

Проект создания структур Востока – не что иное как концентрация ресурсов культуры для сопротивления централистским практикам. Цебюро КОНВ при ЦК в августе 1920 г. обязало И. Габитова «заняться исключительно мусульманским подотделом при ОПНМ Наркомпроса»[11]. 19 ноября Цебюро КОНВ обсуждало проект организации «восточного отдела Наркомпроса», а также восточных структур в Главполитпросвете и ВЧК ликбеза. Габитов, выступая от Цебюро КОНВ на декабрьском совещании в Наркомнаце, подчерк-

---

[7] ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 9. Л. 12; Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 406. Л.10.

[8] Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 182–184.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 33. Л. 1 а.

[10] Там же. Д. 89. Л. 43.

[11] Там же. Оп. 60. Д. 957. Л. 61, 67 об. В 1918 г. Габитов заведовал башкирским отделом Центрального мусульманского комиссариата, в 1919–1920 гг. – член Башкирского ВРК.

нул: до сих пор «*восточные народы ... не желают давать своих работников потому, что условия были неприемлемы*, ... они предпочли работать ... не в центре»[12]. Там предпочитают «все время» заниматься «организацией», «переорганизацией». Но «когда красивая идея начинает конкретизироваться, вот тут-то и начинаются несуразные явления». Об этом Габитов писал Луначарскому, Сталину и во ВЦИК[13].

Ф. Кон не задержался в Наркомпросе, почувствовав уязвимость проекта, обидные высказывания в адрес предложенного названия. Месяц спустя его откомандировали на Украину. Взамен Луначарский добился перевода из Киева заведующего гороно А.М. Страшуна, активного деятеля еврейской Культур-лиги. Страшун из семьи, давшей несколько поколений литературоведов в Вильно. Страшун и докладывал 19 февраля на коллегии: «единодушные протесты представителей народов Востока против проектируемого отделения последних от культурных народностей Запада». Коллегия, признав необходимым «временно оставить существующую его конструкцию», отменила решение[14]. Поддержав возмущения представителей «народов Востока», она обратилась в ЦК РКП (б) с просьбой мобилизовать в распоряжение Наркомпроса «партийных работников, знающих языки и быт» восточных народов[15].

А. Гисматулин в декабре 1920 г., будучи политическим комиссаром Института востоковедения, иначе излагал историю вопроса. Оказывается, Кон не инициатор схемы, он лишь поддержал мусульманский подотдел ОПНМ, который по понятным причинам подвергался в Наркомпросе нападкам в ходе антирелигиозных кампаний за свое название. Наркомпрос безуспешно стремился переименовать мусульманский подотдел в татаро-башкирский, ограничивая круг «влияния» двумя этносами, в то время как исповедующих ислам этносов было гораздо больше. Но к «народам Востока» отнесли чувашей и мари[16]. Христиане чуваши (тюрки) и мари (угро-финны) возмутились, требуя выделить их в особый подотдел народов «промежуточной (?!) культуры»[17].

Следующий проект заключался в создании языковых структур, привязке важнейших инструментов к идеологическому курсу РКП (б). Гисматулин пояснял: Наркомпрос должен учитывать типы культур – европейской и восточной. Объедините, – предлагал он, – орга-

---

[12] ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 115.
[13] Там же. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 16. Л. 25; Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 433. Л. 181.
[14] Там же. Л. 47–48.
[15] Там же. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 318. Л.11.
[16] Там же. Д. 406. Л.10.
[17] Народное просвещение. 1921. № 82. С. 5.

низацию работы по шрифту «арабский шрифт, калмыцкий и т.д. Без [учета] Востока невозможно работать». Аналогичные перестройки планировалось произвести в губерниях и уездах. Мотивы националов перекрывали централистские действия. Проекты назвались «аппаратными» изобретениями, практически мало что меняющими[18].

Приходилось «воплощать» в структуре органов и курс Кремля на мировую революцию. В 1920 г. в смету Наркомпроса РСФСР, например, спешно закладывались расходы, выделенные для российских этносов, на обслуживание ***финской и французской секций*** в его структурах[19].

Выступая в декабре 1920 г. на совещании Наркомнаца с представителями автономных республик и областей, Гисматулин подчеркнул: национальным работникам «меньше доверяют в деле проведения коммунизма», потому и нет «возможности проявиться». Если же «атмосфера даст возможность», то и «люди найдутся, которые сумеют повести дело». Иными словами, «если хотите, чтобы работа шла применительно к условиям жизни данной нации, ...дайте им работать самостоятельно». Докладчк уточнил: боязнь «народной психологии и культуры» приводит к тому, что каждый проект «ненормален», «мертворожденный»: нет «ничего объединяющего, а одно только отрицательное». Представитель Башкирского Наркомпроса напомнил: «самое радикальное, самое левое: предоставить каждой национальности отдельный Компрос», уточнив «создать *федерацию их вокруг русского*».

На заседании Политбюро ЦК РКП (б) 14 октября 1920 г. рассматривался вопрос «О задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами». Обсуждались доклады, сделанные на съезде в Баку от горцев Кавказа (Чечни, Ингушетии, Осетинии (так в док. – *Т.Ю.*), Кабарды, Балкарии, Карачая и горских евреев), а также Дагестана, Туркестана, калмыков и др. Признано «*необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формам, для тех восточных национальностей, которые* ***не имеют еще автономных учреждений***, в первую голову для калмыков и бурят-монголов»[20].

Оценим отчаянную констатацию Ленина: «Мы в хаосе полном...», это утверждение свидетельствует и о том, что Ленин боится выпустить из рук даже толику власти. Но в 1920 г. стало понятно: *переход от узкой административной автономии* (*немцы Поволжья, чуваши, карелы*) *к более широкой, политической автономии* (*башкиры, татары*

[18] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 387. Л. 116 об.
[19] ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 2. Д. 12. Л. 43.
[20] РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.115. Л. 1–5.

Поволжья, киргизы)[21] ***требовал адекватного отражения в структурах управления.***

Но аппаратная игра с другими проектами проектными дизайнами продолжалась. 10 февраля 1921 г. Наркомпрос просил ЦК РКП(б) национальные структуры управления превратить из «механического средостения» «чисто бюрократического характера» между центральным аппаратом и народами, в реальные – перестать давать им «вариться в собственном соку», увеличить «идейное влияние»[22].

В самой проблеме усматриваются претензии к Москве, к ее небрежению федералистскими идеями Конституции, ее лобовые атаки на историко-культурные традиции, обычаи, уклад жизни. В Москве это воспринимали «националистической тенденцией, скрываемой под различными масками»[23].

Проблема на самом деле затрагивала природу власти в Российской Федерации.

Советский модернистский проект требовал активного участия модерных институтов и ресурсов. Далеко не сразу советский интернационализм удалось организационно увязать с этнокультурными интересами, с тем, что Т. Мартин выразил формулой «империи аффирмативных[24] действий». С этой точки зрения Сталину было бы важно знать проекты или представления о будущем соперников и соратников как на разных территориях, так и в структурах власти. Важно не упускать из виду главную задачу Сталина: видеть слабые места в позициях и проектах. Фокус отношения к проблеме у него концентрировался на своеобразном кроссворде. Какие планы «лелеют» этнические элиты, какими властными полномочиями планируют наполнить структуры власти больших пространств? Понятно, что традиционные ресурсы исчерпали свой потенциал в современном мире электричества и техники больших городов, но чем заменить и как?

Авангардизм как общественное и художественное течение не интересовал Сталина. Но авангардизм, как и большевизм представляли собой по-разному, но совокупность движений в культуре, для которой характерны разрыв с предшествующей традицией, экспериментальный поиск новых форм и путей. Луначарскому казалось: у авангарда «свой» «интернационализм», «свои» революционные процессы, они близкие, по сути – левые. Для авангардизма была

---

[21] *Сталин И.* Политика Советской власти по национальному вопросу // Правда. 1920. 10 октября. № 226.

[22] Там же. Д. 579. Л. 12.

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 957. Л. 23.

[24] от лат. affirmativus – утверждающий, утвердительный.

характерна подвижность границ и плюрализм, множественность подходов к осмыслению сути бытия, разнообразных картин мира, притязание на уникальность предложенного пути. Установка на эксперимент и новизну – одна из отличительных черт авангардизма. Эксперимент и новизна также не были чужды пришедшей к власти партии.

Острее всего, потому и значимей, созвучия этой темы проявились у еврейских художников, в чьей картине мира несмотря на столетия мучительного транзита по Европе в имперскую черту оседлости, не исчез Восток. Многие побывали в парижском «Улье», обитатели его быстро забывали о своем местечковом происхождении и евреями себя вообще не считали[25]. Но не Марк Шагал. Он был предельно внимателен к родной культуре, его вдохновляли библейские сюжеты, иудейский фольклор и детские воспоминания. В Петрограде возникло Общество еврейского искусства, он – один из организаторов, но в 1918 г. общество было закрыто. Еще один герой Монпарнаса, еврей Х. Сутин, из семьи портного, проживавшего в белорусском местечке Смиловичи в черте оседлости. Сутин нащупывал нерв новаторской экспрессией в Париже: «Когда живешь в такой грязной дыре, как Смиловичи ...представьте себе, что я ...который сегодня так любит Баха, – даже не подозревал о существовании фортепиано»[26].

Революционные процессы, их острота подталкивали к пониманию событий не только через личную биографию, но через судьбу общества, ищущего свое будущее. М. Шагал, с которым Луначарский познакомился в Париже, своей летящей над Витебском Беллой первым увидел намечающуюся опасность влияния российского авангарда на смысл революционных процессов. Еврейский художник в ментально-культурном дискурсе новой России цепким творческим зрением, обостренной наблюдательностью, тонкой нервной организацией импрессиониста, особой эмоциональной чуткостью и реактивностью видел сложный путь империи к республике. Путь был актуален, хотя и многотруден. Судьба изгоя и бродяги несла в себе собственную республику Шагала. Он чувствовал: живопись должна отразить судьбу еврейства в империи[27]. Он не любил импе-

---

[25] *Аптер-Габриэль Рут*. Традиция и Революция. Еврейский Ренессанс в русском авангардном искусстве 1912–1928. Музей Израиля, Иерусалим, июнь 1987 г. Каталог выставки.

[26] *Носик Б.М.* Еврейская лимита и парижская доброта. Русские художники в эмиграции (О жизни и творчестве русских художников за рубежом). М., 2010. С. 192.

[27] См.: первая книга о М. Шагале: *Тугенхольд Я., Эфрос А.* Искусство Марка Шагала. М., 1918.

рию в отличие от большинства авангардистов с восхищением «описывающих» ее распад как «мировой пожар в крови», чем и нравились народному комиссару Луначарскому. Сюрреалист черноземно-витебского своеобразия разводил понятия «империя» и «республика». Империя – это Египет, Рим, Священная римская империя, Российская империя. Память о них была в крови его предков. Его окружали кумиры и идолы, не возмущавшие витебских хасидов. Представления о них сохранила тысячелетняя история еврейства. Шагал учился и впитывал, как губка все современные течения, уже будоражившие в эту эпоху активистов русского авангарда в столичных Петрограде и Москве.

Будущий историк С.Х. Агурский из Еврейского комиссариата Наркомнаца организовал в Витебске губернский еврейский комиссариат и издание газеты «Дер Фрайер Арбайтер», что считал «большим праздником для нас, еврейских коммунистов»[28]. Он оповестил об этом самого В. Ленина. Тот наделял крестьян и солдат сознанием «пролетария-гегемона» и требовал поддерживать гегемона революции, но М. Шагал «охотно забыл бы и о тебе, Владимир Ильич Ленин, и о Троцком...»[29].

На короткое время родной город Шагала Витебск превратился в неформальную столицу мирового художественного авангарда. Последний витебский городской голова, интеллектуал П. Медведев из Петрограда, «удобрил» почву для него, в 1918 г. открыв Народный (пролетарский) университет, издал «Записки Пролетарского университета». В Витебске по инициативе П. Медведева и С. Грузенберга возник проект создания Института гуманитарных наук и искусств, председателем оргкомитета, в котором избран Медведев. Он, заручившись поддержкой Луначарского, разрабатывал научную программу института, подбирал будущих сотрудников, создал при университете «Общество свободной эстетики» и семинар по социологии. Тогда же была открыта Народная консерватория и организован Витебский

---

[28] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 274–275.

[29] Опираться только на воспоминания об этом сложном периоде стоит если сравнивать содержание текстов одного автора, например, автобиографической книги Шагала с фрагментом, опубликованной Шагалом в 1919 г. газетной статьи. В ней Шагал восхищался наркомом: *«неутомимый нарком Луначарский вдохновенно носится от комиссариата в Зимний, от Зимнего – к художникам, от последних – к музыкантам и артистам, и от них – в Смольный»*. «*Неутомимый нарком*» и «*марксист*» в его книге, поклоняющийся «*бородатому еврею*», – это, сказали бы и в Витебске, «две большие разницы». См.: *Шагал М.* Моя жизнь. М., 1994. С. 22, 142; *Шагал М.* Художественные заметки. Витебский листок. 1919. 8 января.

симфонический оркестр. Возглавлял их Николай Малько[30]. В 1919 г. в лекторскую коллегию из уездного Невеля переехал философ Матвей Каган, любимый ученик знаменитого философа-неокантианца, исследователя иудаизма Германа Когена в Марбурге. Он увлекся революционными идеями и приехал в Россию творить новый мир, но скоро в нем разочаровался. Филологи Лев Пумпянский и Валентин Волошинов приглашены в подотдел искусств Витебского губоно, где тогда уже работал И.И. Соллертинский. В 1920 г. вслед за своими невельскими товарищами в Витебск перебирается руководить единой трудовой школой, детищем Н.К. Крупской, философ и литературовед М.М. Бахтин. До 1924 г. он преподает в Народной консерватории, в Институте народного образования, ведет занятия в Витебской литературной студии, выступает с публичными лекциями. М. Бахтин в итоге становится центром философского кружка, который существовал, частично меняя состав, в Невеле, Витебске и Ленинграде. В Витебске Бахтин встречал и «длинноногого» Марка Шагала – однако знакомство, если и было, то мимолетное: великий витеблянин уехал из родного города в начале июня 1920 года, за несколько месяцев до переезда Бахтина из Невеля.

Бахтин мог воочию видеть Витебск, разукрашенный невероятными «летающими евреями» и «зелеными козами» Шагала. Институт, конечно, открыть не удалось, но на окраине бывшей империи в кипящей талантливыми авангардистами среде возник т.н. «Круг Бахтина» из друзей и единомышленников, читавших в Витебске публичные лекции, участвующих в создании теории европейской культуры и искусства[31].

В марте 1919 г. М. Шагал докладывал Коллегии по делам искусств Наркомпроса в Москве об организации в Витебске Губернского художественного музея. К началу лета 1920 г. для Музея в Витебске собрана впечатляющая коллекция, владельцем ее считался подотдел ИЗО губоно. Собирать ее начал Шагал, руководствуясь списком, утвержденным ИЗО Наркомпроса. Шагал считал «желательным» иметь в Витебском музее работы «мирискусственников» Ал. Бенуа, Бакста, Сомова, Рериха, Добужинского, Лансере, Кустодиев,

---

[30] С 1929 г. приглашенный дирижер и преподаватель в Вене, Праге, Копенгагене, Лондоне и других городах. С 1957 г. возглавлял созданный им симфонический оркестр в Сиднее (Австралия), носящий его имя. Ученики Лео Гинзбург, Александр Мелик-Пашаев, Евгений Микеладзе, Евгений Мравинский, Илья Мусин, Николай Рабинович, Глеб Таранов, Борис Хайкин, Исай Шерман, Марк Шнейдерман.

[31] *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Труды и дни круга М.М. Бахтина // Звезда. 2008. № 7. С. 192–210.

Петров-Водкина, Гауша, Карева, Бор. Григорьева, Ал. Яковлева, Шухаева, Пав. Кузнецова. Из скульпторов: Матвеева, Голубкиной, Анисфельда. Из «Союза художников работы Коровина, Крымова, Коненкова, Рылова, Юона. Из «Бубнового валета» Кончаловского, Машкова, Ларионова, Гончаровой, Лентулова, Куприна, Фалька, Татлина, Малевича, Кандинского, Альтмана, Штеренберга, Архипенко (скульптура), Родченко, Шагала.

Из Москвы, Музейного бюро Наркомпроса Шагал увез в Витебск два с половиной десятка картин[32]. Из другой поездки коллега Шагала привез еще несколько десятков картин. В итоге в Витебском музее, организованном при народном училище, оказалось к весне 1921 г. 120 произведений практически всех вышеперечисленных художников. Шагал хотел «совместить воедино академию, музей и общественные студии» не думав обращаться за разрешением ни к Сталину, ни к Еврейскому комиссариату. Судьба картин во многом трагична. Не все они сохранились до нашего времени. К сожалению, от музея практически ничего не осталось – почти все уничтожено, за редким исключением. Когда Шагал уехал из Витебска, там оставалась его ученица и коллега Вера Ермолаева, и она, видя трудную обстановку и ужасные условия хранения, увезла с собой в Петроград несколько картин. Небольшая часть картин попала в картинную галерею Минска. Подавляющее количество произведений уничтожено во время Второй мировой войны вместе с самим Витебском.

Политический ветер революционных перемен свел на короткое время М. Шагала и К. Малевича в недавно глубоко провинциальном Витебске. В списке служащих Витебского высшего народного художественного училища от 21 января 1920 г. указаны: Шагал М.З. (заведующий), Малевич К.С. (заведующий живописно-рисовальной мастерской), Якерсон Д.А. заведующий скульптурной мастерской, Лисицкий Л.М. (один из основателей Культур-лиги) заведующий мастерской графики и печати[33]. С появлением Малевича многие учащиеся школы постепенно перетекали в класс к нему, и Шагал покинул Витебск. Приказ № 114 губоно от 29 июля 1920 г. гласил: «Завсекцией ИЗО подотдела искусств художник Шагал за переездом в Москву освобождается от занимаемой должности».

Своей творческой харизмой Малевич влюбил в себя книжного иллюстратора Лазаря Лисицкого и весь Витебск. Сергей Эйзенштейн проездом в Витебске в 1920 г. удивлялся: *«Странный провинциальный*

---

[32] РГАЛИ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–12.

[33] ГАВО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 24. Л. 16; Лисов А. Затянувшийся конфликт // Шагаловский ежегодник 2003. С. 94–95.

город. Как многие города Западного края – из красного кирпича. Закоптелого и унылого. Но этот город особенно странный. Здесь главные улицы покрыты белой краской по красным кирпичам. А по белому фону разбежались зеленые круги. Оранжевые квадраты. Синие прямоугольники... Супрематические конфетти, разбросанные по улицам ошарашенного города»[34]. После отъезда Шагала город по-прежнему облачался в карнавальные одежды революции, но теперь в праздничные и торжественные дни он усыпан «бешеным супрематическим конфетти» Малевича и уновисцев, – писал кинорежиссер Сергей Эйзенштейн[35]. Бахтину судьба также подарила возможность лицезреть в Витебске карнавализированные декорации исторического излома страны в исполнении величайших современников. Оформление создавало поэтическую атмосферу символов, в которой рождалось движение, формируя нужные современности ощущения. Политический ветер увлекал авангардистов расколдовывать этнокультурные тайны.

К. Малевич моделировал символическую среду, воспроизводящую пространство как физическую и философскую категорию. Мечтая об утверждении республики, «в витебской склоке с супрематистами и конструктивистами – почерпнул Шагал немало (и кубизм, и неопримитивизм, и конструктивизм, и лучизм, и супрематизм, и обиходный фрейдизм)»[36].

Но большинство молодых и талантливых тянулись к Наркомпросу. Потянулся в ИЗО Наркомпроса и к Луначарскому и К. Малевич, он не поделит модернистскую корону живописи в Москве уже с В. Татлиным.

Вытесненный из Витебской школы, Шагал приехал в Москву, тоже к Луначарскому. Здесь он увидел: протестное искусство *из индивидуальной реплики превращается в апелляцию к массовому сознанию*. Для Шагала такое искусство, по сути своей манипулятивное, агитационное, не соответствовало духу и букве Завета: это именно то, что Вторая Заповедь[37] запрещает. Символика лишь кажется сложной; но не для человека, знакомого с Заветом (Шагал знает Тору, и Талмуд,

---

[34] *Эйзенштейн С.М.* Заметки о В.В. Маяковском // В.В. Маяковский в воспоминаниях современников / прим. Н.В. Реформатской; вступ. ст. З.С. Паперного. М., 1963. С. 279–280.

[35] *Эйзенштейн С.* «Странный провинциальный город...» (1940 год) // *Эйзенштейн С.* Избранные произведения в шести томах. Т. 5. М., 1971. С. 432.

[36] *Носик Б.* Еврейская лимита и парижская доброта. М., 2010; Кантор Максим: Марк Шагал [Электронный ресурс]. URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-iskusstv/maksim-kantor-mark-shagal/ (дата обращения: 12.04.2023)

[37] «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20. 4–5).

в хедере учил Мидраши[38], знаком с Каббалой, а если бы и забыл, ему напомнила бы Белла, да он сам из хасидской семьи!). Яркие арабески Шагала, изобилующие летающими фигурами, означали «не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины», ее человек «составил» и явил как вещь, ее можно подвергать операциям[39]. Его живопись определит судьбу еврейства в империи, судьбу изгоя и бродяги, носящего с собой свою собственную республику. Для семантики Шагала двуприродность человека указывала на роль искушения, гордыни, эгоизма в самом нравственном существе. Он понял: в Наркомпросе ему нет места, он попытается найти понимание у Е. Вахтангова, оформляя его «Гадибук» (не получится!). Массовые зрелища на столичных площадях и улицах также не по нему. Отделы ТЕО и ИЗО заказали Шагалу для театра «Эрмитаж» в Петрограде декорации к комедиям Гоголя «Женитьба» и «Игроки». Шагал рисует распадающуюся сущность людей, теряющих идентичность, не знающих, куда сейчас бежать[40]. Рисуемые им сюжеты – описание смятения и разброда, в картинах растерянность, бегство.

Из чтения «Моей жизни» складывается впечатление, будто Шагал весьма презрительно относится к постреволюционным уже российским «“открытиям” кубизма, симультанизма, конструктивизма, контррельефности – европейских новинок, подхваченных с опозданием на десяток лет»[41]. В идишской версии автобиографии он пишет о А. Таирове, когда тот еще «болел конструктивизмом». Действительно, в Москве с назначением авангардиста Мейерхольда на пост главы ТЕО Наркомпроса начался «Театральный октябрь» – приветствуется, фактически насаждается конструктивизм. Постановки Таирова (соперника Мейерхольда) в 1920–1921 гг. оформляли Г. Якулов, А. Экстер и А. Веснин, все в конструктивистском стиле. А. Грановский в эти годы привлек Альтмана в Еврейский Камерный театр и ставил с ним конструктивистские спектакли. И Первая, и Третья Студия, обе вахтанговские, также работают в стиле конструктивизма. Самому Шагалу также ничто не мешало в том же году создать для Первой Студии конструктивистский эскиз. В реальности он «болел» другим. Чем же?

Шагалу хотелось разбудить и в Вахтангове, и в других видение мира подобное своему. Это органический мир, в нем люди и звери,

---

[38] Жанр гомилетического характера.

[39] *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М., 2008. С. 32–33.

[40] Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов. 1919. № 57. 12 марта. С. 4.

[41] *Толстая Е.* Рукописная газета первой студии МХАТ как источник по истории еврейского театра в России // Мнемозина. 2009. № 4.

домики и вывески – все живо, не имеет установленных границ, перетекает друг в друга, вроде того, что позднее назовут сюрреализмом, все по-экспрессионистски вихрится, метется, несется. Мир, в котором словесные смыслы развертываются в картинки. Шагал опасался, что не знавший ни еврейского языка, ни еврейской жизни грузин (так Шагал называл Вахтангова) его не поймет. Но Л.Б. Каменев восторгался постановкой Габимы. Вл. Иванов писал: «Среди ходатаев за "Габиму" можно было видеть Льва Каменева. Из вождей он единственный стал искренним почитателем театра. На премьерах "Габимы" московского раввина Мазэ можно было видеть рядом с членом Политбюро Каменевым, и они удовлетворенно кивали друг другу головами»[42].

Луначарскому эти межэтнические и тем более внутриэтнические недопонимания и неурядицы не подходили, хотя он хорошо знал оценки известного критика А.Р. Кугеля, сына казенного раввина, который понимал причины недовольства Шагала: «Я не нахожу ни одного из этих волнующих впечатлений в так называемом еврейском театре "стиль нуво" ...В постановке Вахтангова ...быт, хотя и доведенный до той тончайшей символики, когда не знаешь, кто эллин, кто иудей, что Русь и что Литва. Здесь же просто некоторый восток архи-модерн»[43].

Шагалу предложили место в еврейском подотделе отдела просвещения национальных меньшинств: «Наркомпрос предложил мне учительствовать в детской колонии имени III Интернационала, что находилась у них в Малаховке. В таких колониях жило человек по пятьдесят сирот. Работали там увлеченные... воспитатели, мечтавшие воплотить в жизнь самые передовые педагогические теории... Сиротам хлебнуть пришлось немало. Все они – беспризорники, битые уголовниками, помнившие блеск ножа, которым зарезали их родителей. Оглушенные свистом пуль, звоном выбитых стекол, никогда не забывавшие предсмертных стонов отца и матери. На их глазах выдирали бороды их отцам, вспарывали животы изнасилованным сестрам... И вот они передо мной... По примеру взрослых, они заседали на собраниях, вели диспуты, обсуждали друг друга и даже учителей, пели хором "Интернационал", размахивая руками и улыбаясь»[44]. Здесь Шагал видел отблески «мирового пожара в крови», который

---

[42] *Гуревич Л.* Искусство РСФСР // Еженедельник Петроградских государственных академических театров. Пг., 1922. № 15–16. С. 30. Цит. по: *Иванов Вл.* Русские сезоны театра «Габима». М., 1999. С. 60.

[43] *Кугель А.Р.* Профили театра. Предисл. А. Луначарского, примеч. И. Туркельтауба. М., 1929. С. 190.

[44] *Шагал Марк.* Моя жизнь. М., 1994. С. 170.

нравился авангардистам. Несмотря на доброжелательное отношение к нему революционной власти, он не нашел места ни в еврейском, ни в русском театре, оказался чужаком в культурной жизни столицы. Рядом в Малаховке занимался с детьми талантливый скульптор И.Я. Иткинд, в Сморгони калитку его дома оплевывали хасиды. Они же собрали деньги на учебу «этого шлимазла» в Москве. Там его поддержал М. Горький, уговаривал переехать в США брат Т. Рузвельта.

Конфликт Малевича с Шагалом объяснял Н.И. Харджиев: «Малевичу вообще было наплевать – *он никаких национальностей не признавал... Вообще на эту тему никто тогда не задумывался*... Да, когда к Малевичу перебежали от Шагала все эти еврейские мальчики... скандал был на весь Витебск. Ида мне сама рассказывала, что отец ненавидел Малевича и был зол на нее за то, что Малевич ей нравится»[45]. Антагонист К. Малевич был карьеристом: революционные карьеры прокладывал «по головам» и выгоду имел (зарплата Шагала как директора Училища составляла 4800 рублей, после его отъезда из Витебска, Малевичу назначен персональный оклад в 120 тысяч). Эпизод заурядный – но, тем не менее, значимый: «Если новаторы экономических харчевых благ подняли красное знамя, предвещающее катастрофу старой системы жизни, мы подняли красный семафор, указывающий катастрофу старой культуре вообще и искусству»[46]. Если в сочинениях дореволюционного периода он выступал в роли «бомбиста» «старого» искусства, то при Луначарском, направление теоретической мысли Малевича изменяется. Переехав по приглашению М. Шагала в Витебск, он упорно трудится над созданием художественно-философской супрематической системы, способной изменить мир. Художник приходит к выводу: «наступает момент смены религий... Я увидел, что как живопись шла к своей чистой форме действия, так и мир религий идет к религии чистого действа. Народ нужно вывести из всех религий к религии чистого действа, в которой не будет никаких наград и обещаний», – пишет Малевич в письме к М.О. Гершензону. Создатель супрематизма видел в своем детище «начала не только живописные, но и новую религию, Новый Храм»[47]. Малевич считает, что стремление к «совершенству своему» присуще человечеству, которое выстроило «два пути, Религиозный техникум и Гражданский, или фабричный, Церковь и Фабрику»;

---

[45] Архив Н.И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ. Т. I. М., 2017. С. 440.

[46] *Малевич К.С.* Уновис // Издания витебского периода (1919–22) // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М., 1998. С. 230.

[47] *Малевич К.С.* Письмо М.О. Гершензону от 11 апреля 1920 г. // Письма разным адресатам // Малевич К.С. Черный квадрат. СПб., 2003. С. 441.

он не видит принципиальной разницы между обоими институтами, «ибо и вопрос одинаков, цель одинакова и смысл – искание Бога»[48].

Для Луначарского важно стремление к совершенству – к человеку с «творческим потенциалом». Духом коллективизма – важнейшим аспектом социалистической этики – пронизана и «экономическая» парадигма супрематизма. «Определенную сонаправленность в сочинениях Луначарского и творческом наследии Малевича» заметила О.А. Симонова. Обладая мощной харизмой, Малевич создает вокруг себя кружок учеников-единомышленников, напоминавший партийную организацию (достаточно вспомнить супрематические нашивки на рукавах). Эта группа, названная УНОВИС (Утвердители Нового Искусства), во многом подчиняет себе художественную жизнь Витебска[49]. «Теперь, во времена РСФСР, я громко кричу: разве вы не замечаете, что мы уже вступили на помост бойни и вот-вот включат ток? <...> Последние пять лет жгут мою душу, – так завершает свою книгу перед отъездом в Париж Шагал. – Возьму с собой жену и дочь. Еду к вам насовсем. И, может быть, вслед за Европой, меня полюбит моя Россия».

Шагал, в отличие от подавляющего большинства его современников, и в особенности авангардистов, делавших идеологическую карьеру, вербовавших учеников и захватывавших посты и кафедры, был человеком неспособным на злоязычие: «оба мы, устремляясь одинаково к левому кругу искусства, – пишет он перед отъездом сотруднику отдела музеев и охраны памятников старины и искусства Наркомпроса П. Эттингеру о Малевиче, – однако, различно смотрим на средства и цели его». Самое сильное его обличение Малевича выглядит так: «один преподаватель, живший в самом помещении Академии, окружил себя поклонницами какого-то мистического “супрематизма”».

Но конфликт Шагала, гения из хасидской семьи в местечке, с авангардистом, сыном шляхтича Малевичем 1919–20 гг., спровоцировавший отъезд Шагала из Витебска, затем из России, значим не менее, чем конфликт Лоренцо (за ним же римский папа Александр VI) с Савонаролой, где Савонарола – это Шагал, а Малевич – все-таки Лоренцо, или Лютера с Эразмом. Максим Кантор все же уточняет: «Малевич, желавший обслуживать “пролетарскую” идею, не создал ни единого произведения на “производственную тему”, поскольку

---

[48] *Малевич К.С.* Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой // Трактаты и теоретические сочинения // Черный квадрат. СПб., 2003. С. 165.

[49] *Симонова О.А.* К.С. Малевич и А.В. Луначарский: полемика в искусстве и культурная политика Страны Советов в 1917–1935 годах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. С. 232.

по типу сознания и опыту был хуторянином, человеком сельским»[50]. В сложных революционных обстоятельствах, как и их alter ego в эпоху Возрождения, таким «цельнокроеным» людям было очень сложно существовать. В творчестве Шагала оставались сильны еврейские мотивы и обращение к Ветхому завету. *«Отвержение мечтательной романтизации еврейского местечка, которой занимался Шагал, было неизбежным для молодых еврейских художников, вступивших в новую эру индустриальной революции, рабочего коллективизма и массового спорта»*[51]. Но и у Малевича искусство заканчивалось супрематизмом как вершиной, внутренним ритмом всего хода мышления[52].

Малевич со своим супрематизмом «побеждал» не только потому, что тема еврейского местечка и ее идеализация переставали быть актуальными, но и потому, что он предложил вернуться к более древней и высокой еврейской традиции – иконоборчеству: «не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху... не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20: 4–5). Как пишет Б. Гройс, *Малевич с его «Черным квадратом» подобно Моисею привел еврейских художников в обетованную землю абстракции и модернизма*, которые не мешали им, оставаясь художниками, следовать еврейской традиции, возможно даже не осознавая этого[53].

А что же Сталин, за кого он в этом споре? Ответ мы найдем в воспоминаниях свояка Малевича Е. Кацмана, удостоившегося «чести» с восторгом писать вождя, но увидевшего лишь то, что «когда свершилась Октябрьская революция, бедняк Малевич сделался вождем, одной из ярчайших фигур советского искусства, хотя ничего советского у него никогда не было...

Они – футуристы, супрематисты, абстрактники делали свою революцию внутри искусства. Они свергали или пытались свергнуть реализм и просто все искусство, и взамен того, что завоевано человечеством за тысячелетия, вместо античного искусства, шедевров Рафаэля, Рембрандта и Репина, они считали, что дают новое «революционно-абстрактное искусство»...

При Наркомпросе был отдел ИЗО во главе с сюрреалистом Штеренбергом. В этом отдел, – продолжает Кацман, – “советниками”

---

[50] Кантор Максим: Марк Шагал. [Электронный ресурс]. URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-iskusstv/maksim-kantor-mark-shagal/ (дата обращения: 12.04.2023)

[51] *Гройс Борис.* Пленники универсализма: еврейские художники советской эпохи // Лехаим. 24 апреля 2015.

[52] *Гланц Т.* Слово и текст Казимира Малевича // Блоковский сборник XIII: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 95.

[53] *Гройс Б. Gesamtkunstwerk* Сталин («Стиль Сталин»). М., 2013.

были Малевич, Татлин, Пунин и др. И, конечно, у Малевича стали покупать его "квадратики", к нему пришло счастье, которое он ждал. В Третьяковской галерее до сих пор в запаснике висит "Черный квадрат" Малевича и "опусы" его товарищей – абстракционистов и футуристов. Малевич уже выглядел не бедно. Он оделся и обулся. Его выбрали в депутаты Московского Совета. Он, как член ИЗО-отдела Наркомпроса, "управлял" советским искусством, он был новатором. Он печатал статьи и даже брошюры. Он произносил речи непонятные, но с глазами фанатика, и около него образовывался круг последователей, так как квадратик мог сделать любой человек, даже при полном идиотизме»[54].

Маневр авангардиста, сына польского шляхтича, приведший к отъезду в Париж еврейского живописца, был полноценным интеллектуальным спором; программы излагались напористо, представлялась возможность сравнить их с диалогом мудрецов Реформации. Ценность художественного успеха Малевича в Витебске заключалась в мультикультурности самого города, люди там были толерантными и открытыми миру. Здесь сосуществовали евреи, поляки, белорусы, литовцы, русские. На протяжении всей своей истории город был местом пограничной культуры. Малевич занял свою позицию по сути Шагаловского *спора империи с республикой, агитации с искусством; и революции, понятой им как смена династий в империи, – с республиканской революцией*[55]. В Наркомпросе он столкнулся и с Татлиным, тот настаивал на важности сохранения национальных корней; простаивая долгие часы на службах в православной церкви (раздражая этим Луначарского!), указывая на особый русский путь для своего искусства. Он «выпадает» из этически приемлемого дискурса, пишет первый критик, обративший внимание на столкновения Малевича с Татлиным, Н. Пунин[56].

Идеи и планы Луначарского непросто согласовывались с настроениями художников. Авангардисты оказались перед дилеммой: либо оставаться на анархо-индивидуалистических позициях, но без средств к существованию, либо переходить под опеку власти, провозгласившей фиктивным (что подтвердилось совсем скоро) лозунг «искусства вне государства». Уже 11 апреля 1918 г. в Московском со-

---

[54] *Кацман Е.* «Вот вы все говорите: Малевич, Малевич!» [Электронный ресурс]. URL: http://artpark.gallery/ru/blog/1324

[55] *Максим Кантор:* Марк Шагал. [Электронный ресурс]. URL: https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-iskusstv/maksim-kantor-mark-shagal/ (дата обращения: 12.04.2023)

[56] *Пунин Н.* Памятник III Интернационала / Пунин Н. О Татлине. Архив русского авангарда. М., 1994. С. 8–12.

вете рабочих и красноармейских депутатов на совещании по делам изобразительных искусств принято решение о создании московской коллегии по делам искусств («Художественной коллегии»), куда вошли В. Татлин (избранный председателем), А. Моргунов, Н. Удальцова и др. А. Родченко с сарказмом предупредил: «Новые и новые оковы мы надеваем на себя и сами приковываем себя к стенам. Все идет вперед и вперед, а мы опять избираем избранных и создаем центры и власть ... Смотрите: вот аквариум, в нем плавают солидно нами же избранные художники, но толстое стекло между нами. Смотрите, как они танцуют наш дерзостный танец...»[57].

Что же Сталин, кто он в этом споре: Лоренцо или Савонарола? Наивный вопрос... Со своей «местечковой» оценкой не только Малевича большие полотна о нем удостоится чести писать Е. Кацман. Но Сталину не до Кацмана. Луначарский не дождется ответа, умрет, но и Малевич в 1935 году уже не прочитает, что «журнал “Искусство” всегда утверждал, что Сезанн и сезаннизм (и последний в особенности) в своем общем комплексе вредоносен, а чему поучиться у него все же есть. Мы не маленькие. Мышьяком можно отравиться и можно лечиться»[58]. В 1936 г. Сталин подключит к полемике о формализме ресурсы ЦК ВКП(б). Все начнется с заключительного заседания совещания ЦК ВЛКСМ о детской книге 19 января 1936 г. В нем принял участие секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, который резко отозвался о художниках-иллюстраторах детской книги. К этому прибавились статьи В. Кеменова, долгое время заведовавшего отделом искусств в «Правде»: «Формалистические кривляния в живописи» и «О натурализме в живописи»[59]. В итоге Татлин, Тышлер, Филонов, Штеренберг окажутся выброшены на обочину художественной жизни... Шагал будет с грустью наблюдать за событиями из Парижа, подверстав свою оценку в 1947 г. к итогам Второй мировой войны: «От имени расстрелянных и заживо сожженных мы говорим врагу, что никогда не забудем о нем и никогда его не простим – ни в жизни, ни в искусстве. Мы не с теми, кто думает, что “несчастных” врагов человечества следует простить и даже помочь им. Простить, так сказать, ради спасения европейской культуры. Если они, наши враги, будут спасать культуру – лучше бы такой культуры и вовсе не существовало»[60].

---

[57] Знамя Труда. 1918. № 42. 12 апреля. С. 4.

[58] *Бескин О.* С поличным // Искусство. 1935. № 4. С. 42

[59] *Кеменов В.* Формалистические кривляния в живописи // Правда. 1936. 6 марта; *Кеменов В.* О натурализме в живописи // Правда. 1936. 26 марта.

[60] *Шагал Марк*. Об искусстве и культуре. М., 2009. Глава 3.

В результате кампании 1936 года пострадавших среди художников оказалось довольно много, но уже не оказалось среди них ни Савонарол, ни Лоренцо, никто не осмелился напомнить Сталину о сути спора, разгоревшегося с такой страстью в уездном Витебске, открывшего дорогу и Шагалу, и Малевичу на разные мировые интеллектуальные сцены, но развернув советскую политику восвояси в прошлое.

ЛИТЕРАТУРА

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2003. – 541 с.

Гланц Т. Слово и текст Казимира Малевича // Блоковский сборник XIII: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту: Tartu University Press, 1996. С. 93–100

Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин (*«Стиль Сталин»*). М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 168 с.

Красовицкая Т.Ю. Латинизация графики языков народов Северного Кавказа в контексте модернизации // Проблемы российской истории. Выпуск X. М.: Магнитогорск. 2010. С. 274–293.

Медведев Ю.П., Медведева Д.А. Труды и дни круга М.М. Бахтина // Звезда. 2008. № 7. С. 192–210.

Носик Б.М. Еврейская лимита и парижская доброта. Русские художники в эмиграции (О жизни и творчестве русских художников за рубежом). М.: Текст, 2010. – 190, [2] с.

Симонова О.А. К.С. Малевич и А.В. Луначарский: полемика в искусстве и культурная политика Страны Советов в 1917–1935 годах // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Том 12. Вып. 2. С. 230–238.

Журавлев С. В.

ДОКУМЕНТЫ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ О СОБИРАНИИ МАТЕРИАЛОВ ОБ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ, 1941–1942 ГГ.

Аннотация: *В центре внимания данной статьи – впервые вводимые в научный оборот материалы т.н. "Комиссии И. Минца" – Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Ее сотрудники, главным образом, историки в условиях военных лет занимались собиранием материалов о войне, чтобы задокументировать разные события военных лет. Наиболее масштабной и успешной оказалась запись бесед с участниками боевых действий по горячим следам событий. Ныне эти документы находятся в Научном архиве ИРИ РАН. Невидимая постороннему глазу «внутренняя кухня» этой работы реконструируется автором статьи на примере организации собирания сотрудниками Комиссии источников о героической обороне Севастополя в 1941–1942 гг.*
Ключевые слова*: оборона Севастополя; Комиссия И. Минца; стенографирование бесед; Вторая мировая война; военные моряки; Черноморский флот*

Zhuravlev S.V.
Documents of the Commission on the History of the Great Patriotic War on the collecting materials about the defense of Sevastopol, 1941–1942s.

Annotation: *The focus of this article is on the materials of the so–called "Isaak Mints Commission", the Commission on the History of the Great Patriotic War, introduced into scientific circulation for the first time. Its employees, mainly historians, in the conditions of the war years, were engaged in collecting materials about the war in order to document various events of the war years. The most extensive and successful was the recording of conversations with participants in the fighting in the hot wake of the events. Now these documents are stored in the Scientific Archive of the IRI RAS. Invisible to the outside eye, the "inner kitchen" of this comprehensive work is reconstructed by the author of the article on the example of organizing the collection of sources by the Commission's staff about the heroic defense of Sevastopol in 1941–1942.*
Keywords*: Defense of Sevastopol; Isaak Mints Commission; Recording of conversations; WW2; Navy sailors; Black Sea Fleet*

В последнее время Институт российской истории РАН реализует программу документальных публикаций на основе отложившейся в его Научном архиве уникальной коллекции материалов, в первую очередь, стенограмм бесед с военнослужащими, записанных сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством И.И. Минца по горячим следам боев[1]. Археографическая проработка и комментирование этих источников ставит перед исследователями в том числе вопрос о реконструкции обстоятельств появления тех или иных стенограмм, что в определенной степени влияет на их содержание и должно быть принято в расчет.

В данной статье на базе изучения служебной документации Комиссии по истории Великой Отечественной войны, сохранившейся в Научном архиве ИРИ РАН, а также источников мемуарного характера предпринята попытка показать обстоятельства создания значительной по объему и собиравшейся в несколько этапов в течение 1942–1946 гг. коллекции материалов по истории обороны Севастополя 1941–1942 гг. Автор благодарит заведующего Научным архивом ИРИ РАН, к.и.н. К.С. Дроздова за помощь в выявлении материалов об этой важной странице истории Великой Отечественной войны, а старшего научного сотрудника ИРИ РАН, к.и.н. М.Э. Морозова за ценные замечания в ходе подготовки данной статьи.

Деятельность созданной в конце 1941 г. в структуре АН СССР Комиссии по истории Великой Отечественной войны воспринималась возглавившим ее известным историком, член-корреспондентом АН СССР И.И. Минцем и его подчиненными, среди которых преобладали профессиональные историки, как миссия исключительной важности – возможность внести свой вклад в Победу и одновременно сделать задел для последующего научного изучения событий войны и сохранения памяти о ней для будущих поколений. В силу своих профессиональных знаний лучше других осознавая необходимость по горячим следам фиксировать ход сражений, сотрудники Комис-

[1] Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР была создана в конце 1941 г. решением ЦК ВКП(б). Подробнее см.: [Электронный ресурс]. URL: https:// www.komiswow.ru; Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / составители и авторы комментариев А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев. М.; СПб., 2015; «Здесь кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 / отв. ред. С.В. Журавлев, составители и авторы комментариев А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, Ж.Я. Рахаев, В.В. Тихонов. М.; СПб., 2020. В 2023 г. ожидается выход нового сборника документов по истории обороны Севастополя 1941–1942 гг.

сии собирали документы, но также, что особенно важно, – они проводили под стенограмму беседы с военнослужащими, оказавшимися в эпицентре боевых действий, особенно – проявившими самопожертвование и героизм в борьбе с врагом, ставшими Героями Советского Союза.

В Научном архиве Института российской истории РАН отложился уникальный комплекс документов, позволяющих посмотреть на события военных лет глазами их непосредственных участников – офицеров, генералов и рядовых; летчиков, моряков, артиллеристов и пехотинцев; мужчин и женщин, представителей многих национальностей, военнослужащих разных поколений, происхождения, гражданских профессий и жизненного опыта. «То, что вы расскажете, не предназначено в газету и вообще в ближайшие годы не будет нигде напечатано. Может, увидит свет только через полвека...»[2], – сообщали сотрудники Комиссии перед беседой, настраивая тем самым респондентов на максимальную откровенность. Именно в таком ключе во время войны создавались эти уникальные документы.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО СОБИРАНИЮ МАТЕРИАЛОВ ОБ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ. ЛЕТО-ОСЕНЬ 1942 Г.

К середине 1942 г. в деятельности Комиссии И.И. Минца, точнее, – сформированного в ее составе Военного отдела (изучение истории воинских частей и боевых операций) наметилось новое самостоятельное направление – «Военно-Морской флот в Великой Отечественной войне». Предполагалось сначала организовать сбор материалов, в том числе интервью, об участии моряков, кораблей и подразделений флотов в военных операциях, затем на этой основе подготовить документальные сборники, а в дальнейшем приступить к научному исследованию роли ВМФ в войне.

В качестве приоритетной темы были выделены события, остававшиеся в то время в центре внимания, – героическая оборона Одессы и Севастополя, включая военные действия в акватории Черного моря до лета 1942 гг. «Связка» будущих городов-героев не была случайной: многие защитники Одессы, в первую очередь, моряки-черноморцы и военнослужащие Приморской армии участвовали

[2] См.: *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. М., 1986. С. 265. Данная книга, написанная в жанре литературного произведения, основана на военных дневниках автора и является важным историческим источником.

затем и в обороне Севастополя. С учетом трагических событий третьего штурма, среди выживших защитников города русской славы, с которыми Комиссия предполагала организовать интервью, оказались в основном раненные военнослужащие, которых до захвата Севастополя неприятелем удалось переправить на «большую землю», либо успевшие эвакуироваться в последние дни обороны представители высшего командного состава. Кроме того, важно было отразить для истории участие в обороне летчиков ЧФ и моряков с кораблей ЧФ, в том числе с судов, обеспечивавших снабжение осажденного Севастополя по морю. «Нам необходимо организовать стенографирование рассказов участников севастопольской обороны о их борьбе с врагом. Кроме того, желательно получение документов: дневников, листовок, писем и т.д. При достаточном количестве материала мы издадим сборники по названной теме»[3], – отмечал И.И. Минц.

Осенью 1942 г. именно оборона Севастополя вышла на первый план в деятельности Комиссии. 28 ноября 1942 г. И.И. Минц по этому поводу записал в своем дневнике: «Стоит, пожалуй, заняться Севастополем... Я осознаю всю преждевременность работы, – в ушах отдается еще гул артиллерийской пальбы, – но люди уходят, а с ними и материалы. Начну, а там видно будет»[4]. Выявление документов и проведение интервью об обороне Севастополя планировалось организовать как в Москве, где располагался штаб и другие центральные структуры ВМФ, так и на Черноморском флоте, дислоцирующемся после оставления Севастополя на побережье Кавказа.

Ответственным за сбор материалов по военно-морской тематике в Комиссии был назначен 30-летний профессиональный историк, кандидат наук Михаил Герасимович Седов (1912–1991). До войны он являлся освобожденным комсомольским работником, но в условиях политических репрессий лишился должности и партбилета. В 1941 г. Седов успел побывать на фронте в московском ополчении. В начале 1942 г. он был демобилизован, вернулся в Москву и был зачислен доцентом находившегося в то время в эвакуации истфака МГУ им. М.В. Ломоносова (небольшая часть университетских структур оставалась в столице). Основное время Седов стал уделять работе в Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Летом-осенью 1942 г., после того как И.И. Минц от имени Комиссии разослал официальные запросы и рекомендательные пись-

---

[3] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 106.

[4] «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН И.И. Минца. М., 2007.

ма[5] руководству наркомата Военно-Морского флота и его структур, Седов смог приступить к сбору документов об обороне Севастополя и к записи интервью с ее выжившими участниками – командирами и политработниками, по разным причинам оказавшимися в то время в Москве[6]. Первые из сохранившихся в интервью, взятых Седовым, относятся к августу 1942 г.[7]

Отложившиеся в Научном архиве ИРИ РАН документы Комиссии в некоторых случаях позволяют проследить результативность обращений Минца. Например, после того как 13 августа 1942 г. он направил запрос начальнику политотдела Управления военно-морских учебных заведений ВМФ дивизионному комиссару А.Т. Муравьеву[8], уже в течение 17–19 августа было организовано стенографирование Седовым бесед со слушателями располагавшихся в столице краткосрочных курсов политсостава ВМФ – участниками обороны Севастополя батальонными комиссарами И.М. Вайсманом, С.А. Гуткиным, Н.А. Прошенковым[9].

Помимо сбора информации в Москве, в августе 1942 г. планировалась, но так и не состоялась командировка М.Г. Седова на Черноморское побережье Кавказа – в места базирования Черноморского флота. В ходе ее подготовки 24 и 27 июля 1942 г. Минц от имени Комиссии составил письма[10], адресованные находившимся в то время на Кавказе контр-адмиралу Г.В. Жукову[11] и генерал-майору

---

[5] Любопытно, что в рекомендательных письмах И.И. Минц называет М.Г. Седова «ответственным сотрудником Комиссии» и «профессором МГУ», хотя на самом деле он был только доцентом.

[6] Среди причин пребывания в Москве в 1942–1943 гг. – краткие командировки, учеба на курсах командного и политического состава ВМФ, служба в центральном аппарате ВМФ или в Московском флотском экипаже, нахождение на излечении в столичных госпиталях и др. Все эти возможности были использованы сотрудниками Комиссии для стенографирования бесед с участниками обороны Севастополя.

[7] Ранние интервью несколько отличаются от более поздних. Единый стандарт интервью сложился в Комиссии в конце 1942 г. Он предусматривал, в частности, обязательное указание на дату, место проведения, кто проводит и стенографирует интервью. Кроме того, респондент должен был рассказать свою довоенную и военную биографию, прежде чем он перейдет к описанию основного сюжета, например, связанного с обороной Севастополя.

[8] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 83.

[9] Там же. Раздел 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–17. Все эти стенограммы, судя по пометам на документах, были исправлены респондентами и авторизованы в один и тот же день – 31 августа 1942 г., для чего они, скорее всего, были приглашены в помещение Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

[10] Там же. Раздел 14. Оп.1. Д. 24. Л. 75, 78.

[11] На момент написания письма Минца Г.В. Жуков являлся командиром Туапсинской военно-морской базы ЧФ. В 1941 г. в должности командующего

И.Е. Петрову[12]. Оба являлись ключевыми фигурами обороны Одессы и Севастополя. Обладая исключительной компетентностью, они знали такие детали событий, которые могли не найти отражения в официальных документах. Предполагалось, что направляемый на Кавказ М.Г. Седов, имея на руках письма Минца, встретится с ними и возьмет у них интервью.

Минц, в частности, отмечал, что Комиссия по заданию директивных органов (в других случаях прямо назывался ЦК партии) ведет работу по собиранию материалов об обороне Одессы и Севастополя. В связи с этим он просил Жукова и Петрова предоставить Седову имеющиеся в их распоряжении служебные документы по данной теме для копирования и использования Комиссией[13], а также принять Седова для беседы и записи его воспоминаний. В письмах специально отмечалось, что Комиссия гарантирует секретность предоставленных ей материалов и что работать с ними будут только люди, имеющие соответствующий допуск. К таковым относились как научные сотрудники, так и стенографистки Комиссии.

Сохранилось письмо И.И. Минца ректору МГУ им. Ломоносова Б.П. Орлову и декану истфака А.В. Ефимову от 28 июля 1942 г. В нем тоже речь шла о скорой командировке М.Г. Седова на Черноморский флот, поскольку он отвечал за составление сборника «Оборона Севастополя», «который он должен закончить не позже 1 сентября 1942 г.» «Работу нужно делать по живым следам: искать активных участников обороны, записать их рассказы, собрать документы, ко-

---

Одесским оборонительным районом он руководил обороной Одессы, а затем до весны 1942 г., являясь заместителем командующего Черноморским флотом, принимал участие в обороне Севастополя.

[12] На момент написания письма Минца И.Е. Петров находился на Кавказе и ожидал назначения командующим 44-й армией Закавказского фронта. В период обороны Одессы и Севастополя Петров – командующий Приморской армией, один из руководителей Севастопольского оборонительного района в течение всех трех штурмов города.

[13] Вопрос об условиях предоставления в распоряжение Комиссии секретных документов, отложившихся в делопроизводстве политорганов, флотских и воинских частей и штабов разного уровня требует отдельного изучения. Любопытно, что параллельно с деятельностью Комиссии Минца с 1942 г. по инициативе военного и военно-морского наркоматов в частях и соединениях было организовано собирание документов об их участии в боевых действиях с целью обобщения и анализа боевого опыта и выработки на этой основе практических рекомендаций. По линии наркомата ВМФ эта работа была организована на основании приказов «Об изучении боевого опыта и его реализации» от 10.02.1942 г. и «О результатах обобщения и реализации боевого опыта воюющих флотов и флотилий ВМФ» от 24.08.1942 г. В Главном морском штабе был создан исторический отдел, который руководил этой работой и обобщал поступавшие с флотов материалы по истории боевых действий.

торые могут в противном случае затеряться»[14], – подчеркивал Минц, имея в виду важность предстоящей поездки. Однако командировка М.Г. Седова на Кавказское побережье не состоялась. Только спустя полгода, 10 февраля 1943 г., туда для сбора материалов об обороне Севастополя был направлен новый сотрудник Комиссии – З.И. Факторович (Фазин), о чем речь пойдет ниже.

Работа по истории обороны Севастополя затормозилась в связи с тем, что над М.Г. Седовым стали сгущаться тучи. Возникли проблемы с допуском к документам (все материалы Комиссии Минца во время войны считались секретными). В конце 1942 г. Седов был отстранен от работы в Комиссии[15], а в 1943 г. он был арестован и осужден на длительный срок за принадлежность к «антисоветской группе» (реабилитирован и восстановлен в партии в 1955 г.)

Потребовалось срочно искать замену Седову. 17 сентября 1942 г. И.И. Минц обратился к начальнику Главного политического управления – заместителю наркома ВМФ армейскому комиссару 2 ранга И.В. Рогову с просьбой усилить кадрами работу Комиссии по флотской тематике, а именно: прикомандировать к ней нескольких политработников ВМФ, которые знакомы с военно-морской спецификой и имеют допуск к секретным документам. «В первую очередь прошу прикомандировать на 3 месяца старшего политрука Факторовича (Фазина), работающего старшим инструктором журнала ВМФ «Агитатор». Тов. Факторович – писатель, но по «Истории гражданской войны» написал две хорошие книги... Тов. Фазин проявил научно-исследовательский подход к работе. Это сочетание историка и писателя делает его очень полезным для работы...»[16], – отмечал Минц. Таким образом, имя Факторовича возникло не случайно – до войны он проявил себя в другом руководимом Минцем начинании – «Истории гражданской войны в СССР».

Положительный ответ на запрос Минца пришел 20 октября 1942 г.: «По решению армейского комиссара 2 ранга Рогова в Комиссию по истории Отечественной войны тов. Факторович (Фазин) будет прикомандирован в ближайшее время, как только прибудет другой товарищ

---

[14] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

[15] Последний по времени «след» Седова в делопроизводственных документах Комиссии, зафиксированный в ее инвентарной книге под 6 ноября 1942 г. факт передачи 3-х папок с собранными им материалами по истории обороны Севастополя и Одессы.

[16] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 52. Журнал «Агитатор» (ранее назывался «Партийно-политическая работа в ВМФ») во время Великой Отечественной войны издавался Главным политуправлением ВМФ и публиковал материалы в помощь флотским политработникам.

взамен его в журнале «Агитатор»»[17]. В соответствии с приказом Наркома ВМФ от 1 декабря 1942 г., старший политрук Факторович с 5 декабря 1942 г. был прикомандирован Главным политуправлением ВМФ к Комиссии по истории Великой Отечественной войны[18]. В итоге он окажется в Комиссии до конца войны. В 1943–1945 гг. именно Факторович (Фазин), продолжая начатое М.Г. Седовым дело, собрал основной массив интервью с участниками обороны Севастополя. Поэтому мы сочли необходимым подробнее рассказать об этом человеке.

ВОЕНКОР З.И. ФАКТОРОВИЧ (ФАЗИН) В ОСАЖДЕННОМ СЕВАСТОПОЛЕ ВЕСНОЙ 1942 Г.

35-летний литератор Зиновий Исаакович Факторович (1906–1980) накануне войны был более известен по взятому им в годы комсомольской юности «индустриальному» псевдониму Фазин[19]. В 1941 г. член партии и выпускник Литературного института, он стал военным корреспондентом, и свою первую поездку в Севастополь с редакционным заданием весной 1942 г. совершил именно в этом качестве. Старший политрук Факторович (Фазин) в то время служил в издававшемся Главным политуправлением ВМФ журнале «Агитатор», писал для флотской печати репортажи и очерки о боевых эпизодах и героизме моряков. Срочную службу в молодые годы он проходил в Днепровской военной флотилии, поэтому флотская специфика была ему знакома.

В феврале 1942 г. вместе с другим литератором – Григорием Ниловым[20] Зиновий Фазин был командирован Главным политуправлением ВМФ в осажденный немцами Севастополь. Военкоры должны были собрать материал и написать для флотской печати очерки о жизни и боевой работе героев обороны: Нилов о 7-й бригаде морской пехоты, а Фазин о 30-й береговой батарее Черноморского флота. Однако в итоге Фазину пришлось одному выполнять обе части редакционного

---

[17] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

[18] Там же. Д. 34. Л. 105–106.

[19] К сожалению, биография З.И. Факторовича (Фазина) не написана. Остается неизвестной и судьба его документального наследия – литературного архива и дневников, которые он вел в годы войны. Судя по справочной литературе в РГАЛИ и ЦГАЛИ СПб (после войны он жил в Ленинграде) личные фонды З.И. Факторовича (Фазина) отсутствуют.

[20] Нилов Григорий Родионович – в начале 1942 г. интендант 2 ранга, редактор отдела печати Управления агитации и пропаганды Главного Политуправления ВМФ, награжден медалью «За оборону Москвы», погиб 1 марта 1942 г. около Севастополя при подрыве на мине транспорта «Чапаев».

задания. Транспорт «Чапаев», на котором они вместе с маршевым пополнением, вооружением и другими грузами направлялись из Туапсе в Севастополь, 1 марта 1942 г. при подходе к городу из-за несогласованности подорвался на нашем минном заграждении и затонул. В результате катастрофы Нилов погиб, а Фазину удалось спастись[21].

Пребывание в марте-апреле 1942 г. в осажденном Севастополе, обстановка в котором, несмотря на относительное затишье перед третьим штурмом, порождала у литератора Фазина отчетливые ассоциации с описанной Л.Н. Толстым героической первой обороной города периода Крымской войны. Все это побуждало посмотреть на Великую Отечественную войну как на событие всемирно-исторического масштаба, которое должно быть задокументировано и сохранено для будущих поколений. «В 1942 г. в период обороны Севастополя корабль, на котором шел туда тов. Факторович, погиб, и будучи подобран катером и доставлен в Севастополь, тов. Факторович успешно выполнил порученные ему задания, причем непосредственно на 30-й батарее и в других частях организовал и собрал ценный материал об участии этих частей в обороне Севастополя. Продолжая эту работу в 1943 и 1944 гг., он записал более 100 участников обороны Севастополя и Одессы», – отмечалось в наградном листе, ныне доступном на сайте «Подвиг народа». В 1944 г. капитан Факторович (Фазин) был награжден медалью «За оборону Севастополя», а в 1945 г. по ходатайству руководства Комиссии он был представлен к ордену Красной Звезды.

Любопытно, что защитники Севастополя, с которыми прибывшему в город военкору Фазину удалось побеседовать весной 1942 г., тоже ощущали себя участниками событий исторической значимости. Так, на просьбу рассказать о боевой деятельности 7-й бригады морской пехоты, ее военный комиссар Н.Е. Ехлаков ответил Фазину: «Для истории, значит, работаете. Ну, давайте, давайте. Это тоже надо... Душу показать – вот что Ваше дело. Людей, самых простых... А стрельбу будет кому описывать и без Вас»[22].

Через несколько месяцев, в ходе третьего штурма Севастополя, Н.Е. Ехлаков (1908–1998) будет тяжело ранен, почти в безнадежном

---

[21] Среди спасшихся оказался возвращавшийся с Кавказского побережья в Севастополь корреспондент выпускавшейся в городе ежедневной газеты политуправления Черноморского флота «Красный черноморец», до войны – известный литератор В.Д. Ряховский (1897–1951). Его рассказ о катастрофе «Чапаева» был позже опубликован в сб.: *Мусьяков П.* Писатели на флоте в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. П.И. Мусьяков (1902–1976) до февраля 1942 г. был ответственным редактором «Красного черноморца». Затем он был переведен из Севастополя в Москву на повышение, где возглавил центральный орган ВМФ – газету «Красный флот».

[22] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. М., 1986. С. 154.

состоянии переправлен на «большую землю», но выживет. Удастся спастись и командиру 7-й бригады морской пехоты Е.И. Жидилову, интервью с которым будет взято Фазиным год спустя.

В ноябре 1942 г., узнав, что Ехлаков находится на излечении в московском госпитале, Фазин, также находившийся в столице, приедет его навестить. Разговор у них зайдет об обороне Севастополя, о героизме защитников и трагической сдаче города, и о том, что воспоминания и документы обо всем этом надо сохранить для истории. Они договорятся об интервью, как только Ехлакову станет лучше. Первая часть беседы под стенограмму состоялась в госпитале 1 февраля 1943 г. К тому времени Фазин уже был командирован в распоряжение Комиссии и мог взять с собой стенографистку. Рассказ Ехлакова носит неоконченный характер. В связи с отъездом Фазина 10 февраля 1943 г. в командировку на Кавказ, продолжения интервью с Ехлаковым не последовало, а далее их пути разошлись. Герою обороны Севастополя, ставшему инвалидом, 35-летнему полковнику Ехлакову в 1943 г. предстояло решать, как жить дальше. После войны он поселился в Севастополе и, став экскурсоводом, связал свою судьбу с историей этого города.

Во время командировки в осажденный Севастополь Фазин неожиданно встретил в нем Н.М. Кулакова, с которым был когда-то знаком во времена комсомольской юности в Киеве. Прошли годы, и весной 1942 г. член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Кулаков оказался одним из руководителей обороны Севастополя. Когда ему доложили, что на подходе к городу транспорт «Чапаев» подорвался на минном заграждении и оказавшийся за бортом Фазин чудом спасся, Кулаков взял его под свою опеку: помог с жильем, отрекомендовал подчиненных для встреч и бесед, организовал поездки в подразделения ЧФ.

Но оказалось, что у него есть и особый интерес. Кулаков завел разговор о том, что Севастополь – «бастион мужества», который достоин войти в историю. В осажденном городе побывало немало литераторов и военкоров[23], но, по мнению Кулакова, «нам нужен

[23] Сражающийся Севастополь действительно притягивал к себе литераторов. Во время осады здесь в числе других побывали Леонид Соболев, Леонид Соловьев, Сергей Алымов и др. Рвался в Севастополь и соавтор «Двенадцати стульев» Евгений Петров. В публикуемой нами в данном сборнике стенограмме беседы с командиром лидера «Ташкент» В.Н. Ерошенко рассказывается, как лидер прибыл в бухту Севастополя в ночь на 27 июня 1942 г., писатель сошел было на берег, но был возвращен на «Ташкент». В условиях развернувшихся в городе боев лидеру было приказано срочно грузиться и вместе с Е. Петровым покинуть Севастополь. Литератор А.М. Хамадан (Файнгар) успел побывать в осажденном Севастополе несколько раз и даже опублико-

историк, который расскажет о событиях обороны Севастополя на примере 30-й батареи или 7-й бригады морской пехоты»[24]. Увидев заинтересованность Фазина, Кулаков передал ему для ознакомления материалы для будущей истории. В папке оказались данные об обороне города, сводки и обзоры боевых действий с описанием эпизодов боев и героизма защитников города, докладные записки о политработе в частях и др.

После встречи с Кулаковым Фазин загорелся идеей собрать материал по истории обороны Севастополя. Когда он в середине марта 1942 г., после двухнедельного нахождения в расположении 7-й бригады морской пехоты, прибыл на 30-ю батарею береговой обороны ЧФ, то представил руководству батареи свою цель уже значительно шире редакционного задания, которое получил в Москве: «Я... вижу свою задачу не только в корреспонденциях. Стараюсь я больше для истории, то есть, в задание мое входит и собирание такого материала, который сейчас и не подумаешь печатать, в силу понятных обстоятельств, а потом этому материалу цены не будет»[25], – сообщил он. В доказательство своих полномочий и особого расположения начальства он показал папку с документами Кулакова, что должно было развеять последние сомнения. «Ну раз вы для истории стараетесь, то все Вам расскажем и покажем... Пускай потомки знают, почем фунт истории...»[26], – произнес в ответ комиссар батареи старший политрук Е.К. Соловьев, до войны – работник одного из райкомов партии. Однако во время индивидуальной беседы Е.К. Соловьев проявил большую осторожность. Устно рассказывая довольно много и откровенно о событиях и проблемах обороны Севастополя, он при этом не забывал указывать Фазину, что именно из его повествования можно записать в журналистский блокнот, а что нет, поясняя: «Пока война, даже истории не всё положено знать»[27].

Дело было не только в опасении раскрыть военную тайну. Все ли, что происходит на войне, подлежит огласке? Нужно ли, например, давать бытовые подробности? Наряду с фактами отваги и самопожертвования, рассказывать и тем самым оставлять «для истории»

вать свои впечатления (*Хамадан А.М.* Севастопольцы. Записки военного корреспондента. М., 1942). Во время третьего штурма он попал в плен и год спустя погиб в неволе.

[24] После войны он издаст свои воспоминания об обороне Севастополя, в которых подробно опишет и деятельность этих подразделений: *Кулаков Н.М.* 250 дней в огне. М., 1965.

[25] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. М., 1986. С. 187.

[26] Там же.

[27] Там же. С. 222.

случаи пьянства, дезертирства, трусости? Как быть с неудачными операциями и ошибками командования, с влиянием личных отношений на службу? Например, в своем интервью помощник командира 30-й батареи по тылу И.Т. Подорожный весьма подробно повествует о личных качествах бывших сослуживцев. В том числе он рассказал, что за ноябрьские 1941 г. бои под Севастополем командир 30-й батареи Г.А. Александер был представлен к высокой награде – ордену Красного Знамени, а комиссар этой батареи Е.К. Соловьев – представлен не был[28]. По мнению Подорожного, это произошло из-за натянутых отношений Соловьева с его вышестоящим начальником – комиссаром артдивизиона.

Стоит ли об этом рассказывать в интервью? Подобные вопросы неоднократно всплывали, но однозначного ответа на них не находилось. Практика показала, что респондент сам решал, о чем стоит говорить, а о чем нет. Однако можно обратить внимание на то, что приглашенного для беседы всегда просили больше рассказывать о случаях героизма, свидетелем которых он оказался, а вот раскрывать негативные явления не считалось обязательным. Фазин впоследствии признавался, что в ходе интервью он избегал задавать вопросы, которые могли поставить респондента в неудобное положение, например, если они касались военных секретов: «... не обо всем он может рассказать при всем желании оставить свидетельство для истории»[29].

Впоследствии, проведя уже в качестве сотрудника Комиссии И.И. Минца десятки бесед с военнослужащими, Фазин смог убедиться в том, что представители командования и политорганов, являвшиеся носителями военных секретов и прошедшие до войны основательную школу жизни, как правило, вели себя во время интервью более осторожно и сдержанно, чем более молодые по возрасту младшие офицеры и рядовые. Морские офицеры порой более откровенно делились своими мыслями и переживаниями с также носившим военную форму Фазиным тет-а-тет и не под запись. Появление стенографистки в цивильном платье, использующей вместо слов загадочные значки (со стенографией были знакомы далеко не все опрашиваемые) могло изменить ход доверительного разговора. Кто-то опасался «лишних ушей», однако некоторые респонденты Фазина в присутствии молодой симпатичной стенографистки, напротив, вели себя более раскованно.

---

[28] Соловьев был награжден орденом Красной Звезды только в конце февраля 1942 г. Александер и Соловьев погибли во время третьего штурма Севастополя.

[29] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. М., 1986. С. 301.

Многое зависело от того, в каком месте и в какой обстановке проводится интервью. Попытки бесед в госпитальной палате, на квартире, непосредственно на передовой или на кораблях ЧФ, в присутствии посторонних, не всегда в полной мере удавались. В окопах «записывать беседы с бойцами никакой возможности, разговаривать приходится вполголоса»[30], – сетовал по этому поводу Фазин весной 1942 г., находясь под Севастополем в расположении 7-й бригады морской пехоты.

Помимо пока еще журналистских, с записью в блокнот, бесед с участниками обороны Севастополя, весной 1942 г. Фазин начал собирать и документальный материал. Кроме упомянутой папки, переданной Кулаковым, на 30-й береговой батарее ему дали ознакомиться с документами, которые могли пригодиться для истории подразделения. Среди них оказалась записка под названием «Краткая история 30-й батареи». Фазина она настолько заинтересовала, что он захотел переписать содержание записки в свой блокнот, но получил ее в подарок (видимо, в наличии имелся не один машинописный экземпляр) и, по его словам, после войны он хранил этот документ, привезенный из осажденного Севастополя, как реликвию в домашнем архиве[31].

Наряду с материалами военного делопроизводства, в документах оказалось неотправленное письмо павшего в бою батарейца, который пытался успокоить своих домашних стихотворным рассказом о своем житье-бытье (эти незатейливые строки Фазин переписал в свой журналистский блокнот):

Живем, не тужим,
Фашистов стружим,
Водку пьем
И фрицев бьем[32].

---

[30] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 170.

[31] Там же. С. 191–192. Судьба записных книжек военных лет и других документов домашнего архива писателя неизвестна. Сегодня, однако, есть возможность не только изучить «Краткую историю 30-й батареи», которая хранится в филиале ЦАМО РФ – Архиве ВМФ в Гатчине, но и выяснить обстоятельства составления этого документа. Он датирован 24 февраля 1942 г. и подготовлен в связи с представлением 1-го отдельного артдивизиона Береговой обороны ЧФ, в состав которого входила 30-я батарея, на Гвардейское звание. Это почетное звание было присвоено дивизиону приказом НК ВМФ 18 июня 1942 г. К тому времени в ходе третьего штурма Севастополя 30-я батарея сражалась в окружении врага (ЦАМО РФ – Архив ВМФ. Ф. 2094. Оп. 0077268. Д. 7).

[32] Там же. Речь в стихотворении идет об официально выдававшихся в РККА и ВМФ в соответствии с решением СНК СССР от 30.8.1941 г.т.н. «наркомовских 100 граммах».

В конце апреля 1942 г. по приказу командования Фазин был отозван из Севастополя на «большую землю», после чего он вернулся к основному месту службы в Москву, в журнал «Агитатор».

После освобождения Севастополя от нацистов весной 1944 г. Фазин уже в качестве опытного сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны бывал в этом городе, собирал материалы, брал интервью[33]. Однако его первая журналистская командировка в Севастополь весной 1942 г. имела особое значение, убедив в важности труда историка и подготовив его тем самым к последующей работе в Комиссии.

1943–1945 ГГ.: НОВЫЕ ЭТАПЫ СОБИРАНИЯ КОМИССИЕЙ МАТЕРИАЛОВ ОБ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ

Успешная деятельность Комиссии по собиранию материалов военно-морской тематики объяснялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, авторитетом И.И. Минца, обладавшего связями в политическом и военном руководства, а также заинтересованной поддержкой со стороны начальника Главного политического управления ВМФ И.В. Рогова, который решением ЦК партии был включен в состав Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В-третьих, тем, что история обороны Севастополя оказалась в руках З.И. Факторовича (Фазина), который ответственно отнесся к этому поручению.

После того, как в начале декабря 1942 г. З.И. Факторович (Фазин) был прикомандирован к Комиссии, первые несколько месяцев ушли у него на ознакомление с ранее собранными М.Г. Седовым документами по истории обороны Одессы и Севастополя. Одновременно он, опираясь на выданные Минцем рекомендательные письма, продолжил работу Седова по сбору дополнительных материалов в структурах ВМФ в Москве. В январе-феврале 1943 г., в частности, он получил доступ к материалам Главного политуправления ВМФ и Главного морского штаба НК ВМФ[34].

Факторовичу также удалось разыскать нескольких временно находившихся в столице участников обороны Севастополя и взять у них интервью. Среди них был Ф.П. Вершинин – бывший военный

---

[33] Стенограммы бесед об освобождении Крыма и Севастополя публиковались нами в кн.: «Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг.: сб. док. / отв. ред. С.В. Журавлев. М.; СПб., 2020.

[34] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 87, 89, 94.

комиссар крейсера «Красный Крым», на котором в апреле 1942 г. Фазин покидал Севастополь.

В наградном листе 1945 г., в связи с представлением к ордену Красной Звезды, отмечалось, что, будучи сотрудником Комиссии, капитан З.И. Факторович (Фазин) «сумел в ходе войны организовать и собрать большой научно-исторический материал об обороне и освобождении городов-героев Севастополя и Одессы и по участию Черноморского флота в войне. Эту важную и трудную работу капитан Факторович проводил непосредственно в действующих частях и на кораблях ВМФ и в базах флота».

Действительно, значительная часть материалов по истории обороны Севастополя была собрана Фазиным в ходе нескольких командировок в прифронтовую полосу. Первая командировка – на Кавказское побережье, где после захвата неприятелем Севастополя находилась Главная база и штабные структуры Черноморского флота, – состоялась весной 1943 г.

Подготовка к командировке велась заранее. В частности, 21 января 1943 г. Минц вновь (после несостоявшейся поездки Седова) направил письмо одному из бывших руководителей обороны Севастополя, в тот момент –командующему Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанту И.Е. Петрову. Минц просил оказать содействие в развернутой Комиссией работе по истории обороны Севастополя и сообщал: «В ближайшее время мы намерены послать к Вам нашего ответственного сотрудника капитана Фазина З.И.»[35] Спустя несколько дней, 27 января 1943 г., И.И. Минц информировал руководство Главного политуправления ВМФ, что прикомандированный к Комиссии с 5 декабря 1942 г. капитан Факторович (Фазин) «закончил ознакомление с [имеющимся в Москве] материалом [об обороне Севастополя] и направляется для собирания дальнейшего материала на Черноморский флот». Минц просил оформить З.И. Фазину и стенографистке Комиссии А.И. Шамшиной командировку на 2 месяца. Это ходатайство было поддержано, после чего Факторовичу и Шамшиной была оформлена командировка с 10 февраля по 10 апреля 1943 г.[36]

Фазин вез с собой на Кавказ рекомендательные письма И.И. Минца, адресованные персонально двум лицам – командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому и командующему Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанту И.Е. Петрову. Оба письма были датиро-

[35] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 168.
[36] Там же. Д. 22. Л. 95, Д. 34. Л. 91.

ваны 10 февраля 1943 г. и имели одинаковое содержание[37]. Предполагалось, что по прибытии на место Фазин передаст их адресатам, а те окажут ему содействие. Таким образом встречи с Октябрьским и Петровым, и запись интервью с ними рассматривались руководством Комиссии как приоритетные пункты командировки Фазина.

«Вы знаете, что Комиссия по истории Великой Отечественной войны собирает материалы и готовит книгу об обороне Одессы и Севастополя. Нет нужды говорить Вам, насколько важна эта работа, насколько она трудна в настоящих условиях, но, тем не менее, крайне необходима. Именно сейчас, не откладывая дела в долгий ящик, надо вылавливать тот ценнейший материал, который не только для будущей истории, но уже в ходе войны сослужит нам большую службу. Особенно это относится к материалу, который не фиксирован, не записан, а хранится лишь в памяти и переживаниях участников Отечественной войны»[38], – отмечал Минц. Далее он переходил к тому, что в настоящее время Комиссия имеет ответственное поручение – подготовить и выпустить в возможно более короткие сроки книгу об обороне Одессы и Севастополя в 1941–1942 гг. Для этого идет сбор материалов по трем основным направлениям: запись воспоминаний активных участников обороны, сбор документальных материалов, а также подбор литературы (книги, газеты, листовки, брошюры и др.) «Многое из того, что можно было собрать и сделать в самой Москве, уже сделано», – сообщал Минц. Для сбора материалов на Кавказе «Комиссия командирует к Вам ответственного сотрудника капитана Фазина З.И.»

Далее в письме Минца содержались конкретные просьбы. «Большую помощь могли бы оказать нам Вы, поделившись, во-первых, личным подробным рассказом о Вашей боевой жизни во время войны. Чем подробнее будет рассказ, тем лучше. Дайте в нем характеристику основных военных операций, проведенных Вами, отдельных эпизодов обороны Одессы и Севастополя, ее руководителей, и особенно расскажите о наших бойцах. Другими словами, все, что Вы видели». Помимо согласия на интервью, Минц просил «оказать содействие тов. Фазину в собирании документов и материалов по обороне Севастополя и Одессы и в записи воспоминаний Ваших товарищей – героев обороны». Если у Октябрьского и Петрова есть документы по истории обороны Одессы и Севастополя, то Минц просил передать их для Комиссии через Фазина или выслать непосредственно в Москву на адрес Комиссии. «Гарантируем Вам полную

[37] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 198, 200.
[38] Там же.

сохранность документов. Работать над ними будут только те, кому поручено ЦК»[39], – заверял Минц в конце письма.

Добираться из Москвы на Черноморское побережье Кавказа Фазину и Шамшиной пришлось по железной дороге окружным путем. На деле вместо двух месяцев эта командировка продлилась 73 дня, из которых на месте удалось поработать только 44. Остальные ушли на дорогу в оба конца[40]. В материалах Комиссии сохранился приказ, из которого видно, что Фазин и Шамшина после возвращения в Москву приступили к работе только 23 апреля 1943 г.[41]

Во время командировки на Кавказ ими было взято 38 (по другим данным – 40) интервью с участниками обороны Севастополя и получен другой ценный документальный материал. Основная часть бесед проходила в Поти, где в то время располагалась Главная база ЧФ, но некоторые записи были сделаны также в Туапсе, Сухуми, Сочи (здесь было много госпиталей и во время оккупации располагался Крымский обком партии, руководители которого тоже были опрошены).

По возвращении в Москву Фазин представил руководству Комиссии краткий отчет о командировке – справку о собранных им материалах. «Основной задачей поездки на Черноморский флот был сбор материала по теме «Оборона Севастополя и боевые операции Черноморского флота», – отчитывался Фазин, – Сбор материала производился непосредственно на кораблях и в частях Черноморского флота. Застенографированы рассказы 40 участников обороны Севастополя. Среди них представители командования флота, работники Политуправления флота, командиры, политработники и бойцы кораблей, а также частей морской пехоты, авиации, береговой обороны и т.д.»[42] По мнению Фазина, из собранных им весной 1943 г. материалов наибольший интерес представляли стенограммы бесед с командующим ЧФ вице-адмиралом Ф.С. Октябрьским, а также с рядом других офицеров и политработников флота (в общей сложности в его справке 12 фамилий наиболее ценных респондентов).

В их числе летчик Н.А. Токарев, для встречи с которым Фазин с Шамшиной выезжали в расположение его авиабригады на побережье Черного моря, а также знакомый Фазину еще по его поездке в Севастополь весной 1942 г. бывший командир 7-й бригады морской пехоты ЧФ 43-летний полковник Е.И. Жидилов[43]. Оказалось, что

---

[39] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 198, 200.

[40] Там же. Д. 38. Л. 11. Сведения о командировках сотрудников Комиссии в 1943 г.

[41] Там же. Д. 34. Л. 75.

[42] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 105.

[43] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. М., 1986. С. 278–279, 300.

этот легендарный комбриг, который во время обороны Севастополя был трижды ранен, но не ушел с передовой, в марте 1943 г. страдал от банальной простуды. Вместо своего служебного помещения (он занимал тогда должность в штабе ЧФ в Поти) он пригласил сотрудников Комиссии к себе на квартиру. Пока Шамшина с женой Жидилова готовили на кухне чай, мужчины вспоминали свою первую встречу в Севастополе. Когда чай был выпит и началась официальная часть интервью с участием стенографистки, выяснилось, что Жидилов «не очень охотно разрешает ей записывать». В частности, Фазин хотел больше узнать о последних боях бригады во время 3-го штурма города, но для Жидилова гибель сослуживцев и обстоятельства собственного спасения были слишком тяжелой темой, и он, как показалось Фазину, стремился уйти от нее[44].

В целом командировка складывалась удачно. Интервью удалось провести и с некоторыми офицерами подводных лодок и надводных кораблей ЧФ, базировавшихся на побережье. Напрасно опасаясь флотских суеверий, Фазин сначала предпочитал не брать с собой на корабли стенографистку, о чем потом сожалел – настолько важными и интересными оказывались беседы с моряками. Так, с его слов, в марте 1943 г. в Поти он побывал на кораблях, участвовавших в обороне и снабжении Севастополя в 1941–1942 гг. Интервью он тогда брал то на палубе, то в кают-кампании, то в матросском кубрике. «Узнаю много, но записи веду куцые, сумбурные, кое-как и на ходу»[45], – признавался Фазин, особенно сокрушаясь, когда с ним не было стенографистки. В некоторых случаях с этими же участниками событий ему удавалось встретиться позднее вновь и организовать интервью под запись. Опыт показывал, что стенографирование луч-

---

[44] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 278–279. В конце июня 1942 г., когда сдача Севастополя стала неизбежной, полковник Жидилов в числе других командиров был вызван с передовой сначала на совещание в штаб Севастопольского оборонительного района, а затем получил приказ срочно эвакуироваться оттуда на «большую землю». В результате он не успел попрощаться со своими бойцами (к тому моменту из трех батальонов бригады в строю оставалось 150 чел.), перед которыми он, командир, неожиданно для них исчезнувший и в итоге выживший, чувствовал свою вину. В 1973 г. Е.И. Жидилов выпустил книгу воспоминаний о 7-й бригаде морской пехоты «Мы отстаивали Севастополь».

[45] Там же. С. 275. Старое суеверие о том, что женщина на военном корабле – к беде, во время Великой Отечественной войны вряд ли имело широкое распространение. В том числе потому, что суда гражданского флота, на которых ходили в том числе женщины, с началом войны были мобилизованы для военных нужд и участвовали в совместных операциях с ВМФ. Кроме того, надводные корабли ЧФ во время осады постоянно эвакуировали из Севастополя гражданское население.

ше проводить на берегу, в спокойной обстановке служебного помещения (на практике часто – в местном политотделе).

Отказов от общения Фазин почти не встречал. «Все дороги открывала передо мной бумага, что я – из Комиссии...»[46], – вспоминал впоследствии Фазин. Это не исключало проявления бдительности со стороны военных, особенно на высоких должностях, с которыми он встречался: «Кто я, он выяснил еще до начала беседы при знакомстве, и документы проверил со всей тщательностью»[47].

Особый интерес вызвала у З.И. Фазина личность командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского – одной из ключевых фигур в истории обороны Севастополя. Фазин смог передать адресованное ему процитированное выше письмо И.И. Минца от 10 февраля 1943 г., после чего Октябрьский пригласил сотрудников Комиссии для интервью в свой просторный кабинет на флагманском КП Черноморского флота в г. Поти. «Командующий ЧФ вице-адмирал Октябрьский без долгих раздумий согласился побеседовать со мной при стенографистке... Никогда ни до, ни после войны я не встречал такого уважения к истории, как в те дни», – вспоминал Фазин, имея в виду в том числе готовность командующего ЧФ ради интервью, предназначенного «для истории», отложить срочные дела[48].

Беседа З.И. Фазина с Ф.С. Октябрьским при участии стенографистки Комиссии А.И. Шамшиной получилась долгой и непростой. Достаточно сказать, что в один день уложиться не удалось. Публикуемая в нашем сборнике стенограмма стала результатом двух дней работы – начался разговор 7 марта 1943 г., а продолжился на следующий день, когда Ф.С. Октябрьский начал с воспоминаний об обороне Одессы, а далее, судя по всему, по просьбе Фазина вносил дополнения и уточнения в сказанное им в первый день.

Для всестороннего анализа содержания любой стенограммы предпочтительно знать подробности беседы, информацию о внешнем виде, эмоциональном состоянии, реакцию респондента на ту или иную затронутую в ходе беседы тему и т.д. Современному историку важно понять и то, все ли вошло в итоговый текст стенограммы, была ли проведена ее авторизация и какие именно правки вносились. В связи с этим оставленное З.И. Фазиным в вышедшей после

---

[46] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 265.

[47] Там же. С. 302.

[48] Там же. С. 265. Необходимо иметь в виду, что во время интервью весной 1943 г. Черноморский флот, которым командовал Ф.С. Октябрьский, участвовал в боевых действиях в ходе Краснодарско-Новороссийской наступательной операции РККА.

войны книге «Херсонесский мыс» подробное описание его интервью с Октябрьским 7–8 марта 1943 г. представляет несомненный интерес.

Выясняется, в частности, что стенограмма не отразила реального участия Фазина в беседе. Она выглядит как монолог адмирала, тогда как на самом деле Фазин периодически задавал ему вопросы, направляя разговор в определенное русло. В фонде Комиссии Минца есть сравнительно немного стенограмм, построенных в форме диалога, однако подавляющее большинство не отражают участия интервьюера в беседе. Скорее всего, стенографистка просто не фиксировала вопросы, тщательно занося лишь ответы на них. Поэтому при чтении некоторых мест в тексте создается впечатление, что опрашиваемый перескакивает с одной темы на другую.

Какое же впечатление произвел на З.И. Фазина 43-летний командующий ЧФ Ф.С. Октябрьский? «Он небольшого роста, лысоватый, держится просто, не важничает. Вопросов не ждет. Что надо рассказать, сам знает»[49], – подмечал сотрудник Комиссии. Октябрьский, как его и просили, начал с рассказа о довоенной биографии, поведал о семье, родителях, о судьбе своих братьев и сестер, о службе на флоте. Когда речь зашла о военном времени, появилось напряжение. Октябрьский поинтересовался у бравших интервью, всю ли правду обычно говорят респонденты, не утаивают ли чего. Фазин, с его слов, ответил, что, конечно, не всю, а про себя почему-то подумал, что и Октябрьский тоже всю правду не скажет[50].

«С горечью говорил он о боях под Керчью, – ничего не скрывал и никого не щадил. Я видел – он так волнуется, хоть сердечные капли подавай», – записал Фазин. Далее Октябрьский приступил к рассказу о боях за Севастополь. Он вспоминал о героических эпизодах обороны, о штурмах города, о том, как во время третьего штурма 7-я бригада морской пехоты дралась геройски, и почти вся погибла; как 30-я батарея долго держалась, несмотря на массированные бомбежки с воздуха. Перечислил имена погибших. Неожиданно он отвлекся и обратился к бравшим интервью: «Признаюсь, у меня у самого сердце начинает щемить, как вспомню. Только Вы, Анастасия Ивановна, этого не записывайте, пожалуйста, – попросил он стенографистку Шамшину. – Не все позволено мне, сами понимаете...»[51] В этот момент Фазин засомневался, то ли Октябрьского беспокоило, как он, адмирал, выглядит в глазах молодой симпатичной стенографистки, то ли командующий Черноморским флотом не хочет быть

[49] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 266.
[50] Там же. С. 268.
[51] Там же. С. 270.

запечатленным «для истории» слабым и сентиментальным человеком. Описанное выше отступление от интервью, как и просил Октябрьский Шамшину, в текст стенограммы не попало.

Когда речь зашла о последних трагических днях обороны Севастополя, интервью достигло своей кульминации. Фазин спросил, сколько оставалось населения в городе в конце штурма. Октябрьский ответил, что тысяч 30 из более чем 100 тыс. до войны. В последние дни город горел, а тушить пожары было некому. Трупы не вывозились. Спасти раненых не было возможности. Кончались боеприпасы, и все же остатки наших войск сражались. «Видно, что каждое слово дается Октябрьскому с трудом, он тер и тер лоб»[52], – записал Фазин, отметив нарастающее волнение адмирала.

После вопроса о количестве наших военнослужащих, попавших в плен в Севастополе, Октябрьский попросил стенографистку остановить запись, но так ничего и не ответил. «Проходит напряженная минута. Командующий вздыхает всей грудью и молчит», – написал Фазин. После паузы Октябрьский начал говорить о несравнимом превосходстве сил в пользу немцев, что и предопределило исход сражения. «Решаюсь задать еще вопрос Октябрьскому: «Последние бои проходили уже на Херсонесе. Вы были там?» «Октябрьский долго молчит, вертит в руках карандаш. Был... да... – вдруг откинул карандаш и шумно вздохнул...»[53]. Он рассказал, что на Херсонесском мысе располагалась 35-я батарея, ставшая последним оплотом обороны, но сражаться к тому времени было уже нечем – кончились боеприпасы. «Там у моря я и держал до последних минут свой КП, – поведал Октябрьский. – Со мной были Кулаков, генерал Петров, Моргунов и другие лица из руководства армией и флотом»[54]. Адмирал начал интервью сидя за рабочим столом, но, говоря о последних днях обороны Севастополя, он инстинктивно встал. Это не осталось незамеченным для Фазина: «Разволновался человек, я видел. Уже стоя, рассказывал, как трудно было эвакуировать людей с Херсонеса...»[55]

На второй день беседы Фазин попросил Октябрьского дополнить то, что он сам посчитает нужным и важным. Тот неожиданно ответил, что, оказывается, не сказал еще и десятой доли того, что должен был рассказать «для истории». «Итак, попал я, значит, в историю», – скаламбурил он вслед за этим с улыбкой (данное лирическое отступление в текст стенограммы не вошло). Тем не менее, дополняя

[52] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 270.
[53] Там же. С. 271.
[54] Там же. С. 271–272
[55] Там же. С. 272.

свой рассказ о защитниках Севастополя, адмирал счел важным подчеркнуть, что мужество жителей Севастополя, среди которых преобладали женщины, не уступало мужеству военных. Нахлынувшие воспоминания настолько его растрогали, что, по словам Фазина, «Октябрьский, не стесняясь нас [с Шамшиной], вытер глаза большим носовым платком». После завершения интервью командующий ЧФ поинтересовался судьбой того, что он рассказал. Фазин пообещал, что, по крайней мере, пока идет война, ничего из этой беседы не будет опубликовано[56].

В целом во время интервью бывший командующий Севастопольским оборонительным районом проявил осторожность. Не сказав ничего «лишнего», он смог в то же время продемонстрировать, что искренне переживает за сдачу города и гибель людей, а также представить выгодную ему версию событий последних дней обороны, которые еще могли грозить ему разбирательством с серьезными последствиями[57].

Прошло более года после этого интервью. Ф.С. Октябрьский пережил непростой период, когда его снимали и вновь назначали на должности. Ситуация изменилась лишь после того, как в марте и апреле 1944 г., судя по журналу посещений вождя, вновь назначенный командующим Черноморским флотом Октябрьский дважды был принят И.В. Сталиным в его кремлевском кабинете. 10 апреля 1944 г. ему было присвоено очередное воинское звание – адмирал. Все это было воспринято как своего рода «окончательное прощение» за Севастополь.

В мае 1944 г., после освобождения советскими войсками Крыма и Севастополя, сотрудник Комиссии З.И. Фазин был направлен в командировку на полуостров[58]. Он должен был собрать материал о недавних боях в Крыму и провести дополнительную серию интервью с участниками обороны Севастополя 1941–1942 гг. Пользуясь этой оказией, 11 мая 1944 г. И.И. Минц составил очередное письмо в адрес Ф.С. Октябрьского[59], которое ему должен был передать

---

[56] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 273–274.

[57] Осенью 1942 г. для изучения опыта обороны Севастополя НК ВМФ создало специальную комиссию во главе с начальником Управления боевой подготовки Главного Морского штаба вице-адмиралом С.П. Ставицким. Комиссия могла выявить упущения со стороны руководства СОР и ЧФ.

[58] Письмо И.И. Минца – начальнику Политуправления ЧФ генерал-майору А.Н. Филаретову от 11 мая 1944 г. с просьбой оказать содействие командируемому в Крым сотруднику Комиссии З.И. Факторовичу (Фазину) в сборе материалов о деятельности ЧФ в годы войны (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 48).

[59] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 45–45 об.

Фазин. В нем руководитель Комиссии благодарил за то, что весной 1943 г. Октябрьский «оказал большое содействие в проведении сбора материалов об обороне Одессы, Севастополя и участия в этом ЧФ. Вы поделились также личным рассказом, стенограмма которого представляет чрезвычайно ценный и богатый документ для будущей истории Великой Отечественной войны». Капитану Фазину, говорилось далее в письме, поручено доставить расшифрованную стенограмму этих воспоминаний Октябрьскому для авторизации. «Направляя стенограмму, Комиссия просит прочесть ее и после исправления возможных неточностей, подписав ее, вернуть нам через тов. Фазина»[60], – говорилось в конце письма.

Однако в конце мая – июне 1944 г. встретиться с Октябрьским Фазину не удалось, так как во время его командировки командующий Черноморским флотом в Крыму и Севастополе не появлялся. Главная база ЧФ до осени 1944 г. продолжала оставаться на кавказском побережье. «Флота мы здесь не нашли, никакие корабли пока сюда не ходят (из-за мин)»[61], – докладывал Фазин в письме Минцу 16 июня 1944 г. из находившегося тогда в руинах и почти безлюдного Севастополя. Соответственно, стенограмма интервью с Ф.С. Октябрьским от марта 1943 года так и осталась не авторизованной.

В отличие от Ф.С. Октябрьского, встретиться с генерал-лейтенантом И.Е. Петровым, чтобы взять у него интервью, Фазину и его коллегам –сотрудникам Комиссии не удалось ни в 1943, ни в 1944–1945 гг. Этому есть свои объяснения. 5 февраля 1943 г. Черноморская группа войск (ЧГВ) Закавказского фронта, которой командовал Петров, была передана в состав Северо-Кавказского фронта. Вначале ЧГВ сохраняла самостоятельность, но после 15 марта 1943 г. началось слияние их командных и штабных структур. Одновременно с этим Петров был назначен начальником штаба Северо-Кавказского фронта. Непрерывные управленческие пертрубации, по времени совпавшие с командировкой Фазина, к тому же происходили в условиях тяжелых боев этих войск фронта в ходе Краснодарско-Новороссийской наступательной операции.

Но возможно, что занятость генерала одновременно оказалась удобным поводом отказаться от интервью? Известно, что И.Е. Петров в первое время крайне тяжело переживал потерю Севастополя и гибель людей. С одной стороны, он понимал, что с военной точки зрения сделал все, что мог, так как сохранить город в сложившихся условиях было невозможно. Другое дело – вопрос эвакуации войск

[60] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 45–45 об.
[61] Архив РАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 998. Л. 3 об.

и гражданского населения. Основные моральные терзания он испытывал по поводу того, верно ли сделал, что согласился эвакуироваться из обреченного Севастополя вместе с другими представителями командования обороной[62]. А.Г. Капитохин, интервью с которым отложилось в коллекции, на основании личных встреч с генералом в июле 1942 г. отмечает, что в первый период после эвакуации из Севастополя Петров «был близок к самоубийству, и только благодаря своему железному характеру он мог все это перенести».

Рассказывать о трагических днях обороны Севастополя генерал И.Е. Петров и после войны не любил. В отличие от многих военачальников, он не оставил мемуаров (генерал армии, Герой Советского Союза И.Е. Петров умер в 1958 г. в возрасте всего 61 года). Вероятно, единственным сохранившимся свидетельством стала публикация небольшого текста его доклада «Севастополь в Великой Отечественной войне», с которым он выступил 27 октября 1954 г. на совместном заседании Ученого совета Института истории АН СССР и Отделения исторических наук АН СССР[63]. Этот доклад, уместившийся на 28 страницах формата А4, соответствовал официальным трактовкам событий, сформировавшимся после войны. Кратко охарактеризовав основные этапы обороны Севастополя и роль в ней флота и Приморской армии, которой он командовал, И.Е. Петров воздержался от рассказа о трагическом последнем периоде обороны, о деталях собственной эвакуации и о последующих моральных переживаниях. В докладе отсутствовало личностное, эмоциональное восприятия событий, столь характерное для стенограмм Комиссии И.И. Минца военных лет.

Несколько слов об обстоятельствах появления других стенограмм. Из отчета Комиссии Минца за 1944 год следует, что З.И. Фазиным

---

[62] На последнем чрезвычайном Военном Совете СОР 30 июня 1942 г., проходившем на 35-й батарее, Ф.С. Октябрьский, сообщив о полученном разрешении на эвакуацию его и командования СОР, предложил оставить вместо себя в Севастополе своего заместителя генерала И.Е. Петрова и сообщил, что этот вопрос был предварительно согласован им со Ставкой и с наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым. Однако в ходе обсуждения на этом Военном Совете было принято решение оставить руководить обороной и обеспечением эвакуации, что в тех условиях было сопряжено со смертельной опасностью, не Петрова, а командира ниже рангом – комдива П.Г. Новикова. Октябрьский тут же утвердил это решение Военного совета СОР, а Петров не стал возражать, хотя оно противоречило согласованному со Ставкой. Через несколько дней выяснилось, что оставленный в обреченном Севастополе комдив Новиков пропал без вести (на самом деле он попал в плен и впоследствии погиб в концлагере).

[63] *Петров И.Е.* Севастополь в Великой Отечественной войне // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Т. 5. М., 1955. Оригинал текста этого доклада, авторизованный И.Е. Петровым, хранится в НА ИРИ РАН.

в ходе командировки в только что освобожденный от врага Крым весной-летом 1944 г. было проведено стенографирование еще 51 беседы с участниками обороны и освобождения Одессы и Севастополя[64]. В местечке Чистеньком под Симферополем, где располагался штаб 51-й армии, Фазин и Шамшина записывали военнослужащих, а также подпольщиков и партизан, некоторые из которых участвовали в обороне Севастополя 1941–1942 гг. В отношении последних это было нелегким испытанием, поскольку «пережили они столько, что беседа с каждым отнимает чуть не полдня, причем в ходе интервью люди часто плачут, вспоминая погибших родных и близких»[65]. В феврале – марте 1945 г. состоялась последняя отраженная в источниках командировка Фазина на Черноморский флот в годы войны[66]. Ему и другим сотрудникам Комиссии тогда удалось опросить моряков, участвовавших в обороне и освобождении Крыма, в том числе командиров бронекатеров, тральщиков, морских охотников, подводных лодок.

Необходимо отметить, что в 1943–1945 гг. к сбору документов и проведению интервью по военно-морской тематике, помимо З.И. Факторовича (Фазина), дополнительно привлекались и другие сотрудники Комиссии. Так, с января 1943 г. руководство ВМФ для сбора материалов об участии в войне моряков и частей флота временно прикомандировало к Комиссии нескольких слушателей курсов начсостава ВМФ, имевших историческое образование: капитанов административной службы В.А. Дивина и Н.П. Мазунина, а также старшего лейтенанта Ф.С. Криницына[67]. Одновременно И.И. Минц обратился с личными письма к некоторым ключевым фигурам обороны Севастополя с просьбой дать интервью. Среди них был контр-адмирал Н.Ф. Заяц, руководивший службой тыла ЧФ, а с августа 1942 г. возглавлявший в Москве постоянную приемную комиссию при НК ВМФ, которая принимала строящиеся боевые корабли. К нему для проведения интервью был направлен В.А. Дивин[68]. Эти стенограммы сохранились в НА ИРИ РАН.

---

[64] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 108, 118. Некоторые из этих стенограмм были опубликованы нами ранее в кн. «Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Севастополя. 1943–1944 гг. (М.; СПб., 2020).

[65] *Фазин З.И.* Херсонесский мыс. С. 308.

[66] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 200.

[67] Там же. Л. 255. Очевидно, не без влияния работы в Комиссии Мазунин после войны написал несколько научно-популярных брошюр по военно-морской тематике: «Волжская военная флотилия в Великой Отечественной войне» (М., 1947) и «Черноморский флот в Великой Отечественной войне» (М., 1949).

[68] Там же. Л. 247.

Не вполне ясным остается вопрос, почему в годы войны, при наличии значительного количества собранных Комиссией материалов, так и не была завершена подготовка сборника документов или книги об обороне Севастополя. Между тем в отчете о работе Комиссии за 1943 г. утверждалось, что З.И. Фазиным был собран основной материал для книги «Оборона Севастополя»[69]. В подтверждение этих слов 28 декабря 1943 г. Комиссия направила запрос начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу Г.А. Степанову: «В связи с работой по истории обороны Севастополя Комиссия просит изготовить и предоставить карты линии фронта под Севастополем к моменту 1, 2 и 3 штурма»[70]. Если встал вопрос о картах и иллюстративном материале, то это могло означать, что подготовка сборника находилась на завершающей стадии либо на основе собранного материала готовилось аналитическое исследование. Можно также предположить, что в собранных Комиссией материалах об обороне Севастополя было слишком много «неудобных» моментов, чтобы они могли в тех условиях пройти военно-политическую цензуру. Что касается стенограмм бесед, то не стоит забывать, что респондентам перед проведением интервью были даны гарантии, что их свидетельства не будут преданы гласности, по крайней мере, до конца войны.

Последний небольшой блок интервью, представленных в материалах Комиссии, относится к первым послевоенным годам, когда в связи с объявлением 1 мая 1945 г. Севастополя городом-героем тема обороны города в 1941–1942 гг. вновь вышла на первый план. К этому времени на базе прекратившей существование Комиссии по истории Великой Отечественной войны И.И. Минц создал сектор истории Великой Отечественной войны в Институте истории АН СССР, в рамках которого был продолжен сбор материалов. В частности, поскольку в имевшихся источниках получило недостаточное освещение участие авиации ЧФ в защите Севастополя, 15 августа 1946 г. Минц направил письмо командующему ВВС ЧФ генерал-лейтенанту авиации П.Н. Лемешко: «Сектор собрал большой материал по обороне Севастополя. В основном это материал Черноморского флота, но у нас очень мало материала об участии ВВС ЧФ»[71]. Минц далее просил посодействовать сбору материалов и проведению интервью с летчиками – участниками обороны и освобождения Севастополя, для чего он командировал из Москвы научного сотрудника Е.М. Грицевскую, которая во время войны в Ко-

[69] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2.
[70] Там же. Д. 22. Л. 147.
[71] НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел. 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 143.

миссии Минца специализировалась на авиационной тематике. Эта поездка оказалась результативной.

В итоге в НА ИРИ РАН отложилось в общей сложности 105 стенограмм бесед с военнослужащими из числа высшего, среднего и младшего начальствующего и рядового состава Черноморского флота и Приморской армии, участвовавшими в 1941–1942 гг. в обороне Севастополя. Стенограммы были записаны в 1942–1946 гг. сотрудниками Комиссии, которым было поручено разрабатывать военно-морскую тематику. Неудивительно поэтому, что в источниках в первую очередь оказалась отражена роль Черноморского флота в героической обороне Севастополя. Вместе с тем, роль флота в обороне города в действительности была настолько существенной и разнообразной, что преобладание интервью с моряками представляется закономерным. Введение этого комплекса источников в научный оборот станет важным вкладом в изучение истории Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 383 с.

«Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг.: сб. док. / отв. ред. С.В. Журавлев. А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов и др. (ред.-сост., коммент.) М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 592 с.

Фазин З.И. Херсонесский мыс. М.: Советский писатель, 1986. – 430 с.

Анисимова Н.Э.

«НЕ ЗНАЮ, ЧТО ДЕЛАТЬ С ДЕНЬГАМИ». УРОВЕНЬ ЖИЗНИ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1941–1945 ГГ.)

Аннотация: *В условиях острой нехватки продуктов питания и промтоваров в годы Великой Отечественной войны все категории населения СССР так или иначе испытывали материальные трудности и снижение уровня жизни. Несмотря на приоритетное снабжение всех рабочих оборонных заводов, трудившиеся там юноши и девушки в возрасте 13–18 лет, недавно пришедшие на производство и составлявшие в годы войны значительную прослойку работников, оказались в наиболее уязвимом положении. Это были физически неокрепшие подростки с несформировавшейся психикой, травмированные войной, многие из которых потеряли родных и близких или остались единственными кормильцами в семье. Дополнительным стрессом для них стала необходимость ускоренного освоения рабочей профессии, адаптации к условиям индустриального производства, выполнения высоких норм выработки при отсутствии отпусков и жестких требованиях трудовой дисциплины.*

Данное исследование основано на материалах органов власти, документах профсоюзных организаций и источниках личного происхождения (дневники, воспоминания, интервью), которые раскрывают вопросы оплаты труда подростков на оборонных предприятиях в годы войны. Нормированное распределение, повсеместный дефицит товаров, возросшие налоги, взносы в Фонд обороны и др. создавали ситуацию, при которой уровень жизни промышленных рабочих, включая подростков, даже при относительно высокой заработной плате оставался сравнительно низким.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; рабочие-подростки; оборонное предприятие; Наркомат боеприпасов (НКБ); заработная плата; уровень жизни; нормированное распределение; дефицит продуктов и промтоваров; военная повседневность*

Anisimova N.E.

"I don't know what to do with the money". The living standard of working teenagers in the USSR during World War II (1941–1945s)

Annotation: *In the conditions of acute shortage of food and manufactured goods during the Great Patriotic War, all categories of the population of the USSR somehow experienced material difficulties and a decline in living standards. Despite the priority supply of all workers of defense factories, the young men and women working there aged 13–18 years, who recently came to production and made up a significant stratum of workers during the war years, found themselves in the most vulnerable position. These were physically weak teenagers with an unformed psyche, traumatized by the war, many of whom lost relatives and friends or remained the only breadwinners in the family. An additional stress for*

them was the need to accelerate the development of a working profession, adapt to the conditions of industrial production, meet high production standards in the absence of vacations and strict requirements of labor discipline.

This study is based on the materials of the authorities, documents of trade union organizations and sources of personal origin (diaries, memoirs, interviews), which reveal the issues of remuneration of teenagers at defense enterprises during the war. Normalized distribution, widespread shortage of goods, increased taxes, contributions to the Defense Fund, etc. created a situation in which the standard of living of industrial workers, including teenagers, even with relatively high wages remained relatively low.
Keywords: *The Great Patriotic War; teenage workers, A defense enterprise; The People's Commissariat of Ammunition (NKB); Wages, standard of living; Normalized distribution; Shortage of food and manufactured goods; Military daily life*

Проблема материального положения населения СССР в годы Великой Отечественной войны является одной из актуальных в современной исторической науке. В условиях стремительного обесценивания денег и повсеместной нехватки ресурсов в условиях войны этот вопрос стоял достаточно остро для всех категорий населения. И хотя проблема товарного дефицита отчасти решалась за счет нормированного распределения, существенная часть базовых потребительских товаров тем не менее оставалась недоступной для многих.

Одной из наиболее уязвимых категорий населения были рабочие подросткового возраста. В большинстве своем оторванные от семьи и травмированные войной, они были вынуждены адаптироваться к новым для них условиям производственной повседневности и вместе с тем переживать наиболее стрессовый – подростковый период жизни. Некоторые из ребят являлись основными добытчиками в своих семьях. Несмотря на приоритетное снабжение промышленных рабочих, подростки в рамках нормированного распределения зачастую сталкивались с серьезными проблемами.

Вместе с тем несовершеннолетние рабочие составляли существенную часть рабочего контингента страны[1]. Подростки поступали на предприятия в порядке добровольного найма или через систему трудовых резервов, путем оргнабора в ремесленные училища (РУ) или школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Закончив обучение и поступив на производство, молодые люди сталкивались с системой нормированного распределения продуктов.

[1] По данным Э. Лившиц – около 27, 44% (Livschiz A. Growing Up Soviet: Childhood In The Soviet Union, 1918–1958. Stanford, 2007. P. 469), согласно данным О. Кучеренко – около 10,5–18,7% (Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor during World War II / Russian Review, 71. July 2012. P. 400).

Юноши и девушки, занятые на предприятиях оборонной промышленности, черной и цветной металлургии, станкостроения, угольной промышленности, а также на электростанциях, в железнодорожном строительстве и нефтехимическом производстве, как и взрослые рабочие, принадлежали к первой, наиболее высокой, категории снабжения[2]. Им полагалось 700–800 г хлеба в день, а также 2 кг мяса или рыбы, 1,5 кг крупы или макарон, 500 г сахара и кондитерских изделий в месяц[3]. При ежедневном 6–12 часовом занятии тяжелым физическим трудом это едва ли могло удовлетворить потребности даже взрослых рабочих, тем более растущего организма подростков. Недостатки нормированного распределения приходилось восполнять путем самостоятельного приобретения продуктов питания и промышленных товаров. Но насколько это было возможно в условиях регулярного роста цен и повсеместной нехватки ресурсов? Позволял ли заработок подростков приобретать необходимые товары?

В данном исследовании будет предпринята попытка осветить совокупность факторов, так или иначе влиявших на уровень жизни юных производственников, а также сравнить материальное положение рабочей молодежи, занятой на предприятиях Народного комиссариата боеприпасов (НКБ) и соответственно снабжавшейся по первой категории, в разных регионах СССР.

Проблема покупательной способности и жизненного уровня заводской молодежи на сегодняшний день исследована фрагментарно. При этом в фокусе изучения, как правило, находится вся рабочая молодежь, и подростки не выделяются в отдельную категорию.

Одни из главных составляющих жизненного уровня советских рабочих – потребление продуктов питания и материально-бытовая обеспеченность, а также размер заработной платы в военном СССР – частично исследованы в работах М.С. Зинич[4], В. Голдман[5], Д. Фильцера[6].

---

[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М., 1961; Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. М., 2015. С. 294.

[3] *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 226; *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодёжь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945), Новосибирск, 2012. С. 324.

[4] *Зинич М.С.* Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг. / История СССР. № 3. 1985. С. 104–118.

[5] *Goldman W.* Not by Bread Alone: Food, Workers, and the State / Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II // Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald A. Filtzer. Bloomington (IN): Indiana University Press, 2015; Goldman W.Z., Filtzer D. *Fortress Dark and Stern. The Soviet Home Front during World War II*, Oxford: Oxford University Press, 2021.

[6] *Filtzer D.* Starvation Mortality in Soviet Home-Front Industrial Regions during World War II / Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during

Проблема материального поощрения рабочих, в том числе заводской молодежи, освещена в трудах В.А. Сомова[7], А.М. Маркевича и А.К. Соколова[8].

Различные аспекты повседневности детей и подростков исследованы в работах О. Кучеренко[9], Дж. Фюрст[10].

Проблеме материального и социального положения заводской молодежи, в том числе их гендерный аспект, на предприятиях СССР посвящены исследования Р.Е. Романова[11], В.Н. Парамонова[12].

Провести сравнительный анализ материального положения подростков на предприятиях разных городов позволяют работы, выполненные на региональных материалах: Бурят-Монгольской АССР[13], Урала[14], Приморского края[15], Сибири[16].

Источниковой базой данного исследования послужили материалы Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов

World War II. // Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald A. Filtzer. Bloomington (IN): Indiana University Press, 2015.

[7] *Сомов В.А.* Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Моногр. / В.А. Сомов. Н. Новгород, 2008.

[8] *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005.

[9] *Kucherenko O.* Soviet Street Children and The Second World War. New York, 2016.

[10] *Fürst J.* Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and The Emergence of Mature Socialism. Oxford University Press, 2010.

[11] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодёжь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945), Новосибирск, 2012, *Романов Р.Е.* «Становление жизни»: несовершеннолетние рабочие Новосибирска в военное время (1941–1945 годы) / Р.Е. Романов // Исторический курьер. 2021. № 1(15). С. 134–145; *Романов Р.Е.* Женщины и молодежь в промышленности советского тыла (1941–1945 гг.): феномен «коротких» социальных лифтов. Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 106–113.

[12] *Парамонов В.Н.* Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 4 (34). 2015. С. 150–162.

[13] *Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) / С.Г. Желаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29.

[14] *Будников Ю.И.* Повседневность молодых рабочих Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Ю.И. Будников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32(291). С. 14–16.

[15] *Власов С.А.* Молодежь Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С.А. Власов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. 2. С. 45–50.

[16] *Романов Р.Е.* Указ. соч.

(ВЦСПС), Главного управления трудовых резервов, Отдела рабочей молодежи ЦК ВЛКСМ, а также опубликованные источники личного происхождения – воспоминания, дневники и стенограммы бесед.

Изученные источники не позволяют в полной мере исследовать проблему жизненного уровня рабочих-подростков, поскольку в них содержатся подчас отрывочные сведения о предприятиях разных отраслей промышленности, в разных частях СССР. Проследить «судьбу» конкретного завода зачастую очень сложно, а в ряде случаев невозможно. Поэтому данное исследование ограничивается рамками нескольких предприятий Народного комиссариата боеприпасов, рабочие которых имели приоритетное снабжение.

Тем не менее, для наглядности приводятся примеры по предприятиям и других отраслей оборонной промышленности СССР, что показывает повсеместную распространенность исследуемых аспектов и влияние их в целом на уровень жизни подросткового рабочего контингента.

Что подразумевается под уровнем жизни?

Понятие «уровень жизни» в настоящее время дискуссионно. В Социологическом словаре под редакцией Г.В. Осипова под уровнем жизни понимается «социально-экономическая категория, выражающая степень удовлетворения материальных и культурных потребностей в смысле обеспеченности потребительскими благами, которые характеризуются преимущественно количественными показателями, абстрагированными от их качественного значения (размер оплаты труда, доход, объем потребления благ и услуг, уровень потребления продовольственных и промышленных товаров, продолжительность рабочего и свободного времени, жилищные условия, уровень образования, здравоохранения, культуры и т.д.)»[17]. В данной работе предполагается рассмотреть ряд аспектов данного определения, таких как размер оплаты труда, доход, уровень потребления продовольственных и промышленных товаров.

Большую роль в материальном обеспечении рабочих-подростков играло нормированное распределение. Рабочие талоны на промтовары обеспечивали получение обуви, одежды и мыла по более низким, в сравнении с рыночными, ценам. Однако и здесь подростки сталкивались с рядом проблем.

Отчеты и докладные записки комсомольских органов, а также материалы Главного управления трудовых резервов содержат свиде-

[17] Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2010. С. 539.

тельства нерационального и несправедливого распределения ордеров на промтовары среди подростков и несвоевременной отгрузки необходимых материалов. На это обращал внимание вышестоящих органов глава комсомольской организации Н.А. Михайлов. В записке от 25 сентября 1942 г. он сообщил ряд фактов «бездушно-бюрократического отношения к молодым рабочим» и указал, что «в связи с наступившими холодами, участились случаи невыхода на работу молодых рабочих из-за отсутствия одежды и обуви», а также «при большинстве заводов нет обувных и пошивочных мастерских[18]».

Так, молодежь завода № 30 (г. Кимры Калининской обл.) страдала от несправедливого распределения промтоварных карточек в пользу руководящего состава и плохой работы мастерских по починке обуви: «...бывают случаи, когда у рабочих берут в починку обувь за хлеб».

На заводе № 41 (г. Москва) ордера на одежду и обувь распределялись в первую очередь среди дирекции и руководителей цехов[19].

На заводе № 68 (г. Невьянск Свердловской обл.) электрик Меренов имел всего одну смену белья, «и та рваная, взять негде»; токарь Вертипрахов ходил почти босиком[20].

Зачастую эта проблема приобретала угрожающие масштабы. Так, по сообщению партийного комитета завода № 10 им. Дзержинского (г. Молотов), на данном предприятии «30% людей босые, [...] поступило заявление ремесленников из Вологды за подписью 18 человек, которые просят оказать помощь в обуви и одежде, съездить домой они не могут, здесь приобрести нет возможности»[21].

Согласно исследованию С.А. Власова, рабочая молодежь Приморского края также испытывала острую нехватку товаров первой необходимости, в том числе одежды и обуви. В течение 1942–1943 гг.

---

[18] Записка секретаря ЦК ВЛКСМ Н. Михайлова на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и заместителя председателя СНК СССР В.М. Молотова «О многочисленных фактах бездушно-бюрократического отношения к молодым рабочим» от 25 сентября 1942 г. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 107. Л. 50–51.

[19] Записка на имя секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова и секретаря МГК ВКП(б) Г.М. Попова О некоторых фактах неудовлетворительного положения молодых рабочих на предприятиях г. Москвы от 7 июля 1943 г. ЦГАМ. Ф. П-635. Оп. 1. Д. 458. Л. 1–23.

[20] Докладная записка от членов бригады ВЦСПС Хитрова, Евдокимовой, Черниковой в секретариат ВЦСПС о состоянии культурно-бытового обслуживания рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища по заводам союзов рабочих боеприпасов. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 30. Д. 1. Л. 5.

[21] Стенограмма заседания партийного комитета завода № 10 с участием бригады Центрального Комитета ВКП(б) от 15 июля 1942 г. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 109. Л. 70.

военным трибуналом Приморского края за прогулы и дезертирство с оборонных предприятий было осуждено более 800 человек в возрасте от 16 до 20 лет. Впоследствии выяснилось, что многие случаи прогулов и дезертирства объяснялись кражей карточек и нехваткой одежды и обуви[22].

Немногим лучше обстояло дело и на предприятиях Урала. Молодые рабочие Кировского завода, Магнитостроя и ряда других предприятий также страдали от недостатка предметов первой необходимости. Как сообщает исследователь Ю.И. Будников, «молодежь, не обладая житейским опытом, не умела ни распределять получаемые по карточкам продукты, ни экономить их. Прибывая на Урал по мобилизации, молодые люди очень часто не имели даже самого необходимого, не говоря уже о зимней одежде и обуви»[23].

Серьезнейшую проблему представляла собой нехватка мыла. Как утверждает Д. Фильцер, несмотря на приоритет в снабжении, нехватка мыла и его низкое качество были постоянной проблемой трудящихся[24].

Это подтверждается рядом свидетельств: «Нет мыла, нечем вымыться. Мы никуда не ходим потому, что грязные» (Вертипрахов, токарь завода № 68); «В общежитиях завода № 554 грязь, сырость, постельное белье не меняется месяцами, нет мыла, имеются случаи вшивости. Такое же положение на Кировском заводе, «Красном Сормове» и ряде других предприятий»[25] (Секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов); «Многие учащиеся не умываются – говорят, нет мыла, а без мыла они не хотят умываться, все ужасно зама[рано?] загрязнено»[26] (из Справки о бытовом обслуживании молодых рабочих на ряде предприятий города Москвы).

---

[22] *Власов С.А.* Молодежь Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С.А. Власов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. 2. С. 45–50. С. 48.

[23] *Будников Ю.И.* Повседневность молодых рабочих Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Ю.И. Будников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32(291). С. 14–16.

[24] *Donald Filtzer*. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.

[25] Сообщение секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова от 25 сентября 1942 г. «О многочисленных фактах бездушно-бюрократического отношения к молодым рабочим». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 107. Л. 49.

[26] Справка о бытовом обслуживании молодых рабочих на ряде предприятий города Москвы (по данным МГК ВЛКСМ). РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 8. Д. 59. Л. 110–112.

Руководство на местах старалось улучшить быт своих подопечных, выделяя дополнительные ресурсы для изготовления обуви и одежды, увеличивая фонды на закупку мыла. Однако зачастую вследствие условий военного времени или недостаточной расторопности ответственных на местах выделенные товары просто не доходили до заводов. Эти проблемы обсуждались, в частности, на совещаниях должностных лиц Главного управления трудовых резервов. Так, начальник Управления снабжения и сбыта Шаблиевский на совещании 6 января 1943 г. признал: «Несмотря на то, что нам были выделены достаточные фонды, мы не сумели организовать реализацию их. Мы недополучили ткани и обувь, поэтому по нашей вине в нашей системе имеют место затруднения с обувью и постельными принадлежностями[27]». Подобным же образом обстояло дело и с фондами обуви и хозяйственного мыла[28].

Таким образом, несмотря на усилия комсомольских органов и должностных лиц на местах, на большинстве предприятий НКБ в течение четырех военных лет сохранялись серьезные проблемы с рабочим снабжением.

Однако, даже дошедшие до юных производственников вещи подлежали оплате с рассрочкой на 6 месяцев, путем вычета денежных средств из зарплаты[29]. При относительно низкой подростковой зарплате, как будет показано далее, это ощутимо влияло на материальное положение заводской молодежи.

В целом, получаемые по карточкам продукты и промтовары лишь частично удовлетворяли потребности молодых рабочих. Недостающие товары приходилось приобретать самостоятельно чаще всего на колхозных рынках.

При этом рыночные цены на одни и те же товары отличались в зависимости от региона. Так, по данным Центрального статистического управления (ЦСУ) СССР наиболее дорогими товарами повседневного спроса были сахар, водка и хозяйственное мыло (см. таблицу 1).

---

[27] Стенограмма совещания начальников городских, областных, краевых республиканских управлений трудовых резервов от 6 января 1943 г. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 77. Л. 115.

[28] Протокол заседания Коллегии Главного управления трудовых резервов при СНК СССР от 28 апреля 1943 г., Москва. ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 71. Л. 194.

[29] Постановление СНК от августа 1943 г. «О мероприятиях по улучшению материально-бытовых условий учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО и молодых рабочих, направленных на производство по окончании училища, школы». ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 39. Л. 4.

Таблица 1

Базарные цены на товары промышленного производства в 1943–1945 гг. (по данным ЦСУ Госплана) в руб.[30]

Город	Наименование товара	Июль 1943 г.	Декабрь 1943 г.	Июнь 1944 г.	Декабрь 1944 г.
Москва	Сахар (1 кг)	1 000	600	450	300
	Водка (0,5 л)	400	300	180	120
	Мыло хозяйственное (400 гр)	200	180	110	80
Горький	–	800	1 250	500	300
	–	450	400	250	120
	–	200	150	95	40
Свердловск	–	800	800	800	200
	–	400	400	300	130
	–	250	200	100	45
Куйбышев	–	650	500	900	450
	–	300	200	150	80
	–	230	150	200	70
Новосибирск	–	550	500	500	300
	–	400	400	400	300
	–	130	130	120	40

Согласно тем же сведениям ЦСУ, цены на обувь были в несколько раз выше (см. таблицу 2). Данные по ценам на обувь в Москве, к сожалению, отсутствуют.

[30] Сведения ЦСУ Госплана СССР о базарных ценах на промышленные товары в 1943–1945 гг. [1945 год] // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 241. / [Электронный ресурс]. Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/321239-svedeniya-tssu-gosplana-sssr-o-bazarnyh-tsenah-na-promyshlennye-tovary-v-1943-locale-nil-1945-gg-1945-god#mode/inspect/page/3/zoom/4 (дата обращения: 21.05.2023).

Таблица 2

Базарные цены на обувь 1943–1945 гг. в руб.
(по данным ЦСУ Госплана)[31]

Город	Наименование товара	Июль 1943 г.	Декабрь 1943 г.	Июнь 1944 г.	Декабрь 1944 г.
Горький	Галоши мужские (1 пара)	1 500	2 000	1 500	900
	Сапоги хромовые (1 пара)	5 000	4 000	3 000	2500
Свердловск	–	1 000	1 200	800	600
	–	6 000	5 000	4 500	4 000
Куйбышев	–	1 300	1 000	800	1 000
	–	4 000	4 500	3 800	3 000
Новосибирск	–	1 000	800	800	800
	–	3 500	3 500	3 500	2 500

Из таблиц видно, что цены на указанные товары к июню 1944 г. в основном снижались, однако все же оставались довольно высокими.

Стоимость товаров повседневного спроса варьировалась по разным областям СССР, но оставалась крайне высокой в течение всей войны. Это подтверждается как источниками личного происхождения, так и материалами региональных исследователей. Вот лишь некоторые свидетельства современников:

Москва: «На рынке колхозник продавал мороженую индюшку за 320 руб. – средний месячный заработок рабочего»[32]; «У Елисеева открылась коммерческая продажа. Кило мяса – 80 руб., кило сахара – 50 руб. Кило масла – 120 руб.»[33] (журналист Н.К. Вержбицкий,

[31] Сведения ЦСУ Госплана СССР о базарных ценах на промышленные товары в 1943–1945 гг. [1945 год] // Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. С. 241. / [Электронный ресурс]. Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/321239-svedeniya-tssu-gosplana-sssr-o-bazarnyh-tsenah-na-promyshlennye-tovary-v-1943-locale-nil-1945-gg-1945-god#mode/inspect/page/3/zoom/4. (дата обращения: 21.05.2023).

[32] Дневник москвича. Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого / Москва военная. С. 492.

[33] Там же. С. 496.

ноябрь-декабрь 1941 г.); «Лук 50 руб. кг, картофель от 12 до 20 руб. ...Наташа купила кружку (½ л) молока за 18 руб.»; «Молоко сейчас стоит 20–25 руб., так что мама потратила на меня очень много. Напрасно... Как бы было хорошо, если бы кто-нибудь подарил мне килограмм хлеба!!! Ну в настоящее время это самый дорогой подарок»[34], «Чулки 6 р. пара, и поэтому я взяла только две пары, т.к. – нет денег», «...все вещи подорожали ужасно и такая чашка, наверное, теперь стоит рублей 20»[35] (Ирина Пескова, 16-летняя работница московского завода «Калибр»); «...Со временем коммерческие магазины становились более демократичными... Началось со спичек, которые первоначально стоили 10 руб. за коробок... Появились и более дешевые папиросы, как «Беломор» – 35 руб. ...можно было купить карманные (не ручные!) часы по цене 2000 руб. за штуку...»[36] (Геннадий Русский, журналист и писатель, в годы войны – ученик средней школы, 1944 г.).

Горький: «...стакан проса стоит 25 руб., табаку – от 30 до 50 руб., водка – литр – 450, а в Куйбышеве, – как говорят нам соседи по комнате, – 800 руб.»[37] (Всеволод Иванов, октябрь 1942 г.).

Казань: «В Казани 1кг. масла стоит 150 руб.»[38] (Яков Билинкис, литературовед, август 1941 г.).

Новосибирск: «На рынке хлеба купить нельзя ни за какие. С меня просили 100 руб. за 150–170 гр.»[39] (А.А. Забелин, инженер, январь 1942 г.).

Ташкент: «“Тамара пишет: «На детей, выздоравливающих, в день выходит 250 рублей, а на нас – 30”. Да и как иначе – два яйца – сорок рублей, гранат – 50, и для бульона – куриные ножки»; «Спрашиваем цену на прилавке: масло – шестьсот рублей, хлеб черный кило – шестьдесят рублей. Да-а!» (Всеволод Иванов, январь 1943 г.).

Из приведенных свидетельств видно, что потребительские цены в 1941–1945 гг. в разных городах СССР были стабильно высокими.

---

[34] Дневник Ирины Песковой / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221941–01–01%22&diaries=%5B993%5D. (дата обращения: 22.09.2023).

[35] Там же. (дата обращения: 23.08.2023).

[36] *Русский Г.* Ребенок в войне / Геннадий Русский. Москва, 2002. С. 295.

[37] Дневник Всеволода Иванова / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221942–01–01%22&diaries=%5B32%5D&diaryTypes=%5B1%2C2%5D. (дата обращения: 24.09.2023).

[38] Дневник Якова Билинкиса / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/note/601770. (дата обращения: 28.09.2023).

[39] Дневник Забелина А.А. / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/note/272549. (дата обращения: 28.09.2023).

Так, по данным С.Г. Желаевой, в Бурятской АССР среднерыночная цена 1 кг говядины составляла 55,3 р., десятка яиц – 73,3 р., 1 кг сливочного масла – 216 р[40].

В Сибирском регионе в течение полутора военных лет цены выросли в несколько раз: «С октября 1941 по апрель 1943 г. цена одного килограмма пшена выросла в 12,6 раза, картофеля – 18,7, животного масла – 11,3, говядины – 10,9, одного литра молока – 11,1, десятка яиц – 10,4 раза»[41]. К июлю 1943 г. в Новосибирске рыночная цена куска хозяйственного мыла составляла 130 р., одного метра ситца – 200 р., пары мужских галош – 1 000 р.

Ключевой аспект материального положения – покупательная способность. Каковы же были заработная плата и покупательная способность юных производственников в этих условиях?

О зарплате подростков частично можно составить представление по данным ВЦСПС, работники которого проводили проверки условий труда молодежи в возрасте до 16 лет на предприятиях НКБ. Так, на московских заводах № 58 и им. Вл. Ильича заработок подростков варьировался от 150 до 200 р. в месяц[42]. Однако, на заводе № 58 ряд подростков на сдельной работе имели более высокий заработок: «...отдельные подростки на сдельных операциях имеют заработок от 250 до 400 руб., например, Лизерев – 250 руб., Захаров – 400 руб., Шустрова – 350 руб., Сазонов – 300 руб.».

В дневнике юной работницы завода «Калибр» (г. Москва) также отображена проблема низкого заработка: «В этом, т.е. прошлом октябре месяце получила 200 руб. Это еще много, получаю и меньше»[43].

Такой же размер заработной платы был выявлен инспекторами на предприятиях Тулы – заводы №№ 147, 187, 176 – и Саратова (заводы № 572, 311). Инспектор Платонова отмечает, что «основная

---

[40] *Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) / С.Г. Желаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 26.

[41] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Указ. соч. С. 278–279.

[42] Докладная записка заведующему отделом охраны труда ЦК союза РПБ (рабочих предприятий боеприпасов) СССР тов. Цареву от инспектора Иосифовой (инициалы не указаны) от 30.11.1944 г. ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 203. Л. 6; Докладная записка заведующему отделом охраны труда ЦК СРП боеприпасов СССР тов. Цареву «Состояние охраны труда подростков до 16 лет на заводе № 58 на 15–17 сентября 1944 г.» (судя по всему, автор тот же). ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 203. Л. 12.

[43] Дневник Ирины Песковой / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/note/625059 (дата обращения: 18.08.2023).

часть подростков получают по ученической ставке в размере 200 руб. в мес.»[44].

Средняя зарплата подростка на заводе № 577 г. Соликамска Молотовской обл. также составляла 180–200 р[45].

Приведенные данные подтверждаются исследованием В.Н. Парамонова, согласно которому на предприятиях НКБ № 62 (г. Челябинск), 309 (г. Чапаевск Куйбышевской обл.), 571 (гг. Москва, Нижний Тагил Свердловской обл.), 68 (г. Невьянск Свердловской обл.), 73 (г. Свердловск) заработок подростка в среднем не превышал 200 р. При этом прожиточный минимум в 1944 г. составлял 340–350 р., и в результате подростки зачастую не могли выкупить полагающиеся им по карточкам продукты, оставаясь должниками заводов[46].

Примечательно, что относительно заработка подростков на свердловском заводе № 73 имеется документ, опровергающий данные В.Н. Парамонова. В Справке на имя Николаевой К.И. о культурно-бытовом обслуживании молодых рабочих, окончивших школы ФЗО и РУ по предприятиям союза рабочих промышленности боеприпасов говорится, что «для характеристики работы молодых рабочих на заводе № 73 достаточно указать, что их средний заработок составляет от 350 до 500 р. в месяц»[47]. К сожалению, документ не датирован, и не указано его авторство. Возможно, в данном случае речь идет о другом периоде войны. Впрочем, учитывая рыночные цены в Свердловске (см. таблицы 1, 2), понятно, что при необходимости приобретения дополнительных товаров, этой зарплаты подросткам было бы явно недостаточно.

Причиной невысоких заработков подростков являлись низкая квалификация и выполнение низкооплачиваемых видов работ. Выпускники ремесленных училищ и школ ФЗО при поступлении на производство имели квалификацию не выше 4 разряда, что позволя-

---

[44] Докладная записка заведующему отделом охраны труда ЦК СРП боеприпасов СССР тов. Цареву от инспектора ЦК союза РП Боеприпасов СССР Платоновой. ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 203. Л. 23; Состояние охраны труда подростков, не достигших 16-летнего возраста, на заводе № 572 и 311, 7 ноября 1944 г. Л. 72.

[45] Состояние охраны труда подростков, не достигших 16 лет, на заводе 577, 30 ноября 1944 г. ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 203. Л. 78.

[46] Парамонов В.Н. Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 4 (34), 2015. С. 155.

[47] Справка на имя Николаевой К.И. о культурно-бытовом обслуживании молодых рабочих, окончивших школы ФЗО и РУ по предприятиям союза рабочих промышленности боеприпасов. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 30. Д. 1. Л. 7.

ло выполнять наиболее простые операции, а для повышения разряда требовался опыт и дополнительное обучение.

Подобная практика частично отображена в эго-документах: «Вот уже второй день, как меня поставили на Восковский станок, на который мне очень не хотелось. Работа ни черта не ладится и я, наверное, совсем не буду ничего зарабатывать. На этом станке расценки на детали снизились втрое, а с каждой деталью бог знает сколько времени и нерв потратишь, и все это только за рубль ...Сколько сил, сколько трудов, и всё за какие-то несчастные 150 рублей?»; «Теперь я вижу, что сразу много нельзя заработать у нас, резьбовиков, нужна практика и опыт... Мне очень не повезло, зарабатываю я меньше всех, и это зависит не от меня, а от работы, которую мне дают. Работу мне дают самую дешевую и всё сделано так, что нельзя покопаться»[48] (Ирина Пескова, завод «Калибр», г. Москва); «...Иногда приходится их использовать на подсобные работы, но они каждый раз против этого возражают. Отчасти они правы, что мы их используем как чернорабочих, но делать нечего, иначе некому выполнять эту работу»[49] (мастер производственного обучения И.П. Фирсенков, Кировский завод, г. Ленинград).

Будучи заинтересовано в большей степени в сохранении опытных производственников, руководство заводов и фабрик зачастую плохо обеспечивало молодежь работой. Согласно исследованию Р.Е. Романова, на оборонных предприятиях Новосибирска у квалифицированных рабочих до 16 лет заработок не превышал 300–400 руб., а в целом доходы подростков были меньше доходов взрослых рабочих в полтора-два раза в связи с выполнением наименее сложных работ[50]. Повсеместное распространение подобной практики подтверждается также материалами Главного управления трудовых резервов: «РУ № 10, база завод им. Сталина НКАП отказывает предоставить рабочие места для учащихся» (г. Москва); «Школа ФЗО № 10, база депо паровозное и вагонное Ташкентской ж[елезной] д[ороги] не обеспечивает рабочими местами...»[51]; «...работают на подсобных случайных работах и чернорабочими, 85 квалифицированных слесарей работают на подноске и правке арматуры, 85 слесарей инструмен-

---

[48] Дневник Ирины Песковой / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/note/625059 (дата обращения: 18.08.2023).

[49] Воспоминания Фирсенкова И.П. Источник интернет-ресурс «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://prozhito.org/notes?date=%221941–01–01%22&diaries=%5B389%5D. (дата обращения: 31.03.2021).

[50] *Романов Р.Е.* «Становление жизни»: несовершеннолетние рабочие Новосибирска в военное время (1941–1945 годы) / Р.Е. Романов // Исторический курьер. 2021. № 1(15). С. 134–145.

[51] Отчеты Узбекской ССР за 1944 г. ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 357. Л. 10.

тальщиков работают слесарями по ремонту и прокладке труб и 10 мотористов в бригаде плотников»[52] (Особая строительно-монтажная часть № 3, г. Сталинск, Кемеровская обл.).

Сложившаяся практика, распространенная как на предприятиях НКБ, так и в других отраслях советской промышленности, крайне негативно сказывалась на заработке рабочих-подростков. И все же существовала возможность улучшить свое положение путем индивидуальных профессиональных успехов на производстве.

На заводе № 68 (г. Невьянск, Свердловская обл.), как отмечается в материалах ВЦСПС, «подавляющая часть окончивших ФЗО и РУ работают на заводе хорошо». Ряд подростков делали успехи в работе, тем самым обеспечивая себе приличный заработок. Например, П.Д. Нестеров, работая на двух станках и перевыполняя норму на каждом из них, зарабатывал от 700 до 950 р.; Т.М. Балакина при более чем двухкратном перевыполнении нормы получала 800 р.; С.А. Иванов – более 1000 р[53].

Однако, 16-летний токарь Катаев пожаловался инспекторам ВЦСПС, что даже при выполнении норм выработки испытывает острую нехватку еды и одежды: «Я сирота. Мне некому прислать что-либо. Я все свое износил. Мне голодно. Производственную норму я выполняю. Получил за март 520 р. на руки. Работаю всего 2 месяца. Не знаю, что делать с деньгами»[54].

Зачастую даже перевыполнение норм не гарантировало стабильный доход. Токарь Имбухамедов, который еще в ремесленном училище зарабатывал 1500 р., получив травму пальца, оказался в состоянии крайней нужды: «Что мне делать с деньгами? Мне не хватает пищи и хлеба, я босой, у меня нет другого верхнего платья»[55].

Важно иметь в виду, что размер реальных доходов подростков зачастую был существенно ниже номинальной заработной платы. В годы войны существенно вырос объем взимаемых с населения налогов (как утверждает Р.Е. Романов, более, чем в 4,5 раза) и так называемых «добровольных взносов» (более, чем в два раза)[56]. Таким образом, существовавший разрыв между номинальным размером

---

[52] Протокол заседания коллегии Главного управления трудовых резервов при СНК СССР № 46. Москва, 29 декабря 1942 г. / ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.

[53] Докладная записка от членов бригады ВЦСПС Хитрова, Евдокимовой, Черниковой в секретариат ВЦСПС о состоянии культурно-бытового обслуживания рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища по заводам союзов рабочих боеприпасов. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 30. Д. 1. Л. 2–3.

[54] Там же. Л. 5.

[55] Там же.

[56] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 277.

оплаты труда и реальным содержанием заработной платы в годы войны увеличился настолько, что полностью нивелировал зависимость материального благополучия трудящихся от их заработка. Вкупе с постоянным повышением цен это сильнее всего ударяло по рабочим, только недавно пришедшим на производство. «А сколько сейчас налогов! ...и военный налог, и разные займы, профсоюзы и т.д. У каждого работающего человека вычитают почти половину его зарплаты, цены же в магазинах жутко повысились»[57], – сокрушается 16-летняя Ирина Пескова.

В качестве примера можно привести случай работницы завода № 703 (г. Красноярск) Чупиной, описанный Р.Е. Романовым. В июле 1944 г. девушка заработала 362 р., из них 112 р. ушли на уплату налогов и госзаймов. Из оставшихся денег 40 р. были уплачены за проживание в заводском общежитии, 100 руб. – за одноразовое питание в столовой, 110 р. – на покупку продуктов на рынке. Таким образом, более 80% заработка ушло на питание[58].

Обозначенные Р.Е. Романовым статьи расходов помимо питания и налогов – оплата проживания и питания в столовой – также уменьшали реальные доходы подростков. Согласно исследованию С.Г. Желаевой, зарплата юных производственников Бурят-Монгольской АССР была настолько низкой, что «мизерные выплаты не позволяли даже выкупить продукты, выдаваемые по карточкам»[59]. В подобном же положении, согласно В.Н. Парамонову, находились молодые рабочие предприятий НКБ РСФСР[60].

Характерен случай молодых работниц Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина (г. Сталино, Кемеровская обл.), которым по прибытии на предприятие выдали по 100 р., притом, что стоимость трехкратного питания в день и хлеб обходились им около 10 р. Девушки вынуждены были продавать на рынке получаемый по карточкам хлеб, а вырученные деньги тратить на оплату питания в заводской столовой[61].

---

[57] Дневник Ирины Песковой / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/note/624983 (дата обращения: 23.08.2023).

[58] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодежь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945). Новосибирск, 2012. С. 279.

[59] *Желаева С.Г.* Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) / С.Г. Желаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29. С. 25–26.

[60] *Парамонов В.Н.* Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 4 (34), 2015. С. 155.

[61] Докладная записка старшего инспектора Шкицкого «О бытовом обслуживании молодых рабочих Кузнецкого металлургического комбината имени тов.

На этом же комбинате, как говорится в документе, у молодого рабочего Долгушина из зарплаты в 200 р. 140 р., то есть большую часть, вычли за спецодежду. Оставшихся денег не хватило на питание, и юноше пришлось продавать собственную одежду.

Здесь обозначен важный момент – затраты на приобретение необходимой для работы униформы. Если подросткам не выдавали спецодежду, зачастую приходилось приобретать ее за свои деньги. Это в равной степени относится и к обычной, нерабочей, одежде, в которой работали юноши и девушки.

Так, неоднократно упоминавшаяся Ирина Пескова 4 августа 1942 г. «купила себе для работы юбку», а 17 ноября 1942 г. с досадой записала в дневнике: «Все вещи, в которых приходится ходить, моментально грязнятся. Мне приходится ходить на работу в ногаевском полушубке, больше не в чем. Мне его очень жалко, он уже начал салиться, хотя я в нем и не работаю ... Вся одежда, в которой работаешь, такая противная: вся грязная, а верхняя еще в масле. На заводе только все вещи гадить и портить»[62].

Такая же проблема была у учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО при заводе «Серп и молот» – ребята имели только один комплект «верхнего платья», который быстро загрязнялся при работе в цехах[63].

На московском заводе № 58 подросткам не хватало рабочих фартуков, и «вообще по отношению снабжения подростков спецобувью и спецодеждою, даже по нормам, дело поставлено неудовлетворительно»[64].

Подручный сталевара Ново-Тагильского металлургического завода Г.Н. Верниковский «жалуется на то, что даже не дали ему рукавицы», а молодой рабочий Семков вынужден трудиться без защитных очков[65].

Начальник отдела подготовки кадров комбината «Трехгорная мануфактура» (г. Москва) Л.П. Чистякова также сетует на нехватку рабочего обмундирования: «Молодым девушкам приходится в пла-

---

Сталина» от 22 августа 1942 г. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 30. Д. 1. Л. 25.

[62] Дневник Ирины Песковой / «Прожито». [Электронный ресурс]. URL: https://corpus.prozhito.org/note/625059 (дата обращения: 29.09.2023).

[63] Справка на имя зав. отделом ВЦСПС по рабочему снабжению Степанову А.П. от инспектора отдела ВЦСПС по рабочему снабжению Фомичева по вопросу состояния материально-бытовых условий учащихся ФЗО и РУ при заводе «Серп и молот» Наркомчермета, 24 июля 1943 г. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 31. Д. 39. Л. 14 об.

[64] Докладная записка Заведующему отделом охраны труда ЦК СРП боеприпасов СССР тов. Цареву «Состояние охраны труда подростков до 16 лет на заводе № 58 на 15–17 сентября 1944 г.». ГА РФ. Ф. Р-7678. Оп. 7. Д. 203. Л. 12.

[65] В отдел заработной платы ВЦСПС тов. Кагановичу М.Л. о бытовом обслуживании молодых рабочих на Ново-Тагильском металлургическом заводе 25 августа 1942 г. ГА РФ. Ф. Р-5451. Оп. 30. Д. 1. Л. 28.

тьицах и юбочках лазить высоко, и они просят дать им шаровары, а я никак не могу добиться этих комбинезонов[66]».

Из вышеизложенного можно заключить, что нормированное распределение играло важную роль в определении уровня жизни рабочих-подростков, но, несмотря на приоритет в снабжении, решало проблему обеспечения их товарами повседневного спроса лишь отчасти. Однако его недостатки усугубляли материальное положение молодых производственников. При этом покупательная способность подростков была невысокой ввиду ряда факторов, влиявших на размер реального дохода.

Большинство юных производственников имели низкую квалификацию, что не позволяло им повысить нормы выработки и, соответственно, увеличить заработок. Отдельным ребятам со временем удавалось решить эту проблему и даже выбиться в стахановцы, но все же средняя заработная плата подростков была стабильно низкой на большей части предприятий НКБ.

Эти факторы вкупе с увеличением налогов и взносов в фонд обороны обеспечивали крайне невысокий, подчас граничащий с выживанием, уровень жизни молодых заводчан. Здесь соглашусь с Р.Е. Романовым в том, что, по большому счету, заработок многих молодых рабочих обеспечивал им лишь элементарные материальные блага – пищу и крышу над головой[67].

Данное утверждение справедливо и по отношению ко взрослым производственникам, однако подростки в силу возраста не обладали жизненным опытом и были гораздо менее приспособлены к индустриальной повседневности в условиях войны. В результате их труд обходился государству гораздо дешевле труда взрослых рабочих.

ЛИТЕРАТУРА

Будников Ю.И. Повседневность молодых рабочих Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Ю.И. Будников // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32(291). С. 14–16.

Букин С.С., Романов Р.Е. Рабочая молодёжь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945), Новосибирск: Параллель, 2012. – 429 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. М.: Кучково поле, 2015. – 864 с.

[66] Стенограмма беседы с начальником отдела подготовки кадров комбината Чистяковой Л.П. НА ИРИ РАН. Ф. 2. Р. 5. Оп. 35. Д. 42. Л. 4.

[67] *Букин С.С., Романов Р.Е.* Рабочая молодёжь предприятий оборонного комплекса Сибири (1941–1945), Новосибирск, 2012. С. 279.

Власов С.А. Молодежь Приморского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / С.А. Власов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. 2. С. 45–50.

Желаева С.Г. Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) / С.Г. Желаева // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 7. С. 24–29.

Зинич М.С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 гг. / История СССР. № 3. 1985. С. 104–118.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 2. М., 1961, – 682 с.

Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М.: ППП Тип. Наука, 2005. – 368 с.

Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. – 575 с.

Парамонов В.Н. Социальное положение рабочей молодежи на предприятиях РСФСР в 1941–1945 годах. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. № 4 (34), 2015. С. 150–162.

Романов Р.Е. Женщины и молодежь в промышленности советского тыла (1941–1945 гг.): феномен «коротких» социальных лифтов. Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 106–113.

Романов Р.Е. «Становление жизни»: несовершеннолетние рабочие Новосибирска в военное время (1941–1945 годы) // Исторический курьер. 2021. № 1(15). С. 134–145.

Русский Г. Ребенок в войне. М., 2002. – 343 с.

Сомов В.А. Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. – 234 с.

Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II. 2007, Cambridge University Press. – 294 p.

Filtzer D. The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953. Cambridge, Cambridge University Press, 2010. – 379 p.

Fürst J. Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and The Emergence of Mature Socialism. Oxford University Press, 2010. – 391 p.

Goldman W.Z., Filtzer D. Fortress Dark and Stern. The Soviet Home Front during World War II, Oxford: Oxford University Press, 2021. – 504 p.

Goldman W. Not by Bread Alone: Food, Workers, and the State / Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union during World War II // Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald A. Filtzer. Bloomington (IN): Indiana University Press, 2015. – 371 p.

Kucherenko O. Soviet Street Children and The Second World War. New York: Bloomsbury Academic, 2016. – 256 p.

Kucherenko O., State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor during World War II. Russian Review, 71, 2012. P. 391–412.

Livshiz A. Growing Up Soviet: Childhood In The Soviet Union, 1918–1958. Stanford. Pp. – 834 p.

Будкова Е.Г.

ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ: СЕМИОТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ Б.Н. ПОЛЕВОГО (НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТИ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ»)

***Аннотация**: В статье анализируется семиотика повседневности в повести Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке», которая богата подробными деталями, имеющими смысловой характер обыденного культурного кода общества. Автор выделяет описанные в творчестве Б.Н. Полевого реалии быта и социальные установки советского общества в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено определению специфики реализации семиотики повседневности в литературных произведениях, описывающих исторические события, явления и процессы.*

***Ключевые слова**: Великая Отечественная война; повседневность; семиотика повседневности; структура художественного текста; Б.Н. Полевой; социалистический реализм*

Budkova E.G.

A Human at War: the Semiotics of Everyday Life in the B.N. Polevoy's works (Based on the example "The Story of a real man")

***Annotation**: The article analyzes the semiotics of everyday life in the story of B.N. Polevoy "The Story of a real man", which is rich in detailed details that have the semantic nature of the everyday cultural code of society. The author highlights the realities of everyday life and social attitudes of Soviet society described in the work of B.N. Polevoy during the Great Patriotic War. Special attention is paid to determining the specifics of the implementation of the semiotics of everyday life in literary works describing historical events, phenomena and processes.*

***Keywords**: Great Patriotic War; Everyday life; Semiotics of everyday life; The structure of a literary text; B.N. Polevoy; Socialist realism*

Одной из наиболее активно изучаемых проблем в современной российской историографии является изучение культурного кода общества в экстремальных условиях военного времени, в частности, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В среде отечественных ученых пространство повседневности является объектом исследования А.В. Курьяновича, Е.В. Сотниковой, Н.Л. Пушкаревой, С.В. Любичанковского и других[1]. Отдельно

[1] *Курьянович А.В.* История повседневности: проблемы источниковой базы // Крыніца з наўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2002. № 1. С. 44–

стоит выделить труд С.Т. Махлиной «Семиотика культуры повседневности», в котором элементы повседневности рассматриваются с семиотических позиций[2]. Изучению фронтовой повседневности отечественном армии в основных внешних войнах России и СССР в XX веке, основанному на архивных документах и источниках личного происхождения, посвящено исследование Е.С. Сенявской «Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века»[3]. Генезис истории повседневности как отрасли исторической науки рассматривается Г.М. Ипполитовым, синтез исторического и философско-культурологического подходов в микроисторических исследованиях обозначен В.А. Айрапетовой[4].

По мнению А.В. Курьяновича, инновации истории повседневности будут иметь свою научную значимость только при наличии соответствующих источников, роль которых еще недостаточно изучена. Наиболее существенной характеристикой истории повседневности является обращенность к человеку, отношение которого к миру проявляется в различных источниках, посредством которых раскрывается скрытая система человеческих представлений[5]. Как отмечает С.Т. Махлина, культурный код общества непосредственно проявляет себя как в повседневности, так и в произведениях искусства, причем этот процесс носит взаимодополняющий характер[6]. В связи с этим, одним из источников, раскрывающих реалии быта, ментальные структуры, стереотипы сознания и ценностные ориентации общества в определенный исторический период, могут выступать произведения художественной литературы. Однако, специфика знаковой системы повседневности в художественной литературе в рамках конкретно-исторических исследований недостаточно изучена.

49; *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М.; СПб., 2017; *Сотникова Е.В.* История повседневности как научное направление // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. С. 20–22.

2 *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.

3 *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М.; СПб., 2017.

4 *Айрапетова В.А.* История повседневности: синтез исторического и философско-культурологического подходов // Царскосельские чтения. 2014. № XVIII. С. 105–108; *Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И.* История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 14. С. 154–161.

5 *Курьянович А.В.* История повседневности: проблемы источниковой базы // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2002. № 1. С. 44–45.

6 *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2008. С. 5.

Выделение особенностей реализации семиотики повседневности в художественных произведениях в историческом контексте требует междисциплинарный подход и определяет степень научной новизны данного исследования. Стоит также отметить, что выделение специфики форм интерпретации исторических реалий в художественном произведении актуально в связи со стремительным ростом интереса общества к различным формам распространения знаний о прошлом, что обусловлено активизацией историко-просветительской деятельности. Не стоит отрицать, что созданные талантливыми писателями художественные произведения порой отпечатывают у массовой аудитории исторические сюжеты и образы намного прочнее, чем популяризаторы исторической науки. Отсюда следует необходимость разработки инструмента, повышающего уровень информационной культуры общества.

Целью данного исследования является выделение и анализ деталей, имеющих смысловой характер культурного кода советского общества в период Великой Отечественной войны, описанных в повести Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Выбор произведения для исследования проводился с учетом наличия авторской установки на концептуальное отражение исторической действительности. Предметом исследования являются знаковые системы реалий быта и социальных установок советского общества, которые являются составной частью семиотики повседневности в повести Б.Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке».

Стоит отметить, что художественная литература представляет собой отличный от научного способ освоения действительности, которая является основой создания художественного мира литературных произведений. В особенности это свойство проявляется в литературных произведениях, описывающих исторические события, явления и процессы. Отличительной чертой таких произведений является органическая взаимосвязь исторических реалий и художественного вымысла.

Основой сюжета «Повести о настоящем человеке» является объективная историческая действительность. Достоверность событий, о которых рассказывает Полевой, подтверждается сравнительным анализом текста художественного произведения и конкретно-исторических источников, в том числе архивных документов, и прежде всего – стенограммы опроса А.П. Маресьева в 1943 году сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР[7]. Помимо этого, с прототипом главного героя повести, лет-

[7] Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Оп. 79. Д. 7.

чиком А.П. Маресьевым, Б.Н. Полевой был знаком лично: «...Я везу с собой тетрадку, в которой недавно записал все, что мне рассказывал этот обыкновенный и удивительный парень с Волги. Может, выкроится время и для книги...»[8].

Однако, целью Б.Н. Полевого является не столько передача в «Повести о настоящем человеке» исторической информации, сколько стремление автора вызвать сопереживание читателя своим героям, эмоциональное восприятие описываемых событий. Именно поэтому произведение Б.Н. Полевого представляет собой пример художественно-исторического дискурса, в котором прослеживается оценка автором первоисточника исторической действительности в рамках достижения художественного замысла.

В связи с этим одной из форм реализации семиотики повседневности в повести Б.Н. Полевого является художественный комментарий истории – толкование исторических событий, явлений или процессов в объективе эстетики, включающее в себя художественное переосмысление автором произведения исторических реалий. Так, если речь идет о художественных произведениях, описывающих исторические события, явления или процессы, объектом художественного комментария выступает текст первоисточников или же современная автору произведения историческая действительность. Комплементарность художественного комментария истории и художественного вымысла в литературном произведении способствует эстетизации исторической действительности, что в свою очередь позволяет читательской аудитории воспринимать описываемые события не отчужденно, со стороны, а эмоционально в них включаясь. Этот процесс протекает в рамках достижения художественного замысла автора, который может носить как объективный, так и субъективный характер.

В зависимости от объекта художественного комментария истории определяется его видовая принадлежность – оценивающий или обрамляющий. Стоит отметить, что художественное комментирование исторических событий носит пропозитивный аналитический характер. При этом, единство объективного изображения и субъективного выражения в процессе художественного комментирования исторических реалий проявляется в использовании автором разнообразных художественных средств.

Писатель, как субъект художественного комментирования истории, оценивает исторические реалии в зависимости от ряда факторов. Отсюда следует, что анализ художественного комментария

[8] *Полевой Б.Н.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М., 1984. С. 336.

истории в «Повести о настоящем человеке» предполагает учет ряда обстоятельств.

Первым из них стоит выделить мировоззрение автора и факторы, повлиявшие на его формирование. Для Б.Н. Полевого такой идеологией стал марксизм. Основным методом марксистской художественной литературы, отражающим этапы строительства социалистического общества в его движении к коммунизму, является социалистический реализм. К идеалам и эстетическим принципам соцреализма, прежде всего, относятся народность, исторический оптимизм, социалистический гуманизм и интернационализм[9]. Познавательная сфера данного художественного течения регламентировалась задачей отражения исторических событий, явлений и процессов в свете социалистического идеала. Стимулом развития соцреализма стала абсолютизация социально-воспитательной функции. И именно освещение идеалов социалистического реализма стало основой художественного замысла Б.Н. Полевого. Этот фактор обусловил соцреалистическую стилистику художественного комментария истории в «Повести о настоящем человеке»: «Вот жили люди... Отвоевали когда-то у Черного леса этот клочок скудной серой земли. Раздирали ее сохой, царапали деревянной бороной, холили, удобряли. Жили трудно... В советское время организовали колхоз, появилась мечта о лучшей жизни, завелся достаток...»[10].

Комплементарность художественного комментария истории повседневности и художественного вымысла в «Повести о настоящем человеке» позволяет читательской аудитории глубоко прочувствовать описываемые события. Этот процесс протекает в рамках достижения художественного замысла автора, который является вторым фактором, обуславливающим специфику художественного переосмысления исторической действительности. Сознательный авторский замысел первичен по отношению к историческим источникам, и для достижения художественного замысла автор акцентирует внимание на разнообразных аспектах исторических реалий. В зависимости от замысла у исследователя появляется возможность проследить степень искажения того или иного исторического события, явления или процесса в художественном произведении.

Так, «Повесть о настоящем человеке» написана Б.Н. Полевым в 1946 году, в период рефлексии советского общества, в том числе

---

[9] *Пушкарева Н.Л. Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 103

[10] *Полевой Б.Н.* Повесть о настоящем человеке. М., 1978. С. 52.

и исторической науки, относительно итогов Великой Отечественной войны. Художественным замыслом «Повести о настоящем человеке» является описание нравственного ориентира советского солдата, который несмотря на экстремальные условия борется за жизнь ради защиты отечества. И этот замысел нашел определенное выражение во всех компонентах композиции произведения. Главный герой повести Б.Н. Полевого – воплощение идеала социалистического реализма: это человек, способный перебороть себя на фоне желания помогать другим. Как отмечал сам писатель в своих мемуарах, стимулом к созданию повести для него стал опыт участия в качестве корреспондента газеты «Правда» в Нюрнбергском процессе. Во время наблюдения за допросом Германа Геринга Б.Н. Полевого поразило непонимание бывшего рейхсмаршала сущности простого советского человека: «...вынужденное признание «второго наци» Германии относительно «загадочного» советского человека... заставило меня месяц назад сесть за книгу об одном из таких людей, старшем лейтенанте Алексее Маресьеве...»[11].

Весьма информативной при изучении специфики художественного комментария истории повседневности в творчестве Б.Н. Полевого является исследовательская стратегия, предполагающая структурно-семиотический метод, разработанный советским литературоведом Ю.М. Лотманом. Выдвинутая им концепция предполагает рассмотрение культурного кода общества в художественном произведении как вторичную моделирующую систему. Первичной системой при этом является язык художественного произведения[12].

Отдельным аспектом семиотического исследования произведения «Повесть о настоящем человеке» является проблема пространства и времени. Ключевыми пространственно-временными образами в «Повести о настоящем человеке» становятся оккупированная территория СССР в период Великой Отечественной войны, московский военный госпиталь и пр. Сквозь призму эстетики Б.Н. Полевой представляет в своем творчестве объективное историческое пространство в определенный исторический период. Так как пространственно-временная модель является основой художественного мира произведения, она же является фундаментом знаковой системы повседневной жизни общества в «Повести о настоящем человеке» и предопределяет специфику ее функциональной нагрузки[13].

---

[11] *Полевой Б.Н.* Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М., 1985. С. 455.

[12] *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970.

[13] *Отюцкий Г.П.* Структура повседневности: методологические подходы российских исследователей // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-

В творчестве Б.Н. Полевого не менее интересной нам представляется семиотика повседневности, которая богата подробными деталями, имеющими смысловой характер элементов обыденного культурного кода общества. В основе семиотики повседневности «Повести о настоящем человеке» находятся характерные для периода Великой Отечественной войны лексика, быт, обычаи, традиции, социальные институты, хозяйственная деятельность, а также особенности экономических и социальных отношений в обществе. Как отмечает Е.С. Сенявская, важно отличать повседневность трех разных типов общества: стабильного, трансформирующегося и находящегося в экстремальной ситуации[14]. Отсюда следует, что функциональной нагрузкой семиотики повседневности советского общества в творчестве Б.Н. Полевого является отображение деталей, имеющими смысловой характер обыденного культурного кода советского общества в экстремальных условиях внутренних и внешних потрясений.

К таким деталям относится, прежде всего, описание быта – внепроизводственной сферы, включающей как удовлетворение материальных потребностей людей, так и освоение духовных благ, культуры, общение и пр. Быт складывается под воздействием ряда факторов и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей и формирование личности. Для более глубокого погружения читателя в экстремальный характер условий выживания писатель акцентирует внимание на мельчайших деталях этого выживания, включая особенности питания своего героя. Б.Н. Полевой подробно описывает каждый прием пищи Мересьева в лесу после крушения самолета, передавая с помощью мельчайших нюансов этого процесса необыкновенную силу воли и жажду жизни летчика. Тема голода также помогает автору подчеркнуть жертвенность и силу духа жителей оккупированных территорий СССР: «...Алексей сумел оценить те приношения, которые делались ему в селении, где в эту зиму около трети жителей умерло от голода»[15]. Уровень приспособляемости к природным условиям советского общества в экстремальной ситуации военного времени выражен с помощью функциональной нагрузки знаковой системы еды в «Повести о настоящем человеке».

Помимо полуголодного существования, большое внимание в произведении уделяется и тяжелым бытовым условиям жителей оккупированных территорий, вынужденных покинуть сожженные де-

---

povsednevnosti-metodologicheskie-podhody-rossiyskih-issledovateley (дата обращения: 10.06.2023).

[14] *Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В.* Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М.; СПб., 2017. С. 10.

[15] *Полевой Б.Н.* Повесть о настоящем человеке. М., 1978. С. 68.

ревни: «Беглая деревня жила в вековом бору. Землянки... прикрытые сверху хвоей, с первого взгляда трудно было даже заметить. Дым из них валил точно из земли»[16]. Образ землянок, в которой жили беглые жители деревни Плавни, в символической форме воплощает ценность и смысл существования советского общества в оккупации. Б.Н. Полевой описывает их с особой тщательностью, от внешнего вида до интерьера: «...лежит он в маленькой темной земляной норе; слегка чадя, потрескивая... горит воткнутая в стену лучина. В свете ее видны с нар стол, сколоченный из ящика от немецких мин... и чурки около него вместо табуреток...»[17]. Реализация семиотики интерьера в «Повести о настоящем человеке» утверждает и отражает определенный образ жизни советского общества в оккупации, выражает все противоречия и особенности его обыденной культуры.

Особый статус в рамках быта имеет одежда, которая Б.Н. Полевым также описана в контексте сюжетной линии выживания: «Зверь... рванул когтями «чертову кожу» комбинезона». Комбинезон не поддался... Зверь еще сильнее рванул комбинезон. Крепкая материя затрещала, но опять выдержала»[18]. Одежда – это определенный знак личностных особенностей. В оформлении внешнего облика человека заключена целая иерархия знаковых систем, сигнализирующих об индивидуальности человека[19]. В семиотике повседневности «Повести о настоящем человеке» одежда подчеркивает жизненные потрясения героев произведения, акцентирует внимание на их психологическом состоянии и экстремальных условиях жизни: яркая и праздничная одежда в воспоминаниях героя о мирной жизни и в мечтах о будущем без войны, «по-старушечьи» одетые молодые женщины беглой деревни Плавни, одежда как способ выживания и пр.

Не менее интересной в рамках описания быта в «Повести о настоящем человеке» является семиотика вещи. Вещь – феномен культуры, который, благодаря своей способности аккумулировать в себе традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы, приобретает аксиологическое звучание[20]. Каждая социальная группа накладывает отпечаток на все вещи, в ней существующие и ее создающие. Исходя из этого, представляется рассматривать вещь как носитель определенных значений.

В зависимости от контекста вещь может восприниматься как знак совершенно далеких от нее явлений. Эстетизация, которой подвер-

---

16 *Полевой Б.Н.* Повесть о настоящем человеке. М., 1978. С. 65.
17 Там же. С. 67.
18 Там же. С. 27.
19 *Махлина С.Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2008. С. 143.
20 Там же. С. 60.

гается историческая действительность в художественном произведении, позволяет реализовать семиотику повседневности в рамках создания социологического аспекта образа вещи. В сюжете «Повести о настоящем человеке» образ ряда вещей раскрывает идеи и ценности советского общества в период Великой Отечественной войны. Так, особое внимание уделяется вещи как способу выживания: пустая банка из-под консервов, которую выбирающийся из леса Мересьев предусмотрительно сохранил для готовки чая; немецкий кинжал, вырванный из тела погибшей медсестры, необходимый для жизни в лесу.

Отдельное место в семиотике повседневности занимают личные вещи. Они носят смысловой характер психологической поддержки человека в тяжелых жизненных условиях: фото родных, письма близких людей и пр. Знаковая система письма в «Повести о настоящем человеке» имеет особое значение в сюжете. В связи с этим, подробно описаны работа почтовой службы и отношение общества к письму в военное время. В частности, отмечается затрудненная работа почты: «...письма теперь доходят до адресата, как свет далеких звезд»[21]. В то же время, сотрудники почтовой службы бережно относились к письмам. Для фронтовиков почта была единственным средством связи с близкими людьми. Особо ценные письма солдаты хранили при себе, перечитывая в тяжелые моменты жизни: «...казалось Алексею, что чувствует он тепло этих писем через сукно гимнастерки»[22].

Семиотика повседневности также представлена описанием болезней, условиями их возникновения и способами лечения. В «Повести о настоящем человеке» подробно изображена симптоматика гангрены – возникает вследствие тяжелой травмы, сопровождается болью, отеком, лихорадкой, онемением и изменением цвета кожи пораженных конечностей. Способом лечения гангрены, чаще всего, является ампутация. Знаковая система болезни в «Повести о настоящем человеке» имеет ключевое место в сюжете. Ее смысловой нагрузкой являются специфические особенности выживания в экстремальных условиях: «раздроблены плюсны ног, гангрена обоих ступней, а главное – крайнее истощение... сопровождавший их военврач второго ранга пишет, будто больной с раздробленными ступнями восемнадцать дней выползал из немецкого тыла»[23].

Немаловажным структурным элементом семиотики повседневности в «Повести о настоящем человеке» является знаковая система социальной установки общества. Важнейшими признаками со-

---

[21] *Полевой Б.Н.* Повесть о настоящем человеке. М., 1978. С. 175.
[22] Там же. С. 70.
[23] Там же. С. 102.

циальной установки являются социальный характер объекта, на который ориентировано поведение человека, осознанность этого поведения, наличие эмоционального компонента. Социальная установка понимается в контексте социальной жизни общества в связи с социальным фоном, на котором возникает[24]. Так, знаковая система социальной установки в рамках семиотики повседневности повести Б.Н. Полевого представлена описанием ненависти советского общества к войскам фашистских захватчиков. В сюжете акцентируется внимание также на отношении жителей оккупированных территорий к партизанским отрядам: «...нагрянули к нам партизаны... И, что же думаешь, на следующий день бабешки им полные сумки напихали. А у самих-то детишки вон пухлые, на ноги не подымаются»[25]. Функциональная нагрузка знаковой системы социальной установки в «Повести о настоящем человеке» представлена описанием готовности советского общества совершать в экстремальной ситуации конкретные действия, способствующие достижению общей победы над врагом любыми средствами.

Анализ семиотики повседневности в «Повести о настоящем человеке» позволяет нам прийти в следующим выводам. Знаковая система повседневной жизни общества в повести Б.Н. Полевого богата подробными деталями, имеющими смысловой характер обыденного культурного кода в экстремальных условиях военного времени. К таким деталям относятся, в частности, реалии быта и социальные установки советского общества в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Следует также отметить, что специфика семиотики повседневности в «Повести о настоящем человеке» обусловлена соцреалистической стилистикой и вместе с тем авторской установкой на читательскую эмпатию.

ЛИТЕРАТУРА

Айрапетова В.А. История повседневности: синтез исторического и философско-культурологического подходов // Царскосельские чтения. 2014. № XVIII. С. 105–108.

Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии// Вестник Пермского университета. Филосо-

[24] *Гордеева С.С.* Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-sotsialnoy-ustanovki-v-sotsiologii-i-sotsialnoy-psihologii (дата обращения: 15.06.2023).

[25] *Полевой Б.Н.* Повесть о настоящем человеке... С. 70.

фия. Психология. Социология. 2016. № 3. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-sotsialnoy-ustanovki-v-sotsiologii-i-sotsialnoy-psihologii (дата обращения: 15.06.2023).

Ипполитов Г.М., А.И. Репинецкий История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. № 14. С. 154–161.

Курьянович А.В. История повседневности: проблемы источниковой базы // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. 2002. № 1. С. 44–49.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. – 384 с.

Махлина С.Т. Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2008. – 231 с.

Отюцкий Г.П. Структура повседневности: методологические подходы российских исследователей // Система ценностей современного общества. 2014. № 38. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-povsednevnosti-metodologicheskie-podhody-rossiyskih-issledovateley (дата обращения: 10.06.2023).

Полевой Б.Н. Повесть о настоящем человеке. М.: Правда, 1978. – 336 с.

Полевой Б.Н. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1984. – 600 с.

Полевой Б.Н. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1985. – 560 с.

Пушкарева Н.Л. Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 7–21.

Ревякина А.А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия // РСМ. 2002. № 4. С. 102–114

Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века. М., СПб.: Институт российской истории; Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 418 с.

Сотникова Е.В. История повседневности как научное направление // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. С. 20–22.

Зубкова Е. Ю.

«ВМЕСТО НАСУЩНОГО ВОЗВРАЩАТЬ КРАСОТУ»: ПРИОРИТЕТЫ И ПРОБЛЕМЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ (ПРИГОРОДНЫЕ ДВОРЦЫ ЛЕНИНГРАДА В 1944–1950-е ГОДЫ)

Аннотация: *Теме «война и культура», послевоенному восстановлению памятников культуры посвящен большой комплекс научной литературы. Данное исследование фокусируется на нескольких «музейных историях» – судьбе дворцово-парковых комплексов Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины. На основе опубликованных материалов и новых источников реконструируется процесс возвращения к жизни уникальных памятников культуры из двойной перспективы – «в деталях» и в контексте государственной культурной политики 1940–1950-х годов.*
Ключевые слова: *Великая Отечественная война; памятники культуры; культурная политика; дворцы-музеи; реставрация*

Zubkova E. Yu.
«Bringing back beauty instead of the necessary»: priorities and problems of post-war restoration of cultural monuments (palaces of suburbs of Leningrad in 1944–1950s)

Anotation: *The topic of "war and culture", post-war restoration of cultural monuments is devoted to a large complex of scientific literature. This research focuses on several "museum stories" – the fate of palace and park complexes of Peterhof, Pushkin, Pavlovsk, Gatchina. On the basis of published materials and new sources is reconstructed the process of returning to life unique cultural monuments from a double perspective – "in details" and in the context of the state cultural policy of the 1940s – 1950s.*
Keywords: *Great Patriotic War; Cultural monuments; Cultural policy; Palaces-museums; Restoration*

Война и культура – тема многомерная. В бесконечном списке жертв Великой Отечественной войны культурные ценности на особом счету: они гибли под артобстрелами, сгорали в огне, уплывали из страны в качестве «военных трофеев» – в вагонах или солдатских ранцах. Их «военная история» не завершилась с окончанием войны – предстояла колоссальная работа по восстановлению разрушенных памятников, поиску и возвращению похищенного. Не закончена она

и сейчас[1]. Послевоенной истории памятников культуры посвящены десятки монографий и сотни статей. Их историографический анализ мог бы стать темой отдельной книги. В центре моего исследования – послевоенная судьба нескольких музейных комплексов – дворцово-парковых ансамблей Петергофа (Петродворца), Царского Села (Пушкина), Павловска, Гатчины. Этот предметный фокус позволяет на основе солидной историографической традиции, опубликованных и новых источников реконструировать процесс возвращения к жизни уникальных памятников культуры из двойной перспективы – «в деталях» и в контексте государственной культурной политики 1940–1950-х годов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО СПАСЕНИЮ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Вопрос о возрождении разрушенных памятников культуры стал волновать людей, неравнодушных к судьбам культурного наследия России, задолго до окончания военных действий. 23 декабря 1941 г. Президиум Академии наук СССР создал специальный комитет, которому поручалось заняться установлением размера ущерба, нанесенного памятникам культуры в освобожденных районах. Инициативу академиков поддержал Наркомпрос РСФСР: его руководитель В.П. Потёмкин в феврале 1942 гг. направил письмо в отделы народного образования освобожденных и прифронтовых областей, в котором говорилось: «...для доклада правительству и для предъявления в будущем счета неприятелю за разрушения и разграбление наших культурных ценностей необходимо принять срочные меры к документированию разрушенных музеев, библиотек, памятников старины»[2].

Распоряжением СНК СССР 26 апреля 1942 г. была создана Комиссия по учету и охране памятников искусства при Комитете по делам искусств, ее возглавил И.Э. Грабарь, а в состав комис-

---

[1] Самый масштабный проект, посвященный изучению культурных утрат России в годы Великой Отечественной войны, был предпринят Министерством культуры Российской Федерации. Его результаты нашли отражение на портале «Культурные ценности – жертвы войны» и в «Сводном каталоге культурных ценностей Российской Федерации, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны». См.: [Электронный ресурс]. URL: https://lostart.ru/ (дата обращения: 14.09.2023).

[2] Цит. по: *Фатигарова Н.В.* Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Ч. 1. М., 1991. С. 207.

сии вошли известные архитекторы, скульпторы, искусствоведы, реставраторы[3].

Комиссия Грабаря призвана была решать широкий круг задач: обследование памятников культуры и фиксация нанесенных им повреждений, подготовка материалов к реставрации (разработка проектов, чертежей, моделей реставрируемых объектов), контроль за охраной и реставрацией памятников архитектуры, скульптуры и живописи на всей территории СССР «независимо от того, в чьем ведении памятники находятся». Комиссия получила право возбуждать уголовное преследование против лиц, нарушающих законоположение об охране памятников, в частности, допускающих самовольные переделки, перестройки и слом охраняемых государством культурных объектов[4]. Однако несмотря на широкий круг официальных полномочий, возможности их реализации в условиях военного времени были весьма невелики и, как правило, ограничивались обследованием состояния и фиксацией разрушений выдающихся историко-культурных памятников. Эта деятельность была хотя и скромнее первоначальных замыслов, но исключительно важной для решения их послевоенной судьбы.

После создания в ноябре 1942 г. Чрезвычайной государственной комиссии вся работа по учету и оценке ущерба, нанесенного культурному достоянию страны, была сосредоточена в ней. С этого момента деятельность по фиксации военных потерь, определении их масштабов и возможностей послевоенных компенсаций становится частью государственной культурной политики. Члены Комиссии по учету и охране памятников искусства, как и другие эксперты, принимали самое деятельное участие в работе ЧГК и ее местных структур – региональных чрезвычайных комиссий.

Вместе с тем руководитель Комиссии по учету и охране памятников искусства И.Э. Грабарь видел свою главную задачу в том, чтобы не только фиксировать утраты и повреждения, но и, во-первых, спасти сохранившиеся культурные объекты от прогрессирующего разрушения, а, во-вторых, начать, по возможности, их восстановление. Вернувшись из разоренных войной городов России и Украины, под впечатлением увиденного он обратился 11 марта 1944 г. с письмом к В.М. Молотову:

«В Киеве, Чернигове, Смоленске, Новгороде частью полностью разрушено, частью полуразрушено свыше 20 памятников древнерус-

[3] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 43. Д. 1073. Л. 12.
[4] Там же. Л. 19–20.

ской архитектуры ... В спасении их остатков заинтересован не только создавший их русский народ, но и все человечество.

Еще в худшем положении находятся ленинградские пригородные дворцы-музеи Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины.

Если немедленно не будут приняты меры к временному покрытию этих зданий хотя бы толем, то через месяц сохранившаяся почти во всех уцелевших памятниках штукатурка немедленно размокнет и отвалится вместе с архитектурно-декоративной обработкой и живописью. Здания будут обнажены внутри до кирпича, и об их восстановлении нельзя будет и думать»[5].

Особенно беспокоила Грабаря позиция местных властей, которые, имея в своем распоряжении стройматериалы и рабочую силу, недооценивают значение памятников архитектуры и «решительно отказываются прийти на помощь тем культурным работникам, которые готовы приложить все силы и знания для дела спасения памятников». В результате, – подводил итог Грабарь, – «все означенные памятники находятся в буквальном смысле в беспризорном состоянии: не только никто их не охраняет, но обыватели, в поисках стройматериалов, выламывают из них кирпич, дерево и железо»[6].

Среди тех, кого критиковал Грабарь, был и Ленинградский городской Совет, в подчинении которого находились дворцовые комплексы Пушкина, Петродворца, Гатчины и Павловска:

«В частности, Исполнительный Комитет Ленинградского Горсовета категорически отказал провести в жизнь меры охраны дворцов-музеев, предложенные Ленинградской Государственной Инспекцией по охране памятников, а на просьбу Инспекции по охране помочь ей деньгами и материалами, ответил, что нельзя вопрос о дворцах выделять из общего вопроса о восстановлении коммунального хозяйства.

Но как раз его и надо выделить, ибо время не терпит, и каждый час промедления в данном деле равносилен гибели дворцов, вполне восстановимых при условии немедленного принятия неотложных мер»[7].

Позицию Игоря Грабаря вполне могли бы разделить сотрудники пригородных дворцов-музеев, как и многие авторитетные деятели культуры. Однако своих сторонников находила и другая точка зрения: ее приверженцы настаивали на нецелесообразности восстановления дворцов, храмов и других памятников культуры, подвергшихся сильным разрушениям. В качестве аргументов приводились эконо-

---

5 РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

6 Там же.

7 Там же. Л. 34.

мические соображения – необходимость восстанавливать промышленность, транспорт, строить жилье для людей. Возвращение страны к мирной жизни требовало огромных финансовых вложений, поэтому неизбежно вставал вопрос о приоритетах: что возрождать в первую очередь – *насущное* или *Красоту*?

Об этом размышлял писатель Даниил Гранин, когда писал о возвращении к жизни дворцов Пушкина, Павловска, Петергофа:

«Восстановление пригородов было подвигом не только реставраторов, но и всех ленинградцев. После мучений блокады, войны, они шли на то, чтобы в ущерб стройке жилых домов возрождать эти дворцовые сооружения, *вместо насущного возвращать Красоту*» (здесь и далее курсив мой. – *Е.З.*)[8].

В разрешении дилеммы «насущное *vs* Красота» не последнюю роль играл политический фактор – соображения государственного престижа и новые идеологические веяния. Государственная идеология в годы войны сделала ставку на патриотизм и историческую традицию. В рамках этого процесса прошла волна переименований: города Красногвардейск и Слуцк вернули свои исторические названия – *Гатчина* и *Павловск*; Петергоф, напротив, стал называться по-русски – *Петродворцом*. Город *Пушкин* сохранил свое название: имя поэта давно считалось символом достижений русской культуры.

РЕСТАВРАЦИЯ – КОНСЕРВАЦИЯ – УТИЛИЗАЦИЯ: ДИСКУССИИ И ПЕРВЫЕ ПЛАНЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДВОРЦОВ-МУЗЕЕВ

Ситуация, сложившаяся вокруг разрушенных дворцово-парковых ансамблей пригородов Ленинграда после их освобождения в январе 1944 г. и с окончанием войны, была сродни тупиковой: руководствуясь логикой приоритетов восстановительных работ, получалось, что дворцы могли бы и подождать, но их реальное состояние говорило о другом – ждать нельзя, поскольку упущенное время означало новые утраты. Очередность восстановления и нехватка средств были не единственными аргументами, выдвигавшимися против сохранения разрушенных памятников культуры – и здесь дворцы могли оказаться не единственными жертвами. Целесообразность воссоздания историко-культурных объектов в «прежнем виде» оспаривали специалисты-реставраторы, среди которых нашлось немало против-

[8] *Гранин Д.А.* Мой лейтенант. Роман. СПб., 2015. С. 139.

ников замены утраченных оригиналов памятников и даже их фрагментов «копиями».

Борьба двух концепций сохранения/восстановления разрушенных или утраченных исторических памятников – *консервация* (фиксация оригинала в руинах) или *реставрация* (научное воссоздание его прежнего облика) – не являлась «чисто» российской проблемой и велась в мировом сообществе реставраторов уже несколько десятилетий. Известного консенсуса среди профессионалов удалось достичь только в 1965 году, когда была принята Венецианская хартия – Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест[9]. В 1944 и 1945 гг. до консенсуса между «консерваторами» и «реставраторами» было еще далеко, в то время как Вторая мировая война, превратившая в руины многие выдающиеся произведения архитектуры и культурно-исторические центры, вывела тот давний спор за узкие рамки профессионального сообщества.

В Ленинграде позиции «консерваторов» отстаивал инженер-архитектор П.В. Прейс, свою точку зрения он изложил в записке «О восстановлении архитектурных памятников, разрушенных фашистами» (март 1944 г.). П.В. Прейс полагал, что если объект основательно разрушен, а для его полноценной реконструкции не хватает иконографических материалов, то восстанавливать его не имеет смысла: на месте утраченного исторического здания должна быть установлена памятная доска или макет, воспроизводящий облик памятника до и после разрушения. Такие доски, по мнению профессора, позволили бы не только сохранить память о выдающемся произведении архитектуры, но и «заклеймить вандализм фашизма»[10].

Проектов относительно будущего дворцово-парковых ансамблей предлагалось множество – от полного восстановления их в довоенном облике и возвращения дворцам статуса музея до «перепрофилирования» уцелевших зданий и парковых ландшафтов под зоны

---

[9] Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия) обсуждалась на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам (Венеция, 1964 год). В 1965 г. хартия была принята ИКОМОС – Международным советом по сохранению памятников и достопримечательных мест – ICOMOS (International Council on Monuments and Sites (Реставрация музейных ценностей. Вестник. 1998. № 1. С. 55–58).

[10] *Бахарева Ю.Ю.* Подготовка и начало работ по восстановлению памятников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады города (1941–1945 гг.) // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб., 2014. С. 15.

отдыха – санатории, парки развлечений, стадионы. Последняя идея находила своих активных сторонников и раньше, до войны, теперь же состояние освобожденных дворцов и парков вполне могло рассматриваться как еще один аргумент в пользу их приспособления под «нужды трудящихся». Напротив, позиции защитников дворцов на тот момент казались весьма уязвимыми: не был решен вопрос о выделении финансовых средств и рабочих рук для восстановления или хотя бы консервации строений, не существовало научной концепции их реконструкции, не было даже точной информации о состоянии музейных фондов – что вывезено в Германию, что еще можно вернуть, найти, восстановить, а что утрачено навсегда. Наконец, не хватало опытных реставраторов, а также специальных строительных и проектных организаций, которые могли бы профессионально заняться реконструкцией разрушенных памятников.

Сторонники восстановления дворцовых комплексов и сохранения их как музеев нуждались в аргументированной защите своей точки зрения, чтобы представлять и отстаивать ее в Ленинграде и Москве. С этой целью по инициативе Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда и ее руководителя Н.Н. Белехова 21–22 марта 1944 г. была организована научно-практическая конференция, собравшая ведущих экспертов – искусствоведов, архитекторов, реставраторов, музейщиков[11]. Они обсуждали судьбу четырех дворцово-парковых музейных комплексов – Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины.

Стоит ли восстанавливать дворцы и, если восстанавливать, то в каком виде? – эти вопросы стояли в центре обсуждения участников конференции. Поскольку в зале собрались главным образом единомышленники, первый вопрос звучал скорее риторически, отчасти провокационно. Все понимали, что восстановительные работы по своим затратам и масштабам предстоят грандиозные, Белехов перед началом дискуссии огласил предварительные расчеты: «чтобы восстановить разрушенное, нужно 65 человеко-лет или 9 миллиардов рублей, т.е. нужно, чтобы в течение 10 лет работали над этим ежедневно 6,5 тысяч человек»[12].

Очевидно, что создание на месте бывших царских резиденций зон отдыха в обрамлении руин обошлось бы дешевле, чем возвращение руинам их исторического облика. Кроме того, «рекреационный

[11] Стенографический отчет научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов. 21–22 марта 1944 г. [Электронный ресурс]. URL: http://gatchinapalace.ru/special/publications/prigorod/ntc.php (дата обращения: 11.09.2023).

[12] Стенографический отчет научно-практической конференции.

проект» пользовался поддержкой во властных структурах: превращение пригородов в «очень широкие места отдыха трудящихся... – *это установка*», – напомнил Белехов, тогда как решение относительно целесообразности восстановления дворцово-парковых ансамблей, в тот момент еще не было принято. Создавшаяся ситуация требовала от защитников музеев «не ждать, а действовать», но одновременно задавала рамочные условия для ответных действий[13]. Речь шла о разработке компромиссной концепции совместного существования в одном историко-художественном пространстве дворцов-музеев и зон отдыха.

На поиски компромисса настраивала и историческая традиция: пригородные резиденции, особенно их парковые ландшафты, задумывались и всегда использовались в качестве рекреационной зоны. Опасность, заявившая о себе уже в предвоенные годы, заключалась в другом – попытках приспособить под «зоны отдыха» пространства, для этого не предназначенные, прежде всего дворцовые здания и парковые павильоны. В них предлагалось размещать дома отдыха, санатории, концертные залы. До войны серьезным аргументом против подобных поползновений служила ссылка на историко-художественную ценность интерьеров дворцов, которые неизбежно пострадали бы от такого вторжения. После войны ситуация изменилась: в результате бомбежек, пожаров и грабежа интерьеры большинства дворцов были либо утрачены, либо сохранились фрагментарно, а оставшиеся стены, казалось бы, вполне могли быть «приспособлены» под утилитарные цели. Поэтому требовались новые аргументы для сохранения дворцов в виде музеев.

Архитекторы Л.М. Тверской и В.И. Пилявский, выступая на конференции 1944 г., со знанием дела убеждали своих потенциальных оппонентов, что дворцы в силу архитектурных особенностей вообще не приспособлены для размещения в них домов отдыха (анфиладное расположение зал и апартаментов, отсутствие необходимого количества санитарных помещений и т.д.). Музейные сотрудники и другие участники дискуссии настаивали на выводе всех домов отдыха за пределы дворцово-парковых комплексов. Только дворцы-музеи Павловска и Гатчины готовы были поступиться частью своих помещений: в Павловке, например, предлагалось оставить центральную часть дворца за музеем, а в одном из флигелей разместить дом отдыха, но специальный – для архитекторов, художников, скульпторов. Почему бы в зале Бренны не потанцевать архитектору? – спрашивал

[13] Стенографический отчет научно-практической конференции.

профессор архитектуры А.П. Удаленков: «танцуя, он невольно воспитывается и получает то, чего не получит от книги»[14].

Во время обсуждения не раз высказывалась мысль, что рекреационно-досуговое использование дворцово-парковых комплексов нельзя понимать слишком узко: погружение в уникальную атмосферу Петергофа или Гатчины, Павловска или Пушкина – это тоже отдых, но отдых другого рода. Фонтаны Петергофа или пейзажный парк Павловска не имеют аналогов, а «поиграть в футбол можно и в другом месте»[15].

Дворцово-парковые ансамбли в первую очередь должны остаться музеями – в этом вопросе мнение участников мартовской конференции было единодушным, разногласия возникли только относительно будущего конкретных дворцов. Поскольку детали интерьера и внутренняя отделка большинства дворцовых зданий оказались утраченными, было решено восстанавливать дворцы не как историко-бытовые, а как историко-художественные комплексы – памятники конкретной исторической эпохи, воспроизводящие ее лучшие культурные образцы. Только дворец Монплезир в Петродворце благодаря его относительно хорошей сохранности мог быть восстановлен комплексно – как историко-бытовой и историко-художественный памятник. Из элементов дворцово-парковый ансамбля Петродворца, включая сильно разрушенный Большой дворец, должен был сложиться музей эпохи Петра I. Екатерининский дворец, преобразованный в художественный музей, мог представлять русское барокко и рококо 18 века, а Павловский дворец являлся ярким воплощением эпохи классицизма. Его, как и Монплезир, предлагалось восстанавливать полностью: несмотря на пожар, он, как считали эксперты, «восстановим легче других»[16].

Больше всего споров возникло вокруг Гатчинского дворца. Предлагалось несколько вариантов его новой музеефикации, но все они так или иначе сводились к организации на базе дворца Военного музея, или Дворца славы русского оружия. Аргументом служила ссылка на «военный» внешний облик дворца и связь Гатчины с военной историей России.

Александровский дворец в Царском Селе (Пушкине) пострадал от войны меньше других – разоренный внутри, он без существенных повреждений сохранил свой внешний облик. Это, казалось бы, преимущество, в условиях дефицита жилья и помещений обернулось

---

[14] Стенографический отчет научно-практической конференции.

[15] Там же.

[16] *Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2004. С. 123.

своей противоположностью: на уцелевшее здание стали претендовать самые разные учреждения[17].

Против возвращения Александровскому дворцу музейного статуса выдвигались также аргументы, оспаривающие его историко-художественную ценность. Защитники дворца предлагали сохранить его как образец раннего русского модерна. Такой точки зрения придерживался, например, один из наиболее авторитетных экспертов А.П. Удаленков. Ему оппонировал искусствовед Г.Г. Гримм, который полагал, что в качестве образца модерна «Александровский дворец к лучшим произведениям не относится»[18]. Пока шли споры вокруг будущего дворца, у директора Пушкинских дворцов-музеев Е.Л. Туровой возникла «спасительная идея»[19], – разместить в Александровском дворце общее хранилище музейных ценностей, принадлежащих разным пригородным дворцам[20]. Музейные сотрудники в это время занимались поиском в окрестностях уцелевших музейных предметов, деталей дворцовых интерьеров, ждали возвращения музейных ценностей – эвакуированных в советский тыл и увезенных немцами за время оккупации. Для хранения всех этих вещей необходимо было помещение, и в качестве временного «общего дома» Александровский дворец действительно подходил лучше других зданий. Однако прошло больше года, прежде чем часть помещений дворца отдали под Центральное хранилище музейных фондов.

Собравшиеся в марте 1944 г. специалисты много спорили о принципах реставрации дворцов – корректности восстановления их внутренней отделки по иконографическим материалам при отсутствии оригиналов, допустимости нового наполнения дворцовых интерьеров, то есть замены утраченных предметов близкими по времени изготовления и стилистике аналогами. В ходе дискуссии выдвигались даже радикальные проекты «освобождения» архитектуры и внутреннего убранства дворцов от позднейших наслоений: например, предлагалось восстанавливать Екатерининский дворец только в «редакции» Растрелли, а Павловский дворец – исключительно как творение Камерона, без «вмешательства» Бренны, Воронихина и Кваренги. Однако все понимали, что решение этих вопросов – дело

---

[17] Письма А.И. Зеленовой. 1942–1944 гг. // Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. СПБ., 2006. С. 138.

[18] Стенографический отчет ...

[19] А.И. Зеленова писала в январе 1944 г.: «У Жени [Туровой] родилась “спасительная” идея использовать и приспособить АДМ под хранилище всех наших уцелевших музейных ценностей». (Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. С. 138).

[20] Стенографический отчет научно-практической конференции.

будущего. А пока главная задача заключалась в том, чтобы сохранить то, что сохранилось – законсервировать здания дворцов и принять меры по предотвращению их дальнейшего разрушения: освободить помещения и парки от мин и снарядов, восстановить крышу, закрыть дверные проемы и окна, закрепить и укрыть сохранившиеся фрагменты лепного и живописного декора. Для этого требовались стройматериалы, деньги, люди, но прежде всего – политическое решение о необходимости восстанавливать дворцы.

29 марта 1944 г., после того как была окончательно снята блокада Ленинграда, Государственный Комитет обороны СССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 года». В числе первоочередных объектов восстановления были обозначены промышленные предприятия, энергетическая система, транспорт, коммунальное хозяйство и др. И только в самом конце этого объемного документа говорилось: *«предрешить вопрос о восстановлении городов Петродворец и Пушкин как мест отдыха трудящихся Ленинграда»*[21]. В постановлении ГКО не были упомянуты Павловск и Гатчина, как и не уточнялось, какой содержательный смысл вкладывается в понятие «места отдыха». Вместе с тем, в числе инстанций, которым поручалось подготовить предложения по данному вопросу, помимо городских властей Ленинграда (исполкома Ленинградского совета), были названы Комитет по делам искусств и Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. Это значит, что речь шла, в том числе, о восстановлении памятников культуры Петродворца и Пушкина. Предложения необходимо было представить в Совет народных комиссаров СССР к 1 июня 1944 г.

Однако подготовка проекта правительственного решения затянулась. В мае 1944 г. пригородные дворцы посетили члены комиссии Комитета по делам архитектуры и Комитета по делам искусств – академики А.Г. Мордвинов, А.В. Щусев, И.Э. Грабарь, другие известные эксперты. В поездке их сопровождал А.М. Кучумов, который в это время руководил работой музеев Ленинграда и пригородных дворцов-музеев[22]. Он писал об итогах работы «Московской комиссии»:

---

[21] РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 222. Л. 145.

[22] В мае 1944 г. Кучумов был назначен на должность руководителя Отдела музеев и памятников при Управлении по делам искусств исполкома Ленинградского городского Совета. См.: *Гузанов А.Н.* Анатолий Михайлович Кучумов. Этапы творческого пути // Кучумов А.М. Статьи, воспоминания, письма. СПб., 2004. С. 14.

«Сейчас приехали сюда москвичи – руководство из Комитета[23], архитекторы, академик Щусев, И.Э. Грабарь, ездим по пригородам. Общее мнение, записанное в проекты правительственных постановлений, – восстановить всю отделку Павловского дворца, ЕДМ [Екатерининского дворца-музея] и Петергофских Петровских дворцов в прежнем виде»[24].

Первые проекты решений по восстановлению дворцово-парковых комплексов были рассчитаны скорее на перспективу и не вполне учитывали реальную ситуацию. Управление по делам архитектуры Ленинграда, например, настаивало на реконструкции всех дворцов. Позднее руководитель Управления, главный архитектор Ленинграда Н.В. Баранов признал, что тот «идеальный» проект являлся «чрезвычайно важной тактической ошибкой ... и это погубило проект»: «*не надо было предрешать вопроса о реставрации всех дворцов, нам сказали, что еще рано. Нам предложили биться самим*»[25]. «Биться самим» означало рассчитывать только на свои силы и ресурсы – городской бюджет, специальный фонд Госинспекции по охране памятников Ленинграда, местные кадры архитекторов и реставраторов, рабочих и местные строительные организации. Очевидно, что эти ресурсы могли бы решить только часть задач, связанных с первоочередными ремонтно-восстановительными работами, для комплексной реконструкции дворцово-парковых ансамблей требовалось государственное решение общесоюзного уровня.

Комитет по делам архитектуры и Комитет по делам искусств представили проект постановления СНК о восстановлении дворцов 6 ноября 1944 г. Этот проект больше ориентировался на реальную ситуацию, поэтому речь в нем шла не о комплексной реставрации дворцов, а только об их консервации как первом шаге к будущим масштабным восстановительным работам. Проект касался дворцово-парковых ансамблей Пушкина, Павловска, Петродворца и Гатчины[26]. В сопроводительном письме к проекту, адресованном В.М. Молотову, председатели комитетов А.Г. Мордвинов и М.Б. Храпченко ссылались на заключение комиссии, обследовавшей пригородные дворцы в мае 1944 г.: «Установлено, что несмотря на сильные разрушения, уцелевшие части дворцов и особенно их внутренняя отделка представляют большую ценность... Необходимо провести строительные работы по предохранению их от дальнейшего разрушения»[27].

---

[23] Вероятно, имеется в виду Комитет по делам архитектуры.
[24] *Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. С. 111–112.
[25] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 10. Л. 83.
[26] Там же. Д. 2. Л. 91–92.
[27] Там же. Л. 90.

В декабре 1944 г. свой проект постановления СНК СССР «О восстановлении городов Пушкин и Петродворец» представил исполком Ленинградского совета, Комитет по делам архитектуры поддержал его[28]. Проект касался дворцово-парковых ансамблей не только Петродворца и Пушкина, но и Павловска. В первую очередь предлагалось восстановить «в прежнем виде» их парковую территорию, «включая всю фонтанную систему г. Петродворец – как излюбленных мест массового отдыха трудящихся Ленинграда». В рамках концепции «мест отдыха» предполагалось выделить помещения для размещения домов отдыха и санаториев: в Пушкине – Екатерининский и Александровский дворцы, в Петродворце – Большой дворец, Коттедж Николая I, Бельведер и несколько других дворцово-парковых сооружений, в Павловке – боковые корпуса Дворца[29].

В качестве историко-культурных памятников и музейных объектов, «учитывая большое историческое значение и выдающуюся архитектурно-художественную ценность дворцов», планировалось воссоздать несколько дворцов и павильонов: Монплезир, Марли и Эрмитаж в Петродворце, Эрмитаж в Пушкине, центральную часть Дворца в Павловске. Для Екатерининского дворца, внутренние помещения которого предполагалось отдать под дома отдыха и санатории, предусматривалось восстановление исторического облика фасада. Основные дворцы Царскосельского и Петергофского ансамблей – Екатерининский, Александровский, Большой дворец – лишились, таким образом, музейного статуса. Оставшись «без дворцов», Пушкинский дворцово-парковый комплекс, фактически уже не мог называться в полном смысле слова дворцом-музеем. Вместе с тем, даже в «урезанном» виде, решение о реставрации дворцово-парковых ансамблей имело бы исключительно важное значение: принятое на уровне союзного правительства, оно придавало восстановительным работам статус государственной программы.

В проекте постановления был намечен ряд конкретных мер: консервация архитектурных памятников, разработка научных планов реставрации дворцов, парков и парковых сооружений, сбор с этой целью необходимых документальных материалов в архивах и музеях. Комитет по делам архитектуры и исполком Ленинградского областного Совета должны были в течение двух месяцев представить аналогичные планы по восстановлению дворцов и парков Гатчины, Стрельны, Ораниенбаума[30].

---

[28] РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 2. Л. 109.
[29] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп 17. Д. 1180. Л. 64.
[30] Там же. Л. 65–67.

Пока шла подготовка правительственного решения о восстановлении дворцов (которое в результате так и не было принято), Ленинградский Совет взял на себя руководство этими работами. 23 апреля 1944 г. исполком Ленсовета провел специальное заседание, на котором было принято решение «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев». В числе намеченных мер предусматривалось «приступить немедленно к проведению первоочередных работ по консервации и приведению дворцов в элементарный порядок, ...организовать охрану дворцов, павильонов и парков, ...провести научно-исследовательскую работу и сбор научного материала для реставрации подлежащих восстановлению дворцов...»[31].

На основе этого решения Управление по делам искусств исполкома Ленгорсовета должно было провести работы по архитектурной фиксации дворцов-музеев и разработать план неотложных строительных и иных работ по каждому дворцу с целью предотвратить их дальнейшее разрушение. Чтобы уменьшить притязания на помещения дворцов со стороны других ведомств, исполком постановил «запретить использование зданий и сооружений, принадлежащих дворцам-музеям, для каких бы то ни было целей и проведение в них каких-либо мероприятий без согласования с Государственной Инспекцией по охране памятников и разрешения Исполкома Ленгорсовета в каждом отдельном случае»[32]. На практике, однако, это решение не смогло уберечь дворцы от посягательств «извне», но оно сыграло важную роль в обеспечении начального этапа ремонтно-восстановительных работ.

НАЧАЛО ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

В первую очередь необходимо было освободить здания и парковую территорию дворцовых комплексов от мин и неразорвавшихся снарядов. Особенно большие работы по разминированию предстояли в Петергофе, где проходила немецкая линия обороны, и огромный Петергофский парк был превращен в сплошную укрепленную зону. Руководил работами по разминированию Петергофа инженер-майор Г.А. Иванов. По его данным, саперами только в Старом и Новом Петергофе было разминировано около 35 тысяч различных мин и так

[31] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1526. Л. 80.
[32] Там же. Л. 81.

называемых «сюрпризов»[33], уничтожено на месте до 15 тыс. снарядов и бомб – всего 56 858 взрывных единиц[34]. К осени 1944 г. дворцы и парковая зона Петергофа, Павловска, Пушкина и Гатчины были в основном освобождены от мин и снарядов, однако и позднее, особенно при проведении парковых работ, там находили отдельные неразорвавшиеся снаряды, а иногда и целые замаскированные склады боеприпасов[35].

Пока в руинах дворцов и в парках работали саперы, музейные сотрудники занимались поиском предметов из музейных коллекций, которые остались в немецких блиндажах или осели у местного населения. Возвращение музейных предметов не только способствовали частичному восстановлению довоенных музейных коллекций. Важно было и другое: каждая находка сама по себе была аргументом в пользу возможности возрождения дворцов как музеев, аргументом особенно ценным в условиях, когда постоянно возникали новые претензии на «утилитарное» использование дворцовых помещений[36].

После разминирования можно было приступать к первым шагам по консервации дворцов – расчистке помещений от мусора, аварийно-строительным работам, фиксации уцелевших фрагментов декора, поиску среди обломков архитектурных деталей, элементов отделки – эталонов, которые должны были служить образцами для научной реставрации дворцов. Главные архитектурные памятники – Екатерининский дворец в Пушкине, Павловский и Гатчинский дворцы, Большой дворец в Петергофе – стояли без крыши, без дверей и окон, а значит, незащищенные не только от дождя и снега, но и от вторжения мародеров. Кроме того, предстояли большие работы по расчистке парков и открытию тайников с парковой скульптурой и другими музейными предметами, которые не смогли эвакуировать. Срочно требовались строительные материалы, строительная техника, транспорт и рабочие руки.

На местные трудовые ресурсы первое время было трудно рассчитывать, поскольку большинство жителей окрестных городов уехали в эвакуацию в советский тыл или были принудительно выселены

---

[33] К числу «сюрпризов» относились, например, «прыгающие» мины типа “S”, начиненные шрапнелью и поражающие в радиусе 150 м. Эти мины стоили жизни нескольким саперам, работавшим в Петергофе. Всего при разминировании Петергофа погибли 15 саперов и более 20 человек получили ранения. (ЦГАЛИ СПб. Личный фонд М.А. Тихомировой. Ф. 510. Оп. 1. Д. 40 Л. 23, 29).

[34] *Тихомирова М.А.* Памятники. Люди. События: Из записок музейного работника. СПб., 2010. С. 67.

[35] *Ёлкина А.С.* Сделайте это для меня... СПб., 2005. С. 209.

[36] *Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. С. 131.

немецкой оккупационной администрацией. В Павловске, например, на момент освобождения города осталось всего 400 жителей[37]. По мере того, как люди возвращались домой, появилась возможность привлекать их к работам по разборке завалов и очистке дворцов и парков. Они делали основную «черновую» работу – собирали мусор, разбирали блиндажи и доты, засыпали землянки и траншеи. Для проведения аварийно-восстановительных работ во дворцах требовались уже квалифицированные строители. Строительные организации Ленинграда в это время были заняты на восстановлении города. Тогда исполком Ленинградского городского совета обратился за помощью к военным – командованию Ленинградского фронта, в составе которого было Военно-строительное управление[38]. Солдаты этого управления провели первые ремонтно-восстановительные работы в Екатерининском дворце[39].

Самый оригинальный и, как выяснилось, наиболее оптимальный выход из строительного кризиса нашла директор Павловского дворца-музея А.И. Зеленова. Ценой личных усилий, дойдя «до Москвы» в буквальном смысле слова, она добилась, чтобы строительные работы по консервации и восстановлению Павловского дворца проводились силами ГУАС НКВД СССР – Главного управления аэродромного строительства Народного комиссариата внутренних дел СССР[40]. Эта организация располагала техникой, необходимой для проведения сложных строительных работ, и рабочей силой, в том числе в лице военнопленных. Немецкие военнопленные, которые участвовали в восстановлении дворца и парка Павловска тоже были необычными – многие из них были артистами Берлинской оперы, мобилизованными на Восточный фронт в самом конце войны[41]. Военнопленные работали также на восстановлении других пригородных дворцов.

В парках находились тайники с захороненной мраморной и бронзовой скульптурой. В Павловске такой тайник в 1941 г. А.И. Зеленова организовала в подвале дворца: в нем за специально сооруженной кирпичной стеной были спрятаны мраморные статуи из дворцовой коллекции. Пока работали саперы, доступ в подвал был запрещен, и никто из музейных сотрудников не знал, уцелел тайник или нет.

---

37 РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 10. Л. 85.

38 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1180. Л. 32

39 *Иванова С.М.* Консервация и использование сохранившихся музейных объектов в 1944–1956 годах // Город Пушкин. Дворцы и люди. Сб. статей. СПб., 2015. С. 177–179.

40 *Ёлкина А.С.* Сделайте это для меня... С. 194–197.

41 Там же. С. 211–214.

Прошло три месяца с момента освобождения дворца, прежде чем Зеленова смогла проверить тайник:

«Нетерпение увидеть статуи было так велико, что, не дожидаясь, пока разберут защитную стенку полностью, я скрутила в жгут немецкие газеты, валявшиеся кругом, зажгла его и этим факелом осветила тайник через пролом. То, что я увидела, меня потрясло до слез: статуи улыбались...»[42].

В парках Петергофа существовало несколько тайников со скульптурой, но их надо было еще найти. Среди музейных сотрудников и парковых рабочих в 1944 г. не оказалось людей, участвовавших в захоронении скульптуры в 1941 г. Планы захоронений были сделаны и хранились в период блокады в Исаакиевском соборе. Однако проблема заключалась в том, что эти планы были привязаны к определенным ориентирам – постройкам, фонтанам. За время войны парк изменился до неузнаваемости, многие ориентиры для поиска тайников со скульптурой были просто утрачены. Кроме того, у сотрудников музеев не было уверенности, что тайники вообще сохранились и не были обнаружены стоявшими в Петергофе немецкими солдатами[43].

Первым среди тайников Петергофа было обнаружено захоронение с мраморными статуями «Зима» и «Лето» в Верхнем саду. Несколько месяцев заняли поиски знаменитых скульптур «Адам» и «Ева». Место их захоронения удалось найти только в результате целенаправленных траншейных раскопок – по методике археологов[44]. Самыми сложными оказались поиски тайника с бронзовой скульптурой фонтанов Большого каскада. Часть скульптур летом 1941 г. удалось вывезти в Ленинград, оставшиеся пришлось срочно прятать в самый последний момент, перед тем как части советской армии оставили Петергоф. Плана захоронения и описи предметов сотрудники музея просто не успели составить. В документах Дирекции Петергофских дворцов-музеев сохранилось только упоминание, что тайник находится в тоннеле под Большим дворцом. Долгие поиски тайника так и не увенчались успехом, пока он не был обнаружен почти случайно – в процессе работ по разминированию. В тоннеле были спрятаны семнадцать бронзовых скульптур и одиннадцать ваз[45].

---

[42] Цит. по: *Ёлкина А.С.* Сделайте это для меня... С. 199.
[43] *Тихомирова М.А.* Памятники. Люди. События... С. 89–91.
[44] Там же. С. 92.
[45] Там же. С. 95–100.

Реставрационные работы, которые предстояло провести в пригородных дворцово-парковых ансамблях, по своим масштабам не знали аналогов. Архитектурно-художественная сложность и многослойность ансамблей, представлявших собой синтез различных эпох и авторских стилей, сама по себе требовала от реставраторов нестандартных решений. С учетом огромных разрушений и утрат, нанесенных архитектурным памятникам, эта задача становилась нестандартной и сложной вдвойне. Тем более, что у советских специалистов – архитекторов, художников, реставраторов – еще не было опыта реализации столь масштабных реставрационных проектов.

Когда музейные сотрудники приступили к разборке завалов, сбору сохранившихся фрагментов, фиксации уцелевших деталей интерьера и другим работам по консервации разрушенных зданий дворцов, никаких инструкций на этот счет, как и научно обоснованной методики, которую можно было бы использовать, еще не существовало: каждый музейный коллектив работал «на свой страх и риск». А.И. Зеленова предложила тогда собственную методику – детальный план восстановления Павловского дворца, начиная с первых шагов по консервации того, что сохранилось, до разработки проектного задания реставраторам. Для этого необходимо было создать соответствующую научную базу: собрать архитектурные детали, элементы лепного и живописного декора, организовать фотофиксацию и создать фотоархив, обеспечить сбор архивного материала. Для хранения, систематизации, научного описания собранных фрагментов в Павловске было создано Хранилище архитектурных деталей[46]. Зеленова составила для каждого зала своеобразную визуальную историческую справку: на листах прозрачной кальки одинакового размера был вычерчен план зала «в редакции» одного архитектора – Бренны, Кваренги, Воронихина или Росси, для каждого архитектора – свой цвет. При наложении листов друг на друга можно было увидеть, как менялся облик зала с течением времени[47]. Эта информация послужила потом основой для составления проектов реставрации Павловского дворца, а «методика Зеленовой» была рекомендована в качестве наиболее удачного опыта всем остальным пригородным дворцам-музеям[48].

Свое слово в деле возрождения пригородных дворцов сказали реставраторы. Речь шла не только о подготовке проектов реставра-

---

[46] *Зеленова А.И.* Из опыта реставрации Павловского дворца-музея. Методика реставрации дворца // Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. С. 232–233.

[47] *Ёлкина А.С.* Сделайте это для меня... С. 231–232.

[48] Там же. С. 233.

ции, но и о возобновлении утраченных технологий изготовления художественных произведений, разработке новых приемов моделирования и восстановления деталей отделки эпохи барокко и классицизма[49]. Над решением этих проблем работали специалисты Ленинградской архитектурно-реставрационной мастерской, созданной в июле 1945 г. и позднее преобразованной в Специальные научно-реставрационные производственные мастерские[50].

Проблемы перед дворцами-музеями стояли общие, но каждый из них выстраивал свою собственную стратегию возрождения и выбирал систему приоритетов. Руководство и коллектив Павловска сосредоточились на восстановлении дворца, в Пушкине первоочередными объектами восстановления стали Камеронова галерея и Агатовые комнаты. В Гатчине помимо проведения аварийных работ по консервации дворца были организованы первые выставки. Для Петергофа символом возрождения стали его знаменитые фонтаны и парки.

Летом 1945 г. парки всех пригородных дворцов были открыты для посетителей. Однако открытие парков являлось скорее символическим жестом: «все в них напоминало о войне», – делилась своими впечатлениями главный хранитель Петергофских дворцов и парков М.А. Тихомирова[51]. В 1945 г. фонтаны Петергофа не работали. Еще год потребовался на то, чтобы хотя бы частично восстановить разрушенную фонтанную систему. Восстановлением Петергофских фонтанов и парков занималась специальная проектная мастерская под руководством профессора архитектуры А.А. Оля[52].

Открытию Петергофских фонтанов придавалось большое политическое значение – они должны были служить символами послевоенного возрождения Ленинграда. Все аварийно-восстановительные и подготовительные работы находились под контролем городских властей Ленинграда и Петродворца: 14 февраля 1946 г. Исполком Ленинградского городского совета принял решение «О восстановлении фонтанов и парковых сооружений в городе Петродворце»[53].

До войны открытие фонтанов Петергофа – один из главных праздников ленинградцев – проводилось в мае, в сезон «белых» но-

---

[49] *Леонтьев А.Г.* К истории формирования принципов и методологии Ленинградской реставрационной школы. События, памятники, биографии // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб., 2014. С. 114.

[50] Там же.

[51] *Тихомирова М.А.* Памятники. Люди. События... С. 73.

[52] *Леонтьев А.Г.* К истории формирования принципов и методологии Ленинградской реставрационной школы... С. 113.

[53] ЦГАЛИ СПб. Ф. 312. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

чей. После войны фонтаны первой очереди были пущены 25 августа 1946 г. Это событие, ставшее знаковым в послевоенной истории Петергофа, производило одновременно оптимистично-торжественное и грустное впечатление. Руины Большого дворца были затянуты огромным полотнищем, в центре которого располагалось каноническое барельефное изображение Ленина и Сталина, а по бокам портреты Молотова и Жданова. На ступени Большого каскада, отмеченные печатью минувшей войны и лишенные своего великолепного декора, вернулись бронзовые статуи – те, что удалось укрыть в 1941 г., другие постаменты стояли пустыми. Не было самых крупных бронзовых фигур Каскада – «Самсона», «Тритонов», «Волхова», «Невы», они были вывезены немцами и отправлены в переплавку. На месте «Самсона» – композиционного центра Большого каскада – возвышалась лишь бронзовая ваза с цветами. Но главное – пуск фонтанов – состоялся, а вода как символ жизни была одновременно и символом надежды: таким это событие сохранилось в памяти современников[54].

В последующие годы силами ленинградских скульпторов, архитекторов, реставраторов были восстановлены утраченные скульптуры и элементы декора, украшавшие парк и фонтаны. По архивным материалам и старым фотографиям, на основе сохранившихся фрагментов оригиналов и используя художественные аналоги, представленные в других музеях и дворцах, реставраторам Петергофа удалось воссоздать более 330 скульптур[55]. Первым и главным событием на этом пути стало возвращение «Самсона», приуроченное к открытию второй очереди фонтанов 14 сентября 1947 г. Легендарную скульптурную композицию Михаила Козловского реконструировал ленинградский скульптор В.С. Симонов[56].

В декабре 1947 г. в Петродворец из Германии вернулся фонтан «Нептун», на его реставрацию потребовалось несколько лет, пуск фонтана состоялся в 1956 г. Восстановительные работы в Большом Петергофском дворце начались в 1948 г. – по этому вопросу было принято специальное правительственное решение[57].

---

[54] *Тихомирова М.А.* Памятники. Люди. События... С. 110–111.

[55] *Кальницкая Е.Я., Леонтьев А.Г., Зеленянская Ю.В.* Послевоенное восстановление Петергофа в документах и фактах // Вестник. Зодчий. 21 век. 2010. № 2. С. 52–55.

[56] Подробнее о реконструкции и возвращении Самсона см.: *Тихомирова М.А.* Памятники. Люди. События... С. 130–136.

[57] Постановление Совета Министров СССР «О восстановлении здания Большого дворца в г. Петродворце» было принято 14 сентября 1948 г. Вопрос о реконструкции дворца обсуждался на заседании бюро Исполкома Ленсовета 7 октября 1948 г. Было принято решение «восстановить здание Боль-

На фоне трудного, нередко драматичного восстановления дворцовых ансамблей история Александровского дворца в Пушкине складывалась первоначально вполне благополучно. Решением Совета министров РСФСР от 13 марта 1946 г. его здание было передано Академии наук СССР для восстановления и размещения в нем в числе других культурных объектов Всесоюзного музея А.С. Пушкина: открытие музея планировалось в 1949 году в рамках празднования 150-летия со дня рождения поэта[58]. До этого события были проведены большие художественно-реставрационные работы внутри здания, размещена первая экспозиция музея. Однако после торжественного открытия в июне 1949 г. музей находился в Александровском дворце всего два года. В августе 1951 г. было принято новое решение – уже на уровне союзного правительства, передавшее здание дворца в распоряжение Военно-морского министерства СССР для организации в нем специального учебного заведения[59].

В конце 1947 г. было в основном завершено возвращение обнаруженных в Германии культурных ценностей, похищенных немцами на территории СССР в период войны. Все они сначала поступали в Центральное хранилище музейных фондов, потом передавались в музеи, откуда были похищены. Однако не все вещи вернулись на свои прежние места. События, связанные с Центральным хранилищем музейных фондов – это отдельная глава в истории российских музеев после войны[60].

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ В 1940-е – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ: ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Несмотря на огромные разрушения и ущерб, нанесенный памятникам культуры в годы войны, в Советском Союзе в первые послевоенные годы не было единой государственной программы восстановления и охраны памятников. Первая после войны попытка создания

шого дворца в г. Петродворце как исторический и архитектурный памятник». Центральную и восточную часть Дворца предполагалось использовать «для проведения массовой культурно-просветительной работы» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 25. Д. 678. Л. 2–3).

58 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 8. Л. 77.

59 Там же. Л. 83.

60 См. подробнее: *Зинич М.С.* Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М., 2005; *Kuhr-Korolev C., Scmiegelt-Rietig U., Zubkova E.* Raub und Rettung. Russische Museen im Zweiten Weltkrieg. Wien; Köln; Weimar, 2019.

такой программы относится к 1947–1948 гг., когда сначала на уровне республиканского, а потом союзного правительства были приняты соответствующие нормативные акты[61]. Постановлением от 14 сентября 1948 г. Совет министров СССР утвердил Положение об охране памятников[62]. *«В деле охраны памятников имеются существенные недостатки. Контроль за сохранностью исторических и археологических памятников не осуществляется»,* – такова была оценка положения, данного в правительственном постановлении. На основании этого документа все находящиеся на территории СССР памятники культуры, имеющие научное, историческое или художественное значение, объявлялись «неприкосновенным всенародным достоянием», состоящим под охраной государства. Они делились на четыре группы: памятники архитектуры, памятники искусства, памятники археологии, памятники исторические[63]. Памятники комплексного характера, имеющие особое научное, историческое или художественное значение, могли быть объявлены заповедниками. Однако для этого необходимо было для начала организовать учет и регистрацию памятников культуры в масштабах всей страны и составить списки особо выдающихся объектов культурного наследия.

Контроль за состоянием памятников культуры и проведение их учета был возложен на разные структуры. Археологические и исторические памятники перешли в ведение Комитетов по делам культурно-просветительных учреждений при Советах министров союзных республик, памятниками архитектуры должен был заниматься Комитет по делам архитектуры, а памятниками искусства – Комитет по делам искусств. Таким образом, дело охраны культурного наследия страны было рассредоточено между разными инстанциями.

---

[61] Постановление Совета Министров РСФСР № 389 «Об охране памятников архитектуры» от 22 мая 1947 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: http://www. libussr.ru/doc_ussr/ussr_4641.htm (дата обращения: 12.09.2023 г.); Постановление Совета министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» № 3898 от 14 октября 1948 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 12.09.2023).

[62] Постановление Совета министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» № 3898 от 14 октября 1948 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 12.09.2023).

[63] Положение об охране памятников культуры // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 12.09.2023).

До выхода постановления 1948 г. оставались неурегулированными вопросы использования памятников культуры под научные или утилитарные цели. Положением об охране памятников вводился запрет на «изменение, переделку, перемещение и снос памятников культуры», однако с одной оговоркой: такого рода манипуляции становились возможными при получении «особого разрешения» Совета министров СССР, если речь шла о памятнике общесоюзного значения, и Советов министров союзных республик – в отношении памятников республиканского значения. Поскольку больше всего споров возникало вокруг использования архитектурно-художественных объектов, в Положении была предпринята попытка внести ясность и в этот вопрос. Все архитектурные памятники делились на три категории: одни вообще не могли быть использованы в практических целях (древние стены, мосты, фонтаны, монументы и др.), в других, например, дворцах-музеях или церквях-музеях, могли размещаться только научные и музейные учреждения. Наконец, памятники архитектуры, включенные в третью группу, разрешалось использовать в «хозяйственных целях», однако «без ущерба для их сохранности и без нарушения их историко-художественной ценности». Порядок пользования такими историческими зданиями должен был оформляться специальными охранно-арендными договорами (охранными обязательствами). Денежные средства от аренды памятников предполагалось направлять на их охрану, ремонт и реставрацию. В Положение об охране памятников был включен важный для музеев пункт, запрещающий перемещение музеев из занимаемых ими помещений, а также использование (частично или полностью) зданий музеев не по прямому назначению. Правда, и здесь допускались исключения, для чего требовалось особое разрешение центральных органов, в ведении которых состояли музеи.

Реставрация пострадавших от войны культурных объектов была еще одним слабым звеном в сфере охраны памятников. Не хватало специальных организаций, занимающихся реставрацией памятников, как и профессиональных реставраторов. До 1948 г. в СССР существовали два основных центра, занимающихся разработкой методики реставрации и практическими работами на нескольких наиболее значимых объектах – Государственная центральная художественно-реставрационная мастерская в Москве и Специальные научно-реставрационные мастерские в Ленинграде. В 1945–1946 гг. свои небольшие научно-реставрационные мастерские появились в Новгороде, Пскове, Владимире[64]. Возможности этих немногочисленных

[64] Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации / под общ. ред. А.С. Щенкова. М., 2004. С. 237.

организаций были ограничены, а масштабы реставрационных работ предстояли огромные. Постановлением 1948 г. Совет министров СССР разрешил Комитету по делам архитектуры организовать «в местах сосредоточения большого количества памятников архитектуры» специальные научно-реставрационные мастерские на хозяйственном расчете[65].

В 1950 г. в Советском Союзе существовала уже 21 проектно-реставрационная мастерская[66]. Однако в некоторых регионах и республиках процесс создания мастерских затянулся на десятилетия. Расширение сети реставрационных мастерских было фактически единственным пунктом постановления 1948 г., который удалось реализовать на практике. Остальные положения этого документа либо не были выполнены вообще, либо воплотились в жизнь лишь отчасти. Не были составлены списки наиболее значимых памятников культуры, находящихся под государственной охраной. В результате многие из них потеряли свой музейный статус и были переданы в пользование другим ведомствам. Новые хозяева, в свою очередь, не спешили с оформлением охранных обязательств. По-прежнему остро стоял вопрос с финансовым обеспечением ремонтно-восстановительных и реставрационных работ. Приход арендаторов, взявших на себя часть расходов по ремонту и содержанию исторических зданий, помог решить финансовый вопрос, но проводимые строительные работы далеко не всегда отвечали научным принципам реставрации, а исторические интерьеры «приспосабливались» под практические нужды.

Подобные риски не в последнюю очередь являлись следствием несовершенства законодательства, поэтому постановление Совета министров СССР от 14 октября 1948 г. об охране памятников практически сразу встретило критику со стороны специалистов. Академики И.Э. Грабарь и А.М. Панкратова, искусствовед и историк, написали по этому поводу статью, которую хотели опубликовать в центральной прессе. Статья называлась: «Вернуться к ленинской системе охраны памятников культуры». Авторы статьи напомина-

---

[65] Постановление Совета министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» № 3898 от 14 октября 1948 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 12.09.2023).

[66] *Нехорошев Ю.А.* Экономические и организационные аспекты послевоенного восстановления памятников архитектуры (по архивным документам РГАЭ) // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб., 2014. С. 158.

ли, что в первое постреволюционное десятилетие *«организация дела охраны и реставрации стояла в Советском Союзе на такой высоте, как нигде в мире»*, однако позднее *«дело стало падать, ...и список гибнущих или вовсе погибших памятников мирового значения множился изо дня в день»*. Постановление 1948 г., считали академики, не исправит этого положения, поскольку оно ведет к *«распылению охранно-реставрационной энергии по множеству инстанций»*, а в результате получится, как в русской пословице: «у семи нянек дитя без глаза»[67].

Скептически отозвались Грабарь и Панкратова о попытке переложить расходы на содержание культурных объектов на плечи арендаторов:

«Мощные организации, получая на это бюджетные ассигнования, с делом справляются, а маломощные, захудалые колхозы, заочные или вечерние курсы и тому подобные организации просто не в силах производить крупные ремонты, не говоря уже о реставрационных работах, и памятники гибнут сотнями и тысячами»[68].

В заключение авторы статьи предлагали пересмотреть решение правительства от 14 октября 1948 г. – *«с целью предупреждения случаев нецелесообразного и вредного бесхозяйственного использования памятников архитектуры»*. По мнению авторитетных ученых, памятники культуры должны охраняться законом, а их повреждение быть уголовно наказуемым деянием. Для разработки нового законодательства об охране памятников они предлагали создать специальную комиссию с участием специалистов.

Попытка выступить с публичной критикой правительственного решения, как это сделали Грабарь и Панкратова, – факт сам по себе неординарный, мало кто отважился бы на такой шаг в те годы. Статья, однако, так и не была опубликована и увидела свет лишь 18 лет спустя, в 1966 г., когда обоих ее авторов уже не было в живых.

1948 год был во многом поворотным в послевоенной истории России: интеллигенция расставалась с последними рожденными войной либеральными иллюзиями, шел процесс «закручивания гаек», ужесточалось уголовное законодательство, поднималась новая волна репрессий. В стране набирала силу начатая еще в 1946 г. антизападная кампания – советский аналог «охоты на ведьм», она проходила под лозунгом борьбы с «низкопоклонством перед Западом».

---

[67] *Грабарь И.Э., Панкратова А.М.* Вернуться к ленинской системе охраны памятников культуры // *Грабарь И.Э.* О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 381–382.

[68] Там же.

Пропаганда псевдо-патриотизма и борьба с иностранным влиянием по-своему затронула музеи и памятники культуры. В 1948 г. в Москве был закрыт Музей нового западного искусства, а его коллекции переданы Эрмитажу и Музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина[69]. «Показ коллекции музея широким народным массам политически вреден и способствует распространению в советском искусстве чуждых буржуазных формалистических взглядов», – говорилось о причинах закрытия музея в постановлении Совета министров СССР от 6 марта 1948 г.[70]

В период кампании борьбы с западным влиянием в зону риска неожиданно попали пригородные дворцы-музеи Ленинграда: среди их знаменитых создателей было немало людей нерусского происхождения. Так сторонники «утилизации» дворцов-музеев получили в свои руки новый козырь, хотя ссылка на борьбу с иностранным влиянием была не более чем удобным поводом реализовать свои притязания на исторические здания. В январе 1950 г. дворцово-парковый ансамбль Пушкина посетил один из влиятельных ленинградских чиновников – председатель исполкома Ленинградского городского совета А.А. Кузнецов. Осмотрев Екатерининский дворец, он высказался в том духе, что *«в настоящее время это искусство уже не имеет значения»*, поэтому здание может быть перепланировано и передано под учебное заведение[71].

В Екатерининском дворце в это время находилось Центральное хранилище музейных фондов, переехавшее туда из Александровского дворца, переданного военно-морскому ведомству в 1951 г. Согласно плану восстановления Екатерининского дворца, утвержденному Ленинградским исполкомом, предполагалось, что на втором этаже после реконструкции залов разместится музей, а помещения первого этажа станут «базой культурного отдыха» – с кинозалом, лекторием, библиотекой, комнатой для игр и т.д[72]. Внезапное изменение позиции одного из руководителей Ленинграда относительно будущего Екатерининского дворца всерьез обеспокоило музейщиков. Чтобы сохранить дворец или хотя бы его часть в качестве музея, группа сотрудников Центрального хранилища и Пушкинских парков во гла-

---

[69] *Яворская Н.В.* История Государственного музея нового западного искусства (Москва). 1918–1948. М., 2012.

[70] Постановление Совета министров СССР № 672 от 6 марта 1948 г. «О ликвидации Государственного Музея Нового Западного Искусства». [Электронный ресурс]. URL: http://www.newestmuseum.ru/reference/docs/ (дата обращения: 14.09.2023).

[71] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 440. Л. 15.

[72] Там же. Л. 21.

ве с А.М. Кучумовым обратились с письмом к И.В. Сталину. Стремясь соответствовать пропагандистской риторике, отвергающей иностранное влияние на развитие русской культуры, авторы письма доказывали, что Екатерининский дворец является выдающимся памятником русского искусства. Этот аргумент вместе со ссылкой на популярность дворцово-паркового ансамбля Пушкина как «места отдыха трудящихся» должны были убедить высокого адресата в нецелесообразности лишения дворца его музейного статуса:

«...Мы не считаем возможным согласиться с мнением тов. Кузнецова и полагаем, что залы, которые в основном сохранили свою отделку (деревянная золоченая резьба, художественные наборные паркеты, отделка из уральских самоцветов – агата и яшмы и мрамора, лепка и т.п.) сами по себе являются выдающимися произведениями русского национального искусства.

В сочетании с богатейшими фондами музейных экспонатов, имеющимися в Хранилище дворца, эти залы целесообразно открыть как музей творчества русских мастеров XVIII–XIX вв.»[73].

В Москве письмо сотрудников Центрального хранилища попало к М.А. Суслову, который в аппарате ЦК ВКП(б) курировал вопросы идеологии и культуры. По поручению Суслова его сотрудники связались с Ленинградским горкомом ВКП(б), откуда пришло разъяснение, что «тов. Кузнецов подобного заявления (о невысокой художественной ценности Екатерининского дворца и целесообразности его передачи под учебное заведение. – *Е.З.*) не делал». При этом горком сослался на Положение об охране памятников 1948 г., которым запрещалось использование памятников культуры «не по прямому их назначению»[74].

Обнадеживающий ответ из Ленинграда пришел в апреле 1950 г. А спустя всего несколько месяцев в 1951 г. здание Екатерининского дворца все-таки было передано Военно-морскому министерству СССР – для размещения в нем училища. Акт передачи состоялся на основании распоряжения правительства, поэтому формально Положение об охране памятников 1948 г. не было нарушено. Вместе с тем при передаче дворца не было оформлено охранное обязательство, как того требовало Положение[75]. Вследствие этого военные получили право на перепланировку исторического здания и его приспособление для своих нужд[76]. События вокруг Екатерининского дворца

[73] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 440. Л. 15.
[74] Там же. Л. 22.
[75] ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 114. Л. 9.
[76] *Иванова С.М.* Консервация и использование сохранившихся музейных объектов. С. 188.

стали лишь одним звеном в цепи фактов, подтверждающих сомнения экспертов относительно способности существующей законодательной нормы защитить памятники культуры от посягательств на их «утилизацию» и новых утрат.

Первые тревожные сигналы относительно будущего пригородных дворцов-музеев прозвучали еще в 1949 г.: тогда из-за недостатка финансирования были фактически свернуты восстановительных работы[77]. Ассигнования на восстановление Павловского дворца в 1949 г. составили 300 тыс. руб. – в 10 раз меньше, чем в 1948 г., когда было выделено 3 млн руб.[78] Гатчинский дворец получил в 1949 г. всего 20 тыс. руб. вместо запланированных 700 тыс. руб.[79] Обеспокоенные создавшейся ситуацией, несколько авторитетных деятелей культуры – искусствовед, художник Игорь Грабарь, писатель Константин Симонов, композиторы Дмитрий Шостакович и Тихон Хренников, директор Эрмитажа Иосиф Орбели и другие – обратились с письмом к Сталину с просьбой выделить средства на продолжение восстановительных работ во дворцах. В качестве дополнительного аргумента к письму был приложен альбом с фотографиями, свидетельствующими о состоянии дворцов и о том, что уже сделано в плане их возрождения. Ответа на это обращение не последовало. Дополнительные средства дворцам-музеям были выделены лишь после того, как Государственная инспекция по охране памятников Ленинграда обратилась за помощью в Совет министров СССР[80].

Однако выделенных ассигнований на проведение всех восстановительных работ по-прежнему не хватало. Не был разработан комплексный перспективный план реставрации дворцово-парковых ансамблей, что приводило к распылению финансовых и других ресурсов по нескольким объектам. Ремонтом и восстановлением занимались несколько организаций – строительных, проектных, реставрационных, которые нередко просто не могли договориться между собой. Музейные сотрудники жаловались на строителей и реставраторов, упрекая их в плохом качестве работ, задержке сроков, переключение с одного объекта на другой. Те, в свою очередь,

---

[77] *Златоустова В.И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). Ч. 1. М., 1991. С. 233.

[78] Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма... С. 206.

[79] Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации. Т. 5. Государственный музей-заповедник «Гатчина». [Электронный ресурс]. URL: http://lostart.ru/catalog/ru/tom5 (дата обращения: 12.09.2023).

[80] *Златоустова В.И.* Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.). С. 233.

предъявляли встречные обвинения музейщикам, которые опаздывали с подготовкой необходимой документации – планов, смет и т.д. В результате такой несогласованности даже выделенные довольно скромные ассигнования часто оставались неосвоенными.

Темпы восстановления дворцов не устраивали не только музейных сотрудников, но и городские власти Ленинграда и пригородов, ответственных за проведение этих работ. Выход из создавшейся ситуации, казалось, был найден, но он совершенно не отвечал интересам музеев: дворцы было решено передать в аренду другим организациям, которые брали на себя обязательства продолжить ремонтно-восстановительные работы. Это решение отражало общую тенденцию в деле охраны и реставрации памятников культуры: с 1947 г. основной объем ремонтно-реставрационных работ в целом по стране стал осуществляться за счет арендаторов[81]. Это позволило примерно в 10 раз увеличить ассигнования на восстановление памятников архитектуры. Для сравнения: в 1947 г. по плану прямого бюджетного финансирования ремонтно-реставрационных работ памятников архитектуры предполагалось выделить 14,9 млн рублей (фактически освоено 8,4 млн руб.), арендаторами планировалось выделить и фактически было освоено 139 млн руб. В 1949 г. объем освоенных средств составил соответственно 10,9 и 131,6 млн руб.[82] Таким образом, деньги арендаторов не только поступали в бóльших объемах, но и использовались более эффективно, чем бюджетные средства, выделяемые на восстановление памятников целевым образом.

Эти цифры, однако, говорят лишь об объемах строительных работ, но не позволяют судить о том, насколько они отвечали задаче сохранения исторического облика памятника. Комитет по делам архитектуры в целях контроля за качеством ремонтно-восстановительных работ составлял «планы-требования» к арендаторам[83], но, как показывал опыт, новые хозяева исторических зданий следовали им далеко не всегда. Более того, историческая планировка часто мешала «приспосабливать» помещения памятника под нужды организации-

---

[81] На самом деле финансирование работ, проводимых арендаторами, тоже осуществлялось из средств госбюджета, но по другой статье – по плану капитальных вложений соответствующих министерств и ведомств, чьи организации арендовали культурные объекты. См.: *Нехорошев Ю.А.* Экономические и организационные аспекты послевоенного восстановления памятников архитектуры. С. 165.

[82] *Нехорошев Ю.А.* Экономические и организационные аспекты послевоенного восстановления памятников архитектуры. С. 164–166.

[83] Там же. С. 165.

арендатора – и тогда исторические интерьеры приносились в жертву «практичности». Так случилось с Екатерининским дворцом, такая же участь могла ожидать и Павловский дворец.

В истории послевоенного восстановления пригородных дворцов-музеев случай Павловска – во многом исключительный. В Павловском дворцово-парковом комплексе ремонтно-восстановительные работы велись постоянно и, несмотря на их временное свертывание в 1949 г., Павловский дворец раньше других был ближе к своему новому открытию как музея. Произошло это не в результате особых условий финансирования и иных преференций, а во многом благодаря «личному фактору» – усилиям директора музея А.И. Зеленовой, сумевшей выстроить для Павловска собственную стратегию возрождения[84].

В 1949 г. Павловск, как и другие дворцы-музеи, не только столкнулся с кризисом финансирования, но и вынужден был противостоять попыткам вторжения «извне». Сначала на здание дворца претендовал областной Отдел здравоохранения: там предполагалось разместить детский костно-туберкулезный санаторий и школу фельдшеров[85]. Однако главная угроза для Павловского дворца-музея возникла со стороны гораздо более могущественной организации – Военно-морского министерства. В январе 1950 г. в Павловск прибыла делегация будущих арендаторов – для осмотра здания. О своих впечатлениях от визита представителей «командования Военно-морскими силами», как отрекомендовали себя посетители, директор музея Зеленова на следующий день написала академику Грабарю:

«...Они просто заявили, что «мы будем восстанавливать здание, приспосабливая его для военно-морского училища!» При осмотре здания они были восхищены тем, что «Да здесь уже почти все сделано! – Самые сложные работы выполнены!» В центральном (музейном) корпусе они намечают расположить «классы» и читальни, для чего, конечно, им необходимо уничтожить анфиладность половины Павла и половины Марии Федоровны, что легко достичь, пробив в стенах этих комнат двери в сторону Итальянского зала. Смущало их только отсутствие поблизости бани для курсантов, но взглянув на Вольер Камерона, они установили, что «это как раз подойдет под баню». Уезжая, они просили дать им план помещений для более наглядного доклада «по начальству» о том, что здание вполне подходящее...»[86].

---

[84] *Ёлкина А.С.* Сделайте это для меня... С. 266.

[85] Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. С. 205.

[86] Там же. С. 205–206.

Зеленова напоминала, что Павловский дворец полностью готов к реставрации – есть все чертежи, утверждены технический проект и смета. Она сомневалась, что предполагаемое решение о передаче дворцов-музеев другим ведомствам отвечает государственным интересам в деле охраны памятников. Но, если такое решение состоялось, – считала Зеленова, – необходимо сохранить хотя бы наиболее ценные «музейные» части дворцов как исторический памятник – «если не для экскурсантов, то как школу для архитекторов и реставраторов». В заключение Анна Ивановна иронично замечала: «неужели ручеек реки Славянки и декоративные прудики Павловского парка смогут стать надежной базой для серьезного, фундаментального обучения морского воинства...?»[87]

ПРОЕКТ ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ ПРИГОРОДОВ

Павловск удалось тогда отстоять. Однако произошло это за счет других дворцово-парковых ансамблей: в 1951 г. военные организации получили в свое распоряжение Екатерининский и Александровский дворцы в Пушкине и Гатчинский дворец. О том, что развитие событий вокруг реставрации дворцов может пойти именно по такому сценарию, А.М. Кучумов размышлял еще в 1944 г. Наблюдая как растут «аппетиты» различных влиятельных организаций, претендующих на здания дворцов, он писал, что некоторыми из них неизбежно придется пожертвовать «ради спасения других»[88]. Тогда же у Кучумова родилась идея создать на базе коллекций всех пригородных дворцов объединенный музейный комплекс – Музей Пригородов. Своими мыслями о новом музее Анатолий Михайлович делился с Анной Ивановной Зеленовой:

«Из крупинок будет складываться то, что когда-то называлось парками и Музеями Павловска, Петергофа, Пушкина и Гатчины. Годы большого упорного труда... а пока должен быть Музей, который показал бы былую красоту этих парков, замечательные сокровища Музеев-дворцов, созданных русским народом при участии талантливейших мастеров прошлого. Этот Музей Пригородов (один большой, а не несколько) должен быть в то же время своего рода институтом, который будет вести разработку всех материалов к реставрации, руководство этими работами»[89].

---

87 Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. С. 207.
88 *Кучумов А.М.* Статьи, воспоминания, письма. С. 123.
89 Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. С. 161.

Идею создать Музей Пригородов А.И. Зеленова поддержала, тем более что среди возможных площадок для реализации этого проекта в числе главных фаворитов стоял Павловский дворец. Со временем шансы Павловска стать базой для организации объединенного музея только упрочились: к середине 1950-х гг. во дворце фактически закончились основные ремонтно-реставрационные работы, и он был близок к открытию. После передачи здания Екатерининского дворца военно-морскому ведомству исполком Ленинградского Совета в мае 1951 г. принял решение о перемещении Центрального хранилища музейных фондов из Пушкина в Павловск[90]. Таким образом, несмотря на сохранении автономии Центрального хранилища от Дирекции Павловского дворца-музея, коллекции всех пригородных музеев из Центрального хранилища оказались в Павловске.

В 1956 г. проект Музея Пригородов стал воплощаться в реальность. В марте 1956 г. Начальник Управления культуры Ленгорисполкома В.А. Колобашкин подготовил документ, где обосновывал необходимость создания такого музея:

«Как известно, дворцы-музеи в городах Гатчина и Пушкин (Екатерининский и Александровский) находятся в ведении Военно-морского министерства, и восстановление их как музеев в ближайшие годы совершенно нереально, а в Большом дворце г. Петродворца, по имеющемуся правительственному решению, намечены к восстановлению только шесть музейных залов.

Из числа всех дворцово-музейных зданий, находящихся в ведении управления культуры Ленгорисполкома, дворец-музей в гор. Павловске является единственным, восстановление которого наиболее близко к окончанию, и где в ближайшие 2–3 года могут быть размещены и выставлены для обозрения фонды Центрального хранилища пригородных дворцов-музеев г. Ленинграда»[91].

По инициативе Ленинградского Управления культуры музейные ценности Центрального хранилища музейных фондов были переданы в ведение Дирекции дворцов-музеев и парков Павловска, а Дирекция и Центральное хранилище были объединены в одно учреждение. В Павловском дворце предлагалось открыть *Музей художественного убранства русских дворцов конца XVIII и первой половины XIX века*[92]. Такой музей был создан на основании постановления Совета министров РСФСР от 4 июня 1956 г.[93]

---

[90] ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 37. Д. 246. Л. 9.

[91] ЦГАЛИ СПб. Ф. 387. Оп. 1. Д. 187. Л. 3–4.

[92] Там же. Л. 12–13.

[93] *Семенов В.А.* История создания «Музея художественного убранства русских дворцов конца XVIII и начала XIX веков» в Павловском дворце. [Электрон-

Название нового музея оказалось слишком громоздким, и вскоре оно трансформировалось в более привычное – Павловский дворец-музей. Однако это был не тот дворец-музей, который существовал до войны. В интерьерах и экспозиции восстановленного Павловского дворца присутствовали элементы декора и предметы из коллекций других пригородных дворцов-музеев. Изначально предполагалось, что по мере восстановления дворцов-музеев будет происходить возвращение их музейных коллекций[94]. Но процесс новой музеефикации и реконструкции дворцов, переданных в аренду другим ведомствам, затягивался, а вместе с тем вопрос о возвращении коллекций становился все более трудно разрешимым. Он актуален до сих пор.

«ЛИЦОМ» К ПАМЯТНИКАМ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ МУЗЕЙНОЙ ПОЛИТИКЕ ПОСЛЕ 1953 г.

Перемены в культурной политике, как и в других сферах жизни СССР, начались после смерти И.В. Сталина в 1953 г. На изменение отношения к памятникам культуры – проблемам их охраны, реставрации и использования – влияли сразу несколько факторов. Общая тенденция гуманизации политики, проявившаяся уже в первых шагах нового руководства страны, не могла не затронуть вопроса о роли культурных ценностей в системе интересов и потребностей человека. В 1956 г. Верховный Совет СССР ратифицировал Протокол Гаагской конвенции 1954 г. «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта»[95]. И хотя в этом акте международного права речь шла преимущественно об охране памятников культуры в ходе военных действий, сам факт его подписания означал, что страна берет на себя обязательства заботиться о сохранении собственного культурного наследия. Для Советского Союза присоединение к Гаагской конвенции имело еще один, символический смысл: оно должно было показать всему миру, что уважение к памятникам культуры яв-

---

ный ресурс]. URL: http://gatchinapalace.ru/special/publications/istoria_sozdania.php (дата обращения: 12.09.2023).

[94] *Семенов В.А.* История создания «Музея художественного убранства русских дворцов конца XVIII и начала XIX веков» в Павловском дворце.

[95] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 декабря 1956 г. «О ратификации Гаагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и протокола к этой конвенции». [Электронный ресурс]. URL: http://lostart.ru/ru/documents/detail.php? ID=882 (дата обращения: 14.09.2023).

ляется одним из принципов, на котором СССР строит свою внутреннюю и внешнюю политику.

После 1956 г. началась интенсивная работа над совершенствованием законодательства в области охраны памятников, составлялись списки особо значимых культурных объектов, которые охраняются государством, списки постоянно пополнялись и расширялись. Эти усилия по-прежнему сталкивались с инерцией непонимания, как и с сопротивлением ведомств, владеющих историческими зданиями, получившими статус памятника культуры. Тем не менее, только в РСФСР в течение 1957–1960 гг. было принято несколько решений правительственного уровня, направленных на охрану культурного наследия России и развитие музейного дела. В 1960 г. в новом Уголовном кодексе РСФСР появилась специальная статья, предусматривающая уголовную ответственность за умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры[96].

Начало разработке нового законодательства в сфере культуры и охраны памятников было положено постановлением Совета министров РСФСР от 29 июня 1957 г. «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР». Документ критически оценивал положение, сложившееся в этой сфере: многие памятники архитектуры, искусства, истории и археологии содержатся в запущенном состоянии, из-за невнимания местных властей они не восстанавливаются, не ремонтируются, постепенно разрушаются; организации, учреждения и предприятия, в ведении или аренде которых находятся памятники культуры, «проявляют нерадивое к ним отношение и не обеспечивают их сохранности»[97]. Совет министров наметил комплекс мер для исправления создавшейся ситуации – от составления списка памятников, находящихся под охраной государства, до производства специальных строительных материалов, необходимых для реставрации. В числе мероприятий упоминалось еще одно положение, которое раньше в правительственных решениях не

---

[96] Согласно статье 230 Уголовного кодекса РСФСР, за умышленное причинение ущерба памятникам культуры в зависимости от степени содеянного предусматривались следующие виды наказаний: лишение свободы на срок до двух лет, либо исправительные работы в течение одного года, либо штраф до 100 рублей (Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М., 1973. С. 143).

[97] Постановление Совете министров РСФСР от 29 июня 1957 № 781 «Об улучшении дела охраны и реставрации памятников культуры в РСФСР» //Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/885205983 (дата обращения: 14.09.2023).

встречалось – обеспечить «*широкий показ и популяризацию ценнейших памятников культуры*», а также «повысить роль музеев в деле пропаганды, популяризации и охраны памятников культуры»[98]. «Широкий показ» был рассчитан не только на советскую, но и на зарубежную аудиторию – еще одно новое веянье 1950-х. Речь шла, в том числе, о развитии зарубежного туризма.

Туризм стал частью программы по формированию позитивного международного имиджа Советского Союза. После Женевского совещания 1955 г. ЦК КПСС признал целесообразным открыть доступ в страну зарубежным гостям – «в целях популяризации достижений СССР в области хозяйственного и культурного строительства и дальнейшего упрочения международного авторитета СССР»[99]. В числе объектов, предназначенных для посещения иностранными туристами, на одном из первых мест стояли памятники культуры. Фонтаны и парки Петродворца становились такой же визитной карточкой страны, как Большой театр, Третьяковская галерея или Эрмитаж. Эти перемены отразились на судьбе самых разных памятников культуры и музеев.

Дирекция дворцов-музеев и парков Петродворца одной из первых отреагировала на благоприятную политическую конъюнктуру. Решение о восстановлении Петергофского дворцово-паркового ансамбля было принято еще в 1948 г. Общая стоимость ремонтно-реставрационных работ оценивалась тогда в сумму 92 млн рублей, однако ежегодно выделялось не более 1–1,5 млн рублей[100]. При таком объеме финансирования восстановление Петергофского историко-архитектурного ансамбля могло затянуться на десятилетия. В середине 1950-х гг. ситуация начала меняться. Летом 1954 г. Петродворец принял более 200 делегаций из 33 стран мира[101]. Всего же в 1950-е гг. Петергофские парки ежегодно посещали около 1,2 млн человек[102]. Новый лидер страны Н.С. Хрущев любил показывать ансамбль Петродворца своим зарубежным гостям. В июне 1955 г. во время официального визита в СССР там побывали премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и его дочь Индира Ганди. После этого визита посещение Петродворца стало едва ли не обязательным пунктом программы приема иностранных делегаций самого высокого ранга.

Этим обстоятельством решила воспользоваться Дирекция дворцов-музеев и парков, чтобы ускорить решение вопроса о прове-

---

98 Постановление Совете министров РСФСР от 29 июня...
99 РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 113. Л. 32.
100 ЦГАЛИ СПб. Ф. 312. Оп. 2. Д. 64. Л. 2.
101 Там же. Л. 5.
102 Там же. Л. 4.

дении реставрационных работ. «*Интерес к Петродворцу среди населения и иностранных туристов настолько огромен, что от дальнейшего восстановления музеев отказаться невозможно*»[103], – главный аргумент Дирекции, который звучал в ее обращениях в адрес председателя правительства Н.А. Булганина, члена президиума Верховного Совета СССР А.А. Андреева, других влиятельных партийных и государственных деятелей. Все они побывали в Петродворце, а Андреев принял в судьбе дворцово-паркового ансамбля самое деятельное участие. По его инициативе в Петродворец приезжали комиссии от Министерства культуры СССР и Министерства культуры РСФСР, чтобы решить вопрос о продолжении реставрационных работ[104]. К 1958 г. были полностью отреставрированы фасады Большого дворца, в мае 1964 г. первые несколько залов были открыты для экскурсантов[105]. В 1959 г. началась реставрация дворца Монплезир, который до этого находился в законсервированном состоянии, в 1965 г. состоялось его открытие.

В числе памятников культуры и музеев, первыми открывшими свои двери для туристов, не было Екатерининского и Александровского дворцов в Пушкине – они с 1951 г. находились в ведении Военно-морского министерства СССР (с 1953 г. – Министерства обороны СССР) – в обоих дворцах располагались военные училища. Дворцы были переданы военным морякам в бессрочное пользование, поэтому вопрос об их научной реставрации откладывался на неопределенное время.

Однако в 1955 г. все изменилось – Хрущев задумал масштабную военную реформу. Вместе с сокращением численности армии и флота по всей стране шло закрытие военных училищ, другие сокращали число курсантов.

Реформа коснулась военных училищ, занимавших Царскосельские (Пушкинские) дворцы. В 1956 г. Военно-морское техническое училище покинуло Зубовский корпус Екатерининского дворца и переехало в город Кронштадт. Александровский дворец остался в распоряжении военного ведомства. Решение о прекращении непрофильного использования Екатерининского дворца и его возвращении в систему учреждений культуры было принято в 1956 г., тогда же приступили к разработке планов по его реставрации. Исполком Ленинградского совета поручил Управлению по делам строитель-

[103] ЦГАЛИ СПб. Ф. 312. Оп. 2. Д. 64. Л. 14.
[104] Там же. Л. 6.
[105] *Леонтьев А.Г.* Страницы послевоенного восстановления Петергофа // История Петербурга. 2010. № 1(53). С. 13.

ства и архитектуры подготовить необходимые документы по реставрации дворца «как уникального памятника архитектуры XVIII века, с максимальным приближением к его подлинному, историческому виду»[106].

В 1957 г. Екатерининский дворец перешел в систему Министерства культуры Российской Федерации, а незадолго до этого важного события в декабре 1956 г. был составлен акт, свидетельствующий о техническом состоянии дворца. В документе отмечалось, что военная организация провела большой объем работ по ремонту и восстановлению дворца, но «с приспособлением его для нужд воинской части»: была изменена историческая планировка дворца, а фасад не реставрировался вовсе[107]. Сразу после передачи Екатерининский дворец еще не мог функционировать как музей – предстояла его масштабная реставрация. А пока в здании дворца временно разместились самые разные организации, в том числе не имеющие к музею никакого отношения: помимо дирекции музея и реставрационной мастерской здесь находились ресторан, районная библиотека, дом пионеров, база отдыха, общежитие строителей, детский сад и музыкальная школа. Первые отреставрированные залы Екатерининского дворца открылись в 1959 г., но процесс комплексной реставрации этого уникального памятника растянулся на десятки лет.

В 1955 г. была предпринята попытка вернуть музейный статус Александровскому дворцу. В качестве главного инициатора выступил Всесоюзный музей А.С. Пушкина, который был открыт в 1949 г. в этом здании. Музейщиков поддержал Ленинградский Совет и Министерство культуры СССР, а также авторитетные писатели, художники, ученые. Последние в августе 1955 г. обратились с коллективными письмами в адрес Н.С. Хрущева и Г.М. Маленкова[108]. Обеспокоенность вызывало не только «непрофильное» использование памятника культуры, но и запланированное военным ведомством новое переоборудование помещений дворца под «производственные» нужды[109]. Кроме того, существование «закрытых зон» в культурном пространстве мирового значения, какими являлись дворцово-парковые комплексы, выступало диссонансом с объявленным новым руководством страны курсом на открытость, демокра-

---

[106] *Кетова К.С.* Гибель и возрождение вновь (к 55-летию со дня начала реставрационно-восстановительных работ в Екатерининском дворце в Царском селе) // Научный аспект. 2012. № 2. С. 13–20.

[107] Там же.

[108] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 8. Л. 82–88.

[109] Там же. Л. 92–93.

тизм. В качестве дополнительного аргумента – тоже вполне в духе нового времени – использовалась ссылка на международный престиж страны – ее лицо в глазах иностранных гостей. Представители «культурной общественности» убеждали Н.С. Хрущева:

«В наши дни, когда *даже Кремль широко открыт для всенародного осмотра*, положение в городе Пушкине, где в самом центре находится военно-морское училище с обычным военным режимом, ограничением в передвижении и запрещением фотографирования, вызывает недовольство и раздражение многочисленных посетителей и особенно иностранных гостей, число которых все более увеличивается»[110].

Спор между «армией» и «культурой» относительно Александровского дворца дважды рассматривался на заседании Секретариата ЦК КПСС. В январе 1957 г. было принято окончательное решение – «оставить дворец в ведении Министерства обороны СССР»[111].

Вопрос о передаче Александровского дворца из ведения военной организации Государственному музею-заповеднику «Царское село» был поставлен в 1992 г., но сам процесс затянулся еще на несколько лет. Министерство обороны Российской Федерации приняло окончательное решение о передаче всех помещений дворца музею только в 2009 г. Частичная реставрация дворца началась раньше, в 1996 г., в 1997 г. открылась первая экспозиция в левом флигеле дворца, к юбилею Царского села в 2010 г. экскурсантов приняли три отреставрированных парадных зала.

С самыми большими трудностями проходило возрождение Гатчинского дворца в качестве музея. В нем, как и в Пушкинских дворцах, с 1950 г. находилось Военно-морское училище. Однако ни военная реформа Хрущева, ни «туристический фактор» не помогли вернуть Гатчину в систему учреждений культуры. Военная организация в 1960 г. покинула дворец, но его передали другому ведомству – Министерству электронной промышленности СССР[112]. В это время развитию электроники в стране уделялось большое значение: это обстоятельство, а также сомнения скептиков относительно целесообразности восстановления Гатчинского дворца как музейного объекта, предопределили его судьбу на долгие годы. К реставрационным работам в Гатчинском дворце приступили только в 1976 г., его залы приняли первых посетителей спустя десять лет – в 1985 г.

---

[110] РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 8. Л. 84.

[111] Там же. Л. 93.

[112] *Ёлкина А.С.* Гатчина. Мой дворец. Черновые заметки главного хранителя. М., 2014. С. 15.

История восстановления и возвращения музейного статуса дворцово-парковым ансамблям Пушкина, Петергофа, Павловска, Гатчины в послевоенные годы – это не просто «музейные истории». Каждая из них индивидуальна, но все они вместе и в отдельности прочно вписаны в историю страны, ее культуры – как отражение одного из наиболее амбивалентных и ключевых периодов развития страны. История дворцов – это история людей. Именно они в то непростое время часто решали исход выбора между *насущным* и *Красотой*, делая *Красоту Насущным*.

ЛИТЕРАТУРА

Бахарева Ю.Ю. Подготовка и начало работ по восстановлению памятников Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады города (1941–1945 гг.) // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб.: ИПК «Береста», 2014. С. 6–16.

Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М.: Наука, 1966. – 388 с.

Гранин Д.А. Мой лейтенант. Роман. СПб.: Амфора, 2015. – 235 с.

Гузанов А.Н. Анатолий Михайлович Кучумов. Этапы творческого пути // Кучумов А.М. Статьи, воспоминания, письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. С. 12–20.

Ёлкина А.С. Гатчина. Мой дворец. Черновые заметки главного хранителя. М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2014. – 304 с.

Ёлкина А.С. Сделайте это для меня. СПб: Знание, 2005. – 488 с.

Зеленова А.И. Из опыта реставрации Павловского дворца-музея. Методика реставрации дворца // Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. СПБ.: Арт-Палас, 2006. С. 229–245.

Зинич М.С. Похищенные сокровища: вывоз нацистами российских культурных ценностей. М.: ИРИ РАН, 2005. – 272 с.

Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // / Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). Ч. 1. М.: НИИ культуры, 1991. С. 226–299.

Иванова С.М. Консервация и использование сохранившихся музейных объектов в 1944–1956 годах // Город Пушкин. Дворцы и люди. Сб. статей СПБ.: Русская коллекция, 2015. С. 176–198.

Кальницкая Е.Я., Леонтьев А.Г., Зеленянская Ю.В. Послевоенное восстановление Петергофа в документах и фактах // Вестник. Зодчий. 21 век. 2010. № 2. С. 52–55.

Кетова К.С. Гибель и возрождение вновь (к 55-летию со дня начала реставрационно-восстановительных работ в Екатерининском дворце в Царском селе) // Научный аспект. 2012. № 2. С. 13–20.

Кучумов А.М. Статьи, воспоминания, письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. – 339 с.

Леонтьев А.Г. К истории формирования принципов и методологии Ленинградской реставрационной школы. События, памятники, биографии //

Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб.: ИПК «Береста», 2014. С. 105–130.

Леонтьев А.Г. Страницы послевоенного восстановления Петергофа // История Петербурга. 2010. № 1(53). С. 10–17.

Нехорошев Ю.А. Экономические и организационные аспекты послевоенного восстановления памятников архитектуры (по архивным документам РГАЭ) // Послевоенное восстановление памятников. Теория и практика XX века: материалы международной научной конференции, 4–5 декабря 2014. СПб.: ИПК «Береста», 2014. С. 154–167.

Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М.: Советская Россия, 1973. – 190 с.

Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации / под общ. ред. А.С. Щенкова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 192 с.

Письма А.И. Зеленовой. 1942–1944 гг. // Анна Ивановна Зеленова. Статьи, воспоминания, письма. СПБ.: Арт-Палас, 2006. С. 115–145.

Стенографический отчет научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов. 21–22 марта 1944 г. [Электронный ресурс]. URL: http://gatchinapalace.ru/special/publications/prigorod/ntc.php

Семенов В.А. История создания «Музея художественного убранства русских дворцов конца XVIII и начала XIX веков» в Павловском дворце. [Электронный ресурс]. URL: http://gatchinapalace.ru/special/publications/istoria_sozdania.php

Тихомирова М.А. Памятники. Люди. События: Из записок музейного работника. СПб: Абрис, 2010. – 223 с.

Фатигарова Н.В. Музейное дело в РСФСР в годы Великой Отечественной войны (аспекты государственной политики) // Музей и власть. Ч. 1. М.: НИИ культуры, 1991. С. 173–225.

Яворская Н.В. История Государственного музея нового западного искусства (Москва). 1918–1948. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2012. – 480 с.

Kuhr-Korolev C., Scmiegelt-Rietig U., Zubkova E. Raub und Rettung. Russische Museen im Zweiten Weltkrieg. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2019. – 383 s.

Иванова Г.М.

ЖИЛИЩНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 ГГ.)[1]

Аннотация: *в статье анализируется жилищная политика советского государства в послевоенные годы, исследуются нормативно-правовые документы в сфере жилищного строительства. Показано, что в условиях дефицита материальных и трудовых ресурсов реализация жилищной политики сопровождалась коррупцией и злоупотреблениями. Под новым углом зрения освещаются условия проживания различных слоев населения – от рабочих и колхозников до советской элиты. Отмечается, что жилищная политика в СССР имела избирательный характер и была направлена в первую очередь на улучшение жилищных условий определенных групп населения.*
Ключевые слова: *жилищная политика; послевоенный период; жилищное строительство; жилые высотные здания; обобществленный жилищный фонд*

Ivanova G.M.
Housing policy in the USSR in the post-war period (1945–1953s)

Abstract: *The article analyzes the housing policy of the Soviet state in the post-war years, examines the legal documents in the field of housing construction. It is shown that in conditions of shortage of material and labor resources the implementation of housing policy was accompanied by corruption and abuse. Living conditions of various segments of the population, from workers and collective farmers to the Soviet elite, are covered from a new angle of view. It is noted that the housing policy in the USSR was selective in nature and was aimed primarily at improving the living conditions of certain groups of the population.*
Keywords: *Housing policy; Post-war period; Housing construction; Residential high-rise buildings; Socialized housing stock*

Тема жилищной политики в СССР прямо или косвенно затрагивается в работах российских и зарубежных исследователей, посвященных истории советского периода, правовому регулированию жилищно-коммунальной сферы, социальной политике, архитектуре и градостроительству, жилищному строительству и т.д. Большинство работ носит региональный характер, то есть жилищная политика рассматривается на материалах Минска, Москвы, Сибири, Дальнего

[1] Данная статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН «Коллективный академический труд “История России в 20 томах”».

Востока и других областей Советского Союза[2]. Наибольшее внимание исследователей привлекают хронологические периоды первых двух десятилетий советской власти, Великой Отечественной войны и хрущевской «оттепели»[3]. Исторические исследования жилищной политики в послевоенное время как область научного знания практически отсутствуют. Отмечая наличие острого жилищного кризиса в послевоенный период, исследователи, как правило, ограничиваются констатацией того факта, что коренной перелом в решении жилищной проблемы произошел в 1960-е годы, между тем жилищная политика в послевоенное время остается за кадром.

В настоящей работе делается попытка проанализировать советскую жилищную политику и ее нормативно-правовую базу в период с 1945 по 1953 год, выявить противоречия и трудности в решении жилищной проблемы, исследовать влияние фактора жилья на повседневную жизнь советских людей.

Война оставила без крова миллионы советских людей. Из 2 567 тыс. жилых домов в городах СССР, подвергшихся оккупации, было уничтожено и разрушено 1 209 тыс. домов, причем по размерам жилой площади это количество домов составляло свыше 50% всей городской жилой площади указанных городов[4]. Из 12 млн

---

[2] *Бон Т.М.* «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М., 2013; *Горлов В.Н.* Жилищное строительство в Москве: сложность и противоречивость развития (1946–1991 гг.). М., 2009; *Букин С.С., Исаев В.И.* Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е гг.). Новосибирск, 2009; *Ярославцев А.В.* Государственная жилищная политика на Дальнем Востоке. 1950–1960-х гг. Хабаровск, 2012; *Головань Н.С.* Из опыта строительства индивидуальных жилых домов в Кемеровской области (1946–1950 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–1 (63). С. 32–36.

[3] *Смирнова Т.М.*: 1) Демуниципализация домов в годы НЭПа: восстановление жилого фонда или обогащение коммунальных служб? // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 464–480; 2) Классовая борьба на «жилищном фронте»: особенности жилищной политики Советской власти в 1917 – начале 1920-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 199–218; *Хлынина Т.П.* Жилищная политика и механизмы ее реализации в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–68. *Ивлиев С.А.* Жилищный вопрос и попытки его решения в период хрущевской «оттепели»: взгляд из провинции (на примере Мордовской АССР) // Экономическая история. Т. 17. № 4 (55). 2021. С. 395–403.

[4] Следует обратить внимание, что в СССР до конца 1950-х годов, то есть до начала индустриального домостроения, когда размеры квартир в домах стали планироваться в расчете на одну семью, в жилищной статистике учитывался только метраж жилых комнат, который оплачивался съемщиком. Места общего пользования (кухни, туалеты, коридоры, кладовки и т.д.) в размер жилой (полезной) площади не включались и жилищной статистикой не учиты-

жилых домов сельского населения в районах, подвергшихся оккупации, немецкие войска разрушили и уничтожили 3,5 млн жилых домов. Как эмоционально писал председатель Госплана СССР академик Н.А. Вознесенский, «население оккупированных городов и сёл фашизм вернул к доисторическому существованию; жилища разрушил и бичом террора вновь загнал свободного человека в пещеру; потушил электрические огни и вернул человека к лучине; разрушил города...»[5].

Восстановление жилого фонда на освобожденных территориях началось еще в ходе войны. За 1943 и 1944 гг. было восстановлено и вновь построено 12 777 тыс. кв. м. жилой площади в городах и 839 тыс. домов в сельской местности. Сотни тысяч человек были переселены из землянок, руин и пещер во вновь восстановленные жилища, всего до конца войны почти 5,5 млн городских и сельских жителей смогли вселиться во вновь построенные и восстановленные дома[6]. К началу 1946 г. в городах, подвергшихся оккупации, было построено и восстановлено 17,9 млн кв. м. жилой площади и в сельских местностях 1 260 тыс. жилых домов[7]. Выполненные восстановительные работы составляли лишь небольшую часть от того объема работ, который предстояло осуществить в пострадавших от оккупации районах СССР.

В военные годы строительство жилья осуществлялось не только на освобождаемых территориях, но также активно велось для эвакуированного населения на Урале, в Восточной Сибири, Средней Азии. В больших количествах возводились рабочие поселки и городки. В качестве жилищ сооружались одно- и двухэтажные здания барачного типа из местных строительных материалов (деревянные, засыпные, глиносырцовые, щитовые, например, с применением плетеных щитов из прибрежного ивняка, и др.). Всего в военные годы было построено и введено в эксплуатацию 57,8 млн кв. м. жилья[8].

вались. Общая площадь жилищ указывалась редко, и это, как правило, всегда оговаривалось.

5 *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны // Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М., 2018. С. 502, 553.

6 Там же.С. 501–502.

7 *Вознесенский Н.А.* Доклад и заключительное слово на Первой сессии Верховного Совета СССР 15–18 марта 1946 г. // Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М., 2018. С. 441.

8 *Улько А.С., Ястребова И.М.* Стандартизация и типизация в отечественном жилищном строительстве (1930–1950 гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 2. С. 74, 77.

Говоря о программе капитальных работ по жилищному строительству на 1946–1950 гг., Н.А. Вознесенский отмечал: «В период Отечественной войны наши строители научились строить более быстро и экономно. Однако эти темпы и стоимость работ в настоящее время для нас неприемлемы. Необходимо строить еще более экономно и в более сжатые сроки». Первый заместитель председателя Совнаркома СССР основывал свою концепцию пятилетнего плана жилищного строительства на том, что в стране будет создана новая отрасль промышленности – фабричное производство жилых домов. «Непременным условием восстановления и дальнейшего увеличения жилого фонда, – подчеркивал Н.А. Вознесенский в докладе на Первой сессии Верховного Совета СССР в марте 1946 г., – является перевод всего дела жилищного строительства на индустриальные рельсы с организацией фабрично-заводского производства деталей, узлов и конструкций жилых домов и сборки их на территории города или поселка <...> Восстановление городов и сел надо начинать с восстановления и организации производства кирпичных, известковых, цементных, стекольных, кровельных, деревообрабатывающих заводов»[9].

Предложенный Н.А. Вознесенским путь решения послевоенной жилищной проблемы был одним из наиболее перспективных, однако он не получил должного отражения в Законе «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», принятом Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г. Есть основания полагать, что некоторые предложения Вознесенского по жилищному строительству корректировал лично Сталин, вносивший соответствующую правку в тексты, подготовленные председателем Госплана. Вот лишь один характерный пример такой правки.

Рассуждая о перспективах развития послевоенной социалистической экономики, Н.А. Вознесенский писал в своем труде «Военная экономика СССР в период Отечественной войны»: «В планировке и строительстве городов и сел необходимо сочетать классические формы архитектуры с национальными особенностями каждой союзной республики и народов Советского Союза. Необходимо ликвидировать созданные в военный период неприспособленные для человека бараки и землянки и заменить их жилыми домами, достойными советских людей, вынесших гигантскую тяжесть Отечественной войны; оказывать всемерную помощь рабочим, крестьянам, интеллигенции в постройке ими собственных жилых домов с подсобным

[9] *Вознесенский Н.А.* Доклад и заключительное слово на Первой сессии Верховного Совета СССР 15–18 марта 1946 г. // Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М., 2018. С. 430, 438–439.

домашним хозяйством, выделяя им для этого в пользование участки земли для усадьбы и организуя продажу строительных материалов». Этот фрагмент текста Сталин вычеркнул из рукописи Вознесенского без каких-либо пояснений[10]. Возможно, он посчитал такую постановку проблемы преждевременной.

Вопросы жилищного и городского строительства вошли составной частью в общий «План повышения материального и культурного уровня жизни народа», который был представлен в III разделе Закона. Здесь ничего не говорилось об организации фабрично-заводского производства жилых домов, лишь ставилась задача «всемерно улучшить качество жилищного строительства».

Согласно плану, удельный вес капиталовложений в жилищное строительство в общем объеме капитальных работ по народному хозяйству СССР должен был составить 14,5%. За пятилетие намечалось вложить в строительство жилья в целом по СССР 42,3 млрд рублей и обеспечить ввод в действие государственного жилого фонда в городах и рабочих поселках в объеме 72,4 млн кв. м. жилой площади, в том числе по министерствам и ведомствам – 65 млн кв. м., по местным Советам – 7,4 млн кв. м. Кроме того, планировалось предусмотреть за пятилетие в городах и рабочих поселках восстановление и строительство индивидуальных жилых домов на средства населения с помощью государственного кредита в размере 12 млн кв. м. жилой площади.

Что касается городов РСФСР, то здесь устанавливался план ввода в действие государственного жилого фонда в размере около 44,6 млн кв. м., в том числе по линии местных Советов – 4,2 млн кв. м. Предстояло восстановить жилищное и коммунальное хозяйство городов, разрушенных оккупантами, в том числе Сталинграда, Ростов-на-Дону, Краснодара, Ставрополя, Симферополя, Севастополя, Воронежа, Орла, Курска, Смоленска, Калинина, Великих Лук, Брянска, Калуги, Новгорода и Пскова[11].

Проект пятилетнего плана в части жилищного строительства еще на стадии обсуждения вызвал острую критику со стороны профсоюзов. Дело в том, что намечаемый Госпланом ввод жилой площади никак не соотносился с реальным количеством людей, остро нуждавшихся в жилье. Главной задачей было восстановление разрушенного жилого фонда. Однако разрушенный жилой фонд был важнейшей,

[10] Факсимиле страницы рукописи Н.А. Вознесенского с правкой И.В. Сталина опубликовано: Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М., 2018. С. 564.

[11] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том III. 1946–1952 годы. М., 1958. С. 47, 53–54.

но не единственной причиной критической нехватки жилья. С окончанием войны самодеятельное население СССР пополнилось многомиллионными группами людей, которые длительное время были вынужденно исключены из обычной жизни страны. Это были демобилизованные воины, репатриированные и перемещенные гражданские лица, бывшие военнопленные; бывшие заключенные, освобожденные по Указу «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» и др. Все они нуждались, как минимум, в работе и жилье.

25 февраля 1946 г. председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов направил секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову докладную записку с замечаниями к проекту пятилетнего плана по вопросам жилищного строительства. В записке указывалось, что намечаемый Госпланом ввод жилой площади по промышленным наркоматам за 1946–1950 гг. в размере 63,9 млн кв. м. не может удовлетворить потребности в жилой площади и не уменьшает напряженность в обеспечении рабочих жильем. «В настоящее время обеспеченность жильем большинства промышленных предприятий не превышает 3,5–4 кв. м. на одного живущего, а в общежитиях от 2 до 3 кв. м., – писал председатель ВЦСПС. – За четвертую пятилетку намечается рост рабочих и служащих в количестве 4,5 млн человек. При коэффициенте семейности 2 и обеспечении одного живущего площадью в 5 кв. м. для вновь принимаемых рабочих потребуется площадь 45 млн кв. м.».

Согласно записке В.В. Кузнецова, по промышленным наркоматам не менее 4 млн человек проживает в малоприспособленных для жилья бараках частично с двухъярусными койками, в землянках, на кухнях, в коридорах и палатках. Для переселения этих рабочих и их семей в благоустроенные жилища потребуется не менее 20 млн кв. м. жилой площади. Было очевидно, что весь планируемый прирост жилой площади (63,9 млн кв. м.) уйдет на размещение вновь принимаемых рабочих и их семей и для переселения людей из непригодных для проживания помещений. «Жилищные условия остальных рабочих при этом плане остаются такими же, как и в 1946 году, а по некоторым наркоматам даже ухудшаются», – делал вывод В.В. Кузнецов. ВЦСПС просил СНК СССР установить на четвертую пятилетку план ввода жилой площади по промышленным наркоматам, транспорту и строительству не менее 90 млн кв. м., вместо предполагаемых Госпланом 63,9 млн кв. м.[12]

Как мы уже видели, в Законе, принятом Верховным Советом СССР, ввод жилой площади по промышленным наркоматам был за-

[12] Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 33, 35.

планирован в размере 65 млн кв. м., то есть больше первоначального варианта на 1,1 млн кв. м. Похоже, это все, чего удалось добиться профсоюзам на тот момент.

По отдельным предприятиям условия проживания рабочих были значительно хуже среднестатистических. Так, на Сталинградском тракторном заводе 1556 рабочих проживали в санитарных узлах и кухнях, 1370 человек жили в подвалах, 5000 человек – в общежитиях на двухъярусных койках. На Кузнецком металлургическом комбинате в общежитиях проживало свыше 13 тыс. человек. В связи с приездом большого количества репатриированных рабочих в большинстве общежитий установили двухъярусные кровати и нары. Нехватка квадратных метров усугублялась отсутствием элементарных бытовых удобств, грязью и холодом. Планы по коммунально-бытовому строительству регулярно не выполнялись.

Письма рабочих с жалобами на проживание в неблагоприятных условиях регулярно поступали в редакции газет, руководителям партии и правительства. Так, группа рабочих из Магнитогорска сообщала в редакцию газеты «Правда», что на металлургический завод им. Сталина прибыла партия рабочих в 200 человек из числа репатриированных граждан, прошедших проверку. Вот что они писали о своих жилищно-бытовых условиях: «Нас поместили в барак-общежитие № 118. Получили грязные ватные одеяла, от которых свежие простыни становятся грязными на другой день, так как под ними и матрацы грязные с перетертой соломой. После работы не имеем места, где присесть... в общежитии стоят в 4 ряда двухэтажные койки по 28 в каждом ряду. Нет ни газет, ни журналов. Тумбочек недостаточно, так как негде их поставить, недостаточное количество столов и табуреток. Ночью зашедший человек с улицы со свежего воздуха при открытии двери может упасть от атмосферы, где спят 200 с лишним человек». Это письмо от 1 марта 1946 г. подписали 40 рабочих Магнитогорского металлургического комбината им. И.В. Сталина.

«В общежитии невероятная грязь. Стены и потолок закопчены. Около умывальника лужа. С потолков в двух местах на кровати течет вода (в это время таял снег)...». Это строки из письма демобилизованного И.И. Выходцева, приехавшего работать на Краматорский машиностроительный завод по направлению Наркомата тяжелого машиностроения.

А вот строки из письма в «Правду» рабочего И.И. Петрова из Орехово-Зуева о жилищно-бытовых условиях текстильщиков: «...есть 104 казарма. Зайдите туда и посмотрите, в каких кошмарных условиях живут наши старые текстильщики, костяк, гордость и слава нашего города, цвет текстильной промышленности... Вы просто

ужаснетесь и схватите себя за волосы, и сердце Ваше обольется кровью и содрогнется, если у Вас еще не истлела советская человеческая совесть... Это буквально тюрьма, гроб, мешок... грязно, сыро, смрадно, вонь, духота, плесень, крысы, кучи мусора, мрачно, как в Петропавловке. Люди зеленые, бледные, особенно дети...»

О крайне тяжелых жилищно-бытовых условиях писали в «Правду» шахтеры, недавно прибывшие на работу в шахту Западно-Капитальная, треста «Несветайантрацит». Некоторые из них жили в бане, постельных принадлежностей им не выдавали. Рабочий А.А. Акундов из Новошахтинска Ростовской области писал в начале марта 1946 г.: «Если человек не имеет жилплощади, не имеет постельных принадлежностей и одежды, он никогда не разувается и не раздевается, и если он всегда валяется на скамейке или же на окне бани, и, не отдыхавши, идет на работу, то будет ли эффективность в его работе, будет ли он в состоянии выполнить те задания, которые возложены на него? <...> Администрация, парторганизация и шахтком приглашают шахтеров заключить договор с шахтой и остаться навсегда работать в шахте.

Не совестно ли таким руководителям (я имею в виду руководство шахты), не создав хоть малейшие условия шахтерам, приглашать их заключать договор?»[13].

Отсутствие нормальных жилищных условий приводило людей в отчаяние. Так, неоднократно во многие инстанции обращался за помощью плотник одной из московских ремонтно-строительных контор Хориков, но никаких действенных мер по его обращениям принято не было. «Мы живем в общежитии, – писал строитель. – Что у нас неудобно, что все у нас разгорожено занавесками. Лично я живу со своей семьей в количестве 5 человек на площади в 8,75 кв. м. У меня страшно тесно, у меня есть маленький ребенок. Работать при таких условиях больше не могу... У меня настроение работать только до весны, и я не знаю, что дальше мне делать»[14].

Нетерпимые жилищно-бытовые условия повсеместно приводили к массовым нарушениям трудовой дисциплины – самовольному оставлению работы («дезертирству») и прогулам. В соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г., вводившими уголовную ответственность за са-

---

[13] Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 517–518.

[14] Цит. по: *Горлов В.Н.* Коммунальный образ жизни в послевоенной Москве и асоциальное поведение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 145.

мовольный уход с предприятий и учреждений и за прогулы (самовольные отлучки), нарушители привлекались к суду.

Несмотря на постепенный отказ государства от уголовного преследования рабочих и служащих за нарушения трудовой дисциплины, число осужденных по этим указам оставалось в послевоенные годы достаточно высоким[15]. За период с 1946 по 1952 г. по делам о нарушениях трудовой дисциплины на предприятиях и в учреждениях в целом по СССР было осуждено судами всех видов 5 320 264 человека, из них приговоры к лишению свободы получили 1 468 472 человека и к исправительно-трудовым работам или условному осуждению – 3 851 792 человека[16].

Однако репрессии не могли сдержать огромной текучести рабочей силы. Так, отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий на комбинате «Ворошиловградуголь» привело к тому, что за 1946 г. из этого предприятия убыло по разным причинам 64 319 человек, что составило 95,6% от числа принятых за год. За это же время из комбината «Донбассантрацит» уволилось почти 39 тыс. человек из 46 тыс. принятых ранее[17].

Руководство страны понимало, что в мирное время практически невозможно обеспечить народное хозяйство стабильной рабочей силой без создания для людей нормальных жизненных условий. Жилье становилось важнейшим стимулом для закрепления рабочих кадров, большая роль в решении этого вопроса отводилась регионам.

11 июля 1945 г. «Правда» опубликовала статью секретаря Молотовского обкома ВКП(б) К.М. Хмелевского «Усилить жилищное и культурно-бытовое строительство на Урале», в которой автор задался вопросом, «что и как строить». «Дело в том, – писал партийный руководитель, – что в годы войны строились преимущественно упрощенные жилища: деревянные бараки, каркасно-насыпные дома и т.п. ...Конечно, не трудно выстроить длинные бараки. Но это – не решение жилищного вопроса. Пора прекратить неразумную и недальновидную практику. Надо строить, как правило, фундаментальные здания, которые могут стоять десятилетия и в которых можно

---

[15] Полностью судебная ответственность рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений, и за прогул без уважительной причины была отменена Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 апреля 1956 г.

[16] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 623–626.

[17] Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 478.

разместить рабочих в отдельных квартирах... Уральский климат суров. В здешних местах нужно строить добротные дома, толстостенные, дома светлые и просторные <...> Совнарком СССР принял специальные решения о жилищно-коммунальном и культурно-бытовом строительстве Свердловска и Нижнего Тагила. Недавно такое же постановление принято и по г. Молотову <...> Строительство жилищ и культурных учреждений стало теперь одной из первостепенных задач областной парторганизации». Правильная постановка проблемы и ее красивое словесное оформление должны были поддерживать веру населения в способность партии реально обеспечить людей благоустроенным жильем.

После войны местные власти получили широкие возможности для строительства и благоустройства своих городов, но возведение жилых зданий требовало немалых ресурсов (строительных материалов, рабочей силы, механизмов, автотранспорта), которых повсеместно не хватало. Жилищное строительство значительно отставало от промышленного. Более того, промышленное строительство осуществлялось, как правило, с использованием и за счет материальных ресурсов, предназначенных для жилищного строительства.

Еще на завершающем этапе войны, 10 февраля 1945 г., СНК СССР принял постановление «Об улучшении жилищно-коммунального и культурно-бытового обслуживания трудящихся Кузбасса в городах Кемеровской области». Однако вопреки требованиям правительства, план жилищного строительства был выполнен к концу 1945 г. не более чем на 50%. При этом приток рабочей силы в промышленные города Кузбасса заметно увеличился, соответственно резко ухудшилось обеспечение рабочих жильем, особенно в угольной промышленности, где средняя фактическая норма жилой площади на одного живущего не превышала двух квадратных метров. Причины невыполнения плана жилищного строительства везде формулировались одинаково – наркоматы не выделили рабочей силы, а также необходимых строительных материалов (цемента, металла, стекла) и автотранспорта. Строительные организации наркоматов направляли все имевшиеся в их распоряжении ограниченные ресурсы на промышленное строительство, с которым они также не справлялись.

Докладывая в феврале 1946 г. Г.М. Маленкову о неудовлетворительном выполнении планов жилищного строительства, В.В. Кузнецов писал: «Планы по жилищному строительству составляются наркоматами без тщательного учета возможностей их выполнения <...> Качество сдаваемого в эксплуатацию жилья является исключительно низким, что вызывает преждевременные затраты на ремонт, а на некоторых уральских и сибирских заводах жилые дома и бараки

строятся облегченного и временного типа – щитовые и каркасно-засыпные, не отвечающие суровым климатическим условиям этих районов»[18].

Критическое положение с рабочей силой сложилось в лесной промышленности. Крайне тяжелые жилищно-бытовые условия вынуждали рабочих, среди которых было много репатриантов, самовольно покидать производство. Проблему попытались решить с помощью прокуратуры, которая приняла все необходимые меры к ликвидации самовольных уходов рабочих, но вместе с тем рекомендовала Министерству лесной промышленности СССР позаботиться об улучшении материального положения рабочих.

В мае 1946 г. Совет Министров СССР издал постановление «О жилищном строительстве на предприятиях лесной промышленности СССР в 1946 г.». В документе отмечалось, что именно отсутствие благоустроенных жилищ является основной причиной текучести рабочей силы. Постановление предписывало в качестве возможной меры преодоления жилищного кризиса организовать строительство индивидуальных жилых домов. Предложенная программа индивидуального жилищного строительства не учитывала состав и материальное положение лесных рабочих, среди которых преобладали бывшие заключенные, репатрианты, бывшие военнопленные и другие, отчасти маргинальные и наименее обеспеченные слои населения, не имевшие никаких ресурсов для строительства собственных домов.

Наиболее проработанным и обстоятельным было постановление Совета Министров СССР от 25 августа 1946 г. «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке». Постановление предписывало «значительно увеличить программу жилищного строительства на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, в первую очередь для рабочих и инженерно-технических работников, занятых на тяжелых работах». Согласно утвержденному плану жилищного строительства, предполагалось в течение второго полугодия 1946 г. и 1947 г. построить всего 60 750 жилых домов общей площадью 4 200 тыс. кв. м., в том числе: 50 650 индивидуальных жилых двух-трехкомнатных домов с кухней и 10 100 коммунальных с общим количеством квартир 55 000. Дома могли быть деревянными и каменными.

Устанавливалось, что все строящиеся индивидуальные жилые дома (50 650 строений) продаются в собственность рабочим,

[18] Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 515.

инженерно-техническим работникам и служащим предприятий по следующей цене: жилой дом двухкомнатный с кухней, деревянный рубленый – 8 тыс. рублей и каменный – 10 тыс. рублей; жилой дом трехкомнатный с кухней, деревянный рубленый – 10 тыс. рублей и каменный – 12 тыс. рублей.

Для предоставления рабочим реальной возможности приобретения в собственность жилого дома Центральный коммунальный банк был обязан выдавать ссуду в размере 8–10 тыс. рублей покупающим двухкомнатный жилой дом со сроком погашения в 10 лет и 10–12 тыс. рублей – покупающим трехкомнатный жилой дом со сроком погашения в 12 лет с взиманием за пользование ссудой 1% в год. Министерство финансов СССР было обязано ассигновать на выдачу кредита рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим до 1 млрд рублей[19].

Постановление от 25 августа 1946 г. было дополнено постановлением Совета Министров СССР от 30 сентября 1946 г. «О типовых проектах индивидуальных жилых домов для строительства на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке», в котором застройщикам рекомендовались 8 типовых проектов жилых домов.

Попытка правительства «значительно увеличить программу жилищного строительства» в названных регионах, как и другие аналогичные инициативы руководства страны, не увенчалась успехом. В течение второго полугодия 1946 г. и 1947 г. вместо запланированных 50 650 индивидуальных жилых домов было построено всего 14 788 домов. Выполнение министерствами указанного постановления в части жилищного строительства находилось в диапазоне от 6,1% (Министерство электропромышленности) до 23,5% (Министерство автомобильной и тракторной промышленности). Не удалось улучшить показатели и в 1948 г., когда годовой план строительства индивидуальных жилых домов для продажи был выполнен всего на 26%[20].

Вопрос строительства индивидуальных жилых домов примечателен не столько тем, что домов строилось мало, сколько составом и общественным положением застройщиков. Подробные сведения о том, кто и на какие средства строил собственные дома, содержат-

---

[19] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том III. 1946–1952 годы. М., 1958. С. 87–89.

[20] Постановление Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г. № 3905 «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4719.htm (дата обращения: 20.06.2023).

ся в материалах Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), уполномоченные которой осуществляли контроль за выполнением партийных решений на местах. Одна из целенаправленных масштабных проверок была осуществлена в августе 1946 г. уполномоченным КПК Н. Волковым в городах Шахты и Новошахтинске Ростовской области.

В целях улучшения жилищно-бытовых условий рабочих угольной промышленности и закрепления на производстве рабочих ведущих профессий Министерство угольной промышленности Западных районов СССР приказом от 20 апреля 1946 г. обязало комбинат «Ростовуголь» организовать в 1946 г. строительство 1500 индивидуальных домов для многосемейных рабочих и в первую очередь для рабочих подземной группы. Комбинат был обязан оказать индивидуальным застройщикам необходимую помощь рабочей силой и строительными материалами.

В реальности все пошло по-другому. Вместо того чтобы организовать индивидуальное строительство домов для многосемейных рабочих и рабочих подземной группы, многие руководящие инженерно-технические работники и служащие шахт и трестов, имеющие хорошие квартиры, срочно приступили к строительству собственных домов в ущерб строительству домов для шахтеров. Инициативу руководящих работников комбината «Ростовуголь» подхватили парторги шахт, первые секретари горкомов и другие партийные функционеры, которые также начали спешно строить для себя дома.

По тресту «Несветайантрацит», рабочие которого в марте 1946 г. жаловались в «Правду» на тяжелые жилищно-бытовые условия, так как некоторым из них приходилось жить в бане, из 786 индивидуальных домов только 234 строились для подземных рабочих, а 232 дома – для служащих и инженерно-технических работников. По этому тресту к осени уже было закончено строительство 228 домов, из них лишь 82 дома предназначались подземным рабочим. Августовская проверка уполномоченного КПК показала, что строительные материалы, транспорт и рабочая сила были сосредоточены исключительно на строительстве индивидуальных домов руководящих хозяйственных и партийных работников. Только по тресту «Шахтантрацит» строительство собственных домов вели 64 руководящих работника, они расходовали на строительство значительное количество материалов. Так, главный инженер шахты им. Фрунзе Кравченко строил кирпичный дом площадью 100 кв. м., ему были предоставлены трестом и шахтой весь необходимый материал, транспорт и рабочая сила, при этом, как показала проверка, Кравченко не доплатил свыше 11 тыс. рублей.

Управляющий трестом «Несветайантрацит» И.П. Ивонин построил собственный кирпичный дом площадью 150 кв. м., на который было израсходовано кирпича больше, чем на все дома застройщиков-рабочих. Строительство дома, начатое в мае, к сентябрю уже было закончено. Такие же дома в короткие сроки строили многие руководящие работники треста, при этом все они были обеспечены квартирами.

Поведение руководителей комбината «Ростовуголь» в деле индивидуального строительства домов поражает неприкрытым цинизмом. В докладной записке уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ростовской области Н. Волкова, поданной 4 сентября 1946 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову, отмечалось: «Наряду с тем, что руководящие работники комбината "Ростовуголь", имеющие квартиры, в короткие сроки строят себе собственные дома, получая на шахтах без ограничения строительные материалы и рабочую силу, многие рабочие-застройщики не могут закончить строительство своих домов из-за отсутствия строительных материалов.

Например, т. Иванов, инвалид Отечественной войны, рабочий шахты им. Горького треста "Несветайантрацит", в мае 1946 года начал строить себе глинобитный дом. Из-за отсутствия леса и кирпича дом т. Иванова стоит без потолка и печки. Иванов с семьей в 7 человек, в том числе с малолетними и грудными детьми живет в недостроенном доме. Начальник шахты т. Сурков отказал т. Иванову в кирпиче и лесе, мотивируя отсутствием строительных материалов на шахте. Вместе с тем т. Сурков и бухгалтер этой шахты Приходько строят себе по два дома, и для них нет недостатка в строительных материалах. Рабочий т. Шапаров, чтобы получить лес для окончания строительства своего дома, вынужден был отдать Суркову золотые часы и два кольца.

Глинобитный домик, построенный крепильщиком шахты им. ОГПУ т. Фисуновым, стоит без печки, так как для ее кладки нет кирпича. Стоит без печки и глинобитный домик Никулиной, матери двух сыновей, погибших на фронте. Таковых фактов можно привести много»[21].

Проверкой также были установлены многочисленные факты, когда руководящие работники злоупотребляли служебным положением и строили собственные дома за счет государства. Они не только вывозили с шахт лес, кирпичи и другие дефицитные строительные материалы, но и не оплачивали их, списывая за счет предприятий.

[21] Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 537.

Стоимость использованных и неоплаченных материалов, автотранспорта и рабочей силы исчислялась десятками тысяч рублей.

Коррупция пронизывала весь аппарат управления. Желание построить незаконным путем собственный дом толкало хозяйственников и партийных функционеров на установление преступных связей, взятки стали обычным делом. Парторги шахт по договоренности с руководством шахт активно использовали материальные ресурсы комбината «Ростовуголь» для корыстного обогащения путем строительства индивидуальных домов. Тон задавали первые секретари Шахтинского и Новошахтинского горкомов ВКП(б) В.Ф. Шибаев и И.К. Датченко. Их дома, начатые строительством в мае, к осени уже были построены, хотя и не оплачены в полной мере, причем строились они по заниженным сметам. О том, что дома должны были строиться для шахтеров, никто и не вспоминал.

Докладная записка уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Ростовской области обсуждалась на бюро Ростовского обкома. Все факты подтвердились. Строящиеся индивидуальные дома были переданы на баланс комбината «Ростовуголь», начальником которого в 1947 г. стал И.П. Ивонин. В 1948 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Коррупция, многочисленные нарушения и махинации сопровождали также строительство индивидуальных домов и в сельской местности, где главной задачей было переселение людей из землянок в нормальные жилища. После окончания войны правительство неоднократно принимало постановления, направленные на ускорение строительства домов для колхозников, проживающих в землянках, но проблема оставалась нерешенной в течение ряда лет[22]. На 1 января 1948 г. в областях РСФСР, подвергшихся немецкой оккупации, в землянках проживали около 12 тыс. семей колхозников.

Правительство рекомендовало колхозам производить строительство и капитальный ремонт жилых домов силами и средствами колхозов за счет тех колхозников, которым эти дома предназначались. Предполагалось, что строительство будут вести колхозные бригады

[22] Постановление СНК РСФСР, одобренное СНК СССР 8 июля 1945 г., «О строительстве домов колхозников, хозяйственных построек колхозов и культурно-бытовых зданий в районах РСФСР, подвергавшихся немецкой оккупации». Постановление СНК СССР от 28 сентября 1945 г. «О строительстве жилых домов для населения, проживающего в землянках по районам РСФСР, подвергшимся немецкой оккупации». Аналогичное постановление СНК РСФСР от 18 января 1946 г. Постановление Совета Министров СССР от 2 июня 1948 г. «О приписках к отчетности о строительстве жилых домов в районах, подвергшихся немецкой оккупации».

по нарядам правлений, а работающим в этих бригадах колхозникам будут начисляться трудодни. Однако в условиях дефицита рабочей силы предложенная схема организации строительных работ в сельской местности оказалась нежизнеспособной.

В большинстве районов дело строительства домов колхозников очень скоро перешло от колхозных правлений к частным артелям и отдельным лицам, работающим под видом колхозных бригад. Вместо работы по нарядам колхозов бригады договаривались непосредственно с колхозниками, для которых строились дома, и по своему усмотрению назначали условия оплаты. Конечно, ни о каких трудоднях речь не шла, строители получали плату за работу непосредственно от застройщика. При этом ни работа строительных бригад, ни оплата их труда никем не регламентировались и не контролировались. В Брянской, Орловской, Курской, Калужской, Псковской, Смоленской и Тульской областях, где было больше всего колхозников, нуждающихся в переселении из землянок, полулегальная экономическая деятельность частных строительных артелей получила наибольшее распространение. Однако результаты их предпринимательской активности мало способствовали переселению колхозников из землянок.

Как отмечалось в докладной записке Генерального прокурора СССР К.П. Горшенина, «...во многих районах постройка домов производится в первую очередь не для нуждающихся колхозников, не для семей воинов Красной армии, вдов и сирот фронтовиков, как это требует постановление правительства, а для колхозников, материально более обеспеченных <...> “Бригады строят дома только тем колхозникам, которые в состоянии заплатить 10–15 тысяч рублей”.

По данным 14 районов Брянской области по состоянию на 1 января 1947 г. проживали в землянках и не приступили к строительству 7998 семей, из них 4960 семей или 62% – семьи военнослужащих, погибших воинов, инвалидов Отечественной войны, демобилизованных и 3038 семей или 38% – нуждающихся многосемейных колхозников»[23].

Строительные бригады брались за дело только там, где им это было наиболее выгодно, получая за работу деньги и продукты непосредственно от застройщиков и мало интересуясь конечным результатом. Так, в одном из колхозов Брянской области колхозница Е. Пурыгина, муж которой погиб на фронте, проживала с двумя детьми в развалившейся землянке. В 1945 г. она выработала 500 трудодней,

[23] Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы. М., 2020. С. 617.

а зимой заготовила и вывезла на корове лес, наняла плотников за 7 пудов хлеба, срубила сруб. А вот доставить дом не смогла, не хватило средств. И никто, включая правление колхоза, помощи ей не оказал. При этом проверка уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Брянской области показывала, что автомашины, выделенные для нужд сельского и колхозного строительства, использовались колхозным и районным руководством за особую плату и разного рода сделки и услуги.

Практика «теневого» колхозного строительства часто привлекала внимание контролирующих органов и прокуратуры. Выявленные факты коррупции, воровства, бесхозяйственности, присвоения должностными лицами материалов, предназначенных для строительства домов колхозников, повсеместно отмечались проверяющими инстанциями и осуждались как «извращения» и «разбазаривание». Наказанием в особо серьезных случаях было, как правило, снятие провинившегося руководителя с работы.

Много нарушений допускалось и со стороны колхозников, особенно в вопросах получения и расходования денежных ссуд, выданных на строительство домов. Запросы колхозников на выдачу денежных ссуд удовлетворялись Сельхозбанком далеко не в полной мере, но при этом никто не следил за правильным использованием уже оформленных кредитов. Зная, что полученная ссуда не гарантирует того, что колхоз окажет помощь в строительстве, колхозники часто расходовали деньги не по назначению. Сотни застройщиков, получившие денежные ссуды в размере сотен тысяч рублей, расходовали их не на строительство домов, а на личные нужды. Нередкими были случаи, когда, получив деньги, несостоявшиеся застройщики уезжали из колхозов.

Непосредственно после войны правительство в решении жилищного вопроса сделало ставку не на развитие фабричного производства жилых домов, как планировал Н.А. Вознесенский, а на строительство индивидуальных домов на средства населения с помощью государственного кредита. Тем самым государство, с одной стороны, перекладывало заботу об улучшении жилищных условий на самих граждан, а с другой, получало возможность изъять из обращения часть «лишних» денег, нажитых в годы войны определенными слоями населения в результате спекулятивных операций на черном рынке.

Денежная реформа 1947 г. изменила экономическую и финансовую ситуацию в стране, что позволило министру финансов СССР А.Г. Звереву поставить вопрос о сворачивании практики государственного кредитования населения. Докладывая 3 января 1948 г.

И.В. Сталину об итогах денежной реформы, А.Г. Зверев высказал такое мнение: «Целесообразно также обсудить вопрос о прекращении выдачи ссуд на хозяйственное обзаведение и о резком сокращении кредита на индивидуальное жилищное строительство, получивших значительное распространение после войны. Важнейшей задачей является укрепление финансовой дисциплины в народном хозяйстве, борьба с неплатежами и недоимками»[24]. Дальнейшее развитие жилищного законодательства показало, что мнение министра финансов было учтено.

Советская жилищная политика никогда не была общенародной, но всегда носила избирательный характер и проводилась в интересах определенных классов, слоев, социальных групп и т.д. Обеспечение граждан жильем находилось в тесной зависимости от их социального статуса и происхождения, партийной принадлежности, от места в социальной иерархии, обусловливалось наличием разного рода заслуг перед партией и государством, определялось ведомственной принадлежностью человека и многими другими факторами. Распределение жилья при этом повсеместно носило субъективный характер. Несмотря на то, что статья 6 Конституции СССР объявляла основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах государственной собственностью, то есть всенародным достоянием, гражданам СССР не гарантировалось право на крышу над головой. Конституционное закрепление права на жилище произошло только в 1977 г.

«Жилищные постановления» послевоенного периода были направлены в первую очередь на улучшение жилищных условий и обеспечение жильем таких групп населения, как генералы и офицеры Красной армии; демобилизованные воины и их семьи; жители районов, подвергшихся немецкой оккупации; рабочие ведущих отраслей промышленности и отдаленных регионов и т.д.

Так, например, в Москве одним из главных вопросов в повестке дня партийных и советских руководителей было обеспечение жильем демобилизованных воинов и семей военнослужащих. На 1 июля 1948 г. в столицу прибыло 395 405 демобилизованных, для их размещения было выделено и отремонтировано 78 213 комнат. Семьям военнослужащих (171 323 семьи на 1 июля 1948 г.) было предоставлено и отремонтировано 74 818 комнат[25]. Эта работа городских властей велась в строгом соответствии с Законом о демобилизации от 23 июня 1945 г., который обязывал все органы государственного управления

[24] Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы. М., 2010. С. 358.
[25] Москва послевоенная, 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 746–747.

и местные органы государственной власти «обеспечить демобилизованных жилой площадью и топливом»[26]. Далеко не всегда и не везде этот Закон выполнялся на сто процентов, но военнослужащие и их семьи в течение многих лет сохраняли определенные привилегии в вопросе распределения жилья.

Первым нормативным актом, регулирующим в жилищной сфере права всех советских граждан без исключения, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1948 г. «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов». Устанавливалось, что «каждый гражданин и каждая гражданка СССР имеют право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города»[27].

Порядок продажи гражданам домов в собственность регулировался специальной инструкцией Министерства финансов СССР от 10 января 1949 г. Продажа домов, выстроенных предприятиями, стройками и учреждениями, осуществлялась по договорам купли-продажи за наличный расчет. При определенных условиях допускалась продажа в рассрочку с предварительным внесением наличными деньгами не менее 10% от продажной стоимости дома. Банки выдавали ссуду на срок до 10 лет под 2% годовых.

Что касается продажи домов, принадлежащих местным советам, то она осуществлялась исполкомами, как правило, за наличный расчет, и лишь в виде исключения разрешалась продажа домов с рассрочкой платежей в течение 2–3 лет. При этом первоначальный взнос составлял не менее 20% от установленной стоимости дома. Во всех случаях продажа индивидуальных жилых домов не была свободной и осуществлялась по специальным спискам, которые утверждались вышестоящими инстанциями. Продажные цены устанавливались Советом Министров СССР.

Одна из причин, по которой министерства и ведомства хронически не выполняли планы строительства индивидуальных жилых домов для продажи, как раз заключалась в наличии «значительного разрыва между стоимостью строительства жилых домов и продажной ценой на них». Об этом прямо говорилось в постановлении Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г. «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим

---

[26] Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997. Т. 13(2–3). С. 378–379.

[27] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том III. 1946–1952 годы. М., 1958. С. 313.

работникам и служащим предприятий, строек и учреждений»[28]. Положения этого документа полностью отвечали требованиям Минфина о резком сокращении выдачи кредитов на индивидуальное жилищное строительство. Речь уже не шла о ссудах с 10–12-летним сроком погашения под 1% годовых, как это было в 1946 г.

Устанавливалось, что начиная с 1 января 1949 г. продажа домов должна осуществляться, как правило, за наличный расчет и лишь в исключительных случаях за счет кредита банков с рассрочкой погашения ссуды на 2–3 года и уплатой не менее 20% стоимости дома наличными деньгами. Для устранения разрыва между фактической стоимостью строительства индивидуальных жилых домов и утвержденной ранее их продажной ценой (от 8000 до 12000 рублей) устанавливалась новая сметная стоимость строительства. Она находилась в диапазоне от 10800 рублей (деревянный рубленый одноквартирный дом с двумя комнатами) до 39000 рублей (немецкий одноквартирный трехкомнатный дом – 86,6 кв. м. полезной площади, с санитарно-техническим оборудованием). В соответствии со сметной стоимостью строительства устанавливались и продажные цены. Для удовлетворения спроса на качественное индивидуальное жилье правительство планировало осуществить в 1949 г. закупку стандартных жилых домов за границей. Таким образом, индивидуальные жилые дома становились для государства не только средством улучшения жилищных условий населения, но и дополнительным товарным ресурсом.

Повышение продажных цен на индивидуальные дома не сделало их доступнее для населения, поскольку жилищное строительство попрежнему носило плановый характер. Министерствам и ведомствам разрешалось строить для продажи лишь 10–15% индивидуальных домов в пределах установленного для них планом объема жилищного строительства. Таким образом, с одной стороны, индивидуальные дома были недоступны из-за их дефицита, а с другой, их стоимость значительно превышала доходы основной массы населения[29].

В большинстве городов и промышленных центров Советского Союза самым распространенным типом жилья в послевоенный

---

[28] Постановление Совета Министров СССР от 20 октября 1948 г. № 3905 «О строительстве индивидуальных жилых домов для продажи рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим предприятий, строек и учреждений» [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4719.htm (дата обращения: 10.08.2023).

[29] В 1947 г. среднемесячная заработная плата промышленных рабочих в СССР составляла 680 рублей.

период стали коммунальные квартиры и квартиры с подселением, многим приходилось довольствоваться снятым «углом» или койкой в общежитии. И практически все городское жилье нуждалось в срочном ремонте.

Вот как описывала свои послевоенные «квартирные мытарства» москвичка Н.К. Веселовская, племянница академика АН СССР историка С.Б. Веселовского, оказавшаяся с семьей в результате череды обменов в двух смежных комнатах в коммунальной квартире на 1-й Мещанской улице (ныне проспект Мира). «Квартира была густонаселенная, грязная, с массой клопов, – писала в своих воспоминаниях врач скорой помощи Н.К. Веселовская. – За свой счет мы сделали ремонт – кроме своих комнат еще и мест общего пользования: кухни, ванной комнаты, уборной и коридора. От этого обстановка улучшилась с внешней стороны, но, по существу, мало что изменилось: те же некультурные, завистливые и злобные соседи... Ни мира, ни лада между собой, постоянные ссоры из-за копеечных расчетов за электричество, газ, уборку по очереди и т.п., доходящие до нецензурной ругани, задирания юбок и показа голого зада враждебной стороне»[30]. Соседи в таких квартирах менялись довольно часто – кого-то сажали в тюрьму за воровство, кто-то умирал от передозировки наркотиков, кто-то просто исчезал неизвестно куда. Многие пытались улучшить свою жизнь путем обмена жилплощади, причем формальный обмен зачастую скрывал фактическую куплю-продажу[31]. На освободившихся метрах тут же поселялись другие люди, иногда хуже, иногда лучше предыдущих жильцов, но жизнь в перенаселенной коммунальной квартире никому не была в радость.

Совсем в иных условиях жила так называемая советская элита, включавшая в себя обширный круг лиц: от высших представителей номенклатуры до рекордсменов-стахановцев, важнейшей привилегией которых было особое обеспечение жильем. В столицах союзных республик, крупных городах и промышленных центрах с конца 1920-х – начала 1930-х годов стали строиться специальные дома и жилые комплексы для проживания высших должностных лиц, партийных руководителей, военачальников, ученых, деятелей культуры. Так, в Свердловске (ныне Екатеринбург) для высшей партийной и государственной номенклатуры Уральской области в 1930–1932 гг. был построен жилой комплекс, известный как Дом Советов. Входя-

[30] *Веселовская Н.К.* Записки выездного врача скорой помощи (1940–1953). М., 2016. С. 109.

[31] Согласно ст. 98 УК РСФСР, за продажу и покупку квартир и комнат предусматривалась уголовная ответственность.

щее в этот комплекс одиннадцатиэтажное здание, к которому примыкали 4–5-этажные корпуса, было на тот момент одним из самых высоких зданий РСФСР за пределами Москвы.

В столице славу самого высокого жилого здания удерживал на протяжении двух десятилетий Дом правительства (в 1940-х – начале 1950-х годов в официальном делопроизводстве именовался Жилой дом Советов), в настоящее время известный более как Дом на набережной, названный так по одноименной повести Ю.В. Трифонова.

Этот жилой комплекс в самом центре Москвы строился в течение четырех лет, заселение первых корпусов началось в 1931 г. Он включал 11 строений – 7 жилых корпусов, кинотеатр, магазин, клуб и прачечную. Жилая часть состояла из семи 10–11-этажных зданий, разделенных на двадцать четыре подъезда (пронумерованных 1–10 и 12–25). Всего в доме было 505 квартир, по две на этаже. В квартирах кроме жилых комнат имелись кухни с газовой плитой, мусоропроводом, вентилятором и спальной полкой для прислуги, ванные комнаты и туалеты. Полы в комнатах и коридорах были паркетные, в санузлах – плитка. Во всех квартирах были телефон, холодная и горячая вода, сквозная вентиляция и окна, выходившие на две стороны. Естественное освещение было не только в комнатах и кухне, но также в ванной и туалете, а в некоторых квартирах и в прихожей. Во всех подъездах работали лифты. Всего в Доме правительства насчитывалось 24 однокомнатные квартиры, 27 двухкомнатных, 127 трехкомнатных, 179 четырехкомнатных, 120 пятикомнатных, 25 квартир имели по 6 комнат, и в одной квартире было 7 жилых комнат. В оставшихся квартирах размещался детский сад.

В первой половине 1930-х годов дом был заселен людьми, имена которых знала вся страна, среди них были известные военачальники, герои, писатели, академики, деятели партии и правительства, работники Коминтерна. Почти все они были репрессированы в годы Большого террора. Несмотря на трагическую судьбу многих знаменитых жильцов, жилая площадь в Доме правительства по-прежнему считалась престижной и оставалась недоступной для простых смертных. С окончанием войны мирная жизнь в доме, который сохранял свой элитный статус, вошла в привычное русло, хотя и привнесла кое-что из жизни рядовых граждан: некоторые квартиры были преобразованы в коммуналки со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями.

Особый статус дома проявлялся в том, что все подъезды охранялись. Академик В.А. Виноградов вспоминал, как при поступлении в МГУ на вновь открывшийся факультет международных отношений он обратился за содействием к академику Е.В. Тарле. Имея на

руках письмо к знаменитому историку, бывший фронтовик, прибывший в Москву из Казани, поехал в Дом правительства, где жил академик. «За Большим Каменным мостом, – вспоминал Виноградов, – вышел из троллейбуса – как раз напротив этого дома. С некоторой робостью вошел в нужный подъезд и сразу был остановлен строгой дамой, сидевшей за высокой деревянной стойкой. Она стала допрашивать к кому я иду и зачем, попросила предъявить паспорт. Это было необычно. Внимательно сверив фотографию на паспорте с моей физиономией, дама назвала мне нужный этаж. Так был преодолен первый барьер»[32].

Следует заметить, что действительные члены Академии наук СССР пользовались особой благосклонностью высшего руководства страны и имели существенные привилегии в вопросах обеспечения жильем. В 1946–1947 гг. правительство озаботилось строительством государственных дач для академиков. Были приняты специальные постановления на этот счет, которые предусматривали покупку в Финляндии 150 стандартных домов, а в Восточной зоне Германии закупку санитарно-технического оборудования для постройки дач академиков[33].

Городские квартиры крупных ученых были, как правило, большими и благоустроенными. Побывавший в 1951 г. в гостях у академика Е.В. Тарле (теперь уже не в Москве, а в Ленинграде) К.И. Чуковский оставил в своем дневнике такую запись: «У Евг. В. Тарле в его огромной ленинградской квартире. Лабиринты. Много прислуги – вид на Петропавловскую крепость, много книг. Три рабочих кабинета. Пишет историю нашествий. Пригласил меня обедать, прислал за мной машину, был обворожителен»[34].

Нужно сказать, что далеко не все жильцы элитных домов были довольны своим положением. В управление Жилого дома Советов в большом количестве поступали жалобы, заявления и просьбы от привилегированных жильцов. На некоторых ходатайствах уже стояли положительные резолюции высших должностных лиц государства, к которым «по старой дружбе» авторы писем обращались за поддержкой. Так, на письме Р.Ю. Димитровой, вдовы болгарского государственного и партийного деятеля Г.М. Димитрова, стояла резолюция К.Е. Ворошилова «Прошу рассмотреть и помочь», адресованная Н.А. Булганину.

---

[32] *Виноградов В.А.* Мой XX век: воспоминания. М., 2005. С. 52.

[33] Москва послевоенная, 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 533–534, 756.

[34] *Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1969: в 2 т. М., 2003. Т. 2: Дневник. 1930–1969. С. 229.

Квартира № 235, которую на протяжении многих лет занимала Р.Ю. Димитрова, и где в отдельные периоды проживал Г.М. Димитров, находилась в привилегированном двенадцатом подъезде и состояла из 6 комнат размером 164,29 кв. м. На начало 1950 г. в квартире проживали 18-летняя приемная дочь Димитрова и две домработницы. Высокопоставленная квартиросъемщица жаловалась на большую квартплату – 847 рублей в месяц – и просила о применении к ней положения о скидке на квартплату для пенсионеров. Пенсию Р.Ю. Димитрова получала в Болгарии. Квартплата действительно была очень высокой[35], поскольку по советским нормам излишки жилплощади должны были оплачиваться в тройном размере, однако в Доме правительства эта норма действовала далеко не во всех случаях. Вопрос об уменьшении платы за 6-комнатную квартиру был решен положительно. Вскоре управляющий домом получил распоряжение: «тов. Димитрову считать персональной пенсионеркой и квартплату брать как с персональной пенсионерки»[36].

На высокую квартплату также жаловался зачинатель движения рабочих-рекордсменов А.Г. Стаханов. Свои многочисленные просьбы и заявления бывший шахтер писал на личном бланке, где он именовался как Горный директор Управления организации труда Министерства угольной промышленности СССР. 5-комнатную квартиру в Доме правительства Стаханов получил в 1937 г. Она располагалась в третьем подъезде и имела жилую площадь 91,38 кв. м. Проживавшая в квартире семья Стаханова состояла из четырех человек.

До конца 1953 г. проблем с квартплатой не возникало. Потом неожиданно она увеличилась более чем в два раза. Оказалось, что за квартиру № 55, занимаемую жильцом Стахановым, при наличии излишков жилой площади в размере 50,88 кв. м., вопреки закону, взималась квартирная плата в одинарном размере. Вместе с коммунальными услугами Стаханов ежемесячно платил 165 рублей 42 копейки. После указания руководства Хозяйственного управления Совета Министров СССР взимать со Стаханова плату за имеющиеся излишки по закону, то есть в тройном размере, квартплата вместе с оплатой

---

[35] В 1951 г. в среднем по СССР одна семья расходовала ежемесячно на оплату жилой площади 15,1 руб., а на оплату отопления, водопровода, освещения и газа – 23,3 руб. Средняя квартирная плата за 1 кв. м. жилой площади составляла в 1950 г. по всему государственному жилищному фонду 1,24 руб. и находилась в диапазоне от 1,11 руб. до 1,32 руб. в зависимости от ведомственной принадлежности и местонахождения дома. В совокупном доходе семьи промышленного рабочего ежемесячные расходы на оплату жилья и коммунальных услуг составляли в среднем 3% (Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 172–174).

[36] ГА РФ. Ф. 9542. Оп. 1. Д. 45. Л. 3–6, 8.

коммунальных услуг составила 356 рублей 10 копеек[37]. На протесты знаменитого жильца бухгалтер дома по-простому посоветовала: «Если Вам большая квартира, то берите поменьше», а ответ ХОЗУ Совмина СССР официально гласил: «Кроме полагающейся жилой площади по санитарным нормам, Вам будет начисляться квартирная плата в одинарном размере за 10 кв. м. дополнительной жилой площади. Установить квартирную плату в одинарном размере за все имеющиеся излишки жилплощади Хозяйственное управление Совета Министров СССР не может»[38]. После смерти Сталина, активно продвигавшего стахановское движение, интерес к личности А.Г. Стаханова заметно угас.

Возведение жилья для избранных представителей советского общества вышло в послевоенный период на новый уровень. Реализуя предложения Сталина о строительстве в Москве в течение 1947–1952 гг. восьми административных и жилых зданий высотой от 16 до 32 этажей, Совет Министров СССР принял 13 января 1947 г. постановление «О строительстве в г. Москве многоэтажных зданий». Задача проектирования и строительства высотных зданий возлагалась на различные министерства и ведомства, устанавливалось, в частности, что «проектируемые здания не должны повторять образцы известных за границей многоэтажных зданий». Проектирование и строительство жилого дома на Котельнической набережной возлагалось на Министерство внутренних дел СССР[39].

Торжественную закладку многоэтажных зданий планировалось осуществить в день празднования 800-летия Москвы – воскресенье 7 сентября 1947 г. Подготовка к праздничному событию всколыхнула Москву, начались многочисленные субботники по благоустройству столицы, в ряде районов приступили к ремонту жилых зданий. Некоторым предприимчивым москвичам, чаще москвичкам, удалось организовать неотложный ремонт квартир, угрожая в райисполко-

---

[37] Согласно официальной справке управления Жилого дома Советов, до начала 1954 г. ежемесячная сумма платежей по квартире № 55 составляла 165 руб. 42 коп., из них: квартплата – 120 руб. 62 коп., отопление – 24 руб. 12 коп., вода – 16 руб. 00 коп., амортизационные начисления за пользование мебелью – 4 руб., 68 коп. Стоимость всей квартирной мебели – 1 992 руб. 54 коп. После лишения Стаханова льгот по оплате излишков жилплощади ежемесячная сумма платежей составила 356 руб. 10 коп., из них: квартплата – 254 руб. 95 коп. (оплата за излишки жилплощади – 134 руб. 92 коп.), отопление – 76 руб. 47 коп., вода – 20 руб. 00 коп., амортизационные начисления за пользование мебелью – 4 руб., 68 коп. Зарплата А.Г. Стаханова на тот период составляла 3 000 рублей в месяц. (ГА РФ. Ф. 9542. Оп. 1. Д. 55. Л. 18).

[38] ГА РФ. Ф. 9542. Оп. 1. Д. 55. Л. 16–16 об., 17, 18, 20.

[39] Исторический архив. 2004. № 1. С. 32–34.

мах: «Если не отремонтируете квартиру, буду жаловаться в Правительственный комитет», имея в виду Правительственный комитет по проведению празднования 800-летия г. Москвы, созданный постановлением Совмина СССР 14 августа 1947 г.

Не все жители столицы разделяли энтузиазм властей по поводу всенародного праздника. «Посмотришь у нас на некоторые дома и не скажешь, что мы живем в столице, которая существует 800 лет. Наверное, когда строилась Москва, люди здесь жили более благоустроенно, не текло на голову, а мы ведь уже 30 лет при советской власти живем. Пора было бы о нас подумать», – такого мнения придерживалась жительница Марьиной Рощи Петухова[40]. У москвичей накопилось немало претензий к советской власти в области жилищного хозяйства, о чем свидетельствовали «провокационные» вопросы, задаваемые трудящимися на предпраздничных встречах с партийными инструкторами. Народ, в частности, интересовался: «Будут ли ремонтировать потолки и крыши в домах или все ограничится внешним благоустройством?», «Какие меры будут приняты Моссоветом для восстановления пришедших в ветхость деревянных зданий?», «Почему санитарная инспекция Моссовета не организует месячник по приведению в санитарное состояние дворов, подъездов и мест общего пользования?»[41]

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов в жилищном строительстве СССР повсеместно использовался труд заключенных. Лагеря Главпромстроя осуществляли строительство 2 500 индивидуальных домов для рабочих Кузбасса с вводом их в 1948 г. Главное управление лагерей железнодорожного строительства осуществляло на подрядных началах строительство индивидуальных домов для рабочих угольной промышленности Караганды и Кузбасса. Ежегодно министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов отчитывался о сотнях тысяч квадратных метров жилой площади, сданной в эксплуатацию.

Послевоенная Москва своим расцветом и оживлением была в значительной мере обязана ГУЛАГу. Лагерные подразделения, а их в Московской области насчитывалось более пятидесяти, на контрагентских началах снабжали рабочей силой стройки и заводы Москвы и Московской области. Заключенные строили Московскую Северную водопроводную станцию, Курьяновскую станцию аэрации, многоэтажные корпуса на Соколе, жилые дома для работников

[40] Москва послевоенная, 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 235, 240.

[41] Там же. 245–246.

автозавода им. Сталина, поселок из 19 домов для сотрудников МВД в Измайлове, работали на Тучковском кирпичном комбинате, а также на многих других стройках и предприятиях, жизненно важных для многомиллионного города.

Одной из самых престижных московских строек МВД считалось жилое высотное здание на Котельнической набережной. Здесь очень важным этапом строительства было изготовление металлического каркаса многоэтажного здания с 1 по 17 этаж включительно. Эта работа осуществлялась в 1949 г. на Рыбинском механическом заводе № 1 Главпромстроя МВД СССР силами заключенных Волголага. Заместитель начальника Главпромстроя П.К. Георгиевский стал лауреатом Сталинской премии за 1950 год в области строительства за разработку и осуществление конструкции стального каркаса высотного здания на Котельнической набережной в Москве.

Первоначально окончание всех работ было запланировано на 1952 г., однако в апреле 1949 г. правительство сократило срок строительства на один год. Генералы МВД брали обязательство сдать здание в эксплуатацию 20 декабря 1951 г., то есть ко дню рождения Сталина, который лично наблюдал за ходом строительства. Пришлось срочно увеличивать численность рабочей силы, ГУЛАГу предписывалось «укомплектовать строительство необходимым количеством квалифицированной рабочей силы из числа заключенных». Кроме того, в производственных мастерских ГУЛАГа выполнялся большой заказ на изготовление столярных изделий и паркет.

30 декабря 1951 г. С.Н. Круглов направил И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии и другим членам советского руководства следующую записку о завершении строительства здания: «Министерство внутренних дел СССР докладывает Вам, что строительство многоэтажного дома на Котельнической набережной, с жилой площадью 15,3 тысячи квадратных метров, закончено. В построенном доме имеется 344 жилых квартиры, из них 8 квартир однокомнатных площадью – по 23 квадратных метра, 269 двухкомнатных – по 39 квадратных метров, 55 трехкомнатных – по 56 квадратных метров и 12 квартир четырехкомнатных – по 80 квадратных метров.

Все квартиры имеют ванные комнаты и кухни, а также оборудованы всеми видами коммунальных услуг – отоплением, водопроводом, канализацией, газом, вентиляцией, горячим водоснабжением, радио и телефонами.

Стены жилых комнат окрашены качественной клеевой краской, стены коридоров – масляной краской; стены кухонь, ванных и туалетных комнат облицованы глазурованной плиткой.

Полы в жилых комнатах и коридорах паркетные, в санитарных узлах – плиточные и в кухнях покрыты линолеумом.

Кухни квартир оборудованы газовыми плитами, холодильными шкафами, сдвоенными мойками и необходимым кухонным инвентарем – столами, полками и встроенными в стены шкафами.

Ванные комнаты, помимо ванн и умывальников, оборудованы комбинированными скамьями, приспособленными для хранения белья, водонепроницаемыми шторами, настенными лампами и регистрами для сушки полотенец.

Передние квартир имеют тамбуры и оборудованы встроенными в стены платяными шкафами, приставными дубовыми вешалками и настенными лампами.

В первом этаже высотного дома, помимо квартир, имеются помещения общей площадью 300 квадратных метров, предназначенные для бытового обслуживания жильцов, для хранения детских колясок и велосипедов и для других видов обслуживания. <...>

В здании установлены 10 впервые освоенных производством скоростных лифтов с кабинами вместимостью по 10 человек каждая. Машинные помещения лифтов, обеспечивающие полную автоматизацию их работы, расположены на 22, 25 и 33 этажах.

Назначенная Министерством внутренних дел СССР ведомственная техническая комиссия по приемке жилого дома на Котельнической набережной свою работу закончила. Строителями и монтажниками в настоящее время устраняются недоделки, отмеченные ведомственной технической комиссией»[42].

Здесь следует уточнить, что, говоря о размерах квартир в доме, министр имел в виду только жилую площадь. Общая площадь квартир была значительно больше. Так, расположенная в центральной части здания 4-комнатная квартира знаменитой балерины Г.С. Улановой имела общую площадь 145 кв. м. После смерти хозяйки здесь был создан мемориальный музей.

И еще один момент: в современной публицистической литературе при описании этого жилого дома часто упоминается, что в доме 700 квартир, однако в докладе указано, что в «построенном доме имеется 344 жилых квартиры». По всей видимости, в последующие годы многие помещения, имевшие первоначально техническое назначение, были переделаны в жилые помещения. Такая практика отмечалась в жилом высотном здании на площади Восстания (ныне

[42] История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 3: Экономика Гулага. М., 2004. С. 557–558.

Кудринская площадь), проектирование и строительство которого вело Министерство авиационной промышленности.

Сооружение двух жилых высотных зданий в Москве ни в коей мере не было направлено на решение жилищной проблемы и не отвечало социальным потребностям населения, но это была своего рода наглядная «монументальная пропаганда» достижений и возможностей жилищного строительства в СССР. Кроме того, при возведении этих и других высотных зданий были опробованы индустриально-скоростные методы строительства, которые впоследствии стали применяться в массовом жилищном строительстве. Помимо всего прочего, жилая площадь в доме на Котельнической набережной использовалась для расселения коммунальных квартир в Доме правительства.

К концу 1940-х гг. восстановительные работы в городах, пострадавших в годы войны, еще не были закончены, их обобществленный жилищный фонд[43] оставался значительно ниже довоенного. На долю одноэтажных и двухэтажных жилых строений приходилось 96% городского обобществленного жилищного фонда СССР по числу строений и 70% по жилой площади в них. Минимальное число таких строений наблюдалось в Ленинграде – 42,9%, максимальное – в Ташкенте – 98,4%, в Москве одно-двухэтажных жилых зданий насчитывалось 88,4%.

Только 62% всех городских жилых строений имели огнестойкую кровлю (железную, черепичную, шиферную). Материал стен жилых строений в значительной степени зависел от региона и местных строительных традиций. В отдельных городах (Баку, Тбилиси) преобладали каменные, в том числе кирпичные дома, в других городах (Свердловск, Новосибирск) большинство домов были деревянными. В целом по городам СССР на долю деревянных жилых строений приходилось 53% обобществленного жилищного фонда, на долю каменных, в том числе кирпичных, – 30%[44].

О крайнем неблагополучии в жилищной сфере советское руководство заговорило только после смерти Сталина. Удобный случай представился на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. в ходе обвинительной критики в адрес арестованного Л.П. Берии. Выступавший на пленуме Л.М. Каганович назвал вопрос о жилье для рабочих «главным» и «самым острым» вопросом. «Я был на Урале, – делился

[43] Городской обобществленный жилищный фонд СССР – это жилищный фонд государственных, кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций.

[44] Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 165–167.

своими наблюдениями член Бюро Президиума ЦК КПСС. – Там замечательные заводы, а рабочие живут в полуземлянках. И это даже на старых заводах, которые были построены 20 лет тому назад, и у них много старых бараков, которые были построены 20 лет тому назад. Новые заводы строят дома, а там бараки разваливаются, и сейчас старые заводы с жильем в худшем положении, чем новые. Нет более острого вопроса, чем жилье»[45].

После пленума Л.М. Каганович в качестве первого заместителя председателя Совета Министров СССР поручил ЦСУ СССР подготовить материалы о городском обобществленном жилищном фонде СССР. Статистические сведения, представленные в секретной справке ЦСУ от 18 августа 1953 г., полностью подтверждали правоту Кагановича. Жилищный вопрос, всегда сохранявший в России свою актуальность, превратился к 1953 г. в острейшую социальную проблему.

Несмотря на предпринятые государством усилия, городской обобществленный жилищный фонд по сравнению с тем фондом, каким страна располагала в конце 1945 г., увеличился к началу 1953 г. незначительно. По сравнимой территории, то есть исключая вновь присоединенную территорию и городские поселения, преобразованные из сельских населенных мест, обобществленный жилищный фонд увеличился за восемь лет на 54,2 млн кв. м. – с 154,7 млн кв. м. в 1945 г. до 208,9 млн кв. м. на конец 1952 г., т.е. на 35%. В границах соответствующих лет, т.е. включая вновь присоединенную территорию и городские поселения, преобразованные из сельских населенных мест, обобществленный жилищный фонд в городах и рабочих поселках СССР составил на 1 января 1953 г. 221,9 млн кв. м.

В послевоенный период увеличение обобществленного жилищного фонда шло преимущественно за счет роста жилищного фонда министерств и ведомств, на долю которого приходилось 60% всей городской жилплощади. До войны более половины обобществленного фонда числилось за местными Советами.

За период с 1946 по 1952 г. в городах и рабочих поселках заметно увеличилась доля индивидуальных жилых домов, построенных в основном на средства населения, частично с привлечением банковского кредита. Общая площадь таких домов составила 45,1 млн кв. м.

Прирост государственного жилого фонда ни в коей мере не покрывал потребностей в жилье городского населения, численность которого после войны значительно увеличилась. Средний размер

[45] Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 133.

жилой площади на одного человека на 1 января 1953 года составлял 5,6 кв. м. В Москве обеспеченность жилой площадью в среднем на одного постоянного проживающего (без временно проживающих и непрописанных) составляла 5,1 кв. м.; в Ленинграде – 6,3; Куйбышеве – 4,9; Челябинске, Новосибирске – 4,8; Молотове – 4,7 и т.д. В реальности с учетом временно проживающих и непрописанных жильцов обеспеченность жилой площадью была значительно ниже.

Неожиданно выяснилось, что за восемь послевоенных лет доля бараков в городском жилом фонде не только не уменьшилась, но значительно выросла и составила 9% ко всему обобществленному жилищному фонду. Если в 1940 г. помещения барачного типа имели 12,5 млн кв. м. жилой площади, на которой проживало 2,9 млн человек, то в 1952 г. – 18 млн кв. м. с числом проживающих более 3,85 млн человек. В Москве в бараках в 1952 г. проживало 337 тысяч жителей.

Весьма неблагополучно обстояли дела с благоустройством жилых помещений: в 1952 г. только 46% городской жилплощади было оборудовано водопроводом (в 1940 г. – 47%), 41% домов имели канализацию, 26% – центральное отопление, 20% – газ. Относительно благополучно обстояли дела с электрическим освещением, которым было оборудовано 98% жилой площади. Во многих промышленных центрах благоустройство жилой площади было значительно хуже, чем в среднем по стране.

Многие городские жилые здания требовали капитального ремонта, однако средств на эти цели выделялось меньше, чем в довоенный период. Установленные сроки ремонта не выдерживались, зачастую ремонт, начатый весною, заканчивался поздней осенью или зимой.

Не хватало государственных ресурсов и для возведения новых жилых домов. План государственного жилищного строительства на 1953 г. предусматривал объем капитальных вложений в размере 21,8 млрд рублей и ввод в действие 15,9 млн кв. м. жилой площади. Согласно справке ЦСУ, годовой план семи месяцев 1953 г. был выполнен только на 24%[46].

Жилищное строительство в восстановительный период велось по всей стране, но ни его темпы, ни объем не отвечали потребностям растущего городского населения. В основе жилищного кризиса лежали объективные процессы незавершенной модернизации и последствия значительных разрушений жилого фонда в годы Великой Отечественной войны. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние субъ-

[46] Справка ЦСУ СССР Л.М. Кагановичу о состоянии городского жилищного фонда в 1940–1952 гг. 18 августа 1953 г. // Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 174–182.

ективного фактора, поскольку распределение ограниченных материальных и финансовых ресурсов напрямую зависело от убеждений и установок правящей элиты.

ЛИТЕРАТУРА

Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947. М.: Наука, 2018. – 644 с.

Бон Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 414 с.

Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири (1920–1960-е гг.). Новосибирск: Параллель, 2009. – 197 с.

Головань Н.С. Из опыта строительства индивидуальных жилых домов в Кемеровской области (1946–1950 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3–1 (63). С. 32–36.

Горлов В.Н. Жилищное строительство в Москве: сложность и противоречивость развития (1946–1991 гг.). М.: МГОУ, 2009. – 523 с.

Горлов В.Н. Коммунальный образ жизни в послевоенной Москве и асоциальное поведение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 143–149.

Ивлиев С.А. Жилищный вопрос и попытки его решения в период хрущевской «оттепели»: взгляд из провинции (на примере Мордовской АССР) // Экономическая история. Т. 17. № 4 (55). 2021. С. 395–403.

Смирнова Т.М. Демуниципализация домов в годы НЭПа: восстановление жилого фонда или обогащение коммунальных служб? // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 464–480.

Смирнова Т.М. Классовая борьба на «жилищном фронте»: особенности жилищной политики Советской власти в 1917 – начале 1920-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 199–218.

Улько А.С., Ястребова И.М. Стандартизация и типизация в отечественном жилищном строительстве (1930–1950 гг.) // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 2. С. 69–79.

Хлынина Т.П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 56–68.

Ярославцев А.В. Государственная жилищная политика на Дальнем Востоке. 1950–1960-х гг. Хабаровск: ДВИ-фил. РАНХ и ГС, 2012. – 211 с.

Батченко В.С.

СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И США ПО ОСВОЕНИЮ КОСМОСА ДО ПРОГРАММЫ «СОЮЗ – АПОЛЛОН»

Аннотация: *В статье изучен процесс складывания сотрудничества между СССР и США по вопросам мирного освоения космического пространства, начиная от запуска первого искусственного спутника Земли и до начала работ по организации совместного пилотируемого полета. Автор показывает, что объединенные работы СССР и США по освоению космоса начались не в начале 1970-х гг., как это традиционно считается, а в 1962 году, после подписания соглашения между Академией наук и НАСА. Несмотря на то, что двусторонние отношения развивались неровно, пунктирно, иногда приостанавливаясь, все же ни одна из сторон за эти годы не выходила из договора в угоду политическим интересам. В статье детально рассматриваются предпосылки советско-американского сотрудничества по освоению космоса, его основные направления и результаты. Автор показывает, что период между соглашениями 1962 и 1972 гг. заложил основу будущей программы «Союз» – «Аполлон» (ЭПАС), выявив основные направления возможного диалога.*
Ключевые слова: *история космонавтики; комитет по космосу; Интеркосмос, Академия наук; NASA; Драйден; Благонравов*

Batchenko V.S.
Cooperation between the USSR and the USA on space exploration before the "Soyuz-Apollo" program

Annotation: *The article examines the process of developing cooperation between the USSR and the United States on the peaceful exploration of outer space, starting from the launch of the first artificial satellite of the Earth and before the start of work on the organization of a joint manned flight. The author shows that the joint work of the USSR and the USA on space exploration began not in the early 1970s, as is traditionally believed, but in 1962, after the signing of an agreement between the Academy of Sciences and NASA. Despite the fact that bilateral relations have developed unevenly, dotted lines, sometimes suspended, yet none of the parties over the years has withdrawn from the treaty in favor of political interests. The article examines in detail the prerequisites of Soviet-American cooperation in space exploration, its main directions and results. The author shows that the period between the 1962 and 1972 agreements laid the foundation for the future Soyuz-Apollo program (EPAS), revealing the main directions of a possible dialogue.*

Keywords: *History of Cosmonautics; UN Committee on Outer Space; Intercosmos; Academy of Sciences; NASA; Dryden; Blagonravov*

В истории мировой космонавтики закрепилось мнение, что в 1960-е годы международное сотрудничество в области космических исследований велось строго по политическим блокам: Советский Союз сотрудничал с социалистическими странами преимущественно по программе «Интеркосмос» (с 1966 г.), а Соединенные Штаты Америки работали в этом направлении большей частью со странами Европы. Своего рода разделение на капиталистический и социалистический космические блоки, – это утверждение отчасти верное, но лишь отчасти. Долгие десятилетия в угоду секретности советской космической программы считалось, что отправной точкой сотрудничества США и СССР в космосе стало 24 мая 1972 г., когда во время Московского саммита «впервые в истории было подписано Соглашение о советско-американском сотрудничестве в космических исследованиях»[1]. «Впервые в истории» – мягко говоря, неподходящие слова. В действительности, к началу 1970-х годов сотрудничество США и СССР на этом поприще уже имело десятилетний опыт, и подписание нового договора означало лишь продолжение совместных научных работ и расширение их диапазона.

В последние десятилетия со многих документов, связанных с советским космическим проектом, сняли гриф «Совершенно секретно», и благодаря этому стало возможно писать историю развития практической космонавтики в СССР с опорой на факты и источники. Так как хранение управленческой документации космических учреждений в середине 1970-х годов было организовано в специальном Центре космической документации (ныне Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД)), данное исследование базируется, прежде всего, на делах фонда 213 РГАНТД – «Межведомственный научно-технический Совет по космическим исследованиям при Академии наук СССР (далее – МНТС по КИ)». Вся международная деятельность по вопросам космоса между СССР и США официально проходила через Академию наук СССР и НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства, NASA) США,

[1] *Маров М.Я.* Слово об Учителе: академик Мстислав Всеволодович Келдыш. М., 2021; Георгий Николаевич Бабакин // Вестник НПО им. С.А. Лавочкина. 2019. № 4 (46). С. 3–5.

поэтому документы МНТС по КИ наиболее полно иллюстрируют развитие событий с позиции Советского Союза.

С чего же началось это сотрудничество? Когда страны, находящиеся по разные стороны баррикад холодной войны, пришли к его необходимости? И в чем оно заключалось? Центром единения двух космических держав стала Организация Объединенных Наций: запуск первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. и полет Юрия Гагарина 12 апреля 1961 г. обозначили, что обратного пути нет – человечество создало такие силы, которые способны либо вывести его развитие на качественно новый уровень, либо полностью уничтожить. 13 декабря 1958 г. во время XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН был учрежден Специальный комитет по использованию космического пространства в мирных целях, в состав которого вошли представители 18 стран[2]. Основной целью его деятельности была провозглашена организация международного сотрудничества по исследованию и использованию космического пространства как продолжение успешного опыта Международного геофизического года на постоянной основе.

Нельзя сказать, что работа этого комитета по сплочению разных стран мира складывалась беспрепятственно: как и в других сферах международных отношений конца 1950-х гг., внутри комитета сформировалось два основных блока государств – лояльные СССР, либо США. На рубеже 1950–1960-х гг. эта биполярность в космических вопросах объяснялась тем, что только два государства в мире имели развитую ракетно-космическую промышленность с полным циклом работ – от производства ракет до стартовых площадок и систем наблюдения за полетом.

В международной космической практике, несмотря на первенство Советского Союза, сложилась крайне неприятная для него ситуация: Америка к концу 1961 г. нарастила определенную сеть сотрудничества более чем с двадцатью странами по расположению на их территории станций слежения за полетами искусственных спутников Земли[3]. К примеру, такие станции в 1960–1961 гг. появи-

---

[2] На момент создания в комитет вошли следующие государства: Австралия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Индия, Иран, Италия, Канада, Мексика, Объединенная Арабская Республика, Польша, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США, СССР, Франция, Чехословакия, Швеция, Япония. В 1959 добавились Австрия, Албания, Болгария, Венгрия, Ливан, Румыния; в 1961 – Марокко, Монгольская Народная Республика, Сьерра-Леоне, Чад.

[3] Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 175.

лись в провинции Магальянес (Чили), в южной части острова Гран-Канария (Испания), в районе г. Гуаймас (Мексика) и т.д[4]. Эти станции, расположенные на территории финансово зависимой от США Латинской Америки, могли преследовать (а по сути и преследовали) военные функции. В сложившейся ситуация США могли претендовать на роль проводника в престижном деле международного сотрудничества по космическим вопросам, тем самым поставив под угрозу первенство СССР. Допустить этого было нельзя.

Советско-американскому сотрудничеству в космической сфере предшествовало налаживание научно-культурных обменов между этими двумя странами в рамках так называемого «соглашения Лейси – Зарубина». Еще 27 января 1958 г. посол СССР в США Георгий Николаевич Зарубин и специальный помощник госсекретаря США Уильям Лэйси подписали «первое в истории советско-американских отношений межгосударственное соглашение»[5] о развитии научных и культурных связей между двумя странами, в первую очередь, в области обмена специалистами. Результатом этих договоренностей стали обменные гастроли творческих коллективов, обмен художественными и документальными фильмами, спортсменами, студентами, преподавателями, научный обмен и т.д. С одной стороны, могло создаться впечатление, что «тягостные годы “холодной войны” уходят в историю»[6], но это было не так. Каждая из сторон преследовала цель на первый план выставить успехи своей страны, придерживая соперника: к примеру, показы советских фильмов в Америке организовывали в неудобное время и в отдаленных кинотеатрах, а при устройстве американской выставки 1959 г. в Сокольниках ЦК КПСС предписал столичным властям и прессе «предотвращать какие-либо проявления нежелательного ажиотажа», «проявлять сдержанность при освещении работы выставки»[7]. Но при политических трудностях всё же обе страны пошли на относительное сближение культур.

Соглашение 1958 года о научно-культурных обменах продлевали каждые два года, и после пролонгации на межгосударственном уровне соответствующие договоренности подписывали уже ответственные представители стран по научному и культурному направлению. Если верить более поздним официальным обращениям Н.С. Хрущева к американской стороне, то именно в 1958 г. СССР предпринял

---

4 РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 177–181.

5 *Иванян Э.А.* Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007. С. 342.

6 Там же. С. 345.

7 Там же. С. 360.

первую попытку объединить свои усилия с главным противником в деле мирного использования космоса, но безуспешно[8].

Вторая такая попытка СССР последовала в ответной телеграмме на поздравления президента США по случаю полета Юрия Гагарина: 30 апреля 1961 г. Н.С. Хрущев «выразил пожелание, "чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты работали совместно в деле освоения космоса, рассматривая освоение космоса как часть великой задачи создания мира без оружия и войн"»[9]. Но и этот шаг не вызвал ответного импульса.

Работа комитета ООН по космосу изначально была рассчитана на 1960 и 1961 гг., но в конце 1961 г. ООН заключила, что продлевает его полномочия до 31 марта 1962 г. – срок, к которому страны должны были осуществить практические шаги в сотрудничестве, в первую очередь, в вопросах организации спутниковой связи, развития метеорологии, космического права и по предоставлению государствами информации по регистрации запусков летательных аппаратов в космос. 20 декабря 1961 г. на XVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция о международном сотрудничестве в использовании космического пространства в мирных целях. Эту резолюцию, подготовленную «с участием Советского Союза на основе договоренности с американцами»[10], поддержали все 24 государства, входившие тогда в состав Комитета.

Важным моментом выступает тот факт, что страны, объединившиеся в 1958 году в Специальный комитет по космосу ради установления международного сотрудничества, после долгих переговоров и неоднократного продления полномочий комитета должны были, наконец, воплотить в реальность это сотрудничество к концу марта 1962 г., то есть к следующей сессии заседаний. В противном случае под сомнение попадала не только легитимность существования комитета по космосу при ООН, но и сама реальность прийти к консенсусу в вопросах мирного космоса.

Развитие международного сотрудничества по космосу в те годы по версии ООН предполагало следующие направления:

- сбор и обмен информацией, получаемой с помощью космических аппаратов;

---

[8] Борьба СССР за мирное использование космоса, 1957–1985: Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 1. М., 1985. С. 51.

[9] Там же.

[10] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 51.

- проведение под эгидой ООН в 1967 г. международной юбилейной конференции по вопросам исследования космического пространства;
- обучение и подготовка иностранных студентов и аспирантов по дисциплинам, связанным с изучением космоса;
- организация полигона в Индии и установление руководства ООН над ним[11].

Предваряя положительный исход по принятию будущей резолюции, 4 декабря 1961 г. по поручению председателя Комиссии при Президиуме Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам Д.Ф. Устинова начался активный сбор мнений и предложений заинтересованных ведомств по поводу участия Советского Союза в организации международного сотрудничества по мирному космосу. К середине января 1962 г. МНТС по КИ при АН СССР собрал все поступившие предложения в один общий проект, который содержал, в основном, пожелания по использованию искусственных спутников Земли для метеорологических целей и организации связи[12].

21 февраля 1962 г., через день после возвращения из космоса первого американского астронавта Джона Гленна, генеральный секретарь СССР Никита Сергеевич Хрущев поздравил с этим достижением президента США Джона Кеннеди и предложил «объединить усилия в исследовании Вселенной»[13]. Ответ Кеннеди не заставил себя ждать: буквально на следующий день он позвонил Хрущеву и «сказал, что дал указание своей администрации подготовить предложения по возможным совместным действиям»[14], а к 7 марта эти предложения были сформулированы в письме Джона Кеннеди к Никите Хрущеву. Возможности для сотрудничества по американской версии сводились к использованию возможностей искусственных спутников Земли (создание международных спутниковых систем сверхдальней связи, совместной метеорологической спутниковой системы, карт магнитного поля Земли и системы радиопрослеживания запускаемых спутников) и «обмене знаниями в области кос-

[11] (РГАНТД). Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 34 (подр. об организации полигона см.: *Батченко В.С.* Начало международного сотрудничества СССР и Индии в сфере космических исследований // К.Э. Циолковский. История и современность. Материалы 57-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К.Э. Циолковского. Калуга, 2022. С. 186–188).

[12] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 1–22.

[13] *Батурин Ю.М.* От Жюля Верна до миссий «Аполлонов» (как принималось решение о высадке на Луну) // Пилотируемые полеты в космос. 2019. № 3. С. 110.

[14] Там же.

мической медицины»[15]. Также президент США был готов к более широкому сотрудничеству, о чем упомянул в своем письме. Вкратце послание Кеннеди Хрущеву было опубликовано в «Правде» 22 марта 1962 г. в качестве сопровождения к ответу на него советского лидера. Обратим внимание, что ответ Н.С. Хрущева (датируется 20 марта), как и более раннее послание Д. Кеннеди в «Правде» напечатали на первой полосе, а днем ранее, 21 марта президент США дал пресс-конференцию, на которой заявил, что получил ответное послание Хрущева и «удовлетворен тем, что этот ответ свидетельствует о наличии ряда вопросов, представляющих общий интерес»[16]. Таким образом, новость о налаживании сотрудничества с Америкой «по вопросу изучения и использования космического пространства»[17] стала достоянием общественности, не будучи спрятанной за завесу строгой секретности, а руководители двух соперничающих держав пришли к единому мнению, что пора начинать совместные работы в космосе.

Судя по опубликованному ответу Хрущева, в дополнение к предложениям американской стороны, Советский Союз был заинтересован в упорядочении юридических вопросов, «которые могут возникнуть в связи с исследованием и использованием космического пространства»[18]. Советский лидер обратил внимание на то, что, во-первых, необходимо совместно выработать соглашения об оказании помощи в поисках и спасении космонавтов, терпящих бедствие на территории других государств, и скорейшем возвращении их на Родину. А, во-вторых, призвал договориться о недопустимости засорения космоса, создания помех передвижению космических аппаратов в космосе и других подобных действиях: «Может быть, надо предусмотреть, что те эксперименты в космическом пространстве, которые могут затруднить исследование космоса другими странами, должны быть предметом предварительного обсуждения и согласования на соответствующей международной основе»[19]. Очевидно, Н.С. Хрущев имел в виду крупномасштабные военные эксперименты в космосе, проводимые США в начале 1960-х гг., например, «Вест-Форд», в ходе которого в космическое пространство многократно выводилось несколько миллионов медных иголок-диполей для создания искусственного пояса вокруг Земли[20]. СССР тогда был в чис-

---

[15] Правда. 1962. № 81. 22 марта.
[16] Цит. по: Правда. 1962. № 82. 23 марта.
[17] Правда. 1962. № 81. 22 марта.
[18] Цит. по: РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 127.
[19] Правда. 1962. № 81. 22 марта.
[20] Подр. об этом: *Батченко В.С.* Военный проект США «Вест-Форд»: взгляд из СССР (1961–1963 гг.) // Исторический архив. 2022. № 1. С. 5–33.

ле стран, выступивших против реализации этого проекта, и именно вопрос о недопустимости засорения космоса, и проект «Вест-Форд» в частности, стал одним из камней преткновения во взаимоотношениях двух стран по вопросам космоса[21]. Кроме этого, США систематически проводили ядерные взрывы под землей и в космосе, вопрос ядерного разоружения не сходил с повестки дня на заседаниях ООН и требовал международного правового обрамления.

Ответное письмо Хрущева вызвало одобрение не только у Кеннеди, но и в Комитете ООН по космосу, и во всем мире: 21 марта на заседании Комитета представители многих стран подчеркнули исключительность этих шагов лидеров двух держав, делегацию СССР пригласили в представительство США при ООН для начала обсуждения конкретных предложений, а на страницах некоторых газет (например, в Японии) «все центральные газеты»[22] отвели первые полосы этой новости.

Далее события развивались не менее форсировано: уже 27–30 марта в Нью-Йорке во время очередной сессии Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях[23] состоялись переговоры представителей двух стран, в ходе которых были изложены предложения двух стран по направлениям предполагаемых совместных исследований[24]. Делегацию от СССР возглавлял Анатолий Благонравов как председатель открытой Комиссии по исследованию и использованию космического пространства при АН СССР. Тогда же обе стороны пришли к выводу, что необходима еще одна встреча, но уже с привлечением дополнительных экспертов с той и другой стороны.

В июне 1962 г. президент АН СССР Мстислав Всеволодович Келдыш и президент Национальной АН США Детлев Бронк согласовали очередную программу «обмена учеными, специалистами различных областей науки, рассчитанную на два года»[25], в которую входило также ознакомление с научно-исследовательскими работами и посещение исследовательских центров. И тогда же, представители от обеих стран, наконец, подписали «Двустороннее соглашение о сотрудничестве в изучении космических проблем» между Академией наук СССР и НАСА США[26]. Спустя десятилетие, в мае 1972 г. подписание

---

[21] *Ezell E., Ezell L.* The Partnership. A History of the Apollo-Soyuz Test Project. Washington D.C., 1978. P. 43.
[22] Правда. 1962. № 83. 24 марта.
[23] Сессия проходила с 19 по 29 марта 1962 г.
[24] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 103–104.
[25] Правда. 1962. № 163. 12 июня.
[26] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 215, 220.

нового соглашения между двумя странами также состоялось следом за очередным продлением договора «об обменах и сотрудничестве в области науки, техники, образования, культуры и в других областях»[27]. Этот факт лишний раз свидетельствует о том, что отношения по космосу формально увязывались с договоренностями о научно-культурных обменах между СССР и США.

Параллельно этому сближению между Советским Союзом и Америкой на тот момент стояла проблема ядерного разоружения, Берлинский кризис, Кубинская революция и другие реалии холодной войны, а в день подписания соглашения, 8 июня, военные США произвели очередной ядерный взрыв в атмосфере[28]. Исследователь Ю.М. Батурин отмечает устойчивость тенденции к двустороннему сотрудничеству между СССР и США: ни та, ни другая сторона в 1961–1962 гг. и далее не отказывалась от программы совместных исследований в космосе. Безусловно, обе стороны понимали выгоду от такого сотрудничества – как политическую, так и научную для своих стран.

Начало двусторонних отношений между СССР и США по космосу послужило катализатором к формированию состава и круга ответственности Комиссии по исследованию и использованию космического пространства при АН СССР. Дело в том, что с сентября 1960 г. она вошла в состав МНТС по КИ как несекретная комиссия по международным связям[29], которые на тот момент носили, по сути, локальный характер. Общемировая тенденция на объединение усилий по изучению космоса и договор с США привели к тому, что 4 июля 1962 г. Президиум АН СССР утвердил списочный состав комиссии, делегируя ей подготовку предложений по международному сотрудничеству, популяризацию за рубежом успехов СССР и международную переписку по вопросам космического сотрудничества[30]. Таким образом, двустороннее соглашение СССР и США 1962 года стало одним из этапов формирования будущего совета «Интеркосмос».

С момента подписания соглашения между научными учреждениями двух стран – а по сути, между двумя странами – установилось сотрудничество по нескольким направлениям:

- обмен данными, полученными с метеорологических спутников по специальному прямому каналу связи между метео-

[27] Борьба СССР за мирное использование космоса. С. 321.
[28] Правда. 1962. № 161. 10 июня.
[29] Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М., 2011. С. 290.
[30] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 23. Л. 185–187.

рологическими центрами в Москве и Вашингтоне – канал «Москва-Вашингтон»;
- сотрудничество в области космической биологии и медицины, – издание совместного многотомного труда «Основы космической биологии и медицины»;
- обмен техническими специалистами в области изучения технологии слежения за дальним космосом.

Первой стартовала программа по космической биологии и медицине.

ПОДГОТОВКА СОВМЕСТНОГО НАУЧНОГО ТРУДА «ОСНОВЫ КОСМИЧЕСКОЙ БИОЛОГИИ И МЕДИЦИНЫ»

В рамках двустороннего соглашения о сотрудничестве в начале 1960-х гг. между НАСА США и Академией Наук СССР началась долгая совместная работа по подготовке и написанию научного труда «Основы космической биологии и медицины». Как таковая, отрасль науки «космическая биология и медицина» на тот момент являлась совершенно молодой: зародилась она в ходе работ авиационных медиков по исследованию влияния верхних слоев атмосферы на живые организмы в конце 1940-х гг. как в Америке, так и в Советском Союзе. И сам факт издания научного труда, подготовленного специалистами-родоначальниками этой новой науки, конечно, представлял собой престижное и значимое явление.

Мотивы подготовки к изданию совместного труда именно в этой отрасли отвечали лоббированию НАСА собственных интересов. Известно, что в Америке Законом об аэронавтике и космосе 1958 г. космонавтика делилась на гражданскую и военную, но позиции военных в космонавтике были настолько сильны, что даже вышеупомянутый закон действовал скорее в их интересах, оставляя НАСА научно-исследовательские функции. И несмотря на то, что проект «Меркурий» – это полностью детище гражданского НАСА, военно-воздушные силы США в конце 1950-х – начале 1960-х гг. считали пилотируемую космонавтику своей стезей и активно составляли планы военной пилотируемой космической программы[31]. В 1961 г. в Научном консультативном комитете при Президенте разразилась критика проекта «Меркурий» из-за того, что его космическая программа не-

[31] *Pitts J.A.* The human factor: Biomedicine in the Manned Space Program to 1980. Washington, 1985. P. 97.

достаточно ориентирована на науку, в связи с чем был инициирован ряд расследований управления этим проектом[32]. В конце 1961 – начале 1962 гг. в космической программе США разгорелся, так называемый, «кризис биоастронавтики», суть которого заключалась, с одной стороны, в критике НАСА общественностью и академическими институциями за недостаточные научные исследования по проекту «Меркурий», а, с другой стороны, выявляла обеспокоенность военных в связи с тем, что НАСА, наоборот, ведет слишком активную деятельность по биоастронавтике, чем подрывает авторитет военных исследований в этой области[33].

В долгосрочной перспективе и НАСА, и Академии наук требовались фундаментальные исследования в области космической биологии и медицины, способные внедрить знания из разных областей наук в космические разработки. Но для НАСА факт научного сотрудничества с Советским Союзом именно в этом направлении означал укрепление собственных позиций перед военными, как в науке, так и в пилотируемой космонавтике. Любопытно, что между Америкой и Советским Союзом многим ранее уже происходили попытки научного обмена именно в области космической медицины и биологии. По воспоминаниям А.Р. Котовской, в те годы сотрудницы Института авиационной и космической медицины, в феврале 1959 г. «по инициативе американцев»[34] в Президиуме Академии медицинских наук РАН прошла встреча советских и американских ученых. На этой встрече глава американской делегации доктор медицины, бригадный генерал ВВС США Дон Фликинджер «прочитал доклад о системе подготовки человека к полету в космос и показал слайды»[35]. По соображениям секретности советской делегации запрещено было устраивать обсуждение и, тем более, доложить о своих разработках, но вопросы ученые задавали, и по их характеру и постановке было ясно, что они тоже работают над схожими темами. В конце 1950-х гг. научного диалога не сложилось, хотя советские космические медики признали эту встречу очень важной и полезной для дальнейшего дела.

К изданию планировалось два-три тома с научным обзором «основных достижений и проблем космической биологии и медицины за последние десять лет, включая аспекты будущего развития в этой области»[36], и вся работа по написанию этого труда рассматривалась

---

[32] *Pitts J.A.* The human factor: Biomedicine in the Manned Space Program to 1980. P. 92.
[33] Там же.
[34] Академик Олег Георгиевич Газенко в воспоминаниях коллег, друзей и родных. М., 2011. С. 62.
[35] Там же.
[36] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 105.

в двусторонних соглашениях между СССР и США как «первый шаг к дальнейшему сотрудничеству»[37].

В ходе общения и переписки главными действующими лицами предстали: от США заместитель директора (администратора) NASA Хью Драйден, от СССР – заместитель председателя Междуведомственного научно-технического совета по космическим исследованиям (МНТС по КИ) АН СССР Анатолий Аркадьевич Благонравов. Конечно, МНТС по КИ тогда был строго засекреченной организацией, и официально НАСА контактировал с Комитетом по исследованию и использованию космического пространства АН СССР, которым руководил А.А. Благонравов. Эта комиссия специально была создана при Академии наук для открытой деятельности в сфере космических исследований. Мстислав Келдыш же официально фигурировал как Президент АН СССР, хотя по существу имел непосредственное отношение к делу, как председатель МНТС по КИ.

Заметим, что сам факт такого уровня сотрудничества приравнивает советский МНТС по КИ к американскому NASA в плане компетенций для решения подобных вопросов, и как организации, решавшей политику развития гражданских исследований в космическом пространстве.

В принятии столь важных международных решений, как начало научного сотрудничества с США по вопросам космических исследований, МНТС по КИ не был самостоятельным. Решения принимались после согласования с такими высокими правительственными инстанциями как Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, союзное Министерство здравоохранения и пр.

Конечно, это был не первый опыт международного научного сотрудничества, но в области космических разработок прецедентов пока не возникало. Как и всегда, требовалось сперва создать редакционную коллегию для начала работы авторов, распределения тем и нагрузки. Из-за щепетильности в характере взаимоотношений двух стран, вместо одного председателя редакционной коллегии, для работы над «Основами» назначили двух сопредседателей – от СССР в роли такового выступил академик Норайр Сисакян, на тот момент признанный специалист в области космической медицины, непосредственно участвовавший при разработке первых принципов отбора в космонавты и далее не оставивший вопросов подготовки космонавтов к полетам.

[37] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 105.

Если официально начало работ двух сторон положено «Двусторонним соглашением о сотрудничестве в изучении космических проблем» между Академией наук СССР и НАСА США от 8 июня 1962 г.,[38] то далее вся работа представляла собой череду дипломатических переговоров, на которых обе стороны сглаживали острые углы сотрудничества. В основном, все переговоры стороны проводили в ходе работы научно-технического подкомитета Комиссии ООН по использованию космического пространства в мирных целях.

В тексте второго соглашения таился камень преткновения для организации работы двух групп, на решение которого потребовалось несколько стадий переговоров. Чтобы начать распределять объем работы для авторов двух стран, требовалось определить, каким образом будет происходить написание глав – переговоры по этому вопросу состоялись в июне 1964 г. в Женеве. Американская сторона предлагала работу между авторами не делить, а писать главы параллельно, и в таком же порядке их публиковать. То есть по оглавлению, в конечном варианте, были бы представлены две вариации текстов на одну и ту же тему: подготовленный советскими учеными и подготовленный американскими. Советскую сторону не устроил такой подход – во избежание дублирования информации наша делегация добивалась распределения глав между авторами США и СССР[39]. Но боязнь дублирования информации в главах – это была официальная версия, озвученная в переписке с НАСА. Тем временем, в официальном решении Междуведомственной комиссии по проблемам медико-биологического обеспечения космических полетов при Минздраве СССР причина возражения иная:

«По-видимому, Американская сторона преследует этим прежде всего политические цели, а не научные соображения, что может поставить нас в ряде вопросов в невыгодное положение, в частности, в освещении проблем экологии, отбора и подготовки космонавтов, а также создания искусственной среды обитания, и может быть, ряда других.

Правильной научно-принципиальной линией нужно считать возможность широкого охвата авторами статей (глав труда) всех достижений мировой науки в области медико-биологического обеспечения космических полетов и освоения космического пространства без замыкания в более узкие рамки национальных масштабов»[40].

То есть, если в ситуации, когда по одной и той же теме главы писали отдельно советские и американские специалисты, неизбежно

[38] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 215, 220.
[39] Там же. Л. 61.
[40] Там же. Л. 43.

одни должны были бы писать о советском подходе и опыте в изучении определенной тематики, а другие – об американском. Одни были готовы к этому, а другие – никак нет. И в этом вопросе советская сторона отчасти выиграла. Не для протокола СССР считали, что в основу распределения нагрузки по главам должно лечь правило – по трети от общего объема должны предоставить СССР и США и не более трети от ученых других стран[41]. Основное преимущество отдавалось странам-участницам соглашения по написанию труда, но желательным было участие и ученых других стран, которые могли бы к основной главе предоставить свои небольшие тексты «с изложением как личной точки зрения, так и критических замечаний по материалам основной статьи»[42].

В октябре 1964 г. на следующих переговорах в Нью-Йорке американская сторона пошла на встречу и смирилась с советской формулой работы, но с условием, что предварительно обе стороны будут предоставлять материалы для написания глав, а по сути – делиться наработками[43]. Конечно, советская делегация, оказавшись в плену режима секретности, не спешила выкладывать данные о своих научных разработках в области космической медицины и биологии, и для начала требовала установить степень объема и характера материалов, которыми предстояло делиться. Формулировка, предложенная США для внесения в текст соглашения была одновременно и лаконичной, и пространной: «Материал будет таким, что позволит автору любой страны без труда написать главу, используя работы советских и американских ученых по данной теме. После получения или обмена обзорами по каждой из тем редакционная коллегия назначит автора или авторов данной главы»[44]. Несколько точнее звучала советская версия, в которой составители от каждой страны должны были предоставить информационные материалы (с приложением опубликованных трудов по теме) в трех экземплярах (для обеих стран и в мировой банк данных). Также в случае отсутствия прогресса в работе американская сторона предлагала приостановить работу по подготовке научного труда: таким образом, американцы демонстрировали свои опасения, «что советская сторона не представит в срок соответствующий информационный материал»[45]. В противовес советская сторона оставляла возможность

[41] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 64.
[42] Там же.
[43] Там же. Л. 61.
[44] Там же.
[45] Там же. Л. 214.

разрешения конфликтов с информированием «соответствующих компетентных органов»[46].

Тогда же, в октябре 1964 г. на очередной сессии ООН по космосу, СССР «в целях расширения контактов между советскими и американскими учеными»[47] предложил наладить обмен монографиями и оттисками работ по космической биологии и медицине, а также «провести в 1965 году совместный симпозиум по проблеме влияния на организм невесомости»[48]. Также к середине 1960-х гг. установился научный обмен между Академией наук СССР и Национальной Академией наук США[49]. Американским ученым выдавали инструкции по составлению отчетов о поездках в СССР – одна такая инструкция попала советской стороне, была переведена и разослана по институтам для сведения при работе с американскими специалистами[50].

Второе соглашение после всех согласований с обеих сторон планировалось к подписанию ближе к середине 1965 г.: либо во время сессии научно-технического подкомитета Комитета ООН по космосу, либо на симпозиуме КОСПАР в Аргентине[51]. Но научным связям помешала политика: 2 марта 1965 г. США начали активное наступление на Вьетнам. В данной ситуации Советское правительство считало единственно верным приостановить все двусторонние соглашения с Америкой, в том числе, по вопросам космоса. По вопросу продолжения двусторонних соглашений официально высказался ЦК КПСС – его решением от 22 мая 1965 г. в НАСА было направлено письмо «о нецелесообразности в настоящее время продолжать обсуждение вопросов по сотрудничеству между АН СССР и НАСА по мирному использованию космического пространства»[52].

Подписание договора о подготовке и издании совместного труда состоялось только 8 октября 1965 г. в Нью-Йорке: от Академии наук СССР его подписали академик А.А. Благонравов, А.А. Ничипорович и Ю.Г. Григорьев, а от НАСА – Джон Таунсенд младший (Хью Драйден уже находился при смерти), А. Фраткин, Р. Краусс и О. Рейнолдс[53]. По плану этого соглашения работа над «Основами» начиналась 1 января 1966 г. с образования редакционной коллегии, предусматривала уже к 1 июня 1967 г. представление окончательных

---

[46] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 62.
[47] Там же. Д. 71. Л. 81.
[48] Там же.
[49] Там же. Д. 133. Л. 77.
[50] Там же. Л. 77–80.
[51] Там же. Д. 106. Л. 24.
[52] Там же. Л. 121.
[53] Борьба СССР за мирное использование космоса. С. 362–365.

вариантов рукописей всех глав, а в 1967–1968 гг. опубликование всех томов совместного исследования[54]. Работа над «Основами» во многом заложила базу будущего взаимодействия СССР и США в космосе – многочисленные переговоры и согласования в процессе решения как основных, так и сопутствующих вопросов, выявили общие точки соприкосновения, дали повод «полнее и лучше узнать друг друга, глубже ознакомиться с наукой, культурой и традициями»[55] обеих сторон.

В конечном итоге все три тома издания (4 книги – второй том уместился в две книги) вышли в свет в 1975 г. – в год совместной советско-американской программы «Экспериментальный полет “Аполлон – Союз”» (ЭПАС). Редакторами томов выступили от советской стороны Олег Георгиевич Газенко, с американской – Мелвин Кальвин. Выпуск посвятили памяти А.А. Благонравова и Х. Драйдена, «положивших начало сотрудничеству в области изучения и использования космоса в мирных целях»[56] между двумя странами. Таким образом, «Основы» стали своеобразным памятником началу взаимоотношений СССР и США по космосу, работа над которым заняла 13 лет и дала обеим странам колоссальный опыт научного сотрудничества.

РАЗВИТИЕ МЕТЕОРОЛОГИИ И МАГНИТНЫЕ ДАННЫЕ О ЗЕМЛЕ – КАНАЛ СВЯЗИ МОСКВА-ВАШИНГТОН

Заметим, что отправной точкой для организации метеорологической системы и системы дальней радиосвязи с использованием искусственных спутников Земли стали далеко не двусторонние соглашения Советского Союза и Америки. Обе страны задолго до сотрудничества друг с другом наметили свой путь развития этих направлений: так, в СССР еще в октябре 1961 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров было решено в 1962–1963 гг. создать экспериментальные системы метеорологии, дальней и служебной связи для нужд разведки, обороны и народного хозяйства[57]. В начале 1962 г.

---

[54] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 223.

[55] Основы космической биологии и медицины. Совместное советско-американское издание в трех томах. Т. 1. М., 1975. С. 10.

[56] Там же. С. 5.

[57] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии работ по искусственным спутникам Земли оборонного назначения» от 30 октября 1961 г. (Советский космос. Специальное издание к 50-летию полета Юрия Гагарина. М., 2011. С. 433–450).

СССР начал запускать разведывательные спутники «Зенит» для фотографирования территорий Америки и других стран. Большое число спутников военного назначения запускали США. Возникает вопрос – помогло ли делу организации этих систем сотрудничество с главным политическим противником. Скорее, это привело к разделению фронта работ: часть отводилась на открытую совместную деятельность с американцами, а проекты по спутникам оборонного назначения осуществляли по засекреченным каналам. Обратимся к первым работам по организации спутниковых систем, которые совместно проводили советские и американские специалисты.

В области организации космической связи в феврале-марте 1964 г. через американский спутник связи «Эхо-2» было проведено «34 сеанса связи между английской обсерваторией в Джодрел Бэнк и обсерваторией Горьковского университета в Зименках»[58] с использованием как самого спутника, так и поверхности Луны в качестве пассивных ретрансляторов. Такие эксперименты связи через Луну проводились еще с 1948 года, и их успех зависел от одного условия – поверхность Луны должна одновременно хорошо просматриваться с обеих точек связи[59]. Так и в 1964 г. Луна выступила своеобразным радиозеркалом. Программа работ по спутнику «Эхо-2» дала возможность американским ученым наблюдать те этапы запуска спутника, которые происходили над территорией, контролировавшейся СССР[60]. Наблюдение за спутником с последующей передачей результатов организовывал Астрономический совет АН СССР. Во время переговоров в Женеве в мае-июне 1964 г. уже американцы предлагали совместное сотрудничество между нашими странами по исследованию Луны «с помощью приборов, доставляемых на ее поверхность и в район Луны»[61]. Но осенью того же года во время очередных двусторонних встреч в Нью-Йорке американцы этот вопрос не поднимали, промолчала и наша сторона[62].

В 1965–1966 гг. между СССР и США мог состояться эксперимент по двусторонней связи между обеими странами посредством спутника «Молния-1». Это был первый советский спутник связи, разработки которого проводились на базе ОКБ-1 с 1961 года. С лета 1964 г. запуски спутника сопровождались неудачами, а в 1965 г. в прессу попали материалы о том, как «представители Советского Союза сооб-

---

58 Десять лет космических исследований. М., 1967. С. 22.

59 *Kolesnikov Yu.V., Glazkov Yu.N.* A spaceship in orbit. Mir Publishers, 1984. P. 114.

60 *Базыкин В.В.* Искусственные спутники Земли и другие космические объекты. М., 1966. С. 44.

61 РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 47.

62 Там же. Л. 96.

щили французским и японским ученым о возможности проведения экспериментов в области связи при помощи второго спутника "Молния-1"»[63]. Первый успешный запуск прошел в апреле 1965 года, а предложение о возможном проведении совместных экспериментов от американского НАСА в адрес заместителя министра связи СССР Ивана Васильевича Клокова поступило в начале мая 1965 г..[64] Переписка велась между А.А. Благонравовым (АН СССР) и Хью Драйденом от НАСА. Для проведения эксперимента от СССР требовалось сообщить рабочие частоты спутника, вид модуляции и орбитальные данные. Но Советский Союз отказался от эксперимента, мотивируя свой отказ «проведением США активной агрессивной политики»[65]. Вероятно, здесь сыграл роль фактор неготовности раскрытия данных о спутнике, а также тот факт, что СССР не готов был расширять сотрудничество с Америкой, как своим главным политическим противником.

К концу 1964 г. между Москвой и Вашингтоном был установлен «прямой дуплексный круглосуточный проводной канал связи для передачи метеорологической спутниковой и обычной метеорологической информации»[66], – пробные передачи связи по каналу начались с октября месяца. В Москве абонентом связи по каналу выступала Гидрометеорологическая служба СССР, а в Вашингтоне – Метеорологическое бюро США. Они стали Мировыми центрами сбора и хранения данных (центр «А» в Вашингтоне и центр «Б» в Москве), между которыми со временем наладился «оперативный обмен данными метеоспутников, а также результатами ракетного зондирования»[67]. Трасса прохождения канала была организована, согласно протоколу о канале, по маршруту Москва – Варшава – Берлин – Франкфурт – Лондон – Вашингтон[68].

Каждая из сторон самостоятельно и за свой счет оборудовала аппаратурой свои центры приема и передачи сигналов. Но по результатам первых сеансов выяснилось, что советская аппаратура значительно уступала по скорости передачи данных американской: в те годы сигнал передавался с помощью электромеханических печатных машин – телетайпов, и с советской стороны скорость телетайпной

---

63 РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 133. Л. 4.
64 Там же.
65 Там же. Л. 2.
66 Там же. Д. 71. Л. 38.
67 «Союз» и «Аполлон»: рассказывают советские ученые, инженеры и космонавты – участники совместных работ с американскими специалистами. М., 1976. С. 15.
68 РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 102.

работы не превышала 50 бод[69], что представляло собой крайне низкие показатели передачи сигнала и затрудняло «дальнейшее использование материала при вводе его в электронные вычислительные машины»[70]. Во время проведения двусторонних переговоров осенью 1964 г.[71] – как раз после пробных сеансов связи по каналу – американцы предложили приобрести аппаратуру, способную обеспечить скорость в диапазоне 750–1200 бод у одной из своих радиокорпораций[72]. То есть советская аппаратура на тот момент уступала американской по скорости передачи сигнала в десятки раз.

2 ноября, во время проведения той же сессии, американцы организовали несколько тематических визитов советских ученых в лаборатории Центра космических полетов им. Годдарда (НАСА): им показали цех, в котором на тот момент осуществлялся монтаж геофизического спутника, установки для создания однородного магнитного поля, вычислительный центр по обработке магнитных данных с машиной для автоматического черчения магнитных карт[73], а также лабораторию, «занимающуюся биологическими проблемами»[74]. Позже ответные визиты организовала и советская сторона.

ЕВПАТОРИЯ-ГОЛДСТОН – СЛЕЖЕНИЕ ЗА ДАЛЬНИМ КОСМОСОМ

В ноябре 1964 г. в период сессии Комитета ООН представители США предложили советской делегации во главе с Анатолием Благонравовым обменяться визитами делегаций технических специалистов СССР и США[75]. Месяцем позже в письме от заместителя директора НАСА Хью Драйдена последовало разъяснение, что обмен специалистами планируется для знакомства с аппаратурой слежения за спутниками, «за дальним космосом и сбора данных»[76]. От американской стороны Драйден озвучил предложение организовать делегацию в составе 10 человек, в которую планировалось включить «директора отделения по слежению за спутниками и сбору данных и техников из руководящего центра и лабораторий НАСА»[77]. Официальными точ-

---

[69] Единица измерения скорости передачи сигнала через телетайп.
[70] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 90.
[71] Переговоры состоялись во время проведения очередной сессии Комитета ООН по космосу в Нью-Йорке с 26 октября по 5 ноября 1964 г.
[72] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 71. Л. 90.
[73] Там же. Л. 92.
[74] Там же. Л. 95.
[75] Там же. Д. 106. Л. 112.
[76] Там же. Л. 4.
[77] Там же.

ками интереса были обозначены Евпатория (Крым, СССР) и Голдстон (Калифорния, США). Но не только: также НАСА интересовала демонстрация реального применения этого процесса, желательно, на базе «центров контроля полетов»[78], – иными словами, центров управления полетами. Для удовлетворения такого технологического любопытства, Советский Союз должен был предоставить доступ к устройствам передачи и контроля данных по полетам, ко всей цепочке операций, связанных со слежением и контролем за дальним космосом, вплоть до обработки полученных данных телеметрии[79].

Сперва такой тип сотрудничества представителям советских ведомств показался совсем непривлекательным. Засекреченность и закрытость в самых негативных оттенках – первое, что приходит на ум. Но рассуждения председателя Научно-технического комитета Генштаба Вооруженных сил СССР, будущего заместителя министра обороны СССР генерал-лейтенанта Николая Николаевича Алексеева об отказе американцам в таком сотрудничестве проливают свет на истинные мотивы закрытости советской стороны. Во-первых, тот факт, что в Америке гражданский и военный космос были более-менее разграничены, давал возможность НАСА демонстрировать только гражданские научные объекты, оставляя военные в должной засекреченности.

В СССР дела обстояли иначе: командно-измерительный комплекс в Евпатории являлся единым и выполнял управление объектами гражданского и военного назначения сразу, и его показ неизбежно привел бы «к необходимости ознакомления с общей системой построения линий связи и с командно-измерительным центром в г. Москве»[80], что привело бы к раскрытию всей системы. А, во-вторых, к 1965 году было понятно, что технический уровень США превышает уровень СССР. Николай Николаевич обосновал эту мысль тем, что «производственная база США позволяет более мобильно разрабатывать и внедрять новые средства с использованием последних достижений техники»[81]. В связи с чем неутешителен вывод Н.Н. Алексеева по поводу такого рода обмена специалистами: «Показ имеющихся на евпаторийском пункте измерительных средств сравнительно давней разработки, может отрицательно повлиять на оценку наших космических средств в целом»[82]. Но мнение Алексеева не имело решающего значения в данной ситуации. Днем позже, 16 февраля в МНТС по

[78] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 5.
[79] Там же.
[80] Там же. Л. 85.
[81] Там же.
[82] Там же.

КИ при Академии наук СССР по тому же поводу поступила бумага от Директора НИИ-88 Юрия Александровича Мозжорина, выполнявшего роль одного из главных цензоров всех публикаций на тему освоения космоса Советским Союзом. Юрий Александрович высказался в пользу проведения взаимного обмена специалистами «в целях подкрепления основных положений по мирному использованию космического пространства и обмену результатами научных исследований»[83], но считал, что можно показать только центр в Евпатории, чтобы сохранить сведения о всей системе слежения и ее техническом уровне.

Также по поводу предстоящей встречи высказался заместитель председателя Государственного комитета по радиоэлектронике Сергей Михайлович Владимирский, считая, что по этому поводу нужно провести отдельное заседание МНТС по КИ, и там принять решение[84].

При всех негативных суждениях было очевидно, что нельзя отказываться от этого предложения – отказ мог выставить страну в еще более худшем свете, нежели раскрытие каких-то объектов. В апреле 1965 года Мстислав Келдыш участвовал в совещании в Генеральном штабе ВС СССР по этому вопросу, по итогам которого генерал-лейтенант Н.Н. Алексеев несколько пересмотрел свои позиции, согласившись на сокращенную программу по схеме, предложенной ранее Ю.А. Мозжориным[85].

Учитывая начало американской агрессии во Вьетнаме в начале 1965 года, Советскому Союзу стало сложнее принимать решения о двустороннем сотрудничестве с США по космосу. Политическая составляющая всегда оставалась на первом плане. В начале года еще сохранялась атмосфера научного сотрудничества, главным образом, через научные мероприятия. Любопытен и типичен один из эпизодов научной жизни, который спустя десятилетия раскрывают документы: в апреле 1965 г. советская делегация принимала участие в конференции по природе лунной поверхности в одном из основных центров НАСА – Центре космических полетов имени Годдарда (Goddard Space Flight Center). Тогда двое советских ученых – заместитель директора Абастурманской астрофизической обсерватории В.П. Джапиашвили и сотрудник Института физики Земли АН СССР Б.Ю. Левин выступили на этой конференции с научными докладами, но в задачи делегации входило также возможное ознакомление

[83] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 86.
[84] Там же. Л. 87.
[85] Там же. Л. 114.

«с работой научно-исследовательских организаций, ведущих космические исследования и астрономические исследования тел солнечной системы»[86] и принятие мер «к приобретению фотоматериалов “Рейнджер-7, 8, 9” и астрономических снимков тел солнечной системы крупнейшими телескопами»[87]. Так называемый, научный шпионаж очень широко применялся в те годы всеми странами как раз во время проведения подобных международных конференций и симпозиумов.

Но обменная программа технических специалистов двух держав для организации наблюдения за дальним космосом даже в сокращенном режиме оказалась под угрозой срыва. По вопросу продолжения двусторонних соглашений официально высказался ЦК КПСС – его решением от 22 мая 1965 г. в НАСА было направлено письмо «о нецелесообразности в настоящее время продолжать обсуждение вопросов по сотрудничеству между АН СССР и НАСА по мирному использованию космического пространства»[88].

ЗОНД-2 (МАРС)

Тогда же, в декабре 1964 г. в Радиотехнический институт АН СССР кандидату физико-математических наук Константину Иосифовичу Грингаузу, проводившему тогда исследования в сфере изучения межпланетной плазмы и возглавлявшему соответствующую лабораторию, пришло письмо от доктора Колмана из Центра космической науки Института геофизики и физики планет (Лос-Анжелес, Калифорния, США)[89]. Ссылаясь на недавний успешный запуск советского космического аппарата в сторону Марса – речь идет об автоматической межпланетной станции «Зонд-2» (запуск 30 ноября 1964 г.) – доктор Колман предлагал объединить усилия по изучению пространства между Марсом и Землей, что могло бы привести к получению значимых результатов «значительно раньше и более детально, чем это было бы возможно при сопоставлении данных опубликованных в печати»[90]. Но такие вопросы можно было решить лишь на уровне академий наук двух государств, о чем Константин Иосифович и сообщил в ответном письме Колману[91], –

[86] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 72.
[87] Там же.
[88] Там же. Л. 121.
[89] Там же. Л. 55.
[90] Там же.
[91] РГАНТД. Ф. 213. Оп. 6–6. Д. 106. Л. 59.

по крайней мере, такой ответ отражен в проекте письма, направленном в МНТС по КИ.

Любопытно, что в официальной печати не сообщали напрямую о том, что эксперимент проводился в целях изучения Марса. Также по документам нам известно, что, как минимум, к 10 апреля 1965 г. СССР уже не имел связи с «Зондом-2», но сообщать об этом широкой общественности запрещалось. Например, в директивах советской делегации к предстоящей конференции по природе лунной поверхности (Годдаровский центр, США, 15–16 апреля 1965 г.) сперва предписывалось на вопросы о полете «Зонда-2» отвечать, что «при полете получен материал по физике космического пространства и что в настоящее время "Зонд-2" прекратил активное существование»[92]. Затем на документе фраза про активное существование была перечеркнута и вместо нее вписана рукой Мстислава Келдыша иная установка: «уклониться от ответов на вопросы об активном существовании объекта Зонд-2»[93].

Настолько насыщенным и плодотворным было первое десятилетие совместной работы СССР и США. Специалист по истории космонавтики Кеннет Гэтленд, говоря о сотрудничестве СССР и США в 1960-е гг. указывает на практические результаты в виде прямого канала обмена данными между Москвой и Вашингтоном, эксперименты со связью через пассивный спутник «Эхо-2», обмена данными о земном магнетизме и работы редколлегии «Основ космической биологии и медицины». В то же время автор считает усилия двух стран «ограниченными и незначительными»[94] на фоне более эффектного этапа сотрудничества 1970-х гг. К такой же оценке сотрудничества 1960-х гг. приходят и авторы советского издания, посвященного программе «Союз»-«Аполлон»[95]. Супруги Эзель в своем исследовании пишут о смене общего курса в отношениях двух стран после смерти Хью Драйдена в 1965 г. – с сотрудничества на конкуренцию и соперничество[96] На основании документов НАСА они приходят к выводу, что активному желанию Америки сотрудничать с СССР в 1960-е гг. с советской стороны помешала секретность, не позволявшая раскрыть все «козыри» (в первую очередь, военные объекты), а с американской стороны – материальные ограничения, которые ставил перед НАСА Конгресс. Президент Джон Кеннеди, а после него и Линдон Джонсон тяготели к расширенному сотруд-

[92] Там же. Л. 73.
[93] Там же.
[94] *Гэтланд К.* Космическая техника. М., 1986. С. 185.
[95] «Союз» и «Аполлон». С. 16.
[96] *Ezell E., Ezell L.* The Partnership. A History of the Apollo-Soyuz Test Project. P. 60.

ничеству с СССР вплоть до идеи осуществления совместной пилотируемой экспедиции на Луну, с чем Конгресс США никак не мог согласиться. Точку поставил закон Конгресса об ассигнованиях НАСА на 1964–1966 гг., запрещавший расходы на пилотируемую высадку на Луну, осуществляемую совместно с другими странами без одобрения самого Конгресса[97]. Правда, Эзель пишут о затухании всех сфер сотрудничества до 1970-х гг., что в корне противоречит материалам российских архивов, показывающим продолжение сотрудничества в области космической медицины и биологии.

В начале 1970 года благодаря началу международной разрядки ученые обеих стран уже были нацелены на организацию совместной пилотируемой программы, а в октябре состоялась первая встреча технических специалистов СССР и США по вопросам стыковки. В ходе ее проведения выяснилось, что «корабли "Союз" и "Аполлон" не удовлетворяют ни одному из условий совместимости»[98]. Так стартовали этапы переговоров по ЭПАС. Позже советский журнал «Авиация и космонавтика» цитировал слова директора Центра пилотируемых полетов США Кристофера Крафта о советско-американском сотрудничестве 1970-х гг. и программе ЭПАС: «Многие технические принципы и методики их решения мешали нам не меньше, чем языковой барьер. Но со временем мы научились понимать и доверять друг другу. Мы почувствовали общую ответственность за начатое дело. Космонавтика – на виду у всего мира. Мы обязаны были добиться полного успеха»[99]. В полной мере эти слова можно отнести и к сотрудничеству 1960-х гг.

Позволим себе в заключении не согласиться с мнением уважаемых предшественников: грандиозный успех проекта ЭПАС вырос на ниве проб и ошибок в совместных переговорах, начиная с 1962 года. Шестидесятые годы зачастую преподносятся как годы суровой космической гонки и безапелляционной конкуренции, тогда как именно в то время ученые обеих космических держав пошли на сближение, изучая друг друга, пытаясь найти точки соприкосновения. Несмотря на разговоры и смелые помыслы о совместных полетах на Луну, СССР и США еще не были готовы к столь тесному сближению, как технически, так и политически. Но опыт двустороннего сотрудничества 1960-х гг. заложил фундамент интенсивных и плодотворных работ по программе «Союз» – «Аполлон» в 1970-е гг.

---

[97] *Ezell E., Ezell L.* The Partnership. A History of the Apollo-Soyuz Test Project. P. 56.

[98] Орбиты сотрудничества. М., 1975. С. 106.

[99] *Дятлов Е., Каргополов Ю.* Международное сотрудничество // Авиация и космонавтика. 1990. № 7. С. 42.

ЛИТЕРАТУРА

Базыкин В.В. Искусственные спутники Земли и другие космические объекты. М.: Издательство «Знание», 1966. – 109 с.

Батурин Ю.М. От Жюля Верна до миссий «Аполлонов» (как принималось решение о высадке на Луну) // Пилотируемые полеты в космос. 2019. № 3. С. 108–133.

Батченко В.С. Военный проект США «Вест-Форд»: взгляд из СССР (1961–1963 гг.) // Исторический архив. 2022. № 1. С. 5–33.

Гэтланд К. Космическая техника. М.: «Мир», 1986. – 294 с.

Десять лет космических исследований. 1957–1967: Фотоочерк. М.: Издательство АПН, 1967. – 24, – [46] с.

Дятлов Е., Каргополов Ю. Международное сотрудничество // Авиация и космонавтика. 1990. № 7. С. 42–43

Иванян Э.А. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М.: Международные отношения, 2007. – 429 с.

Маров М.Я. Слово об Учителе: академик Мстислав Всеволодович Келдыш. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2021. – 136 с.

Маров М.Я. Георгий Николаевич Бабакин // Вестник НПО им. С.А. Лавочкина. 2019. № 4 (46). С. 3–5.

Орбиты сотрудничества. М.: Машиностроение, 1975. – 119 с.

Основы космической биологии и медицины. Совместное советско-американское издание в трех томах. Т. 1. М.: Наука, 1975. – 425 с.

Ezell E., Ezell L. The Partnership. A History of the Apollo-Soyuz Test Project. Washington D.C.: NASA, 1978. – 581 p.

Kolesnikov Yu.V., Glazkov Yu.N. A spaceship in orbit. Mir Publishers, 1984. – 199 p.

Pitts J.A. The human factor: Biomedicine in the Manned Space Program to 1980. Washington, D. C.: National Aeronautics and Space Administration, 1985. – 402 p.

Араловец Н.А.

ЗДОРОВЬЕ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1980-е гг.: САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: *Опираясь на неопубликованные данные текущей, медицинской и санитарной статистики, автор характеризует состояние здоровья советского общества 1980-х гг., оценивает уровень заболеваемости, выявляет наиболее распространенные заболевания и анализирует влияние санитарно-гигиенических мероприятий на общую заболеваемость населения РСФСР. Особое внимание уделяется работе санитарно-эпидемиологических учреждений в оздоровлении населения.*
Ключевые слова: *население РСФСР; здоровье; болезни; санитарно-гигиенические мероприятия; санитарно-эпидемиологические учреждения*

Aralovets N.A.
HEALTH OF THE RUSSIAN POPULATION IN THE 1980S: SANITARY AND HYGIENIC FACTOR

Annotation: *Based on unpublished data of current, medical and sanitary statistics, the author characterizes the state of health of Soviet society in the 1980s, assesses the level of morbidity, identifies the most common diseases and analyzes the impact of sanitary and hygienic measures on the overall morbidity of the population of the RSFSR. Special attention is paid to the work of sanitary and epidemiological institutions in improving the health of the population.*
Keywords: *Population of the RSFSR; Health; Diseases; Sanitary and hygienic measures; Sanitary and epidemiological institutions*

В 1980-е гг. в городах и сельских местностях РСФСР состояние здоровья населения медики считали вполне удовлетворительным. В 1989 г. в РСФСР здоровые, т.е. не предъявлявшие жалоб, и практически здоровые[1] люди в целом составляли 78,9% (от общего числа лиц соответствовавшего возраста, прошедших периодические и профилактические осмотры)[2].

В эти годы в РСФСР значительное распространение традиционно имели *болезни органов дыхания*. Уровень заболеваемости населения другими болезнями был ниже. В 1990 г. – на 1000 человек населения официально зарегистрированные больные с диагнозом болезни,

[1] В их историях болезней были записи о наличии острых или хронических заболеваний, обострений которых не отмечалось в течение ряда лет, см.: Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М., 1990. С. 62.

[2] Там же.

установленным впервые в жизни, составляли соответственно: *органов дыхания* – 336,2, *травмы и отравления* – 85,2, *заболевания нервной системы и органов чувств* – 45,8, *осложнения беременности, родов и послеродового периода* – 36,5, *болезни кожи и подкожной клетчатки* – 35,0, *инфекционные заболевания* – 34.9, *болезни органов пищеварения* – 27,2, *костно-мышечной системы и соединительной ткани* – 24,8, *мочеполовой системы* – 19,6, *заболевания системы кровообращения* – 11,2, *новообразования* – 5,5[3].

Заметно повысилось влияние экологического фактора на состояние здоровья населения, особенно в крупных индустриально развитых городах. Негативное влияние на организм городских жителей оказывало загрязнение атмосферного воздуха, а также воды и почвы. Проведенные исследования показали заметное распространение в них болезней *системы кровообращения* и *органов дыхания*, а также *нервной системы и органов чувств*. Важно отметить, что в районах промышленного города, примыкавших к автомагистралям, показатели заболеваемости населения *новообразованиями*, прежде всего, *злокачественными*, болезнями *эндокринной системы*, *мочеполовых органов* повышались. Факторы и объекты, негативно влиявшие на состояние здоровья населения, контролировались санитарно-эпидемиологическими станциями.

В 1980-е гг. в РСФСР *санитарно-эпидемиологические станции*, как и в прошлые десятилетия, проводили разнообразные противоэпидемиологические мероприятия, непосредственно связанные со строительством и реконструкцией зданий, водоснабжением, пищевыми отравлениями, наблюдениями за источниками шума и вибрации, состоянием водоемов, атмосферного воздуха, воздушной среды закрытых помещений, очисткой населенных мест и т.д. Значительную роль в этих мероприятиях играли *дезинфекционные станции*.

Специалисты дезинфекционных станций исполняли государственный санитарный контроль на всех этапах *строительства и реконструкции зданий*. Первоначально изучались предложения и заявки по выбору участка, а также рассматривались проекты строительства и реконструкции зданий.

В РСФСР из общего числа строившихся и реконструируемых объектов обследовались населенные места и коммунальные объекты в целом, города и поселки городского типа, сельские населенные места, жилищное и гражданское строительство, водопроводы и зоны санитарной охраны, пищевые объекты, промышленные предприятия (за исключением предприятий пищевой промышленности).

[3] Российский статистический ежегодник, 2001. М., 2001. С. 247.

Строившиеся и реконструируемые объекты принимались в эксплуатацию по согласованию с санитарно-эпидемиологическими службами. Число объектов, введенных в эксплуатацию без такого согласования, а также с отступлениями от строительных норм и правил было минимальным.

Дезинфекционные станции активно проводили *текущий санитарный надзор за действовавшими объектами*. Об этом свидетельствовало увеличение числа обследованных коммунальных, пищевых, промышленных объектов, а также детских и подростковых учреждений по сравнению с предшествовавшими годами. В текущим санитарном надзоре непосредственное участие принимали врачи. Обследования действовавших объектов проводились с применением инструментальных и лабораторных исследований[4]. Все это способствовало улучшению качества повседневной жизни и здоровья населения. Заметную роль в этом играло состояние системы *водоснабжения*.

В 1980-е гг. в РСФСР действовал государственный санитарный надзор за *централизованным водоснабжением* (коммунальными и ведомственными водопроводами). Санитарный надзор за централизованным водоснабжением традиционно осуществлялся производственными лабораториями и лабораториями санитарно-эпидемиологических станций на основании действовавшего ГОСТа. Санитарно-эпидемиологические станции проводили *химические* и *бактериологические* анализы воды в коммунальных и ведомственных водопроводах. Санитарное состояние ведомственных водопроводов было заметно хуже, чем коммунальных. В ходе проводимых обследований выявлялись коммунальные и ведомственные водопроводы, не отвечавшие санитарным нормам из-за отсутствия зон санитарной охраны, необходимого комплекса очистительных сооружений и обеззараживающих установок. Однако из данных статистики видно низкое число водопроводов, не отвечавших санитарным нормам.

Наряду с этим осуществлялся государственный санитарный надзор за *нецентрализованным водоснабжением* (шахтные и другие колодцы общественного пользования, родники, артезианские скважины без разводящей сети и др.). В РСФСР большинство источников нецентрализованного водоснабжения, как и централизованного, обследовались по *химическим* и *бактериологическим* показателям. В 1982 г. из числа исследованных проб воды в *нецентрализованных источниках*

[4] Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 39, 41.

водоснабжения не удовлетворяло санитарным требованиям по *химическим* показателям 26,8% проб, по *бактериологическим* – 30,6% проб[5].

В конце 1980-х гг. санитарно-эпидемиологические станции продолжали осуществлять санитарный надзор за *хозяйственно-питьевым водоснабжением*. Проводили *химические* и *бактериологические* пробы воды в этих источниках водоснабжения населения. В 1989 г. пробы воды в РСФСР не удовлетворяли санитарным нормам по *химическим* показателям – 21,0%, по *бактериологическим* – 12,5%; в СССР в целом соответственно – 19,3% и 12,0%. Среди союзных республик наиболее неблагополучная санитарная ситуация была в Азербайджане, где из числа проведенных исследований воды по *химическим* показателям санитарным нормам не удовлетворяло 39,2%, по *бактериологическим* – 25,4%; в Узбекистане – 33,8% и 14,8%; в Латвии – 33,6% и 9,3%; в Туркмении – 31,7% и 25,0%; в Таджикистане – 16,7% и 22,9%[6]. Нарушение санитарных норм в области водоснабжения порождало инфекционную опасность.

Проводился санитарный надзор над объектами, имевшими выпуски *хозяйственно-бытовых* и *производственных* сточных вод в реки, водохранилища, озера, пруды, а также в моря. В 1980-е гг., как и в 1970-е гг., в РСФСР численно преобладали *хозяйственно-бытовые* объекты, имевшие выпуски сточных вод в водоемы. В 1982 г. в РСФСР *хозяйственно-бытовые* объекты, имевшие выпуски сточных вод в *реки*, *водохранилища*, *озера*, *пруды* составляли 61,9% (от общей численности объектов с выпусками сточных вод в реки, водохранилища, озёра, пруды), в *моря* – 89,9% (от общей численности объектов с выпусками сточных вод в моря); *производственные объекты* соответственно – 38,0% и 54,7%.

Вместе с тем обследования показали, что в 1980-е гг. в РСФСР очистка выпусков *хозяйственно-бытовых* и *производственных* сточных вод в реки, водохранилища, озера, пруды, моря не удовлетворяла санитарным требованиям или проводилась без очистки. В 1982 г. из числа выпусков *хозяйственно-бытовых* сточных вод в *реки, водохранилища, озёра*, *пруды* выпуски *без очистки* и *с очисткой, не удовлетворявшие санитарным требованиям*, составляли 63,3%, в *моря* – 82,4%; *производственных* соответственно – 51,5% и 50,5%[7].

Санитарный надзор также осуществлялся за поверхностными водоемами в *местах водопользования* населения. К поверхностным

---

[5] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1775. Л. 11–11об.; Оп. 65. Д. 2058. Л. 43 (подсчеты автора).

[6] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 178.

[7] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 43 (подсчеты автора).

водоемам обычно относят озера, водохранилища, болота, пруды. Их воды находятся в состоянии замедленного водообмена. Многие водоемы были загрязнены разнообразными вредными веществами, в т.ч. азотом аммонийным, тяжелыми металлами, сероводородом, формальдегидом, пестицидами и т.д. Специалисты выявляли наиболее загрязненные участки рек и водоемов. В СССР это были Западный Буг, малые реки Молдавии, реки и озера Кольского полуострова, Волга и ее притоки, Томь, Кальмиус, Пуртсе (Эстония), реки Сахалина и др. Проведенные обследования таких рек и водоемов показало превышение в т.ч. в 10 и более раз допустимой концентрации отдельных вредных веществ[8]. В 1989 г. из числа проведенных исследований проб воды в поверхностных водоемах по *химическим* показателям не удовлетворяли санитарным нормам в РСФСР – 28,3%, по *бактериологическим* – 29,9%; в СССР – 27,8% и 27,0%[9].

В ходе осуществления санитарного надзора санитарно-эпидемиологические станции выявили, что максимальный объем *загрязненных сточных вод* (пресных вод) сбрасывался организациями жилищно-коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения, городскими канализационными сетями. Значительный объем *загрязненных сточных вод* сбрасывался промышленными предприятиями, особенно предприятиями целлюлозно-бумажных и лесоперерабатывающих производств, нефтепереработки и нефтехимии, черной металлургии, энергетики, по производству минеральных удобрений, химической промышленности, а также сельскохозяйственными и другими предприятиями народного хозяйства.

Данные статистики показали увеличение объемов *загрязненных сточных* вод в РСФСР (млн куб. м): 1985 г. – 11 981, 1989 г. – 27 146; в СССР – 15 929 и 32 652. В 1989 г. по отношению к 1985 г. объем *загрязненных сточных вод* увеличился в РСФСР на 226,6%, в СССР – на 145,9%.

Загрязнение сточных вод самым отрицательным образом влияло на природные лечебные ресурсы страны. В курортных регионах находились хозяйственные объекты, а также накопители отходов промышленного производства, животноводческих комплексов, коммунального хозяйства. Отмечались случаи постоянного проживания населения в зонах особой охраны. Возникала опасность проникновения вредных веществ в курортные районы богатые минеральными водами, лечебными грязями. Данные единовременного учета 1988 г. показали, что запасы *лечебной минеральной воды*, не соответство-

[8] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 192 (подсчеты автора).
[9] Там же. С. 179.

вавшие санитарным нормам из-за производственного или коммунального загрязнения, составляли в СССР – 0,3% (от общего числа запасов), однако в районах курортов Кисловодска – 28,0%, Пятигорска – 29,0%; *лечебной грязи* – в районах курорта Саки (Крымская область) – 42,0%, санатория «Нижне-Ивкино» (Кировская область) – 99,3%[10]. Загрязнение воды и водоемов представляло для населения городов и сельских местностей угрозу распространения опасных болезней. Так на 100 тысяч человек населения *лептоспирозом* болело: в 1981 г. 0,57 в городах, 1,4 в сельских местностях и 0,82 в РСФСР в целом; в 1982 г.: 0,35, 0,92 и 0,51 соответственно. В эти же годы заболеваемость *бактериальной дизентерией* (шигеллез) составила соответственно – 478, 325 и 433 в 1981 г.; 264, 204,5 и 246,7 в 1982 г.; *брюшным тифом* – 2,2, 2,1 и 2,1 в 1981 г.; 1,8, 2,5 и 2,0 в 1982 г.; *другими сальмонеллёзными инфекциями* – 42,8, 24,3 и 37,4 в 1981 г.; 40,2, 19,8 и 34,3 в 1982 г..[11] Инфекционная угроза сохранялась и при *очистке населенных мест* с нарушениями санитарных требований.

В 1980-е гг., как и в 1970-е гг., в городах и поселках городского типа осуществлялись как *плановые регулярные очистки* населенных мест, так и *неплановая заявочная система*. В *городах и в поселках городского типа* преобладали *плановые* регулярные очистки населенных мест. В *сельских населенных пунктах* была, главным образом, *заявочная* система (неплановая). Однако в городах и в поселках городского типа очистка населенных мест была больше распространена, чем в сельских населенных пунктах.

Дезинфекционные станции создавали места, где *хозяйственно-бытовые* и *производственные* отходы обезвреживались и захоронялись. В то же время данные статистики показали значительное число мест *хозяйственно-бытовых* и *производственных* отходов, не отвечавших санитарным требованиям. В 1982 г. из мест обезвреживания и захоронения *хозяйственно-бытовых отходов* не отвечало санитарным нормам в российских *городах и в поселках городского типа* – 52,9%, в *сельских населённых пунктах* – 55,6%; *производственных отходов* – 43,9% и 76,1%[12].

В конце 1980-х гг. санитарно-эпидемиологические станции продолжали обследовать в *городских поселениях* места захоронения (обезвреживания) *хозяйственно-бытовых* и *производственных* отходов. Проведенное обследование показало многочисленные нарушения

[10] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 191 (подсчеты автора), 198.

[11] Информационный бюллетень об инфекционных заболеваниях по РСФСР за 1982 год (по данным годовых статистических отчётов «О движении инфекционных заболеваний»). М., 1983. С. 1–5.

[12] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 43 (подсчеты автора).

действовавших санитарных требований. В 1989 г. из числа обследованных мест захоронения (обезвреживания) места, не отвечавшие санитарным требованиям, составляли в *городских поселениях* РСФСР – 69,0%, СССР – 62,0%. Самые значительные санитарные нарушения фиксировались в городских поселениях Узбекистана – 99,0% (от общего числа обследованных мест захоронения (обезвреживания) отходов), Латвии – 90,0%, Грузии – 86,0%, Азербайджана – 82,0%[13]. Санитарные нарушения способствовали распространению разнообразных и, прежде всего, инфекционных болезней. В РСФСР на 100 тысяч человек населения *острыми кишечными инфекциями, вызванными неустановленными возбудителями* в 1981 г. болело в городах 388, в сельских местностях – 329, в РСФСР в целом – 371; в 1982 г. – 332,1, 270,8 и 314,4 соответственно; *инфекционным гепатитом* – 226,1, 263,3 и 237,0 в 1981 г.; 259,6, 291,3 и 268,7 в 1982 г.[14] Негативное влияние на здоровье населения в целом и, особенно на органы дыхания оказывало также *загрязнение атмосферного воздуха*.

В рассматриваемое десятилетие в РСФСР сохранялось *загрязнение атмосферного воздуха* промышленными выбросами. Дезинфекционные станции осуществляли постоянный надзор за состоянием атмосферного воздуха в городах и сельских местностях: проверяли наличие санитарно-запретных зон у объектов с выбросами вредных веществ в атмосферу, санитарное состояние источников организованных выбросов на объектах, изучали пробы воздуха. Однако в РСФСР продолжалось загрязнение атмосферного воздуха населенных мест выбросами промышленных предприятий. В 1982 г. среди *источников организованных выбросов на объектах* не отвечало санитарным нормам в *городах и поселках городского типа* – 40,8%, в *сельских населенных пунктах* – 37,4%. Из исследованных *проб воздуха* не отвечало санитарным нормам по *химическим загрязнителям* в *городах и поселках городского типа* – 1,8%, в *сельских населенных пунктах* – 22,2%; по *пыли* – 3,6% и 6,6%[15].

В последовавшие годы в РСФСР и СССР в рамках санитарно-эпидемиологических мероприятий сохранялся санитарный надзор за атмосферным воздухом. Исследовались пробы воздуха по *химическим показателям*. В 1989 г. из числа исследованных проб воздуха по *химическим показателям* неудовлетворительные составляли в РСФСР – 18,9%, в СССР – 22,3%. Наиболее тяжелая ситуация от-

[13] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 177.

[14] Информационный бюллетень об инфекционных заболеваниях по РСФСР за 1982 год... С. 1–5.

[15] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 43 (подсчеты автора).

мечалась в Азербайджане: неудовлетворительных проб воздуха по *химическим показателям* было 65,1%.

В СССР вредные выбросы веществ в атмосферный воздух стационарными источниками определялись работой, прежде всего, промышленных предприятий. В 1989 г. в СССР объем вредных веществ, выброшенных в атмосферный воздух, был связан преимущественно с работой предприятий *черной и цветной металлургии* – 15,3 млн т, *теплоэнергетики* – 14,5 млн т, заметно меньше с *нефтедобывающей*, *нефтеперерабатывающей* и *нефтехимической* промышленностью – 9,3 млн т, а также с *газовой* – 2,7 млн т и *угольной* – 1,4 млн т. К числу крупных источников загрязнения атмосферного воздуха специалисты относили предприятия химической, медицинской и микробиологической промышленности, а также производство строительных материалов и минеральных удобрений. Эти производства выделяли в атмосферу существенное количество пыли, соляной и серной кислот, соединений хлора, формальдегида, продуктов гидролизных заводов и других вредных веществ. Медики отмечали опасное воздействие выделяемых в атмосферу веществ на здоровье населения.

В городах СССР негативное влияние на организм человека оказывали выбросы *стационарными источниками* вредных веществ в атмосферу. По объему вредных выбросов в атмосферу особенно выделялись Норильск (сернистый ангидрит), Кривой Рог (окиси углерода), Темиртау (газообразные и жидкие вещества), Магнитогорск (окиси углерода).

В 1980-е гг. в городах РСФСР и союзных республик санитарный надзор проводился за *автотранспортом*, изучалось его влияние на состояние атмосферного воздуха. Значительное число городов имело *загрязненный воздух*. Об этом явлении свидетельствовало включение Госкомгидрометом СССР 85 городов СССР в промышленные центры с наиболее загрязненным воздушным бассейном. В 1989 г. в их состав вошли Архангельск, Баку, Грозный, Донецк, Душанбе, Ереван, Запорожье, Иркутск, Куйбышев, Магнитогорск, Новосибирск, Одесса, Свердловск, Ташкент, Тбилиси, Уфа, Ярославль и др. В этих городах загрязнение воздушного бассейна было обусловлено выделением в воздушную атмосферу вредных веществ от работы автотранспорта: *окислов азота*, *окисей углерода*, *углеводородов*.

Промышленные предприятия и транспортные средства также выбрасывали специфические примеси: бензапирен, фтористый водород, тяжелые металлы, аммиак, формальдегид и другие. Наряду с тем специалисты считали, что в городах степень загрязненности воздушного бассейна в связи с работой таких объектов определялась метеорологическими и географическими факторами, а также характером

городской застройки и т.д[16]. Состояние здоровья населения тесно зависело и от качества воздуха в закрытых помещениях.

Дезинфекционные станции в городах, прежде всего, изучали *воздушную среду закрытых помещений* промышленных предприятий и коммунальных объектов. Проводимые исследования проб показали превышение предельно допустимой концентрации *пыли* и *аэрозоли* главным образом на промышленных предприятиях. В 1982 г. в РСФСР из общего числа исследуемых проб на *пары и газы,* пробы с превышением предельно допустимой концентрации (ПДК) составляли на *промышленных предприятиях* – 24,0%, на *коммунальных объектах* – 22,0%; на *пыль и аэрозоль* соответственно – 41,1% и 22,7%, на *содержание двуокиси кремния* – 1,4% и 0,9%[17]. Загрязнение атмосферного воздуха, а также воздушной среды закрытых помещений способствовали распространению заболеваний, прежде всего, органов дыхания, в т.ч. злокачественных и др. Было установлено, что в РСФСР на каждую тысячу человек населения первичных больных с заболеваниями *органов дыхания* было: в 1988 г.– 364,5, в 1990 г. – 336,2[18]. В 1980-е гг. в городах и сельских местностях РСФСР широкое распространение получили *пищевые отравления*.

Дезинфекционные станции, особенно в городах обследовали предприятия пищевой промышленности, общественного питания и торговли, пищевые блоки детских и подростковых учреждений, а также хозяйства, применявшие ядохимикаты. Большинство *случаев пищевых отравлений* изучались с применением *лабораторных методов*. В 1980-е гг. по сравнению с 1970-и гг. в РСФСР практически все случаи *пищевых отравлений* на всех обследуемых объектах исследовались с использованием этих методов. Из общего числа случаев *пищевых отравлений* чаще фиксировались отравления при употреблении *мясных* и *молочных* продуктов, реже – *рыбных*, *консервов*, *кондитерских изделий* и *грибов*. В ходе проведенных обследований случаев пищевых *отравлений бактериального происхождения* было выявлено преобладание случаев отравлений, вызванных *стафилококками* и *патогенными возбудителями*.

Отрицательные результаты, полученные от проведенных дезинфекционными станциями обследований пищевых отравлений на предприятиях пищевой промышленности, общественного питания и торговли, пищевых блоках детских и подростковых учреждений, хозяйствах, применявших ядохимикаты, были основанием для запрещения выпусков и реализации пищевых продуктов, химиче-

[16] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 176, 181–190.
[17] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 45 (подсчеты автора).
[18] Российский статистический ежегодник, 1994. М., 1994. С. 248.

ских веществ и изделий из них, связанных с пищевыми продуктами и промышленно-бытовыми изделиям.

Дезинфекционные станции активно проводили *лабораторные санитарно-химические* и *бактериологические исследования пищевых продуктов*. В 1982 г. в ходе проведения *санитарно-химических* исследований *пищевых продуктов* было установлено, что из числа исследуемых проб пищевых продуктов не отвечало требованиям нормативно-технической документации 13,3%. Изучались также пробы пищевых продуктов на *пестициды*. Однако в 1982 г. такие проведенные исследования были малочисленными: пробы пищевых продуктов на *пестициды* составляли 10,4% (от общего числа исследуемых проб). Изучались также пробы *суточных рационов* (из них не отвечало санитарным требованиям 0,4%), *витаминизированных блюд* (соответственно – 3,2%), *продуктов и изделий на качество термической обработки* (6,9%). Самое большое несоответствие принятым санитарным нормам было обнаружено в пробах *витаминизированных продуктов* (из них не отвечало рецептуре вложения витаминов – 20,2%)[19].

В 1989 г. в СССР проведенные лабораторные исследования показали несоответствие санитарным требованиям в каждом случае из 10 проб мясных, рыбных, мучных и крупяных изделий, продуктов детских молочных кухонь. Санитарное несоответствие было выявлено в каждом случае из 5 проб кондитерских изделий и консервов. На основании проведенных *санитарно-химических* и *бактериологических исследований* предъявлялись санкции: свыше 27 тыс. санкций запрещали предприятиям выпуск и реализацию пищевых продуктов, в т.ч. предприятиям Министерства торговли СССР и Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза) – 19 тыс. санкций (72%)[20]. Пищевые отравления сказывались на заболеваниях органов пищеварения. На 1000 человек населения больных заболеваниями *органов пищеварения*, установленными впервые в жизни, было: в 1988 г. – 27,5; в 1990 г. – 27,2[21]. Таким образом, опасность пищевых отравлений населения сохранялась, несмотря на осуществления контроля за выполнением санитарных требований. Негативно сказывалось на работе всего организма превышение *шума*, а также *вибрация*.

Дезинфекционные станции проводили санитарный надзор за их источниками. Такой надзор, прежде всего, осуществлялся в городах. В ходе его проведения обследовалось большинство предполагаемых источников *шума* и *вибрации*, среди них: городские автомагистрали;

---

[19] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 43 об. (подсчеты автора).
[20] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 180.
[21] Российский статистический ежегодник, 1994. С. 248.

улицы с интенсивным движением транспорта; железнодорожные пути, проходившие через жилую застройку городов; промышленные предприятия, расположенные без необходимых разрывов от жилых районов; объекты, размещенные на территории микрорайонов и кварталов, учреждений, занимавшие первые этажи жилых домов. Обследовалось также санитарно-техническое оборудование жилых и общественных зданий[22].

Наряду с этим дезинфекционные станции выявляли на промышленных предприятиях, коммунальных объектах, в школах и профессионально-технических училищах (ПТУ) такие неблагоприятные для здоровья человека факторы как недостаток освещенности, шум, вибрацию, электромагнитные поля радиочастот, метеофакторы и т.д. На *промышленных предприятиях* и *коммунальных объектах,* на организме человека неблагоприятно сказывались степень освещенности, шум, вибрация и метеофакторы. Значительные санитарные нарушения относительно *вибрации* отмечались в школах и в ПТУ. В 1982 г. из общего числа проведенных на *промышленных предприятиях* измерений не отвечало санитарным нормам *освещенности* – 36,5%, *шума* – 34,6%, *вибрации* – 26,1%, *электромагнитных полей радиочастот* – 8,7%, *метеофакторов* – 24,0%; на *коммунальных объектах* соответственно – 35,5%, 35,1%, 8,3%, 12,6%, 20,4%; в *школах* и *профессионально-технических училищах* – 35,9%, 25,9%, 60,0%, 16,2%[23]. По результатам проведенных обследований разных объектов и выявленных нарушений принятых норм, дезинфекционные станции предъявляли санитарные требования. Их устранения способствовали оздоровлению населения.

Специалисты дезинфекционных станций изучали факторы *острых профессиональных заболеваний*, связанные с внедрением преимущественно в производство *технологических процессов, оборудования, химических веществ и изделий*. Следует отметить, что проводимые внедрения проходили все необходимые согласования с санитарно-эпидемиологической службой. В 1982 г. из общего числа внедренных *технологических процессов, оборудования, изделий* было введено без согласования с санитарно-эпидемиологической службой – 9,3%; *химических веществ и материалов* – 10,9%[24]. Отсутствие санитарно-эпидемиологического контроля имело отрицательные последствия, прежде всего, для работников этих производств.

В 1980-е гг., особенно в городах фиксировались болезни, связанные с отравлениями углеводородами, окисью углерода, хлором,

---

[22] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 43.
[23] Там же. Л. 45 об. (подсчеты автора).
[24] Там же. (подсчеты автора).

ядохимикатами, что оказывало влияние на распространение *бруцеллеза*, *дерматита* и других болезней. В РСФСР увеличивалось число пострадавших от острых отравлений углеводородами. Среди работников соответствовавших производств отмечались *хронические профессиональные* заболевания, определявшиеся в большинстве случаев отравлениями металлами, особенно свинцом, ртутью, хромом, а также фтором, углеводородами, сероуглеродами и ядохимикатами.

Однако в первой половине 1980-х гг. показатели пострадавших от *профессиональных отравлений и заболеваний* снижались. В СССР – на 10000 работавших пострадало от *профессиональных отравлений и заболеваний* в 1970 г. – 2,8, в 1980 г. – 1,5, в 1985 г. – 1,1. В конце 1980-х гг. в СССР число пострадавших от *профессиональных отравлений и заболеваний*, а также от *хронических отравлений и заболеваний* повысилось. В 1989 г. в СССР – на 10000 работавших пострадавшие от *профессиональных отравлений и заболеваний* составляли 1,66, *хронических отравлений и заболеваний* – 1,47; в РСФСР – 1,84 и 1,67[25]. Из приведенных данных видно, что в РСФСР число пострадавших от этого класса болезней было выше, чем в СССР.

Дезинфекционные станции в большинстве случаев расследовали факторы профессиональных отравлений и заболеваний в течение первых суток. В 1980-е гг. по сравнению с прошлыми десятилетиями число таких расследований повысилось. В 1982 г. из общего числа зарегистрированных случаев *профессиональных* болезней (*отравлений*) было расследовано в течение первых суток – 87,1% (в 1973 г. – 73,4%). Однако изучение зарегистрированных случаев данных болезней показало их зависимость в основном от отсутствия и недостатка инструктажа рабочих. В 1982 г. из общего числа зарегистрированных случаев заболеваний *отсутствие и недостаток инструктажа рабочих* составили – 34,1%, *нарушения или недостатки технологии и неисправности оборудования* – 30,2%, *отсутствие или недостаток защитных приспособлений и спецодежды* – 17,8%, *вентиляции* – 8,8%.

Дезинфекционные станции также проводили *токсикологические исследования* воздушной среды производственных предприятий, жилых, общественных зданий, детских дошкольных и лечебно-профилактических учреждений, а также товаров бытовой химии, полимерных и синтетических материалов и изделий. Одновременно выявляли неблагоприятные санитарные ситуации, связанные в большинстве случаев с нарушением работниками санитарных норм[26].

---

[25] Охрана здоровья в СССР: стат. сб. С. 171.

[26] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 50. Д. 1830. Л. 29; Оп. 65. Д. 2058. Л. 45.

Кроме того, дезинфекционные станции осуществляли *санитарно-химические* и *санитарно-бактериологические* исследования. В хирургических, родильных отделениях лечебно-профилактических учреждений велись *санитарно-бактериологические* исследования воздуха, смывов, материалов и инструментария на стерильность. Изучения смывов также проводились в детских и подростковых учреждениях, а также на пищевых объектах[27].

Дезинфекционные станции осуществляли необходимые *противоэпидемические мероприятия*, в т.ч. непосредственно в очагах инфекции. В РСФСР были обследованы *инфекционные очаги* носителей бактериальной дизентерии (шигеллёз), энтерита, колита, гастроэнтерита, пищевой токсикоинфекции, инфекционного и сывороточного гепатита, а также кори, туберкулеза, бешенства, брюшного тифа и паратифов, дифтерии, менингококковой инфекции и т.д.

Обследования очагов инфекционных болезней проводились по первичным извещениям. Большинство очагов обследовалось в первые 24 часа после их получения. Данные статистики показали, что в 1980-е гг. их число повысилось по сравнению с концом 1970-х гг. В 1982 г. из числа очагов, обследованных по первичным извещениям, очаги, обследование которых началось в первые 24 часа после получения извещения, составляли 84,0% (в 1979 г. – 78,5%).

В 1980-е гг. как и в прошлые десятилетия, обследование проходили больные опасными инфекционными заболеваниями, а также лица, общавшиеся с больными и носители инфекций. Обследованию подлежали и сотрудники, в коллективах которых диагноз у больных не подтвердился.

Сотрудники дезинфекционных станций проводили разнообразные *бактериологические исследования* больных с подозрением на заболевание, а также общавшиеся с больными и лицами, подозреваемыми в заболевании, переболевших, бактерионосителей, а также лиц, обследованных с профилактической целью на патогенную флору (кишечная группа патогенных бактерий, бактерии дифтерии, коклюша и паракоклюша, менингококки и т.д.).

Одновременно выполнялись необходимые *противобруцеллезные* и *противотуляремийные* мероприятия. В рамках санитарно-эпидемиологической службы велись *вирусологические* исследования на вирусы *респираторных инфекций* и на *энтеровирусы*, из них особое внимание специалисты обращали на изучения вирусов *гриппа* и *полиомиелита*.

Заметно меньше специалисты уделяли внимания исследованию вирусов *природно-очаговых инфекций*. В 1982 г. в РСФСР по сравне-

[27] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 45.

нию с аналогичными данными 1979 г. видно снижение числа исследований на вирусы респираторных инфекций и увеличение на энтеровирусы и вирусы природно-очаговых инфекций. В 1982 г. из общего числа вирусологических обследований исследования дезинфекционных станций на *вирусы респираторных инфекций* составляли 54,0% (в 1979 г. – 56,7%), *энтеровирусы* – 41,2% (соответственно – 36,6%), *вирусы природно-очаговых инфекций* – 4,5% (2,8%).

Санитарно-эпидемиологические службы осуществляли *профилактические обследования* на носителей бактерий *кишечных инфекций*. В ходе проведенных обследований, выявленных носителей *брюшного тифа, паратифов, прочих сальмонелл, бактериальной дизентерии* было численно немного. Эти обследования обычно проходили лица, поступавшие на работу в пищевые и приравненные к ним производства, а также работавшие на молочных предприятиях, в буфетах, пищеблоках, детских и лечебно-профилактических учреждениях, на других пищевых и приравненных к ним объектах.

С целью выявления источника инфекции, путей ее передачи, эффективности вакцинации и т.д. проводились *серологические исследования* (анализ крови), особенно при *бактериальных инфекциях*. В 1982 г. в РСФСР из общего числа *серологических исследований* обследования, проведенные при *бактериальных инфекциях*, составляли 59,9%[28].

Дезинфекционные станции на основе поступивших заявок осуществляли необходимую *эвакуацию* больных и *дезинфекцию* в очагах инфекционных заболеваний. В РСФСР наибольшее число *эвакуированных* больных, на которых поступили первичные экстренные извещения, болели бактериальной дизентерией, энтеритом, колитом гастроэнтеритом, пищевой токсикоинфекцией, инфекционными и сывороточными гепатитами. Дезинфекционные станции выполняли большинство поступивших заявок на *эвакуацию* населения из очагов заражения и *дезинфекцию*, в т.ч. в установленные сроки.

Осуществлялся контроль за проведением *текущей дезинфекции*. Объектами контроля были очаги заражения на дому, в лечебно-профилактических учреждениях (родильные дома больниц, а также детские и подростковые учреждения). На этих объектах проводились специальные обследования, в т.ч. с применением *бактериологического метода*. Однако проведенных анализов с неудовлетворительными результатами было численно немного.

С целью предотвращения вспышек инфекционных заболеваний дезинфекционные станции выполняли *профилактические дезинфек-*

[28] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 62. Д. 1775. Л. 1; Оп. 65. Д. 2058. Л. 48 об. – 50 (подсчеты автора).

ции помещений, колодцев. Осуществляли дезинсекцию и дератизацию жилых и пищевых объектов[29].

Проведение дезинфекционными станциями эпидемиологических мероприятий сталкивалось с нехваткой стационарных и подвижных *дезинфекционных камер* (паровых и пароформалиновых), а также *дезинфекционных душевых установок*, в т.ч. находившихся в рабочем состоянии. В 1982 г. в РСФСР на дезинфекционных станциях из общего числа *дезинфекционных камер* в рабочем состоянии было 89,3%, *дезинфекционных душевых установок* – 73,1%.

Существенное влияние на работу дезинфекционных станций оказывали транспортные средства: автомашины для эвакуации инфекционных больных и проведения заключительной дезинфекции, для профилактической дезинфекции и дезинсекции и дератизации, и автомашины других видов, лаборатории, в т.ч. авто-лаборатории[30]. Вместе с тем в работе дезинфекционных станций транспортных средств также не хватало. Тем не менее дезинфекционные станции, активно проводившие эпидемические мероприятия, способствовали снижению показателей инфекционной заболеваемости населения.

Таким образом, в 1980-е гг. в РСФСР сохранялись факторы, негативно влиявшие на состояние здоровья человека, вызывавшие распространение болезней, в т.ч. наиболее опасных инфекционных заболеваний. Санитарно-эпидемиологические учреждения выявляли, контролировали и ограничивали это влияние. Однако санитарно-эпидемиологическая деятельность была ограничена нехваткой техники и оборудования, что отражалось на заболеваемости и на состоянии здоровья населения в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Информационный бюллетень об инфекционных заболеваниях по РСФСР за 1982 (по данным годовых статистических отчетов «О движении инфекционных заболеваний»). М.: Министерство здравоохранения РСФСР, 1983. – 85 с.

Охрана здоровья в СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1990. – 238 с.

Российский статистический ежегодник, 1994. М.: Госкомстат России, 1994. – 799 с.

Российский статистический ежегодник, 2001. М.: Госкомстат России, 2001. – 679 с.

---

[29] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 65. Д. 2058. Л. 36 об. (подсчеты автора).

[30] Там же. Л. 38, 52 (подсчеты автора).

Вербицкая О.М.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО СЕЛА В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА

Аннотация: *Статья посвящена проблемам сельского хозяйства на рубеже XX/XX1 вв. Автор анализирует основные экономические последствия рыночных реформ, преодоление которых составило главную задачу восстановительного периода 2000-х гг. Реконструкция общей ситуации в сельском хозяйстве позволила автору сделать вывод о неравномерности темпов экономического возрождения: если растениеводство удалось полностью восстановить еще в 2005 г., то ситуация в животноводстве была намного сложнее, его восстановление потребовало больше времени.*

Ключевые слова: *аграрная реформа; приватизация; растениеводство; животноводство; финансирование; производительность труда; экономические потери; Приоритетный Национальный Проект «Развитие АПК»; кредитование; фермеры*

Verbitskaya O.M.

Economic development of the russian villagein the first decade of the XXIst century

Abstract: *The article is devoted to the problems of agriculture at the turn of the XX/XX1 centuries. The author analyzes the main economic consequences of market reforms, the overcoming of which was the main task of the recovery period of the 2000s. Reconstruction of the general situation in agriculture allowed the author to conclude about the uneven pace of economic revival: if crop production was fully restored back in 2005, the situation in animal husbandry was much more complicated, its recovery took longer.*

Keywords: *Agrarian reform; Privatization; Crop production; Animal husbandry; Ainancing; Labor productivity; Economic losses; Priority National Project "Agro-industrial Complex Development"; Credit system; Farmers*

Исследователи уже давно обратили внимание, что Россия в каждый новый век своей истории, начиная с эпохи Смуты, входила с грузом нерешенных проблем. Не стал исключением и век XXI-й, который тоже передал в наследство новому столетию массу негативных

социально-экономических последствий, в том числе и от проведенных в 1990-е гг. аграрных преобразований[1].

В экономическом плане аграрная реформа была нацелена на существенное увеличение масштабов сельскохозяйственного производства и повышение уровня производительности труда в отрасли. Огромная роль отводилась и превращению российского крестьянства в хозяина и полноценного собственника земли. Для решения этих задач предстояло сформировать многоукладную рыночную экономику, включающую в себя и новый уклад сельских предпринимателей – фермерские хозяйства.

Разработкой основной концепции рыночных преобразований на селе занимались ученые-аграрники из РАСХН, которые подходили к ней как особой программе по формированию конкурентоспособного и эффективного сельского хозяйства, а также решению накопившихся социальных проблем села. По их оценкам, на это могло уйти 5, 10 и даже более лет. За такой период вполне возможно было «с минимальной болезненностью» провести демонтаж колхозно-совхозной системы и создать на селе необходимые рыночные институты.

Радикальный переход к рыночным отношениям в России им представлялся отнюдь не одномоментным, а довольно длительным процессом, для успеха которого жизненно необходимы многие условия, в том числе последовательность и неторопливость реализации. Поэтому особое значение они придавали ключевому принципу реформирования – поэтапному вхождению сельского хозяйства в рынок[2].

Однако уже полностью подготовленный отечественными учеными проект аграрной реформы, равно как и стратегия его реализации, вскоре были основательно пересмотрены. Дело в том, что российские политики-либералы, из числа занимавших высокие посты в государстве, в действительности имели весьма приблизительное представление о реалиях российского села, поэтому предпочитали механически копировать мировой опыт. Тем более, что Запад, со своей стороны, уже тогда не упускал возможности ослабить Россию, в том числе и через навязывание своих рекомендаций относительно реформ. В частности, зарубежные эксперты настаивали на внесении существенных коррективов в отечественный проект, способных придать ему «должный» радикализм и жесткость, а главное – су-

---

[1] *Исправникова Н.* Парадоксы аграрных реформ в России // АПК: экономика, управление. 2009. № 2. С. 13.

[2] *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М., 1995. С. 548.

щественно сократить сроки его реализации. Эти рекомендации сопровождались и неприкрытой угрозой: если их рекомендации будут проигнорированы, Россия не получит кредит Международного Валютного Фонда, и не сможет закупить продовольствие за границей[3].

В итоге руководство России отступило, и в Указе Президента Б. Ельцина от 27 декабря 1991 г. «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» для выполнения всех предстоящих мероприятий аграрной реформы был установлен новый, чрезвычайно сжатый срок – всего два месяца. В результате пришлось принять и экстремальную «шоковую терапию», и диспаритет в ценах на промышленную и аграрную продукцию и т.п. Как позже писал М.С. Горбачев, – «...отдав предпочтение тактике “бури и натиска”, ломали при этом все и вся, в том числе и человеческие судьбы»[4]. Это заведомо обрекало рыночные преобразования на провал, поскольку невероятно краткие сроки, назначенные для их осуществления, абсолютизировали форсирование и формализм. В создавшейся ситуации, взвешенные и научно обоснованные положения, разработанные отечественными учеными, были отброшены.

На практике важнейшими мероприятиями рыночной реформы в сельском хозяйстве стали коренная реорганизация (роспуск) колхозов и совхозов, а также ускоренная приватизация принадлежавших им земель и имущества. Естественно, что решение столь сложных задач в России – огромной по территории стране, проходило совсем не так быстро, как хотелось реформаторам, вследствие чего официальные сроки реформы постоянно нарушались и продлевались. В организационном плане тоже допускалось немало ошибок: перевод бывших коллективных хозяйств в акционерные общества, разного типа ассоциации и другие рыночные агроформирования, проводился наспех. Единственное, чему уделялось должное внимание, это – отношения собственности, и передел земельных и имущественных фондов, проведенный довольно тщательно. В отношении других аспектов реформы, по существу, все сводилось к тому, чтобы вовремя сменить вывеску – на новое название сельхозпредприятия. По имеющимся данным, именно таким образом «реформы» прошли почти в 80% сельхозпредприятий страны, а все остальное, по существу, осталось без изменений[5].

---

[3] См.: *Широкалова Г.С.* Аграрная реформа в Нижегородской области: причины, цели, механизмы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1997. С. 255.

[4] *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. Т. 1. М., 1995. С. 365.

[5] Там же. С. 268–269.

Поскольку перед рыночными преобразованиями с самого начала, в первую очередь, стояла задача ликвидации колхозов и совхозов, невзирая на то, что определенная часть их была вполне дееспособна, подобное реформирование неизбежно нанесло серьезный ущерб аграрной экономике. Прямым следствием ускоренного развала колхозно-совхозной системы, особенно после введения в стране политики «шоковой терапии» и либерализации цен, стало беспрецедентное удорожание промышленных товаров при соответствующем их падении на сельскохозяйственную продукцию. Достаточно привести простой пример: в условиях ценового диспаритета, чтобы купить один литр бензина, сельскому жителю надо было продать 3 литра молока. При такой дороговизне сельскохозяйственная техника и машины, необходимые аграриям, стали им практически недоступны. Тотальный кризис принес селу неисчислимые убытки: только из-за установившихся дискриминационных цен на продукцию сельского хозяйства, всего за 3 года (1992–1994) оно потеряло почти 110 трлн руб.[6]

Неудача постигла и наиболее приоритетное направление рыночных преобразований – формирование фермерского уклада, которому изначально государство обещало всемерную поддержку. В ходе приватизации выяснилось, что для успешного развития фермерских хозяйств одного лишь наделения землей мало, им остро требовался первоначальный капитал и оборотные денежные средства. Но государственный механизм выделения кредитов фермерам, созданный в невероятной спешке, работал неэффективно и существенно затруднял превращение фермерского движения в массовое. К тому же с 1994 г. оно вообще перестало расти, поскольку была прекращена государственная помощь и поддержка фермеров[7].

Особо следует отметить непоследовательность действий самого государства, которое, наблюдая отсутствие позитивной динамики от им же разработанных реформ, минимизировало свою роль в сельском хозяйстве. Уже в 1992–1995 гг. доля бюджетных отчислений в аграрный сектор снизилась практически в 8 раз относительно 1990 г.: с 70,4 млрд до 9,1 млрд руб. (в сопоставимых ценах 1991 г.)[8]. В последующий период 1990-х гг. практика недофинансирования села приняла хронический характер. Кроме того, государство практически ничего не делало для сельских товаропроизводителей: не

---

[6] Крестьянская Россия. 1995. № 22, 12–18 июня.

[7] Российский статистический ежегодник. М., 1997. С. 383; *Вербицкая О.М.* Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб., 2022. С. 101.

[8] ГА РФ. Ф. 10026. Оп. 5. Д. 612. Л. 96–97; Д. 626. Л. 51.

приняло никаких действенных мер против удорожания кредитов для села или для смягчения диспаритета цен, хотя бы на самые нужные промышленные изделия для сельского хозяйства и т.д.

В целом существенное урезание капиталовложений в сочетании с мизерными финансовыми затратами самих сельскохозяйственных производителей, и главное – с высокими материальными потерями от прошедшей рыночной «реорганизации» колхозов и совхозов, на практике продолжало причинять урон селу. Очевидная несбалансированность рыночных реформ, ощутимый недостаток финансовых средств на фоне полного развала экономики, поставили сельское хозяйство на грань «деиндустриализации», поскольку уровень механизации труда в нем упал до минимума. Допускались и другие крупные промахи, особенно чрезмерная увлеченность реформаторов проблемами собственности, в то время как сельской инфраструктуре внимания практически не уделялось. Советская система сбыта и снабжения уже к середине 1990-х гг. была полностью разрушена, но на смену ей ничего нового, рыночного, на селе так и не появилось.

Вкратце основные экономические итоги аграрной реформы 1990-х гг. конкретно сводились к следующему: 1) К 2000 г. почти на 30 млн га (на ¼), относительно 1990 г., сократились посевные площади; 2) Поголовье продуктивного скота и птицы уменьшилось за это же время более чем на ½. Как и зерновая отрасль, животноводство тоже скатилось до уровня, характерного для него в конце 1950-х гг.[9]; 3) за 10 лет реформ в 20 раз сократился общий объем капиталовложений в АПК (в сопоставимых ценах); а парк основных видов сельскохозяйственных машин уменьшился на 40–60%[10]; 4) Кроме экономических потерь село сильно пострадало *и в социальном плане:* с начала 1990-х гг. уже вовсю проходили увольнения, возникла массовая безработица, резко упали доходы аграриев. Даже через 10 лет более половины (56%) сельских семей еще пребывало за чертой бедности, поскольку размер среднемесячной зарплаты в сельском хозяйстве едва дотягивал до 43% от общероссийского уровня[11]; 5) Но финальным аккордом рыночных преобразований в аграрном секторе стало ежегодное, вплоть до 1998 г., сокращение валового объема сельскохозяйственной продукции. Уже к 1994 г. данный показатель в растениеводстве снизился на 20% по сравнению с 1990 г., а в животноводстве – на

---

[9] Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М., 2000. С. 67, 73, 75; Россия в цифрах. 2011. Крат. Стат. сб. М., 2011. С. 418.

[10] *Гордеев А.* Курсом стабилизации и развития АПК России // АПК: экономика, управление. 2000. № 4. С. 3.

[11] Реформы в России в 2000-е годы. От законодательства к практикам. М., 2016. С. 15.

10%. О масштабах деградации сельскохозяйственного производства можно судить по динамике «индекса физического объема аграрной продукции, произведенной во всех категориях хозяйств»: к 1999 г., после 7 лет непрерывного сокращения, он упал до 56% от уровня 1990 г. Иными словами, на практике объем аграрного производства в России за годы реформ 1991–1998 гг. не только не увеличился, а наоборот – снизился на целых 44%, что подтверждало устойчивый характер охватившей его экономической депрессии, а также полный провал проведенных рыночных реформ[12].

Таким образом, аграрная реформа 1990-х гг. вместо обещанного ее организаторами экономического процветания сельского хозяйства, закончилась полным провалом. Но даже при этом необходимо отметить то немногое позитивное, что все-таки было сделано в ходе ее реализации в РФ. А именно: благодаря прошедшим реформам, рыночная экономика, в конце концов, стала реальностью. Благодаря ей, почти 40 млн граждан Российской Федерации, включая и 12 млн жителей села, в процессе разгосударствления и приватизации земли получили земельные паи от государства в собственность. Но и это, даже с учетом предоставленного аграриям права на свободный выбор формы хозяйства, богаче их не сделало[13]. Тем не менее, ценой огромных экономических и социальных потерь страна все же вышла из тупика планово-распределительной системы и смогла вернуться на траекторию мирового развития. Это означало, что перед Россией открывались новые перспективы.

В целом экономическая ситуация в России на рубеже XX/XXI вв. была крайне тяжелой – перед ней встал закономерный вопрос: а есть ли у нее вообще шансы на вывод аграрного сектора из экономического кризиса 1990-х гг.? При этом вступление РФ в новую историческую эпоху означало безотлагательность скорейшего возрождения, в первую очередь, сельского хозяйства – важнейшего сектора экономики, практически разрушенного в 1990-е гг.

При выработке основной стратегии восстановления аграрного сектора РФ на период 2000-х гг., безусловно, учитывались не только негативные последствия рыночных реформ, но и имевшийся у страны преимущества, прежде всего, ее мощный аграрный потенциал. Масштабы ее энергоресурсов воистину впечатляли: во-первых, свыше 120 млн га пахотных земель (9% общемировых запасов), более половины которых (52%) составляли плодородные черноземы плюс

[12] См.: Сельское хозяйство в России, 2000. С. 34–35.

[13] Аграрное законодательство Российской Федерации. Сб. нормативных правовых актов и документов. М., 1999. С. 243.

огромные ресурсы органических удобрений. Колоссальную ценность представлял и тот факт, что на ее территории находилось 20% всех мировых запасов пресной воды. Однако, несмотря на столь богатые природные ресурсы и уже проходившую адаптацию российских аграриев к рынку, реальная доля России в мировом производстве сельскохозяйственной продукции оставалось незначительной: в мировом производстве зерна – всего 3,4%, молока – 5%, мяса – 2,5%[14].

Необходимо учитывать и солидный трудовой потенциал России. В начале 2000-х гг. в ее сельской местности проживало 38,7 млн человек, из которых значительное большинство было занято в сельском хозяйстве[15]. Все это подтверждало, что Россия с ее богатыми природными и людскими ресурсами, многовековым опытом производства зерна и других продуктов, бесспорно, имела все шансы как на обеспечение продовольственных потребностей своего населения, так чтобы стать одним из мировых лидеров производства зерна.

Однако все эти ресурсы еще предстояло грамотно и с пользой, мобилизовать на максимально эффективное восстановление аграрной отрасли. Министр сельского хозяйства РФ А. Гордеев (в 1999–2009 гг.), детально проанализировав ее реальное состояние к началу XXI в., просчитав соотношение всех потерь и преимуществ, пришел к однозначному заключению: сельская Россия, без сомнения, одолеет аграрный кризис и полностью восстановит свое сельское хозяйство. Этот вывод он подкреплял и дополнительными аргументами: во-первых, к началу 2000-х гг. российские аграрии уже прошли определенную адаптацию к изменившимся условиям в сельском хозяйстве; во-вторых, у руководителей и специалистов сельскохозяйственных предприятий практически уже прошли робость и неуверенность, охватывавшие их в начале перехода к рынку. В-третьих, несмотря на сложную ситуацию, на селе появилось немало товаропроизводителей, успешно приспособившихся к работе в рыночных условиях. Не последнее значение имело и постепенное развитие на селе кооперации и интеграции, создание крупных агрофирм, агрохолдингов и других формирований, которые на базе современного оборудования внедряли прогрессивные технологии в производство – не в старые советские колхозы и совхозы, но уже в основном в высокотехнологичные сельхозпредприятия. Однако такие процес-

---

[14] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (проект). М., 2008. С. 8.

[15] Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (проект). С. 8; Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. / Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (В 14 томах). Т. 14 (сводный). Официальное издание. М., 2005. С. 10.

сы не везде проходили с должной активностью, и к началу 2000-х гг. рыночная инфраструктура в аграрном секторе сформировалась лишь в половине российских регионов[16].

Новая власть в России, приступившая к работе в самом начале 2000 г., столкнулась с острейшими проблемами: системный экономический кризис, поразивший всю страну, серьезные просчеты при проведении рыночных реформ и особенно их тяжелейшие последствия, сформировали в России катастрофическое положение. Уже постоянным явлением стали многомесячные задержки с выплатой пенсий, зарплат и пособий, к тому же население в результате дефолта 1998 г. еще потеряло и свои сбережения. Люди полностью утратили веру в способность государства выполнять даже минимальные свои социальные обязательства. В таких сложнейших условиях новому российскому руководству приходилось одновременно решать не только насущные повседневные проблемы, но еще и работать для того, чтобы заложить новые и долговременные тенденции роста на будущее[17].

В 2000–2002 гг. была продолжена работа, начатая в 1999 г. по остановке разрушительных тенденций и общей стабилизации экономики. В области сельского хозяйства государство провело, наконец, меры по снижению финансовых потерь от диспаритета цен. Благодаря этому, аграрный сектор получил из федерального бюджета 8,6 млрд руб. (с учетом дополнительных доходов), т.е. в 1,8 раза больше, чем годом ранее. Это произошло впервые после 1990 г., когда государство полностью выполнило все свои обязательства перед сельскохозяйственным производством. Кроме бюджетных средств, аграрные производители получили и дополнительный объем технических ресурсов: ведь за 5 лет до этого предприятия и организации АПК на условиях лизинга получили техники и оборудования всего на 5,3 млрд, а в одном 1999 г. – на 3,7 млрд руб. Одновременно государство оказало агропредприятиям помощь и в обеспечении минеральными удобрениями, средствами химзащиты, нефтепродуктами и другими материальными ресурсами. Этими бюджетными ссудами воспользовались 34 региона РФ[18].

Полученная помощь позволила сельским товаропроизводителям впервые за много лет завершить 1999-й хозяйственный год с положительным финансовым результатом, ощутимо повысить рентабель-

---

[16] *Гордеев А.* Курсом стабилизации и развития АПК России. С. 7.

[17] *Мырынюк А.К.* Национальные проекты в России: проблемы и перспективы. М., 2010. С. 10–11.

[18] *Гордеев А.* Курсом стабилизации и развития АПК России. С. 6.

ность растениеводческой отрасли и получить прибыль от птицеводства. По данным министра А. Гордеева, общая прибыль в сельском хозяйстве РФ за 1999 г. составила почти 6 млрд руб., в то время как еще в 1998 г. оно имело 37 млрд убытка. Благодаря этому на ⅓ снизилась общая доля убыточных СХП: с 88 до 59%. В итоге, если в 1998 г. предприятия пищевой и перерабатывающей промышленности закончили год с убытком, то в 1999 г. они получили более 25 млрд руб. прибыли[19]. Правда, это не смогло остановить общий рост долгов, хотя все же смягчило общую финансово-экономическую ситуацию.

В это время сельское хозяйство из-за своей продолжительной деградации выпало из списка национальных приоритетов, а его бюджетное финансирование из госбюджета сократилось до минимума. Однако финансовый дефолт в августе 1998 г., запустив невиданную инфляцию российского рубля, тем самым невольно дал старт экономическому возрождению аграрного сектора экономики. Из-за дефолта резко взлетели цены на импортное продовольствие, что вмиг сделало его недоступным для массового потребителя, и для отечественного производителя наступил «звездный час»: его относительно дешевая и качественная продукция, наконец-то, дождалась заслуженного спроса. В таких условиях ничего не оставалось, как активизировать отечественное сельскохозяйственное производство, прежде всего, в семейных крестьянских хозяйствах. В том же 1999 г., согласно официальным данным, в аграрном производстве, наконец, прекратилось длившееся почти 10 лет падение. После полного экономического провала в нем появилась позитивная динамика – ежегодный прирост (примерно в 2,3%), благодаря чему за 9 последующих лет индекс валовой продукции сельского хозяйства ощутимо повысился – на 39,4% (в 1999 г.)[20].

Однако возрождение сельского хозяйства проходило в целом не равномерно, так как весь его прирост, по сути, обеспечивался лишь за счет продукции растениеводства (8,5% – уже в 1999–2002 гг.). После ряда неурожайных лет, в 2000–2002 гг. были получены вполне приличные урожаи зерновых – 85,2 и 86,6 млн т соответственно, то есть уже на ⅓ выше средних сборов в кризисный период 1996–2000 гг.[21] Более того, в 2002 г. Россия даже вышла на мировой рынок зерна, чему способствовал неплохой урожай и установившиеся низкие внутренние цены на зерно. В такой ситуации зерновой экспорт

[19] *Гордеев А.* Курсом стабилизации и развития АПК России. С. 5, 7.

[20] Сельское хозяйство в России. 2000. С. 34–35; Реформы в России в 2000-е гг.: от законодательства к практикам. С. 14–15.

[21] О состоянии сельского хозяйства Российской Федерации в 1998–2002 гг. (экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 2003. № 11. С. 10, 14.

был вполне оправдан, с учетом того, что за годы реформ в 2 раза сократилось общее поголовье скота и птицы, и образовались значительные излишки зерна[22].

Животноводство же от кризиса 1990-х гг. пострадало многократно больше: одновременно с резким снижением поголовья скота и птицы, в нем соответственно упало и производство мяса, молока и другой продукции. В 2000-е гг. его производство (суммарно по всем категориям хозяйств) едва достигало половины от его объема в 1990 г.[23] В соответствии с этим и даже больше, снизилось и среднедушевое потребление мяса в стране – на 30%, а молока – на 40% относительно уровня 1990 г. С такими низкими показателями потребления продуктов животного происхождения Россия в середине нулевых годов XX1 в. оказалась на 67-м месте в мире[24]. Это было очень опасно и с точки зрения полной утраты ею продовольственной безопасности.

В «российских верхах» уже довольно давно сформировалось снисходительное отношение к аграрному сектору, как «черной дыре российского бюджета». А страны Запада и особенно Всемирный Банк, в это же время настойчиво рекомендовали России не развивать свое сельское хозяйство, ведь у нее много нефти, и она якобы всегда сможет купить себе еду заграницей. Похоже, что по этой причине российское руководство не особенно переживало о непрестанном с 1991 г. сокращении площади обрабатываемых земель в стране, из которых в начале XX1 в. реально засевалось уже лишь около ⅓. Валовые сборы сельскохозяйственных культур ощутимо снизились, а материально- технический потенциал аграрного сектора, созданный в советское время, уже заканчивался.

В первой половине 2000-х гг. принципиально новым явлением во внутренней политике РФ становится переход на федеральные программы приоритетного развития, конечной целью которых было провозглашено повышение качества жизни россиян. В качестве основного инструмента комплексного решения стоявших перед страной задач предстояло стать приоритетным национальным проектам (ПНП). В 2005 г. в стране уже было разработано 3 общенациональных проекта приоритетной значимости: по улучшению здоровья, образования и жилищно-бытовых условий россиян. В самом начале 2006 г. появился еще и приоритетный национальный проект «Развитие АПК», в котором конкретно речь шла

---

[22] Реформы в России в 2000-е годы. От законодательства к практикам. С. 72.

[23] Сельское хозяйство в России. 2000. С. 34–35; Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам. С. 14–15.

[24] *Гордеев А.* Курсом стабилизации и развития АПК России. С. 4.

уже о перспективах развития села и аграрного производства на 2006 и 2007 гг. Включение сельского хозяйства, наряду с другими, в число наиболее приоритетных отраслей России, имело особое значение. По сути, государство впервые за многие годы предоставляло жителям села реальный шанс на повышение качества их жизни, в том числе и в материально-бытовом плане. Ключевая роль проекта «Развитие АПК» заключалась в том, что он содержал, по существу, реформаторский подход, в том числе, к решению задачи любой ценой переломить сложившееся негативное отношение к сельскому хозяйству. Предстояло на деле своим заинтересованным трудом доказать, что потенциал отечественного аграрного сектора не хуже, чем у какой-либо другой отрасли экономики Российской Федерации.

Национальный проект «Развитие АПК» вовсе не был нацелен на прямое инвестирование сельскохозяйственных товаропроизводителей, поэтому в планы не входило и непосредственное предоставление всем аграриям кредитов, техники, племенного скота и пр. В отличие от недавнего советского прошлого, проект изначально даже «не замахивался» на столь масштабную задачу, как возрождение *всего* сельского хозяйства. В данном нацпроекте лишь намечались ее основные приоритеты, а непосредственно решать проблему восстановления аграрного производства предусматривалось по трем основным направлениям: 1) ускоренное развитие животноводства; 2) стимулирование развития малых форм ведения хозяйства в АПК; 3) обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе[25].

И все же главной целью проекта «Развитие АПК» являлось форсированное развитие животноводства, увеличение производства мяса и молока, прежде всего, чтобы постепенно страна смогла бы отказаться от закупок импортного продовольствия. Поддержка животноводства была обусловлена и его весомой ролью в обеспечении продовольственной безопасности страны, поскольку, согласно расчетам специалистов, в России потенциалу роста сельскохозяйственного производства значительно больше содействует увеличение производства продукции животноводства, нежели наращивание экспорта зерна. К тому же, у рынка мяса и мясопродуктов в России имеются чрезвычайные перспективы, хотя за годы реформ поголовье ее крупного рогатого скота, овец и свиней уменьшилось в 2 раза, в результате чего резко упали и объемы производства продукции животноводства. Соответственно это выразилось в еще большем снижении годового потребления мяса в расчете на душу населения: в 2005 г. в развитых странах мира оно составляло 80–100 кг (при норме 82 кг), а в России –

[25] *Гордеев А.* Курсом стабилизации и развития АПК России. С. 4.

менее 50 кг. И даже с учетом импорта потребление мяса и других видов продукции животноводства не достигало необходимого уровня[26].

Урон, причиненный рыночными преобразованиями животноводческой отрасли России, был огромен: за 15 лет – с 1990 по 2005 гг. по каждому виду скота и продукции произошло значительное снижение производства, и данный тренд еще сохранялся. За это время общее поголовье крупного рогатого скота сократилось в огромных количествах – на 37,4 млн голов, в том числе коров – на 9,5 млн; свиней, овец и коз (снижение примерно в 3 раза). В 2005 г. молока и мяса (в убойном весе) было произведено почти вдвое меньше, чем в 1990 г.[27]

Несмотря на резкое сокращение производства основных видов продукции животноводства, в Нацпроекте «Развитие АПК», тем не менее, были намечены весьма умеренные и довольно скромные производственные задания. Учитывая тяжелейшую ситуацию с техническим оснащением животноводства, а также в целом довольно краткий срок действия нацпроекта (всего 2 года), на 2006–2007 гг. ставилась задача увеличения мясной продукции всего на 7%, молока – на 4,5%, да и то при условии, «если удастся стабилизировать сокращение поголовья крупного рогатого скота». Бесспорно, задания были очень невелики, зато вполне реалистичны. Что же, по существу, могли дать стране эти плановые цифры прироста животноводческой продукции? Профессор И. Сурков (Воронежский госагроуниверситет) на основании сложных подсчетов, показал, что запланированная прибавка в производстве мяса на 7%, сможет обеспечить прибавку к среднедушевому потреблению, например, в Воронежской области, да и в среднем по всей России, примерно лишь на 3,5 кг мяса. «Много ли проку от этих 3 кг, когда в 1990 г. на душу населения приходился 181 кг, в 2005 г. – уже лишь 51,4 кг, а с учетом выполнения национального проекта – может быть 55 кг. Поможет ли это решить мясную проблему? Сократится ли от этого импорт мяса? Однозначно – нет!» Аналогично с молоком и другими продуктами. И в результате автор делает вывод, что пока Россия не превысит уровень производства в 1990 г., ни о каком реальном приросте речи быть не может. «Нынче идет не действительный, а лишь компенсационный (замещающий) рост»[28].

---

[26] *Бережной А.* Реализация национального проекта «Развитие АПК» // АПК: экономика, управление, 2006. № 12. С. 14.

[27] Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 503–505; *Сурков И.* Спасет ли село приоритетный национальный проект «Развитие АПК»? // АПК: экономика, управление. 2007. № 12. С. 17 (подсчет).

[28] *Сурков И.* Спасет ли село приоритетный национальный проект... С. 17.

Наиболее действенным механизмом реализации поставленных задач, поставленных в Проекте «Развитие АПК», должно было стать предоставление сельхозпроизводителям более доступных и дешевых долгосрочных кредитов, привлекаемых на срок до 8 лет. В отличие от опыта кредитования фермеров в 1990-е гг., государство на этот раз было намерено привлечь более широкий круг получателей кредита – не только фермеров, но и владельцев ЛПХ и даже кооператоров. Кредиты предоставлялись сельхозпроизводителям на довольно выгодных условиях – с субсидией в размере ⅔ от ставки рефинансирования. В результате этого кредит, взятый под 14% годовых, реально мог обойтись им всего в 3–4%. Фермерам и владельцам подсобных хозяйств, бюджет компенсировал 95%, плюс еще 5% добавляли региональные бюджеты. Благодаря этому, в действительности этими кредитными ресурсами фактически смогло воспользоваться намного больше сельхозпроизводителей, чем планировалось. Спрос аграриев на эти кредиты в реальности превзошел все ожидания[29].

В целом участие государства в решении основных задач данного проекта было несопоставимо больше, нежели в аграрной реформе 1990-х гг. Даже вопросы о том, кому выдавать кредит, а кому отказать, как и о том, достаточен ли залог, предоставляемый участником проекта, и т.п. фактически решались не банком, а государством, чаще региональными властями.

Анализ официальной статистики подтверждает, что развитие двух основных отраслей аграрного сектора – растениеводства и животноводства, на всем протяжении 20 лет (1990–2010 гг.), проходило неравномерно и сильно отличалось по темпам производства. Результат был соответствующий: если объем продукции растениеводства с 1990 по 2009 гг. (в сопоставимых ценах) вырос почти на 10% (на 9,6%), то в животноводстве, наоборот – снизился дополнительно еще на 47,9% за это же время[30].

В 1990-е гг. снижение объемов производства аграрной продукции – не только животноводства, но и растениеводства, было характерно для всех категорий хозяйств. Что же касается 2000-х гг., то в это время рост производства в разных масштабах по отдельным категориям хозяйств, отмечался уже не только в растениеводстве, но и животноводстве. Средними темпами восстанавливалось производство в сельскохозяйственных организациях (СХО): там уровень производства продукции растениеводства повысился с 49,0% (в 2000 г.)

---

[29] Реформы в России в 2000-е годы... С. 17–18.

[30] Сельское хозяйство России в 1990–2009 гг. (экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 2010. № 8. С. 48.

относительно исходного уровня 1990 г. до 74% (в 2009 г.), т.е. был получен прирост в 25%. В животноводстве СХО после того, как за годы реформ там резко сократилось поголовье скота, в 2000-е гг. восстановление проходило не так быстро: с 32,5% (в 2000 г.) до 47,9% (в 2009 г.), т.е. прирост составил всего 15,4%. Высокими темпами и стабильностью отличалось восстановление производства в крестьянских (фермерских) хозяйствах: прирост в растениеводстве был достигнут прирост сразу и в 4,3 раза (с 194,3% – относительно уровня 1990 г.) до 848,5% (в 2009 г.). В животноводстве в 2000-е гг. в фермерских хозяйствах почти так же быстро наращивался общий объем произведенной продукции – в 2,6 раза[31]. Самые медленные темпы восстановления производства имели место в хозяйствах населения (бывших ЛПХ), что, на наш взгляд, можно объяснить тем, что в 1990-е они работали на пределе человеческих сил, после чего неизбежно наступил спад. К тому же техническая оснащенность сектора личных подсобных хозяйств села была практически «на нуле». С 2000 по 2009 гг. прирост растениеводства в этих хозяйствах составил всего 15,2%, в животноводстве несколько больше; был даже получен рекордный прирост продукции – такой же, как в фермерских хозяйствах – в 2,6 раза. В итоге получилось, что крестьянские хозяйства (фермерские и личные подсобные), которые в кризисный период 1990-х гг., благодаря лучшему уходу за скотом и птицей, сумели сохранить их практически без потерь, в 2000-е гг. также продолжали получать от животноводства значительно больше продукции, чем крупные предприятия – СХО[32].

Согласно официальным данным Росстата и Министерства сельского хозяйства РФ, плановые задания национального проекта «Развитие АПК» были выполнены по всем его трем направлениям. За основу плановых заданий брались показатели 2005 г. Однако, по мнению отдельных исследователей, показатели, по которым план был выполнен практически без превышения, оказались в меньшинстве. Это – рост производства молока, стабилизация поголовья крупного рогатого скота, привлечение долгосрочных (до 8 лет) кредитов. Все остальные контрольно-целевые показатели были перевыполнены[33].

При планировании заданий проекта, руководство страны, безусловно, учитывало тяжелое, кризисное состояние всего аграрного сектора, его полную материально-техническую деградацию и общее

---

[31] Сельское хозяйство России в 1990–2009 гг. (экономический обзор), С. 48.

[32] Там же.

[33] *Барсукова С.Ю.* Вехи аграрной политики в 2000-е гг. // Мир России. 2013. № 1. С. 4; Реформы в России в 2000-е годы: от законодательства к практикам, С. 14.

падение производительности труда. При этом был проявлен, прежде всего, реалистический подход, исходя не из желаемого, а возможного. Поэтому задача полного восстановления сельского хозяйства, несмотря на всю его желательность, на том этапе вообще не ставилась. В итоге в 2000-е гг. в условиях выполнения приоритетного нацпроекта «Развитие АПК», который был продолжен и на 2008–2009 гг., наблюдался небольшой, но устойчивый прирост сельскохозяйственной продукции. Благодаря этому, постоянно удерживалась тенденция к росту производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий. Правда, данный прирост зависел от многих факторов, прежде всего, возможности и степени применения техники и средств механизации. Самым значительным данный прирост оказался в фермерских хозяйствах, что, на наш взгляд, при довольно слабом наличии у них средств механизации, можно объяснить еще и высоким стремлением отработать полученный от государства кредит, прежде всего, за счет максимальной интенсификации трудовых затрат семьи, получить максимально возможную отдачу.

В растениеводстве, развитие которого вообще проходило более благополучно по сравнению с животноводством, в целом удалось достичь и даже немного превзойти исходный уровень (1990 г.) производства. Иными словами, данная отрасль могла уже идти дальше, вперед, добиваться большей эффективности. Для ее развития особенно удачным стал период второй половины «нулевых» (2005–2009 гг.). Именно тогда в стране были получены неплохие урожаи сразу по целому ряду сельскохозяйственных культур – зерновым, сахарной свекле, подсолнечнику, овощам и отчасти картофелю, которые до этого имели негативную динамику. Но в целом развитие земледелия и растениеводства, как и в 1990-е, сильно сдерживалось затянувшимся процессом сокращения посевных площадей вплоть до середины 2000-х гг. Это явление тоже имело свои причины, прежде всего, незаинтересованность многих сельхозпроизводителей в их полной обработке. Всего же – к 2005 г. по сравнению с 1990 г. общий объем выпавших из сельскохозяйственного оборота посевных площадей суммарно измерялся уже примерно в 40 млн га (⅓). Это были очень существенные потери, поскольку возделываемая земля, как известно, представляет в сельском хозяйстве основное средство производства. К 2009 г. было восстановлено всего лишь 1,9 млн га, которые были вновь возвращены в производственный оборот[34].

Одновременно в 1990–2010 гг. происходили соответствующие перемены в системе землепользования. Институциональные преоб-

[34] Подсчитано по: АПК: экономика, управление. 2010. № 8. С. 51.

разования в годы аграрной реформы привели к земельному переделу между образовавшимися новыми категориями сельскохозяйственных собственников; изменилось и количественное соотношение земель между ними. Если в 1990 г. практически все посевные площади находились в пользовании крупных предприятий – колхозов и совхозов, то к 2008 г. – за коллективными сельскохозяйственными организациями оставался лишь 71% земель. Остальные площади посевов перешли к выделившимся в период преобразований 1990-х гг. и впоследствии бурно развивавшимся семейным крестьянским хозяйствам – по состоянию на 2009 г.: фермерским (около 13%) и подсобным хозяйствам (15,7%). Общая отрицательная динамика посевных площадей в стране сопровождалась и их сокращением под отдельными видами культур. Существенно сократились посевы под такой культурой, как лен: почти в 6 раз; под сахарной свеклой – почти вдвое; кормовыми культурами – в 2,4 раза; картофелем – на 30%, зато в 2,3 раза увеличились посевы подсолнечника[35]. Необходимо отметить, что общая площадь под зерновыми и зернобобовыми – особо ценными культурами, с точки зрения их продовольственной роли, хоть и снизилась к 2009 г. – на 15,5 млн га, но даже при этом их удельный вес в общей структуре посевных площадей России, не снизился, а наоборот, немного вырос: с 53–55% до 61,1% – в начале 2000-х гг.[36]

За годы реформ 1990-х гг. определенные изменения произошли и в урожайности, прежде всего, зерновых культур, особенно озимой пшеницы: снижение с 34 ц/га (в 1990 г.) до 22,3 ц/га (в 2000 г.). И все же в 2000-е гг. по всем востребованным в российской экономике видам зерновых, включая рис, все же произошел определенный прирост их производства. Данное обстоятельство позволяло на протяжении в 2000-х гг. получать более высокие сборы. Это, прежде всего, стало результатом позитивных перемен, в том числе возобновления обычной практики земледелия – регулярного выноса минеральных удобрений на поля, который был прерван в период кризиса 1990-х гг. Данная мера способствовала определенному росту общих сборов зерновых, несмотря на то, что из-за прогрессировавшего сокращения посевных площадей общие урожаи в целом не могли не сократиться, хотя и не так резко, как сами площади обрабатываемых земель. Итоговые цифры за период с 1990 по 2009 гг. выглядели таким образом: валовые сборы зерновых за это время уменьшились в среднем на 16,8%, сахарной свеклы (фабричной) – на 25,7%. Наиболее

[35] Сельское хозяйство России в 1990–2009 гг. (экономический обзор) ... С. 51 (подсчет).

[36] Там же.

существенное сокращение коснулось производства ржи – на 73,8%; и ячменя – 34,4%[37].

И все же, если оценивать общую экономическую эффективность аграрного сектора российской экономики в целом на этапе первого 10-летия XXI в., следует признать, что немало сельскохозяйственных организаций в этот период все еще работало малорентабельно и даже с убытками. Безусловно, по мере проходившего восстановления отрасли их количество тоже снижалось: например, в 2003 г. удельный вес убыточных предприятий в сельском хозяйстве в целом по стране (вместе с охотой и сферой предоставления услуг в этих областях) еще составлял более половины (52,9%) общего числа, но впоследствии постепенно снижался. Уже в 2005 г. – таковых оставалось 41,7%, а в 2007 и 2008 гг. – всего 25,1%. Иными словами, налицо – действие тенденции постепенного увеличения доли агроформирований, работавших стабильно и без долгов[38].

В то же время, несмотря на несколько замедленный процесс восстановления аграрного сектора, все же в нем имелись и успехи. Однако при этом уровень зарплат работников сельского хозяйства, как и в кризисные 1990-е гг., по-прежнему оставался одним из самых низких по стране. Достаточно сказать, что в течение с 2002 по 2008 гг. включительно доля средней номинально начисленной заработной платы в сельском хозяйстве составляла соответственно лишь 43% и 49% от среднего уровня по российской экономике, т.е. при таком минимальном размере выросла лишь на 6%[39].

Что касается такого направления ПНП «Развитие АПК» – как обеспечение доступным жильем молодых специалистов на селе, то здесь расчет строился на том, что его реализация создаст необходимые условия для формирования эффективного кадрового потенциала Агропромышленного Комплекса. И это получило довольно заметное распространение. Уже в течение первого года реализации Приоритетного проекта «Развитие АПК» (2006 г.) в его рамках более 16 тыс. молодых специалистов получили на селе практически бесплатное жилье[40].

Таким образом, за период 2000-х гг. стране удалось полностью восстановить только лишь растениеводство – до уровня 1990 г. В то же время животноводческая отрасль, особенно сильно пострадавшая в предыдущее 10-летие реформ, восстановлению поддавалась

---

[37] Сельское хозяйство России в 1990–2009 гг. (экономический обзор)... С. 50.

[38] Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. Офиц. издание. Стат. сборник. М., 2009. С. 45.

[39] Там же. С. 47.

[40] *Барсукова С.Ю.* Вехи аграрной политики в 2000-е гг. ... С. 8.

с большим трудом. Ситуация в ней оставалась значительно тяжелее, чем в зерновой отрасли. Не случайно, в этот период она считалась поистине национальным бедствием России. Ведь именно ее полный упадок, резкое сокращение производства в отрасли за годы провальных реформ послужил главной причиной еще и таких негативных для села последствий, как масштабное снижение доходности и рентабельности сельхозпредприятий; усиление деградации почв, не получавших даже навоза, и очень быстро терявших поэтому свое естественное плодородие. В социальном плане ускоренное обнищание сельского населения к концу 2000-х гг. тоже еще не было остановлено, поскольку в сельском хозяйстве все еще оставалась безработица, а имевшим работу платили самые низкие зарплаты в стране. Общий упадок аграрной сферы, начавшийся в 1990-е гг., отчасти сохранялся и на этапе его экономического восстановления. По причине все еще низкого уровня доходов и особенно зарплат, в аграрной отрасли, трудно было ожидать и прекращения миграционного оттока из села, который постоянно лишь усиливал общий процесс депопуляции села. В период реформ закрытие не только колхозов и совхозов, но и учреждений сельской социальной сферы, вследствие отсутствия бюджетного финансирования, лишило значительное количество жителей села рабочих мест и занятости. Но и в 2000-е гг., во многих сельских районах России, особенно в центре, продолжился рост числа сельских населенных пунктов, которые были полностью покинуты людьми. Социологи и другие специалисты, работавшие в это время на селе, отмечали, что там уже практически повсеместно можно было наблюдать «пустующие глазницы окон полуразрушенных ферм, бездействующие водонапорные пашни, ржавеющее оборудование кормоцехов, оборванные провода линий электропередач». Это была картина полного запустения, пришедшего на село вместе с так называемым «рынком». В «нулевые» годы XXI в. от прежнего благополучия советского периода во многих сельских районах уже оставались лишь редкие островки, где каким-то чудом сохранились фермы[41].

В целом состояние сельского хозяйства России в 2000-е гг. можно оценить еще как нестабильное и неустойчивое – как в экономическом, так и социальном отношении. В это время на селе отнюдь не прекратилось сокращение посевных площадей и поголовья скота; очень низким оставался и уровень оплаты труда в сельхозпредприятиях; резко ухудшилось общее состояние и материально-технической

[41] *Бережной А.И.* Реализация национального проекта «Развитие АПК» //АПК: экономика, управление. 2006. № 12. С. 14.

базы аграрного сектора, вследствие чего производительность труда в отрасли все еще оставалась самой низкой по российской экономике и т.д. Для полноценного развития и уверенного продвижения вперед следовало, в первую очередь, полностью восстановить (до уровня 1990 г.), все отрасли сельскохозяйственного производства. Вряд ли можно было ожидать успеха аграрной отрасли в производстве продовольствия и в обеспечении независимости страны от импортных продуктов без перехода сельскохозяйственных товаропроизводителей на новые технологии, способные обеспечить должный рост производительности труда, и за счет этого – существенно поднять качество производимой продукции.

ЛИТЕРАТУРА

Аграрное законодательство Российской Федерации. Сб. нормативных правовых актов и документов. М.: Норма, 1999. – 365 с.

Барсукова С.Ю. Вехи аграрной политики в 2000-е гг. // Мир России. 2013. № 1. С. 3–9.

Бережной А. Реализация национального проекта «Развитие АПК» // АПК: экономика, управление, 2006. № 12. С. 14–18.

Вербицкая О.М. Российское село в 1990-е гг.: аграрная политика и социум. М.; СПб: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 336 с.

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 1. М.: Новости, 1995. – 420 с.

Гордеев А. Курсом стабилизации и развития АПК России // АПК: экономика, управление. 2000. № 4. С. 3–12.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (проект). М.: [б.и.], 2008. – 28 с.

Исправникова Н. Парадоксы аграрных реформ в России // АПК: экономика, управление. 2009. № 2. С. 13–19.

Мырынюк А.К. Национальные проекты в России: проблемы и перспективы. М.: Лаборатория книги, 2010. – 88 с.

Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М.: Госстандарт, 1991. – 750 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревнь,1995. – 574 с.

О состоянии сельского хозяйства Российской Федерации в 1998–2002 гг. (экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 2003. № 11. С. 10–23.

Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.// Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Т. 14 (сводный). Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – 493 с.

Реформы в России в 2000-е годы. От законодательства к практикам. М., Изд-во ВШЭ. 2016. – 286 с.

Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1997. – 746 с.

Россия в цифрах. 2011. Крат. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2011. – 637 с.

Сельское хозяйство в России. Стат. сб. М.: Госкомстат РФ, 2000. – 253 с.
Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. Офиц. издание. Стат. сборник. М.: Статистика России, 2009. – 439 с.
Сельское хозяйство России в 1990–2009 гг. (экономический обзор) // АПК: экономика, управление. 2010. № 8. С. 47–57.
Сурков И. Спасет ли село приоритетный национальный проект «Развитие АПК»? // АПК: экономика, управление. 2007. № 12. С. 17–19
Широкалова Г.С. Аграрная реформа в Нижегородской области: причины, цели, механизмы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. М., 1997. – 380 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманжолова Дина Ахметжановна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН

Анисимова Наталья Эдуардовна – младший научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории РАН

Араловец Наталья Аркадьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра изучения истории территории и населения России ИРИ РАН

Батченко Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН

Будкова Елена Геннадьевна – ассистент кафедры философии и истории, аспирант кафедры мировой литературы и сравнительного литературоведения, ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет» (г. Горловка, ДНР, Россия)

Вербицкая Ольга Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра экономической истории Института российской истории РАН

Журавлев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе ИРИ РАН, руководитель Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН

Зубкова Елена Юрьевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра социальной истории России Института российской истории РАН

Иванова Галина Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории РАН

Клосс Борис Михайлович – доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН

Кострикова Елена Гавриловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории РАН

Красовицкая Тамара Юсуфовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Пушкарева Ирина Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории РАН

Смирнова Татьяна Михайловна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории России Института российской истории РАН

Удовенко Илья Витальевич – старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Государственный музей истории ГУЛАГа»

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 18

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Выпускающий редактор: М.И. Бълхова
Редактор: О.В. Ханина
Оформление: Ю.В. Балабанов
Верстка: Л.В. Лобанова

Подписано к печати 21.08.2024
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 25,55.
Тираж 500 экз.
Первый завод 200 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета

ISBN 978-5-8055-0438-0